

ГАФУР ГУЛЯМ

*Избранные
произведения*

В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

*Рассказы, очерки, фельетоны,
из народного юмора,
пьеса, статьи*

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1985

Ўз
94

Редколлегия:
ЗУЛЬФИЯ, УЙГУН, УДАЛОВ А. А., ФАЙЗИ Р.,
ШУКРУЛЛО, ЯШЕН К. Н.

Составитель: Алияз Ахмедова

Г 4702570200—216
М 352 (04)—85 Доп—85

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
1985 г. (Составление, оформление)

Рассказы

«ЗАПОЗДАЛАЯ СВАДЬБА»

— Мама! Голубого шелка совсем не осталось. Чем вышивать листочки?— кричит со двора Мукаррам.

— Розовой вышивай.

— Розовой?! Да вы что: где ж это видано — розовые листочки?!

Мать появляется на террасе сердитая, недовольная.

— То голубой, то розовый у тебя кончается. А все для того, чтоб за ворота скорее, на улицу. Думаешь, не понимаю?

Может быть, и права тетушка Зулейха. Помнит еще: пока девичьи руки замысловатые узоры на тюбетейке вышивают, глазам вышивальщицы предстает черноглазый джигит вот с этой самой тюбетейкой на голове, и очень хочется выбежать тогда за ворота, чтоб побыстрее его упидать. Но разве может чистая девушка смотреть на джигита, тем более сама перед ним появляться, — не приведи аллах, какой тяжелой бедой может это для нее обернуться!..

Смотрит тетушка Зулейха на дочку свою, и материнское сердце ее замирает от страха: как такую красавицу выпускать за порог? Зубы — что жемчуг. Брови — крылья летящей ласточки. Ресницы... Да ни у кого никогда еще не было таких длинных, густых, таких прекрасных ресниц!

— Мама, где пожницы?— слышится звонкий голосок Мукаррам.

— В моей коробочке ноищи. Там они были.

Легкий вечерний ветер колышет листву длинноствольного тополя. Листья шуршат, будто шепчутся, будто торопятся поведать друг другу какую-то тайпу.

Тетушка Зулейха настороженно прислушивается к каждому звуку. Внезапно она выпрямляется над очагом, устремляет взгляд в сторону ворот, велит Мукаррам:

— Глянь-ка, кто там топчется за дувалом.

Девушка поднялась, оправила платье, легкой походкой пошла к воротам.

За порогом, скрытые паранджой, стояли две женщины. Мукаррам, как это положено девушке, учтиво поздоровалась, коснувшись плеча незнакомок, замерла в ожидании. Женщины медлили начать разговор. Они льно рассматривали девушку сквозь черную сетку чачвана. Наконец одна из них спросила каким старческим голосом:

— Милая, мы ищем дом гадалки Кунгирак. Где-то здесь, на этой улице, ее дом. Не подскажете?

— Кунгирак?— переспросила Мукаррам, отчего-то грусто краснея.— На нашей улице такой нет. Вот там, на углу, заклинатель злых духов живет. А других колдунов у нас нет.

В разговор вступила другая женщина, судя по голосу, помоложе.

— Ох, несчастье, мы, верно, заблудились совсем. А это чей дом?

Мукаррам уже разинула было рот, чтобы ответить: «Это дом Шакира-ата»,— но не успела: в этот миг послышались слова ее матери:

— Кто там, дочка? Если хотят что сказать, пусть заходят.

Девушка коснулась паранджи одной из женщин:

— Пожалуйста в дом, прошу вас.

Незнакомки в нерешительности переглянулись, та, что постарше, сказала:

— Спасибо, добрая девушка, мы очень торопимся,— и, поспешно попрощавшись, женщины удалились.

Мукаррам провожала их взглядом, пока они не скрылись за поворотом.

— Кто такие? Что за дело у них?— спросила тетушка Зулейха, когда Мукаррам вернулась во двор.

— Гадалку какую-то ищут.

— Чтоб пусто им было! Это, видно, из тех, кто наперед судьбу хочет знать, да не только свою — и чужую,— пронесла тетушка Зулейха с раздражением и бросила на дочь недоверчивый взгляд.

Мукаррам притворилась, будто не поняла значения этого взгляда, ничего не ответив, склонилась над вышивкой.

Странное дело: почему девушки, которые потом будут

плакать на свадьбе, радуются, когда приходят сваты? Тетушка Зулейха не желает, чтобы дочь ее рыдала на свадьбе и после нее, а потому бдительно бережет ее от той радости, которую приносят пежданские сваты. Ни земле, ни небу пе доверяет тетушка Зулейха свою Мукаррам. Единственная дочь у нее, и тетушка Зулейха бережет ее, как берегут, завернув в три бумаги, головку белого сахара. Все сделает, на все пойдет мать, чтобы ее Мукаррам вышла замуж с незапятнанным имелем. А потом пусть живет много лет в довольстве и счастье с тем, кого себе выберет.

Лжет тетушка Зулейха. Нет, пе тогда, когда говорят, что дочь ее должна выйти замуж с пезапятанным имелем, — здесь Мукаррам с нею согласна. И не тогда, когда клянется сберечь свою дочь, как берегут, завернув в три бумаги, головку белого сахара. Лжет тетушка Зулейха когда говорит: пусть живет в довольстве и счастье с тем, кого себе выберет. Не верит девушка этим словам. А если правда они, отчего ж тогда мать пе отдаст ее за Ибрая?! Мукаррам и Ибрай уже давно нашли, давно любят друг друга. Только о нем и мечтает наяву и во сне Мукаррам. Ему посвящает каждый стежок своей проворной иглы.

Да, не всегда, не во всем можно верить матери. А сама Мукаррам? Сама Мукаррам во всем с ней правдива и откровенна? Разве не узнала она тех женщин, что сейчас приходили? Узнала, конечно: одна из них — сноха, другая — соседка Ибрая. Догадалась Мукаррам и о том, зачем они приходили... Узнала, догадалась, а молчит, пе признается матери. Потому что так ее Ибрай научил: никому о том, что у них, ни полслова!

Однажды Ибрай ей сказал:

— Жаль, Мукаррам, что вы читать не умеете — я б вам письма писал каждый день.

Жаль, конечно, — что говорить! Ей бы тоже очень хотелось научиться читать и писать. Только что же подслась, если отец — бедный ремесленник, заработка его на семью пе хватает. Даже страшно подумать, как бы все повернулось, если б Мукаррам бросила шить тюбетейки и пошла обучаться грамоте...

А в другой раз Ибрай сказал ей такие слова:

— Раза два зашлю к вашим родителям сватов. Отдадут — хорошо, откажут — что-нибудь другое придумаем.

Что может придумать Ибрай? Как пойдет Мукаррам против воли родителей?.. От этих вопросов девушку мороз по спине подирает. Нет, решает она, этому пе бывать!..

Тревожный рассвет стлался по тихим безлюдным улицам, меж высоких безмолвных дувалов, трепетным, зыбким лучом скользил по вершинам тополей и чинар. Никем не примеченный, он втекал во дворы, сквозь окопные стекла просачивался в объятые сном дома...

Впрочем, отчего ж не примеченный? За ним давно уже следило голубое око Веперы. Препроводив за черту горизонта своих небесных сестер, она в одиночестве ждет, когда горластый петух возвестит наступление дня... За приходом рассвета наблюдают подслеповатые глаза стариков. Говорят, в этой сумеречной мгле они ясней различают смысл прожитой жизни... И еще кто-то, совсем молодой, притавшись за толстым стволом орешника, что растет у дома Шакира-ата, беспокойно поглядывает, как разливается над плоскими крышами сизый рассвет...

Из-за дувала послышался легкий шорох. Тихо звякнула щеколда. Ворота приоткрылись и тотчас пугливо захлопнулись.

Джигит, что скрывался за толстой орешником, кивнул к заскрипевшим воротам, толкнул их, схватил за руку столбшую за ними бледную Мукаррам.

— Что ж ты так долго?! — выпалил он горячим, взволнованным шепотом.

В широко раскрытых глазах Мукаррам застыл ужас.

— Что, передумала?! — нетерпеливо допытывался молодой человек.

— Нет, — качнула головой Мукаррам. — Я сейчас. Возьму кое-что.

— Не пужи!

— Две-три вещи, без которых нельзя.

— Может, и паранджу тоже захватишь?

— Нет. Не возьму.

Две минуты спустя они торопливой походкой прошли по узкому переулку и свернули на широкую улицу.

— Проклятье! Отрекаюсь от дочери, которая лишила меня чести, опозорила перед людьми! — буйствовал Шакир-ата, узнав о случившемся.

— О аллах, чтоб этот Ибрай сдох молодым! Чтоб он сломал себя хребет в все остальные кости! — вторила ему тетушка Зулейха.

Больней всего было слышать соседские пересуды — с кем сбежала, да когда, да что надето на ней было. Все видели, про все знали соседки. Поначалу Шакир-ата и со

двора выходить не решался. Кто искоса глянет, какое слово кто за спиной его молвит, кто усмехнется — все в сердце его болью ноющей отзывается. Ходит — голову не подымет, в глаза человеку глянуть боится.

Однако прошла неделя-другая, и то же соседи, которые прежде, видел Шакир, шептались, а то и посмеивались при его появлении, стали держать себя как-то иначе. Встретят на улице — остановятся, всякими сахарными словами обсыплют.

— Зачем убиваться, отец? У вас одного, что ли, такое случилось? Да кому хуже от этого — вам или ей? — утешали одни.

— Такие нынче времена наступили — сама плать на их стороне, своеволие молодых поощряет. Нужно смириться с судьбой, — сочувствовали другие.

Шакир-ата не мог бы сказать, когда ему было горше — когда ловил на себе смелливые взгляды соседей, слышая за спиной их язвительный шепот, или теперь, когда каждый знакомый и незнакомый спешил высказать ему свое сострадание, дать умный совет. После всех этих уличных встреч и дружеских наставлений он возвращался домой мрачный, как туча, и плотно затворив за собой порога, первым делом слал новые злые проклятья на голову неблагодарной, бесчестной, развратной дочери.

Тетушка Зулейха оказалась отходчивей и теперь уже, переждав, пока муж исчерпает свои поношения, вместо «аминь» говорила другое:

— Да, ваша правда, ваша правда, отец... Только были б здоровы...

Кто-то сказывал тетушке Зулейхе, будто своими глазами видел Ибрая и с ним юную девушку без паранджи около вокзала в Хавасте. Другие встречали парня, очень похожего на Ибрая, в самом Андигане. Третьи уверяли, что если искать беглецов, то только в Риштане.

Шакир-ата не то что искать — слышать о них ничего не хотел: дочке, которая из родительского дома бежит, нет места в родительском сердце!

Однако чем больше времени проходило после исчезновения Мукаррам, тем реже и мягче звучал в устах Шакира-ата этот суровый, немилосердный приговор, и если вначале в нем клокотала непримиримая злоба, то теперь тихо струилась бессильная жалость. Шакир-ата присмирел и больше уже не кидался на плаксивую Зулейху, когда в бесчетный раз она повторяла: «Только были б здоровы...»

Она стерпела, не стал поносить жену даже тогда, когда она бросила ему прямо в лицо:

— Вы! Вы один во всем виноваты! Я всегда говорила: Ибрай — хороший джигит, во всей махалле нет более достойного!

— Это ты такие слова говорила?! — взмолился Шакир. — Да ты каждый день долбила, как дятел: неровня, перовня!.. Сколько я тебя уговаривал: не кривой, грамоту знает, на службе у власти... Нет, уперлась, как тот серый осел: не подходит ей, видишь, Ибрай, подавай ей ханского сына! Теперь пеняй на себя!..

Долго еще, до самого вечера, они в тот раз препирались, а под конец сошлись на одном: хоть как-то знать дала б о себе — полегче бы стало...

Осенью из махаллинской комиссии принесли в дом письмо. Шакир-ата позвал соседского мальчика, попросил прочитать.

Письмо было из Андижана. Мукаррам и Ибрай сообщали, что живы-здоровы, оба работают, по вечерам Мукаррам ходит в школу для взрослых, где обучается писать и читать. Дальше буквы в письме пошли корявые, неуклюжие — видно, писала их сама Мукаррам. Соседский парнишка с трудом разбирал: «А еще, дорогие мать и отец, скоро, наверное, семья наша станет побольше. Мне очень хотелось бы в это время быть вместе с вами. Ехать, однако, без спросу никак не решаюсь: как посмотрю вам в глаза после всего, что сделала?»

В последних строках Мукаррам и Ибрай просили родителей простить их за своеволие, писали, что, если получат согласие, приедут немедленно.

Тетушка Зулейха ревела павзырд. Шакир-ата отвернулся, полой халата вытер глаза, сказал твердо:

— Аллах! Дай им дорогу прямую и быструю!

Ответное письмо ушло в Андижап в тот же день.

А через две недели в доме Шакира-ата состоялась веселая свадьба. Вся махалля пришла поздравить молодоженов и их счастливых родителей.

Я тоже сидел среди шумливых гостей и слышал, как едко злословила какая-то беззубая, сухая старуха:

— Лучше б уж разрешилась свачала, потом свадьбу справили. Все одно — запоздалая свадьба...

И кто-то из молодых, находившихся рядом, ответил ей с переливчатым смехом:

— Это с похоронами только запоздать можно, бабушка, — добрая свадьба запоздалой никогда не бывает!

ЧАСЫ

— Богатство пашля, а ума не пабралысь, отец!

Кто ж еще такие глупые слова может сказать, кроме жены?!

По было бы вдвойне, втройне глупо со стороны Нишанбая сердиться, кричать на жену: он выше ее похвал или порицаний, он — мужчина! Вот почему он разъяряет ей терпеливо:

— Ты ошибаешься, жена, ты не умешь отличить добротную вещь от подделки... Целый день по базару ходил — лучше этого не найти. Глянь какая работа! Да такого мастера нет даже в Ирбите!

Но жену разве в чем убедешь? Тянет свое:

— Чем на базаре искать, вы б лучше на свалке порылись — там поновее валяются!

Нишанбай сохраняет спокойствие, достойное истинного мудреца:

— На вид, может, он и невзрачный — согласен, зато прочность какал — износу не будет!

Весь сыр-бор из-за жестяного подпоса.

Нишанбай-ака — человек основательный, вдумчивый, многодетный. Когда он что-либо покупает, ему наплевать на всякие там украшения, цветки-завиточки — Нишанбаю прочность нужна. Чтоб вещь, которую он в дом принесет, и ему послужила, и детям, и к внукам чтоб в целости перешла. Вот почему, когда одежду нужно сыновьям обновить, Нишанбай не в красный ряд к торговцу мануфактурой идет, а на старый базар направляется. Пойдет там штапы или кавуши такие, чтоб износу не знали, — распибется, а из рук уж не выпустит. Не пойдет — все лавки казенные одну за другой исходит, пока какие-нибудь кожаные портки за бесценок не сыщет.

Да чего уж таить: лежит Нишанбаево сердце к вещам не только добротным и прочным, но и к тем, которые подешевле. Дешевую вещь он может купить и без особой нужды — просто так, авось когда-нибудь и сгодится. Ну, ска-

жем, церковная люстра на сорок свечей... Приобрел со Нишанбай за гроши, а пройдет сколько-то лет и, может, сотню или тысячу даже дадут за нее!.. Или плечательница времеч Маллахана — тоже ведь, если подумать, ценная вещь!.. Вот так, по крупцам, по крохам, немалые уже сокровища собрал Нишанбай: чугушный кумган размером с бочку, пять аршинов пеньковой веревки, трехпудовую гирию, шаблон для правого кавуша и другие вещицы, назначение которых иногда и для самого их владельца — загадка.

Как зеницу ока бережет Нишанбай свои редкостные приобретения. Это его состояние. Особо же восторгается он тем, что соединяет в себе оба ценных качества — прочность и дешевизну. Пнет ногой — с места не сдвинется, а стоила-то всего ничего. Это вещь! Или пиала, что в нише стоит у него! Толстостенная, крепкая. Стукнешь ногой по ней — гул, такой густой, будто клекот карная, по дому плывет. Красота!.. Нет, умели когда-то вещи настоящие делать, не то что теперь!..

Смотрит Нишанбай на свою пиалу с яблоневым цветом по краю, и радость внутри у него разливается. Призывает жену:

— Эй, глянь, посуду какую при Николае-печестивце мастера обжигали!

— Пятый год гляжу на нее. Хоть разок бы чаем угостил из этой посудины.

— Скажешь такое! Не для того она, чтоб ты чай из нее распивала. Ее в руки брать, и то жалко.

В базарные дни, встав пораньше, Нишанбай отправлялся на охоту. Он неторопливо пробирался через плотную толпу продавцов, покупателей и тех, кто пришел сюда просто так — поглазеть, потолкаться, словом с людьми перемолвиться. Он разглядывал, ощупывал каждую вещь, приценивался и двигался дальше.

Часы ему понравились сразу — большие, с двумя массивными гириями, с медной цепью аршина так в полтора. Но размерам своим да и по весу они вполне подходили к тому представлению о красивом и цепком, которого четко и неизменно придерживался Нишанбай. Теперь ему важно было узнать, сколько запросит за них хозяйка. Конечно, Нишанбай не новичок какой-нибудь в этом деле — знает, как подойти, с чего начать торг. Первым делом пужило как следует разглядеть, изнутри понять продающего.

Женщина, что держала часы, одета была бедно, но по погоде легко. Это хорошо, решил Нишанбай, это облегча-

ет задачу. У нее был какой-то растерянный, вроде бы даже испуганный, вид, а лицо — бледное, изможденное, какое бывает после долгой болезни. И это вызвало в душе Нишанбая противоречивые чувства: с одной стороны, это значило, что долго торговаться, упорно стоять на своем она не будет, не сможет, но, с другой стороны, Нишанбай — человек, и ему по-человечески стало жалко ее.

Однако жалость, сочувствие, милосердность — в торговле не ходкий товар, и Нишанбай, подавив в себе все ненужное, лишнее, твердо направился к облюбованной цели.

— Твой, хозяйка, мой, мусульманин, подарка издела, — начал он с хорошо заученной фразы. — Сколько твой вещь стоит будит?

— За три рубля хочешь — отдам.

«Три рубля! Да этих денег одна цепочка стоит! Две гири и сами часы достанутся мне задаром», — прикинул в уме Нишанбай и уже только ради установленной формы назвал свою цену.

— Два рубль сорок копейка. Больше нельзя.

Нишанбаю стало даже как-то не по себе, обидно и смущено, когда женщина, вместо того чтобы вступить в пастойный торг, сразу же протянула ему часы вместе с цепочкой и обеими гирями.

— Согласна. Берите.

Нишанбай вернулся домой в приподнятом расположении духа. Отказавшись от чая, который настойчиво предлагала жена, выгнав из комнаты всех домочадцев, он повесил часы на самое видное место, подтянул как следует гири и дрожащей рукой толкнул маятник. Часы зашипели, звякнули и стали равномерно отсчитывать: тик-так, тик-так...

Нишанбай ликовал. Теперь еще оставалось поставить их точно по времени, да как это сделаешь, если из пунки теперь не пазят, а до тех часов, что на площади, минут двадцать ходу? Пришлось ставить по солицу.

Выглянув из окна, Нишанбай решил, что сейчас как раз полдень, и, вернувшись к часам, легким движением двинул стрелки к двенадцати. И тут на глазах Нишанбая совершилось великое чудо! Когда стрелки легли одна на другую, на часах распахнулось окошко, выскочила оттуда раскрашенная кукушка и двенадцать раз прокричала на своем языке!.. Нет, подумайте только, люди, — и все это за два рубля сорок копеек!

Усевшись на курпачи, Нишапбай долго и сосредоточенно разглядывал свое приобретение, размышляя о том, какое оно будет иметь применение, какую пользу можно из него извлечь. Ну, перво-наперво теперь уж он никогда не проспит часа утренней молитвы — как прокричит кукушка шесть раз, так вскочил, приготовился и лбом в землю — бац! Одна польза... Другая... Тут Нишапбай надолго задумался, пока наконец не припомнил: средний сын его, Салим, говорил, будто здоров человек или болен, можно по пульсу узнать. У здорового — шестьдесят-семьдесят пять ударов в минуту, у больного бывает и больше и меньше — зависит, какая болезнь.

Мысль при помощи ходяков узнать, здоров ли, болен ли он, завладела Нишапбаем целиком. Он взялся правой рукой за запястье левой, нащупал свой пульс и, беззвучно шевеля сухими губами, стал сверять биение сердца с колебаниями маятника.

В первый раз у него вышло сто пять. Он решил, что ошибся, сбился со счета.

Второй раз — девяносто восемь.

Когда по третьему, самому строгому, замеру оказалось сто десять, Нишапбай исполошился: «О, Бахаваддин, отвратитель бед! Либо часы ходят неверно, либо я совсем болен... То-то слышу, в груди у меня что-то шипит. Нужно лечь. Может, пройдет...»

Нишапбай улегся на спину, закрыл глаза с редкими рыжими ресницами, положил руку на грудь. Сначала он слышал только равномерные удары часов. Затем чуткими пальцами уловил биение сердца. Вскоре, однако, оба эти звука смешались, слились в один сплошной гул.

И вдруг Нишапбай совершенно отчетливо увидел большую мечеть, а при ней высокий, до самых небес, голубой минарет. Меж порталными колоннами мечети — и это было самое странное — висели его часы, увеличенные во множество раз. Маятник их ходил меж колоннами. Гери — чуть не на землю спустились.

Перед мечетью, о чем-то шушукаясь, стояли повар Сали и Карим — чтец корана. Нишапбай их сразу узнал. А когда прислушался к их разговору — ужас объял его. Сали говорил, будто эти часы, что висят меж колоннами, достались мечети от покойного Нишапбая. Карим покачал головой, поцокал языком не то осуждающе, не то с сожалением, сказал совсем тихо:

— Большой грех взял на душу раб божий Нишап: на часах-то — погляди, погляди! Биби-Марьям нарисована!

Вместе с Вали, неизвестно откуда явившимся, встав на спины один другому, они добрались до часов Нишанбая, сняли их, положили на землю и пожом провели по шее Биби-Марьям. Теперь часы были очищены от скверны, освящены ритуалом, и трое прижизненных приятелей Нишанбая приладили их на прежнее место.

После этого Сали, Карим — чтец корана и долговязый Вали куда-то исчезли. Они уже не видели, как ровно в двенадцать на циферблате распахнулось окошко и вместо кукушки выскочила оттуда молодая бледнолицая женщина. Нишанбай даже ахнул от неожиданности: это была та самая женщина, у которой он купил на базаре часы! «Мой ангел,— проговорила она, присаживаясь к нему на постель,— эти часы даровал тебе сам аллах»,— и стала ласкать Нишанбая. Поначалу он сторопился, стыдливо натягивал на себя одеяло. Но женщина так раззадорила его, разожгла в нем греховный огонь. Он стиснул ее в крепких объятиях, притянул... и в этот момент краешком глаза заметил, как от циферблата часов отделилась живая Биби-Марьям. Ухватившись за цепь, она спустилась на землю, подошла к Нишанбаю и, скинув с левой ноги совершенно новый кавуш, сказала обомлевшему владельцу часов: «Мы перепутали с вами кавуши...»

От страха, от всей этой путаницы, а может, и от переносимой жары, что шла от сапдала, Нишанбай впал в забытие.

Когда он проснулся, за окном уже было темно. Рядом с ним, укрывшись с головой одеялом, кто-то громко сопел. В уме пронеслось — женщина, что продавала часы? Биби-Марьям?.. Нет, это была его собственная, законная жена. Убедившись в том окончательно, Нишанбай раздраженно пнул ее в бок: храпеть перестань, такой сон испортила, дура!.. Жена повернулась на другой бок, притихла, и тут только Нишанбай обнаружил, что не слышит хода часов. Он резко вскочил, стал шарить рукой по стене... Часы были на месте. Тогда он заметался по комнате в поисках спичек. В темноте что-то слетело с заставленной полки. От грохота проснулась жена, пробормотала сердито:

— Весь день спит, ночью рухлядь свою пересчитывает...

Рискуя разбудить детей и соседей, Нишанбай крикнул во всю свою трубную глотку:

— Часы! Слышь. — не тикают... Лампу давай! Да ты поскорее, скорей!..

Худшим предчувствиям Нишанбая суждено было оправдаться: гири бессильно понесли, маятник не качался, стрелки застыли на месте... Часы встретили свой смертный час ровно через 15 минут после того, как уснул Нишанбай...

Вопли Нишанбая достигли небес. Он про хулил жему за то, что та не приметила, когда остановились часы. Он на все лады повоевал ту бесчестную женщину, которая вынесла их на базар. Поощади он только себя самого. Да и за что, собственно, было ему себя корить?..

Всю ночь до рассвета Нишанбай вместе с женой старался вернуть часы к жизни. Напрасно: они только кричали, издавали жалобный стон и — ни с места!

Когда сквозь оконные стекла в комнату пробился первый солнечный луч, Нишанбай торжественно и скорбно уложил часы в глубокую нишу и произнес над ними почувствованные слова:

— Пусть лежат... Все вышедшие вещи такие — хрупкие, ненадежные. То ли дело старой работы товар!.. Детям скажи, чтоб не трогали. Допустишь их — в один миг растащат...

В глубокой досаде и разочаровании Нишанбай вернулся досматривать прерванный сон. Но здесь уже было все не то и не так. Перед глазами одна за другой проходили испорченные, поломанные, негодные вещи из тех, которые он покупал и хранил. Ни часы, ни мечеть, ни женщина, которая дважды уже обманула его надежды, ни даже Биби-Марьям больше не появлялись.

После полудня в том же тоскливом расположении духа Нишанбай отправился в мечеть — очиститься перед богом, вымолить его благосклонность. Молился он долго и рьяно. И бог, наверное, услышал его, потому что, когда Нишанбай вернулся домой, — о великий аллах! — часы висели на стенке, будто их и не снимали оттуда, а маятник весело прыгал то сюда, то туда, то сюда, то туда! И райской музыкой зазвенело в ушах Нишанбая — тик-так, тик-так...

Нишанбай упал на колени и громко пославил милосердие божье. А жена — глупая женщина: разве ж можно болтать языком, когда мусульманин беседует с богом?! — жена объясняла ему:

— Говорю: не трогай часы, отец заругает! Да сами Салима нашего знаете: если что набрело ему в голову — пестом оттуда не выбьешь. Взял часы, погодник он этакий, повертел-повертел, и вот, наго — пошли!

— Салим, эй, Салим! Что с часами поделал? — строго допытывает Пишанбай своего среднего сына.

— Исправил, отец.

— Кто тебя этому научил?!

— Русский учитель.

— Русский учитель? — переспросил Пишанбай. — Конечно, нет чтобы молитвам молодежь обучать, такими вот бездельниками голову забивают. Убирайся с глаз моих, быстро! — прикрикнул он по привычке, а когда Салим убежал, расплылся в довольной улыбке.

ЧУДАК, НЕ УЗНАЮЩИЙ СВОИХ

Касым Приблудный издавна работает здесь «журналистом», то есть ведет журнал входящих и исходящих бумаг. Он был здесь и при первом заведующем, снятом по причине растраты в тысячу двести пять рублей (ведочет), и при втором, уволенном за пьянство и увлечению женщинами легкого поведения (моральное разложение), и теперь, при третьем, он неизменно на месте.

Он работник технический, и его участие в таких важных вопросах, как повышение производительности труда, рационализация, укрупнение и укрепление, проявляется соответственно. Обратится, допустим, к нему на совете заведующий, или председатель месткома, или секретарь: «Что вы скажете, Касым-ака?» — он встает со стула с полупоклоном и отвечает с полным уважением: «Любезный, ваше предложение всеобъемлюще, что еще мы можем сказать?»

Неразговорчивость, скромность приносят ему много пользы. И первый заведующий, и второй очень любили Касыма Приблудного за эти качества. То в дело они озаряли его душу, поднимали его настроения своей благосклопностью:

— Касым-ака, купили бы вы на эти деньги два фунта мяса, отнесли ко мне домой, гости должны прийти, перед домом бы подмели...

Всякий раз, когда заведующий обращался к нему с подобным поручением, он чувствовал, что выполняемое им положение все больше крепнет, что никто, кроме него, недостойн должности «журналиста». Получая от заведующего очередное задание, Касым Приблудный тает от наслаждения и восклицает: «Живи, отец сын, бог дал тебе большой кусок теста (в смысле удачной судьбы), потому что ты пришел сюда начальником на нашу радость!» — и глаза начальника увлажняются от чувства благодарности.

Но терпеливый заведующий не дает Касыму никаких поручений. И не проявляет к нему никакой благосклопно-

сти. Больше того, ящет, к чему бы придраться, заводит с председателем месткома и секретарем разговоры, опасные для Приблудного: «Нельзя ли посадить на его место более подходящего, расторопного, своего человека?» Однажды их перешептывания Касым услышал своими ушами.

Страшный человек, что плохого сделал ему Касым? Секретарь теперь «свой», председатель месткома заменен «своим», с приходом нового заведующего все тут стало у него «свое».

Уже под Касыма подкапывается! Касым тысячу раз согласен уйти по-хорошему. Лишь бы не прилепили ему ярлык «спекулянта, барышника».

Сегодня четверг, рабочий день окончен, все разошлись. Удалились куда-то заведующий с секретарем-машинисткой. Один Касым-ака сидит в конторе — заносит в журнал поступившие в последний час документы.

И вдруг смело входит укутанная в шелка красавица. Шелковые чулки, лакированные туфли, блестящая сумочка. Женщина спрашивает игриво:

— Заведующий здесь?

Касым Приблудный, опешив от неожиданности, брякнул:

— Сам-то? Сам сейчас ушел с машинисткой.

— С кем? — сверкнула глазами женщина. — С кем, говорите?

Касым, опомнившись, прикинулся дурачком:

— С машинистом. Водителем автомашины... Садитесь, подождите.

— Придет ли? Уговорились встретиться здесь в половине третьего.

— Придет, раз уговорились.

Женщина плавнo уселась на стул, предложенный Касымом Приблудным.

— Где-то я видела вас, — сказала она, приглядевшись к нему.

— Я вас тоже.

— Вы, кажется, муж старшей дочери тетушки Шарафат?

— Хвала вашей сметливости, быстрой сообразительности, догадливости!

— Я потому вас узнаю, что между нашими с тетей Шарафат дворами пробит ход.

Теперь беседа продолжалась в духе людей родных и близких, в дружеской обстановке. Минут через пятнад-

цать явился заведующий. Беспокойный взгляд его упал на жепу.

— Ах, да! Я обещал вас ждать. Чуть не забыл из-за этих бесконечных собраний и заседаний...

— Ну уж... Мы тут беседовали с Касымом-ака — он оказался мужем старшей дочери гети Шарафат.

— Касым-ака человек правильный, не падят себя на работе.

Первая и великая любезность.

Супруги ушли. Касым-ака, провожая их увлажненными глазами, шептал с умилением: «Да живут они оба, так хорошо подходят друг к другу...»

Общее собрание. На повестке — один вопрос: «Выдвижение работников учреждения». Заведующий выступил с большой речью. Но в протоколе было сказано кратко:

«В связи с тем, что заведующий отделом снабжения нашего учреждения товарищ такой-то относится к работе нечестно, уволить его и назначить на эту должность нашего старого, заслуженного технического работника Касыма Парпиева».

Шли недели. В отделе снабжения получил расчет вековщик склада. Его уволил Касым Приблудный.

Узнав об этом, начальник ухмыльнулся в усы: «Чудак, как я не смог сразу распознать своего».

1924

ТОЧНЫЙ ДОХОД

Между бакалейщиком Хусни и лоточником Джалилом внезапно вспыхнула ссора. Вокруг собралась уйма народу. Глазеют.

— Нет, почтенный, это не дело! — кричит Хусни-бакалейщик. — Разве я силой навязал вам товар? Стыдитесь, почтенный.

На это лоточник Джалил со злобой:

— Вы, любезный, несуразный человек, к лицу ли ваш попусток настоящему торговцу?

— Э, я честно выложил товар прямо перед вашими глазами, поторговались, по рукам ударили, пожелали друг другу всяческих благ, можно верить вашему слову, достойный?

— Нет, уважаемый, подумайте сами, я не такой пройдоха, как вы, плутовство ваше здесь не пройдет, вы же сами сказали: «Хотите — берите, не хотите — нет».

— Ну и что?

Лоточник совсем рассвирепел. От вежливости его не осталось и следа:

— Ого! Ишь ты какой, братец; никуда не годится твой товар, напихал в середину мешка старые семиспные огурцы. Кто их у меня возьмет? Ишаку своему, что ли, я их нарежу?

Хусни-бакалейщик чуточку сбавил тон:

— Нет, постойте, почтенный, сколько огурцов вы у меня взяли?

— Три тысячи штук.

— Ну, и сколько вы хотите, чтобы у нас осталось?

— Ни одного не пужно.

— Э, разве так водятся, разве товар берут назад? Ни одного огурца не возьму назад, хотите — бросьте их в рюк. Выкладывайте сверх задатка восемьдесят семь рублей.

— Не возьмете товар назад?

— Нет.

— Ну, тогда остальные деньги получите, прислуживая на свадьбе моего внука.

Все присутствующие с интересом следили за ходом перепалки. А по ту сторону улицы за ссорой наблюдал неизвестный с папкой, в фуражке. Он тихонько подошел к Хусни-бакалейщику:

— А сам ты почём брал?

— По две копейки за штуку, всего шестьдесят рублей.

— Почему продал?

— По три с половиной копейки за штуку — всего сто четыре рубля.

— Сколько денег получил?

— Восемнадцать рублей задатка.

— Сколько осталось получить?

— Восемьдесят семь рублей.

Скандал разгорелся с вдвой силой.

— Почтенный! — кричит Хусни-бакалейщик. — Я видел много старых жуликов, подобных вам. Я до сих пор уважал вашу бороду. Делайте со мной что хотите, ладно, только отдайте деньги!

Старик задрожал, затряс бородою — и схватил бакалейщика за ворот. Дал ему одну, другую оплеуху. Бакалейщик Хусни тоже не выдержал — двинул его под ребро. Люди вмешались, разняли их.

Скандал угас. Судьба этих денег осталась пока неизвестной. Но, едва шум утих, аксакал Хамид обратился к Хусни-бакалейщику с вопросом о ценах на клевер.

— Тридцать пять копеек, — ответил ему Хусни.

И тут же снова поднялся гвалт. Хамид-аксакал:

— Бессовестный! Не хочешь подумать, что я возчик, мне дорог каждый клок клевера, провалился твоя оснастка, расцелкал бы я твою образину!

— Не оскорбляйте, мастер Хамид! Если человек приносит и предлагает товар, могу ли я отказаться?

— Почему не спросишь, ворованное ли, честное ли добро, если Адиль, будучи моим работником, ездит на моей арбе, то каждый день пятнадцать связок клевера он на материнской даче, что ли, накашивает?

— Откуда мне знать, Хамид-аксакал?

Опять сбежался народ. И опять за ссорой наблюдает с противоположной стороны улицы человек с папкой. Хамид-аксакал пытается объяснить собравшимся, в чем дело.

Работник Хамида-аксакала каждый день ворует у него пятнадцать связок клевера и продает Хусни-бакалейщику. Хусни каждую ночь приходит к глухой стене, свистит — и работник, обвязав снопы, спускает их с крыши. Хамид-аксакал заметил это, притаялся под стеною, свистнул.

— Сегодня пет, — ответил работник сверху.

Хозяин опять посвистел.

— По двадцать пять копеек, — аксакал кашлянул.

— Только вчера получили товар, сегодня опять при-
шли? — с этими словами Адиль скинул большую охапку
клевера. Хамид живо вбежал во двор и схватил работника.

— Ну, и что вы хотите? — спрашивает парод.

— Я? Я вот чего хочу! — вытащив бакалейщика из
лавки, Хамид-аксакал припаялся его тузить. Дал две, три
оплеухи. Хусни-бакалейщик тоже двинул его под ребро.

Зрители развели их, стали расходиться.

Человек с папкой тихонько подошел к бакалейщику.

— Вы Хусни, сын Турсунбая?

— Я, — ответил Хусни учтиво.

— Вы предоставили в государственное налоговое уп-
равление неточные сведения, поэтому я вас штрафую.

— Какие сведения?

— Вы сообщили, что ваш годовой доход составляет
одну тысячу двести сорок рублей, между тем как получа-
ете в год по меньшей мере восемнадцать тысяч рублей.

— Это как же?

— Сейчас, слушая вашу перепалку, я выяснил, что вы
заработали на трех тысячах штук огурцов по полторы ко-
пейки: сорок шесть рублей, на пятнадцати связках клевера
зашибаете два рубля двадцать пять копеек, не считая дру-
гих доходов. Ладно, скажем, за день вы огребаете в сред-
нем пятьдесят рублей, за год выходит больше восемнадца-
ти тысяч.

Хусни взмолился: это случилось всего раз, в иные дни
он не выручает и трех рублей. Налоговый инспектор, не
слушая его, принялся составлять акт.

Хусни:

— Дай бог вам увидеть свадьбу ваших детей. Если в
чем нуждается, поможем, ведь вы живете на зарплате...

Но агент тверд, точно камень, словами его не проймешь.
Хусни нацелился — схватил акт и яростно скомкал его...

— Ой, глаза мои, чтоб тебе молодым умереть! Мало
издеваешься днем — и ночью спать спокойно не дашь!
Два раза двинул под ребро — я смолчала, подумала, мо-
жет, во сне ему что привиделось. Но он мне теперь глаза,
лицо терзает... Сейчас же отпусти меня, негодный муж!

Хусни проснулся весь в поту. Подумайте только: что
может померещиться во сне деловому человеку, а?

УЛОВКИ ШАРИАТА

На крыше коровника пристроились две горлибки. В свете солнечных лучей они казались ослепительно белыми, а большие темные глаза коровы, лениво жевавшей жвачку, приобрели какой-то светло-коричневый оттенок. Корова то и дело облизывала длинным языком сухие ноздри и отмахивалась от мух хвостом с кисточкой на конце; на каждый шорох она отвечала мычанием — протяжно, но отнюдь не мелодично.

Горлибки с остервенением выдергивали друг у друга перья.

На открытой террасе сидит сам мулла Дилькаш и починает потник.

Тут же, на пышной подушке, прикорнула жепципа лет сорока пяти, а женщина помоложе и покрасивее подкрашивает усмой брови перед небольшим ручным зеркальцем. Это — жены муллы Дилькаша.

Мулла Дилькаш в сердцах воткнул шило в потник и повернулся к старшей.

— Вот эта корова и та умнее тебя, хоть жвачку жует, а ты!.. Тебе разжуешь, так ты глотаешь, будто одолжение делаешь!

Женщина привстала:

— Эта корова лучше меня? Если так, то вот эта глупая горлибка в тысячу раз умнее вашей любимицы! Горлибка хоть в зобу еду бережет, а эта — позавтракает и ждет обеда. Чтоб ей пусто было!

— Не гневи бога, неблагоприятная! Из-за твоей дурацкой болтовни я на базар не поспею. Если бы ты вовремя заштопала потник и чалму выстирала, я бы давно уже ушел, но ты одно только знаешь — язык чесать.

— Значит, она настоящая жена, а я дура? Ну так пусть она и стирает вам чалму, а заодно и саван! Весь день от зеркала не оторвешь.

Младшая вывернула зеркало на пол. Одна бровь так и осталась непакрашенной.

— Накажи аллах моего отца! — завопила она. — Отдал меня на растерзание! Ни одного светлого дня! Не жизни, а мука!

Мулла Дилькаш — человек с характером. Он немало побродил по свету, много повидал, встречался с разными людьми, мастер вести долгие и приятные беседы. Когда мулла Дилькаш привел в дом вторую жену, он понял, что в жизни еще не все радости исчерпаны.

— Человеку с достатком каждую бы неделю жениться, — часто любил повторять он. И стал всерьез подумывать о третьей жене. Но... общественное мнение. Избавиться бы от старшей.

«Думашь ли ты жениться, мулла Дилькаш? — размышляя он. И сам себе отвечал: — Клянусь духом святого Баховидина, женюсь! Так что толку от этого шума? Найди себе мудрого советчика и начни потихоньку действовать».

Мулла Дилькаш бросил потник на середину двора, натянул халат и, схватив чалму, выскочил из дома. У кого же попросить совета?

Колебался он недолго и остановил свой выбор на знаменитом мулле Абульбаки Маргилони, который ухитрился в свое время четырежды жениться и четырежды благополучно расстаться со всеми своими жепами. Зато в последнее время мулла жил отшельником в одинокой келье асаккурганского медресе.

На счастье муллы Дилькаша святой оказался в келье.

Поговорили о том о сем. Не спеша. Поговорились досыта. Абульбаки — все больше о жизни. Мулла Дилькаш — о разных торговых сделках. Затем Дилькаш попросил совета, и мудрец не заставил себя долго ждать. Помолчав минуту-другую, он милостиво изрек:

— Сын мой, разрешение ваших сомнений можно найти в шариае. Внимайте мне. Постарайтесь как-нибудь ночью ненароком коснуться губами груди вашей старшей жены.

— Грудь?

— Не торопитесь, сын мой. Вы притворитесь спящими и совершите это во сне.

— А дальше?

— Вы только выразите по этому поводу беспокойство, а наутро приведете жену ко мне.

Мулла Дилькаш в нетерпении дожидался ночи. И хотя очередь была провести ночь в покоях младшей, он остался

у старшей. Было уже за полпоч. Жена уснула. Мулла Дилькаш как умел забредил и начал выполнять приказ святого. Жепщина проснулась и возмущенно вскрикнула:

— Чтоб у тебя борода по полоску высыпалась! Ты что, с ума сошел?

Мулла Дилькаш не отзывался. Жена замахнулась и крепко шлепнула по голой спине Дилькаша.

— Чего дерешься?

— Да тебя убить мало!

— Младшая так не делает.

— Лучше бы ты околел.

— Ты чего ругаешься?

— А ты чего сосешь меня как дойную корову?..

— Когда?

— Сейчас!

— Врешь!

— Клявусь детьми.

Мулла Дилькаш вскочил с молитвой:

— Слушай, жена, а как это дело толкует шарият?

— Откуда мне знать?

— Надо завтра же сходить к мулле.

Наутро муж и жена входили в келью муллы Абульбаки Маргилони. Низко поклонившись святому, мулла Дилькаш робко произнес:

— Господня, мы совершили тяжкий грех.

— Говорите, сын мой.

— Вот она, эта женщина — моя жена, а я сегодня ночью, со сна, как сосунок...

— Как сосунок?

— Да, господин.

— Так ли, сестра моя?

— Да, господин.

Мулла Абульбаки почесал бороду.

— Совершилось псевоятное. Отныне вы не муж и жена, а мать и сын.

— Мать и сын?! — воскликнул встревоженным голосом мулла Дилькаш.

— Да, уважаемый мулла, вы ей сын, а вот она — ваша мать, родная мать, вскормившая вас грудью.

Мулла Дилькаш растерянно посмотрел на жену, жепна муллу Дилькаша.

— А нет ли другого толкования, господин?

— Так велит мусульманское благочестие.

— Лучше бы мне умереть! — воскликнула жена.

— Тыше, не кричи, люди услышат.

Заплатив мулле за услуги, повоспеченные мать и сын покинули келью. Поравнявшись с воротами медреса, мулла Дилькаш почтительно обратился к жепе:

— Мама, теперь вам придется женить мсця. Трудно ведь человеку, привыкшему иметь двух жев, обходиться одной!

— Иадох бы ты малепьким. Нашел себе маму, проклятый! Зови меня хотя бы сестрой...

1930

БЛАГОСЛОВЕННОЕ ДИТЯ

У муллы Шашкола — пять здоровых, статных дочерей, но сына ни одного. Каждую ночь супруги обращаются к богу с мольбою дать им сына, благословенное дитя.

— Будет сын — в Зангиате принесем в жертву барана, — обещают они. Но сына нет. — Будет сын, дадим ему имя Худайберген (богом данный), — обещают они. Но сына все нет. — Дашь сына, посвятим его избавителю от несчастий, святому Бахаутдину, — обещают они. Но бог не дает им сына.

В конце концов обратились за помощью к ишану Абдумалику. Жена семь дней и ночей подметала ишанову подворотню, затяжелела от его «дыхания» и через девять месяцев, девять дней и девять часов родила мальчика, от которого исходило «сияние веры». В честь ишана ребенку дали имя Астанакул — раб подворотни.

Время идет. Астанакул растет. Он похож не столько на муллу Шашкола, сколько на ишана Абдумалика: такой же узколобий и вялый, плосколицый, ленивый.

Астанакул в семье, конечно, самый любимый ребенок. Мулла Шашкол, боясь, что сынка его будут ругать и бить, не решился отдать мальчишку в чужие руки, воспитывал сам. Но из-за «остроты» своего ума мулла Астанакул за семь лет обучения не двинулся дальше седьмой части корана.

Шли годы. Астанакул вырос. Как и всякий родитель, мулла Шашкол должен был пристроить сына к какому-нибудь делу. Поскольку из Астанакула ученого муллы не получилось, чтоб жить ему спокойно и безбедно, как отцу, Шашкол решил сделать его торговцем. Мать и сестры, лаская Астанакула, стали пророчить ему блестящее будущее: «Будет жив — купцом будет, магазинами будет владеть, с городами дальними торговать».

В один из благодатных дней мулла Шашкол призвал к себе сына своего Астанакула.

— Сын мой, завтра вы возьметесь за дело, вот, я за-

купил для вас товару. Отнесите на базар. Своя их стоимость по два рубля, вы продайте по два пятьдесят. Пусть даже по два десять, по два двадцать,— большое начипается с малого. Дай бог вам удачи, аминь, аллах велик!— И он вручил сыпу четыре чачвана для продаж.

Наутро, напутствуемый родительским благословением и сестринскими добрыми пожеланиями, Астанакул отправился на базар.

Сперва он зашел на ярмарку, затем в хлебный ряд, затем на конский базар, потом на овечий, не осталось места, куда бы он не заглянул. Перепалило уже за полдень, по никто не остановил его, не спросил: «Братец, что ты носишь, может, продашь, по какой цене?» Мулла Астанакул очень проголодался. Перед заходом солнца, расстроенный, что дела не идут, он поплелся домой.

При удаче — бутылка крушит наковальню,
При неудаче — болтушка ломает зуб...

У дровяного базара навстречу Астанакулу вышел с большой белой кошмой горбоносый козлобородый человек с глубоко запавшими глазами.

— Добрый юноша,— говорит,— что у вас в руках?

— Чачваны.

— Продаете?

— Да.

— Почему?

— По три рубля.

— Ну-ка, посмотрим.— Горбоносый тщательно осмотрел все четыре чачвана, с сожалением вернул их Астанакулу:— Я тоже перекупщик, вот хочу продать эту белую кошму. Были желающие, да в цене не сошлись. Жаль, пет у меня наличных, а то бы я сразу уплатил вам, сколько просите.

Астанакул огорчился.

— Сколько просите за кошму?

— Четырнадцать.— Человек попрощался и пошел своей дорогой.

В голове Астанакула молнией сверкнула мысль: «Четырнадцать рублей? Хорошая кошма стоит все пятьдесят. Обменяю чачваны на кошму — не прогадаю».

— Эй, дядя! Погодите.

— Что скажете?

— Давайте меняться.

Уходящий вернулся.

— Вся равно,— говорят,— у вас не хватает двух рублей.

Астанакул взмолился:

— Рассчитаемся как-нибудь при встрече!

Наконец пришли к соглашению. Обменялись товарами — и разошлись. Астанакул пог под собою не чует! Скорее домой, показать родным покупку. Нет-нет, да глянет на кошму, и сердце у него трепещет...

Добежал до своей махалли, видит в начале улицы группу соседей. Обернулись к нему.

— А, почтешный, откуда спешите, да будет вам путь, что у вас под мышкой?

— С базара, домой, это кошма.

— За сколько купили?

— За двенадцать.

— Ого, как дешево, повезло! Дайте-ка поглядеть.

Астанакул, желая хвастнуть своей удачливостью и сообразительностью, протянул им кошму, они же, похваливая его, стали ее разворачивать.

И тут он чуть не свалился без чувств! Соседи потрясены не меньше. Кошма, видно, была из какой-то чайханы, где почует много людей,— вся в саже, в пятнах и дырках... У соседей кишки надорвались от хохота. Вдоволь посмеявшись над незадачливым торговцем, они посоветовали ему поскорее сбыть злополучную кошму на хомутном рынке.

На хомутном рынке не нашлось желающих даже взглянуть на кошму. В конце концов Астанакул умолил одного шорника дать ему за кошму хотя бы небольшой хомут. Взял хомут и побрел домой.

В пути ему стало очень стыдно. Пришел к дому со слезами на глазах. Стесняясь пройти в дом, сел у ворот и, повесив хомут на шею, весь пошел слезами. Мулла Шашкол, обеспокоенный долгим отсутствием сына, вышел на улицу и увидел своего горько рыдающего наследника.

— Что случилось, сын мой?

Астанакул, давясь слезами, рассказал о своих приключениях. У муллы Шашкола чуть глаза не вылезли на лоб. И — давай он сына ругать! Ругает и сам чуть не плачет. Сорвал хомут с его шеи.

— Ты посмотри, что принес! Хоть бы лошадиный хомут, а то — ослиный...

Наутро он увел свое «благословенное дитя» из дому и определил его в ученики к маслобойщику.

А уж какой из Астанакула маслобойщик вышел — об этом я расскажу вам в другой раз.

ЛЕКАРЬ

Автор книги «Гулистан» и «Бустан» в одном из своих чудесных рассказов вспоминает такую историю. В давние времена жил на свете художник. Много лет он отдал своему искусству, по однажды, выбросив краски и в щепки изломав карандаши и кисти, решил стать лекарем. Когда у него спросили о причинах такого неожиданного поступка, он объяснил: «Я был художником, мое искусство было у всех на виду, каждый видел недостатки моей работы. Сейчас я занимаюсь врачеванием. Мои успехи — у всех на виду. Недостатки моей работы спрятаны под землей».

Человек, о котором я хотел бы вам рассказать, тоже лекарь, знаменитый целитель, его величество домла Хубби ибн Малик. Хотя он никогда и не был художником, но, проходя мимо кладбища, стыдливо отворачивается или прикрывает лицо полой халата.

Слава о нашем лекаре не знала пределов. Если кто-нибудь в беседе называл его имя, другой тотчас же откликался своим рассказом о великом чудеснике-исцелителе, что-то добавлял и третий, и пятый. Словом, у каждого было что вспомнить о Хубби ибн Малике, этом Гиппократе нашего времени. Слушал я, слушал эти рассказы, зависть взяла: а я что, хуже других? Я тоже знаю о нем три истории! Первую поведала мне моя тетя — а у тети моей, должен заметить, всегда самые точные сведения. При второй я присутствовал сам. Третью прочел на бумажке, которую обнаружил в книге нашего врачавателя при обыске в его медицинской лавке.

Но все по порядку. Сначала о том, что рассказала мне тетя.

Однажды у нашего достопочтенного ишана заболела младшая жена — жар, удушье. Были прочитаны все подобающие случаю молитвы, испробованы все домашние средства — облегчения никакого. И тогда наш ишан ре-

шил прибегнуть к последнему средству — позвать домла Хубби ибн Малика. Домла явился по первому зову, но тут произошла небольшая заминка: достопочтенный ишан ни за что не желал, чтобы посторонний мужчина, пусть даже лекарь, разглядывал прекрасное лицо его младшей жены, ее глаза, подобные глазам кроткой лани. Ишана бросало в маляривную дрожь при одной только мысли, что домла ибн Малик станет щупать вены на белых руках его самой лучшей из жен. Нет, решил он, этому не бывать! И когда пришел знаменитый домла, ишан предложил ему определить характер болезни заочно. Домла на минуту задумался, немало озадаченный, видно, таким непредвиденным осложнением, но вскоре нашелся: «Можно и так. Только если уж вы не хотите, чтоб я ощущал ее вены, тогда перевяжите руку больной черной питкой, а другой конец этой питки пусть дадут мне».

Все было сделано, как сказал Хубби ибн Малик. Находясь на расстоянии от больной, он по питочке определил ее пульс, разгадал, что за болезнь мучит ее, и тут же дал какие нужны лекарства. О, это был замечательный лекарь!

Снадобья оказались просто-таки чудодейственными. Уже через несколько дней удушье прошло, жар спал, и больная начала подыматься. После этого в доме ишана стали относиться к домле ибн Малику с еще большим почтением, а младшая жена, та, которую он выходил, называла его теперь не иначе как атахан — мой отец.

Когда эта добрая женщина почувствовала себя уже настолько здоровой, чтобы выйти на улицу, она сочла своим долгом первым делом направиться к худжре домлы и выразить ему свою благодарность. Домла ибн Малик был растроган, но в то же время и немало огорчен: он ясно увидел сквозь паранджу, что в теле младшей жены ишана гнездятся и другие педуги, которые он не приметил при первом осмотре.

С этого дня он стал их изгонять и выкуривать, применяя самые редкие снадобья. В конце концов он вылечил все ее хвори, даже бесплодие, от которого бедняжка страдала целых двенадцать лет. И когда она родила, счастливый ишан в знак глубокой признательности своему благодетелю назвал сына Маликберды — давший Маликом.

«Вот что значит оно — опыт и знание!» — восклица-

ла обычно моя добрая тетюшка, закапчивая свой рассказ о чудотворце ибн Малике.

Второму случаю я сам был свидетелем и потому прошу отпестись к нему с тем же доверием, что и к истории моей честнейшей тетюшки.

Это было, помнится мне, в рамазан, году в 1932-м. По какому-то случаю оказался я днем на базаре. Тишина, пустышность, безлюдье. Кто же посмеет в эти часы, когда каждому правоверному мусульманину положено блюсти строгий пост, кто же посмеет появиться в эти часы на базаре?! Базар оживает только к вечеру, после заката солнца. Тогда, уже чуть ли не до рассвета, наполняется базарная площадь гомоном людских голосов, шкворчаньем масла в раскаленных котлах, ароматами фруктов и свежих лепешек. Закупит на прилавках бойкая торговля бухарской серой, иранской хной, поясами с бубенчиками, леденцовыми петушками, покрытыми лаком дудками-пищалками — всем, что необходимо к хапту — вершинному дню рамазана. Потом, от рассвета до следующего заката, правоверные будут спать с набитыми за ночь, испученными животами, или бродить непркаявно по пустынным улицам кпшлага, или пересохшими от жажды губами бормотать не понятные им слова из корана. И так изо дня в день, пока не минует этот священный месяц.

Будто по вымершему городу, шел я по этому базару — пустые прилавки, арбы, оглоблями уткнувшиеся в яемлю, словно мусульманин в молитве, закрытые мастерские... И вдруг за той частью базара, где продают колыбели, я увидел открытую лавку. Это была, пользуясь современной терминологией, аптека, поликлиника, больница или, если хотите, стационар домлы Хубби ибн Малика. Сам знаменитый лекарь сидел посреди великого множества беспорядочно разбросанных предметов — железных коробочек, глиняных кушинов, матерчатых и бумажных мешочков, стеклянных пузырьков и бутылочек — всего не перечислишь — и, одной рукой листая какую-то ветхую книгу, другой в это же время толоч в ступе какую-то серую кашицу.

Оставовившись поодаль, я с замирающим сердца следил за этим священподействием. Правда, через какое-то время я заметил, как, порывшись в одном из мешочков, он бросил в рот что-то очень похожее на кипимпш и стал с аппетитом жевать. От удивления у меня даже глаза полезли на лоб: в рамазан в длинные часы что-то есть —

это грех, это кощунство! Но в следующий миг я отогнал от себя тяжелые подозрения относительно святости нашего великого лекаря. «Он просто пробует на язык, какое получилось лекарство», — успокоил я себя и, восстановив таким образом поколебленное было в моей душе благоговение перед домлой ибн Маликом, стал ждать, что будет дальше.

Очень скоро к лавке, которая в то же время была и пунктом неотложной медицинской помощи, шатаясь, точно саженец на ветру, прижимая к запавшему животу мокрые, заскорузлые руки, подошел совсем еще не старый мужчина. Он что-то сказал знаменитому лекарю, и тот усадил его на низкий стульчик перед собой.

Дольше оставаться в своем укрытии у меня уже не было сил. Любопытство, желание увидеть, как немощный, хворый вдруг превратится в совершенно здорового, разбирало меня. Я вышел из своего укрытия и осторожно приблизился к лавке.

Домла ибн Малик не прогнал меня, не выказал недоверия. Напротив: его взгляд означал, что я могу присутствовать при свершении чуда.

Отсчитав пульс больного, лекарь спросил:

— В глазах как, темнеет?

— Темнеет, домла.

— Запоры?

— Не сирацивайте даже, домла. Забыл как это делается.

— Вай-вай-вай! Кровь нужно пустить. Потом очистим кишечник. Пост соблюдаешь?

— А как же?! — удивился больной. — Разве я неверный, не мусульманин?

Домла оценивающе оглядел своего тщедушного пациента, побарабанил пальцами по крышке деревянного ящика, изрек каким-то утробным голосом:

— Трое суток будем держать сплошной пост — но только днем, ночью тоже...

Больной попытался что-то сказать, но лекарь не стал его слушать. Тем же загробным тоном он продолжал:

— За это время и пищевод и печень от желчи очистятся. Много грубой пищи употребляли, наверно.

— Как не употреблять ее, мой господин?! Рамазан. Хочется ночью наесться, чтоб десь проткнуть, ипачо совсем пропадешь.

— Во имя духа можно пожертвовать брюхом, — наставительно молвил домла ибн Малик и поглядел на

меня: какое впечатление произвел его афоризм? Я промолчал. Лекарь открыл крышку ящичка, сердито зазвонил какими-то металлическими предметами. После продолжительных поисков он извлек из ящичка нечто блестящее, острое. На лезвии этого инструмента чернела запекшаяся кровь.

— Это для чего же, домла?— испуганно уставился больной на то, что так устрашающе сверкало в руках исцелителя.— Что делать со мной хотите?

— Кровь пускать буду. Согласен?

Пациент замялся, потом произнес обреченно:

— Только б польза была...

— В этом не сомневайся — сразу все твои болячки пройдут... Закатай левый рукав, сожми руку в кулак... Отвернись!

Мужчина беспрекословно исполнил все указания лекаря.

Домла ибн Малик осмотрел болезненно желтую руку со вздутыми синими венами, вытер лезвие инструмента о лежавшую рядом тряпку — и резанул.

Кровь из вены ударила фонтаном. Она лилась по руке, стекала с локтя в подставленную лекарем глиняную чашу и тут же густела, сворачивалась.

Кивком головы домла ибн Малик подозвал меня, сказал, словно призывая в свидетели:

— Видишь? Видишь, какая густая? Перегорела,— и, не обращая внимания на больного, добавил с сочувствием:— Э-хэ-хэ, и как только ходит в живых, бедняга!

Лицо больного, прежде какое-то желтое, теперь побледнело, покрылось испариной. Судорожными движениями, будто рыба, вынутая из воды, он хватал, заглатывал воздух, успевая при этом смочить языком ссохшиеся бескровные губы.

Когда чаша наполнилась до краев, домла ибн Малик приказал своему пациенту разжать кулак. Но больной не мог уже этого сделать — он потерял сознание. Лекарь сам разжал ему руку, положил на рану жгущую вату, поднес к носу склянку с какой-то прозрачной, едкого запаха жидкостью.

Через несколько минут больной пришел в чувство.

— Ну, как, лучше стало?— склонился над ним домла ибн Малик.

Ответить у бедняги не было сил. Домла ибн Малик не пастаивал. Удовлетворенно потирая пухлые руки, сам ответил себе:

— Теперь ты совсем здоров. Можешь отблагодарить меня... и аллаха, конечно, — без его милосердия ни одна тварь на земле не живет — и отправляться домой.

Здоровой рукой пацелт покопался за пазухой, навлек оттуда грязную тряпицу, в которой было что-то завернуто, учтиво протянул лекарю.

Домла ибн Малик принял дар без церемоний.

Больной сделал попытку подняться. Не смог. Дрожавшим голосом обратился ко мне:

— Братец, — чтоб долго вам жить! — помогите мне добраться до дома. Недалеко. Третья улица справа.

Голос его был таким глухим, тихим и слабым, будто доносился из-под земли.

Я проводил его до самого дома.

Таков мой второй рассказ о великом целителе. Теперь третий, последний.

Через несколько дней после кровопускания, свидетелем которого я оказался, мне снова пришлось идти через базар. Как и тогда, здесь было тихо, безлюдно. И только около лавки знаменитого лекаря толпился народ. Я подошел, прислушался к разговорам. То, что я узнал, меня потрясло: на третьи сутки после той операции, которую делал домла, больной умер от заражения крови.

Я пробился вперед, чтоб взглянуть на ящичка. Хубби ибн Малика не было. Как мне объяснили, его увезли к прокурору. Сотрудники санитарной инспекции описывали имущество знахаря: банки, пакеты, ящички с инструментом и зельем. На полу валялась ветхая книга, которую в прошлый раз я видел в руках хозяина лавки. Я поклонился, поднял ее. «Тибби Юсуф», — прочел я арабскую вязь. — «Медицина Юсуфа». Я полвстал замусоленные, местами оборванные страницы, хотел уже бросить книгу, как вдруг заметил вложенный в нее пожелтевший листок. Развернув его, я прочел: «Семнадцатая глава трактует о болезни желтуха. Больной становится желтым, его мучает жажда. Лечение нужно так: высушить на солнце траву, что зовется зимзим. Растет эта трава в Индии на берегах реки Капмир. Высушенную траву три дня и три ночи варить в казане, затем дать выпить больному. Если аллаху будет угодно, человек станет здоровым».

Врач санитарной инспекции, вместе со мной прочитавший записку, сказал с горькой иронией:

— Пока везли домле ибн Малику этот целебный зимзим, покойнику двадцатидневные поминки уже справили, к сорокадневным, вторым поминкам готовятся...

ДОРОГА В РАЙ

Чтобы быть мусульманином, истинным мусульманином, необходимо выполнять пять заповедей. Бадалмат добросовестно, с фанатическим рвением исполнял три с половиной. Что касается полутора остальных — видит аллах — он бы хотел, он преисполнен желания! Не получается.

Пусть что угодно толкуют неверные — нет в мире религии истинней мусульманства. Тому, кто верует в исламского бога и Магомета — пророка его, место в раю бронировано, как пассажиру с иладкартным билетом полка в поезде дальнего следования. Жаль, сто раз жалко тех заблудших, которые поклоняются каким-то другим, самозваным богам! С того самого дня, как навеки смежат они очи, мучиться им в крошечном аду. Облака смрадного чада, ползучие гады со склизкой, мокротной чешуей, душоразадирующие вопли грешников — такой представлялась Бадалмату преисподняя, и он рьяно молился аллаху — лучшему из богов, милостивому и милосердному, молился в расчете на то, что в назначенный час в обмен на эти молитвы получит свою полку в раю. Так, без особых затрат и пожертвований, исполнял он первую заповедь мусульманства.

Со второй тоже было несложно: пять раз в день, безжалостно перевирая и испадно коверкая не понятные ему арабские слова, читал он намаз. Пять раз в день, несмотря на погоду, порой превозмогая позывы желудка, отрешаясь от течения будничных дел. Зато какое блаженство к концу каждого дня утешать себя мыслью, что и вторая заповедь мусульманства исполнена тобою сполна!

Что касается третьей... С третьей заповедью у Бадалмата некоторые сложности. Впрочем, без злого умысла с его стороны, а потому, конечно, простительные.

Шел рамазан — священный месяц для всякого мусульманина. Каждое утро Бадалмат вскакивал от зву-

ков литаур и карная. Можно сказать, это была его любимая музыка. Он сожалел, что только месяц один, а не круглый год, изо дня в день, будит его этот праздничный грохот. От восхода и до захода солнца он постился — не ел, не пил, не курил. Зато уж после вечернего намаза так набивал себе брюхо, что дышать было трудно. Насытившись до отвала, он направлялся в ближайшую мечеть, чтобы послушать чтеца корана. Вот здесь и произошла с Бадалматом история, чуть было не приведшая его к поправанию третьей заповеди ислама.

А дело было такое. В лайлатуркадр — двадцать седьмую, священную ночь рамазана — после обильной и продолжительной трапезы Бадалмат, как обычно, направился в мечеть своей махалли. Здесь, вместе с другими правоверными мусульманами, он прочел тарових — еще одну, дополнительную молитву, специально приуроченную к дням уразы, а затем с чувством исполненного долга двинулся в соседнюю махаллю, где, как он слышал, появился какой-то новый, совсем молодой чтец корана.

Народу в мечети собралось — что в пятницу на базаре. На площадке горят керосиновые лампы. Тут же шипят пузатые самовары, расстелены дастарханы со свежими фруктами и разными сладостями. Усевшись вокруг молодого чтеца, мусульмане внимают слову аллаха, лишь изредка отвлекаясь, чтоб взять из рук обслуживающих подростков пиалу зеленого чаю.

Бадалмат, согласно обычаю, сначала присел на терраске мечети, отломил кусочек лепешки, отпил глоток чаю. Затем, опустив край чалмы — так положено, когда молишься или слушаешь священное слово, — осторожно пробрался вперед, поближе к чтецу, и благоговейно притих.

Сколько-то времени он предавался блаженству — уж таким сладостным, мягким, певучим был голос чтеца! Вскоре, однако, Бадалмат заскучал: слушаешь-слушаешь, а ничего не поймешь — слова-то все чужие, арабские. Встать бы, уйти потихоньку. Нельзя — грех от священного слова скрываться. Чтобы как-то развлечься, стал Бадалмат разглядывать молодого чтеца. Джигит как джигит, ничего в нем особенного. Наряди в простую одежду, так, пожалуй, и не отличишь от иных прочих смертных. Вот одежда на нем действительно необычная — чапан из яркого бухарского бекасама, чалма шелковая, пичги на ногах лакированные с пукрашенными задниками. Молодой, а важный, солидный, можно поду-

мать, с самим пророком здоровался за руку. Но оттого ли таким ароматом несет от него? Или, может, это он надушился, чтоб ангелов к себе приманить? В какой-то момент Бадалмату почудилось, будто даже голос чтеца пропитан какими-то запахами — может, это были запахи подушек, на которых покоились головы юных красавиц. Видение предстало перед ним столь осязаемо, что Бадалмат зажмурил глаза. Во рту у него пересохло. В голове помутилось...

Намаз был испорчен: греховные мысли осквернили его. Не дослушав чтеца, Бадалмат поднялся, осторожно ступая, выбрался из мечети и прямым ходом подался в баю, дабы, совершив омовение, очиститься перед богом.

Вот так, пройдя через страшный искуc, Бадалмат исполнил третью заповедь шарпата.

Теперь о четвертой. Это зякет — милостыня, которую бы положено ему раздать убогим и нищим и которая, как установил Магомет, должна составлять одну сороковую имущества мусульманина. Раздать ни за что ни про что этим бездельникам, этим лептям сороковую часть своего и без того совсем уж скудного достояния — нет, этого Бадалмат не мог, душа не позволяла! Он не какой-нибудь там хан, не эмир! Он простой сапожник, который с утра и до вечера тачает кавуши, своими руками зарабатывает себе на хлеб... Кроме того, его доход в разные годы то больше, то меньше, а Бадалмат не настолько изощрен в математике, чтоб каждый раз с точностью высчитать, чему равняется одна сороковая.

Однако, как бы там ни было, не пужно судить его слишком строго: в каждый очередной рамазан, когда правверные мусульмане раздавали зякет или какой-либо хитростью увиливали от него, Бадалмат шел в мечеть и прямо, откровенно, без всякой утайки признавался аллаху в своем прегрешении. Бадалмат был до глубины души убежден, что честное покаяние, этот истинно добродетельный поступок, угодный аллаху больше, чем всякий зякет, если и не перекрест, то уж наверняка уравновесит его провинность. Да, он виноват и не скрывает этого! Его зякет — кавуши девятого размера, которые он ежегодно в канун рамазана относил имаму махаллинской мечети.

— Господи! — при этом говорил Бадалмат. — Мой доход вам известен. Я человек семейный. Примите этот подарок вместо зякета и помяните мое имя в своих молитвах

Не знаю, как бог, а имам был доволен. С благоговей-

ным выражением лица он принимал подиошение Бадалмата: эти добротные кавуши можно было сбить на базаре не меньше чем за десять теңга. Имам говорил:

— Аллаху угодна твоя скромная дапь. Он оценит ее и простит твои грехи, Бадалмат.

Вслед за этим имам наскоро бормотал какие-то не понятные Бадалмату арабские слова и унесл кавуши в мечеть. Бадалмат возвращался домой с утешительной мыслью, что и четвертая заповедь им исполнена, если и не целиком, то уж на добрую половину во всяком случае.

Оставалась последняя, пятая заповедь — совершенно хаджа. Вот ее Бадалмат действительно не исполнил. Не потому, что не хотел — это неправда. Не было средств.

Он еще с детства многое слышал о том, как совершается паломничество в священную Мекку. Он знал: сначала берешь у волостного правителя паспорт, потом садишься в поезд и едешь пятнадцать дней, пока не достигнешь Соленой реки. Там получаешь у старосты новый билет, с которым тебя пускают на большой пароход. Ночь плывешь, день плывешь, солнце подымается из воды и уходит в воду. Через пять дней приедешь в город краспоголовых — Рым. Опять садишься в поезд и едешь в страну бедуинов.

Бедуины, хоть и мусульмане они, прокляты богом. Причиной тому — заклинание святого Али. А дело тут вот в чем. Однажды, на каком-то привале, Али — тогда он еще не был святым — отпустил своего верблюда пастись. Бедуины поймали верблюда, зарезали, устроили себе пиршество. Ну, как узнал Али, разгневался сильно, призвал на их бесчестные головы месть самого аллаха. «Чтоб вам несли леков но иметь ни одежды, ни постели прилчной! Чтоб ваши руки знали одно только воровство!» С тех самых пор все бедуины ходят голые-босые, живут грабежом караванов. И поделом: знай, на чью вещь зарришься!.. Но это так, между прочим. Поехали дальше.

В стране бедуинов выбираешься на верблюда, вернее на ящик для перевозки всякого-разного груза, что на верблюда навьючен, и, ухватившись за вожжи или, кому как удобней, за ручки этого самого ящика — каджавой он называется, — пересекаешь пустыню. Если родился ты под счастливой звездой и за душой твоей нет тяжких грехов — благополучно въезжаешь в священную Мекку. Ну, а если в дороге прикопчат тебя бедуины — тоже не огорчайся: в глазах всевидящего аллаха такая смерть равноценна семикратному хаджу.

Прибыв в Мекку, ты сбрасываешь с себя всю одежду,

всю как есть, а вместо нее повязываешься лунги — это такая набедренная повязка — и отправляешься на поклоленные к черпому камню. Он прямо в центре этого города лежит, сразу заметишь. Затем подымаешься на гору Арофаг и оттуда что есть силы швыряешь камни в чертей, что у подножья ее притаились. Пить захочешь — пей сколько влезет из святого колодца Земзем. Проголодаешься — финики ешь. Вай-вай, до того, говорят, вкусные эти финики — в семь раз слаще нашего ходженского урюка! А наслаждение, какое от них получаешь, по словам знатоков, на себе испытывавших, равноценно тому, которым после долгого воздержания одаривают небожителей семьдесят две райские гурии!..

Так проходит несколько дней, и едешь обратно. Если аллах к тебе милостив и позволит благополучно добраться до своей махаллы, ты — хаджа-эфенди! Большое это счастье, великая честь стать хаджой-эфенди. Кажется, все бы отдал, всем пожертвовал Бадалмат, только бы однажды кто-то назвал его «Бадалмат суфи иби Назармат суфи хаджиюль харайман эфенди»! Сладкая, несбыточная мечта!

Как-то раз зашел в мастерскую незнакомый заказчик, просил сшить ему ичиги. Обо всем сговорились, а потом этот заказчик возьми и скажи Бадалмату:

— Только вот что, хаджа-ака: каууши чтоб были из гладкой, блестящей кожи.

Никогда еще, кажется, не старался так Бадалмат. И кожу самую лучшую выбрал, и сшил точь-в-точь в назначенный срок, что с ним случалось вечно, и даже взял с заказчика на целый полтыняник меньше, чем брал обычно за такие вот ичиги. И все за одно только слово — хаджа. Вот с каким глубоким почтением относился наш махаллинский сапожник к тем счастливым, которым сподобилось выполнить пятую заповедь мусульманства!

Прошлой осенью совершил хадж в священную Мекку Ашур-бакалейщик, что живет рядом с хаузом. Теперь кто же скажет ему как бывало: «Э, Ашур-шурпа-макарон!» Теперь он хаджа, господин улажаемый! Встретившись с ним на улице — первым здоровайся: «Бог в помощь, хаджа-эфенди!..» Хотя, если по правде, чем он лучше, этот Ашур-бакалейщик, честного сапожника Бадалмата? В сто раз хуже! Ведь до того, как вернулся из Мекки, как стал называться хаджой, не было ни всей махаллы другого такого богоотступника — и развратник, и скареда, и вообще! Ну, кто, к примеру, не знает, что два раза кряду его с безбородым ловили: один раз в мочети, другой раз — где

махаллинские табуты¹ хранятся. Бадалмат, слава богу, ни разу не попадался!

А кто в махалле не знает про то, как Ашур-бакалейщик сирот Зуннуна-хаджи на двести рублей обчел?! Назначили его опекуном этих сирот, он и воспользовался, петодвик. Бадалмата еще никто в опекуны не просил, и он — хоть всю махаллю опросите — никогда не обездоливал бедных сирот!

Зайдешь к этому хадже-эфенди в его бакалейную лавку — пу как пить дать, обвесит, какой-нибудь тухлый товар подсунет. Бадалмат не такой; останется кожа после раскроя — все возвратит заказчику... Ну разве что самую малость припрячет, так об этом и говорить даже не стоит, это сам бог велит.

Опять же кому в махалле не известно, что до того, как отправиться в Мекку, Ашур никогда не читал намаз? А если читал — уж кто-кто, а Бадалмат это знает точно — если читал, то без омопения!

Теперь все грехи с бакалейщика списаны. Чистецкий! Потому что — всякому мусульманшву это известно — с того, кто совершит путешествие к священному камню, все грехи как рукой снимаются. После этого он как новорожденный, как агпец певинный. Хаджа-эфенди!

Тем, что в душе своей Бадалмат так непочтительно, со влобной гордыней говорит об Ашуре — о человеке, видевшем Мекку, коснувшемся Каабы, испившем живительной влаги из колодца Земзем, — он стократно, тысячекратно умножает провинность свою перед богом. Мысль эта пугает его, заставляет трястись, как в пляске святого Витта, и Бадалмат бросается на колени, бьется лбом о сырую землю, какючит слезливо: «О, аллах, прости раба своего ослепленного!..»

После молитвы на душе становится чище, легче, и Бадалмат думает уже по-другому. На самом деле: кто привез ему из самой Мекки шесть — целых шесть — фиников?! Ашур-бакалейщик! Нет-нет: Ашур-эфенди! В течение всего рамазана, разделав эти финики на множество мелких кусочков, Бадалмат пачинал с них каждый свой ужин. А четки из косточек фиников? А десять капель святой воды из колодца Земзем? Кто, наконец, рассказал Бадалмату, как добираться до Мекки? Ашур-хаджа-эфенди! И после всего этого, после всего Бадалмат еще может плохо думать о нем? Неблагодарный! Все: теперь Бадалмат будет думать

¹ Табу т — носилки, на которых несут к могиле покойника.

об Ашур-хадже-эфенди только по-доброму, будет преап ему до конца своих дней!

И все-таки нет-нет да подберется к душе Бадалмата червь сомнения и зависти: чем он лучше меня, Ашур-бакалсейчик? Гонит от себя Бадалмат эти грешные мысли, а они возвращаются. Он давно бы уже отправился в Мекку, чтоб исполнить пятую, главную заповедь шарпата, которая открывает прямую и ровную дорогу в рай, а где взять для этого деньги и деньги немалые? На тачаши ичиг не накопишь, хоть всю махаллю обуи!..

Но недаром называют аллаха милостивым и милосердным. Нежданно-негаданно милость аллаха пала и на Бадалмата. Бадалмат разбогател, стал одним из самых уважаемых людей в махалле. И хотя история эта совсем не короткая, читатель должен ее узпать.

Заключилась мировая война. Угас пожар, полыхавший от знойной Сахары до холодной сибирской тайги, от южных берегов Индостана до северных берегов Скандинавии. Солдаты возвращались домой.

Какой-то ученый-экономист подсчитал: продуктов и промышленных товаров, затраченных на войну, хватило бы на то, чтоб в мирное время обеспечить сто пятьдесят миллионов людей на сто одиннадцать лет. Если б собрать все патроны, снаряды, гранаты и бомбы, израсходованные за четыре года войны, и разом взорвать, можно б изменить орбиту Земли. Число погибших в этой войне исчисляется миллионами. Только Россия во имя защиты своих империалистических интересов поставила под ружье десять миллионов рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели. Заводы и фабрики, выпускавшие мирную продукцию, перешли на производство смертоносного оружия.

Но вот прогремели последние залпы, и мир в изумлении огляделся: голод, разруха, хаос...

Война родила героев и мародеров. Герои остались на поле брани. Мародеры пожинали плоды, вызревшие на крови героев.

В той же махалле, где жил Бадалмат, стоял дом Юсуфджав-бая. Это был состоятельный человек — пять загонов скота, три городские бани, разное другое имущество. Летом 17-го года он за бесценно купил у какого-то московского купца несколько вагонов опорок — кто знает, может, и пригодятся? Эти опорки были сняты с погибших солдат. Голенища уже кто-то отрезал. Головки остались.

Груз, пригодный только на выброс, прибыл на ташкентский вокзал. Не зная, какое найти ему применение,

Юсуфджан не торопился его забирать. Служба дорога одну за другой слала баю депеши: «Немедленно вывезите свой груз. В противном случае дорога его сохранность не гарантирует, поскольку переместить его в закрытое помещение или выделить сторожа возможности не представляется». Юсуфджан на вокзале не появлялся. И тогда дорожное начальство привело свою угрозу в исполнение: выбросило опорки под открытое небо. Какое-то время они так и валялись — рассыхались под жарким солнцем, мокли под осенним дождем, но однажды какой-то босоногий грузчик извлек из павала пару опорок получше, густо наваксил их и щеголем продефлировал по поррону. Его примеру последовали другие, и вскоре вся приюкзальная гольтыба расхаживала уже в юсуфджановских опорках. Только тут стукнуло баю в голову, какую выгоду можно извлечь из этого хлама. Он спешно перевез опорки в какой-то сарай, запер его на массивный замок и позвал к себе Бадалмата. Так возникла компания «Юсуфджанбай и Бадалмат».

Теперь Бадалмат сам уже не стучал молотком, не пачкал руки дратвой — тридцать сапожников с утра п до вечера работали в его мастерской. Товар шел нарасхват — только вывози на базар. С первым снегом хозяйела подняли цену. Дело пошло. И лишь одно до слез огорчало Бадалмата — несправедливость его компаньона: за что Юсуфджану две трети дохода, а ему, Бадалмату, только одна?! Впрочем, высказать баю свои претензии вслух он не решился — мало ли что?..

И все-таки — что значат деньги! За какие-то пять-шесть месяцев переменился Бадалмат — не узнать. И походка стала другой, и держит себя в разгоне с соседом как-то иначе. Иной раз по пустякам такой крик в мастерской подымет — аж в другом конце махалли петухи с наеста срыпаются. Ральше, бывало, встретит кого — первым здоровается. Теперь горделиво посмотрит и отвернется — пусть другие в поклоне согнутся. Случалось и так, что, запытый большими делами, он забывал теперь о намазе. Но зато в рамазан подносил имаму махаллинской мечети уже не кауши какого-то там девитого размера, а одежду, в полном комплекте — с тюботейки до ичиг — да барана впридачу. Славная жизнь пошла у Бадалмата, не нарадуется!

Не все, конечно, выходило тихо да гладко — всяко бывало. Один раз, к примеру, прибежал к Бадалмату работник, которого только недавно он подрядил. Весь бедный,

губы трясутся, двух слов связать не может. Что такое? Какая беда приключилась? Оказалось, когда опорку латал, сунул руку в нес, а там что-то твердое. Достал — высохший палец! Мастерская вся всполошилась, паника, гвалт, никто больше работать не хочет.

Побежал Бадалмат к имаму махаллинской мечети — так, мол, и так, что делать, домла? Имам покачал головой, поцокал языком осуждающе:

— Пехорошо получается... Неправедное дело творишь, Бадалмат...

— Сам знаю — неправедное. А как теперь быть?

Имам не торопился с советом — нагонял на Бадалмата еще большего страха.

— Ладно, коли палец этот от ноги христианина. А если от мусульманский, с ноги защитника веры, тогда что?! Тяжкий грех взял ты на душу свою, Бадалмат!..

Но в конце концов, после долгих раздумий, в обмен на новый халат, обещанный Бадалматом, имам нашел спасительный выход:

— Значит, так: палец обмоете, завернете, как положено, в сапан, прочтете над ним заупокойную молитву и похороните по-мусульмански.

Так и сделали. Даже поминки справили. Все по правилам — по шарияту. Правда, тот работник, который из опорки покойника вытащил, не пришел на поминки — захворал от испугу, две недели в постели валялся. Всех других Бадалмат предупредил строго-настрого: чтоб про всю эту историю ни одна душа не узнала, иначе сгорит сапожное дело Юсуфджан — Бадалмат, навсегда закроют перед вами ворота базара.

И работа пошла по-прежнему. Потом мастеровые еще несколько раз находили в опорках высохшие пальцы, но паники больше не поднимали: заворачивали в какой-нибудь лоскут, на скорую руку читали молитву, закапывали где-нибудь тут же, у дверей мастерской, и посылали самого младшего к Бадалмату — устраивай, хозяин, поминки!

В богатом халате, до блеска начищенных пчихах, солидный, напыщенный ходил Бадалмат по улицам, по базару. Одних он не замечал уже вовсе. С другими едва здоровался. Зато с третьими, в ком видел ровню, останавливался, подолгу говорил о делах, о трудностях, которые по нынешним временам хозяйственного человека со всех сторон обступают, и неизменно переходил на Мекку — туда, к черному камню и колодцу Земаем, к священной

горе Арофат, откуда открывается для правоверного мусульманина прямая дорога в рай, были устремлены все помыслы Бадалмата.

Таким я видел его в последний раз. Таким он мне и запомнился.

Прошло несколько лет. В бурном круговороте событий я выпустил Бадалмата из виду, и даже не знал, осуществилась ли его мечта стать хаджой-эфенди. Честно признаться, меня и не интересовало это. Случаю, однако, было угодно снова столкнуть меня с Бадалматом.

...Не знаю, как кто, а я санаторную жизнь со строгим режимом, с диетой и лечебными ваннами выдерживаю с трудом. Вернее — совсем не выдерживаю. Я начинаю томиться, брюзжать и в конце концов, не дотерпев до обозначенного в путевке срока, совершаю побег.

На этот раз вместе со своим земельком — таким же непоседой, как я, — втайне от санаторной администрации мы купили билеты на пароход «Абхазия» и, помахав платочком курортно-розовой Ялте, взяли курс на Одессу: интересно ведь походить по улицам города, о котором сложено столько легенд!

Признаться, никогда еще в жизни не приходилось мне видеть такого столпотворения, какое творилось в одесском порту, — давка, истошные вопли младенцев, вычурная ругань бородатых извозчиков, и тут же томная мелодия модного танго из граммофона, заведенного кем-то прямо на пристани. Спускаться с палубы в этот первозданный хаос было боязно, и мы не сразу ступили на трап. Но по возвращаться же в благодатную Ялту под строгий контроль санаторных врачей! Мы двинулись вниз. Я не успел еще коснуться земли, как вдруг кто-то вырвал из рук у меня чемодан и без оглядки быстро повес его в сторону. Я бросился следом, мигом догнал похитителя, коршуном вцепился в свой чемодан:

— Отдай!.. Отдай, не то я сделаю из тебя... — Точно я еще не решил, что буду делать из своего обидчика, но намерения у меня в тот момент были, честное слово, очень вопиственные.

Похититель повернулся ко мне, и я обомлел. Это был изможденный старик лет шестидесяти, если не больше, сгорбленный, с морщинистым, в ведевшей щетине лицом, на котором — и это больше всего меня поразило, — на котором не было носа!

— Ша! Чего полувдра строишь такой? — гундосым го-

лосом произнес он на ломаном русском языке. — Насыльщик я. Панымасиш?

Мне даже стало как-то неловко. Сказал, будто оправдываясь:

— Ну, дядя, ты не посильщик — насильник. Зачем из рук вырывать?

— Я не вырвал — другой забирайт. А я чего кушать сегодня будит? — и, не даваясь в дальнейшие рассуждения, старик двинулся дальше. Нам с приятелем ничего не оставалось другого, как идти за ним следом.

Разглядывая эту ссутулившуюся фигуру в драпых штанах, подвязанных ржавой цепочкой, в башмаках с отвалившейся подметкой, с турецкой феской на голове, я не мог избавиться от ощущения, что где-то встречался уже с этим посильщиком, когда-то видел его. Где, когда, при каких обстоятельствах? В Одессе я оказался впервые. В Турции и вовсе никогда не бывал. Где же?

Не найдя ответа на этот вопрос, я спросил у приятеля на своем родном языке:

— Как ты думаешь, куда нас ведет этот человек?

Носильщик обернулся, произнес по-узбекски:

— Не бойтесь. К врагам не поведу. Вам в гостиницу нужно?

Мы переглянулись с приятелем в недоумении.

— И-с, вы мусульманин?

— Нет! — решительно отверг такое предположение паш носильщик. Но мы не сдавались.

— Как же так: узбек и не мусульманин?

— Не узбек, не туркмен, не татарин...

— Значит, турок!

— Не турок.

— Кто же тогда? — настойчиво продолжал допытываться мой приятель.

— Чулчут! — ответил старик резко, грубо и, чтобы закончить этот, по-видимому, неприятный для него разговор, зашагал быстрее.

Он привел нас к подъезду какого-то адания, произнес по-русски:

— Гранд отель. Самый лучший в город Одесса. Идите. Я пока ждал вас здесь.

Вскоре, оформив документы, мы получили ключи и поднялись в номер. Старик шел за нами. Он аккуратно поставил мой чемодан у дверей, склонил голову в ожидании платы,

— Заходите, будете гостем,— распахнул я дверь перед ним.

Старик замялся, поглядел на меня недоверчиво — уж не шутка ли это? — с робостью побитой собаки ступил за порог.

— Значит, говорите, чулчут? — угостив чем было посылщика, вернулся я к прежней теме.

Старик промолчал.

— А мне почему-то все кажется, будто где-то встречались, знакомы мы с вами. А? Ошибаюсь?

Снова молчание. Сидит, глаза долу потупил, в руках какую-то грязную тряпицу мвет.

И вдруг словно осенило меня:

— Вспомнил! Вспомнил! Вы — Бадалмат! Сапожник из нашей махалли!

Носильщик вскочил, что есть духу кинулся к двери. Я едва успел его задержать.

— Угадал?

У старика подкосились ноги. Он опустил плечи, рухнул на подставленный стул. Сгорбленные плечи затряслись молкой дрожью. Старик плакал.

— Узнали... — произнес он сквозь всхлипы и грязной ладонью вытер слезу, что стекала по небритой щеке.

— Что же с вами случилось? Где ваш... — я не знал, как спросить.

— Хотите сказать: где мой нос? — крикнул старик, и в этом крике послышалось мне отчаянье. — Нет больше Бадалмата-сапожника с носом. Умер! Теперь перед вами Бадалмат — хаджа-эфенди-безносый!

Еще какое-то время он заперся, не хотел отвечать на наши расспросы, затем мало-помалу выложил все.

Дело с опорками припесло Бадалмату солидный барыш. В знак благодарности за эту нежданную милость, испослапную ему всемогущим аллахом, Бадалмат твердо решил отправиться в Мекку. Он давно мечтал об этом паломничестве. Время настало.

Без особых мытарств и приключений Бадалмат пересек большую Соленую реку, доехал до города красноглазых, а оттуда — сначала морским путем, потом на верблюдах — добрался до Мекки.

Он думал увидеть здесь райские кущи. Оказалось — пустыня. Ему всегда представлялось, что те, кто живет на этой священной земле или поблизости, — все как один пребывают в довольстве, достатке, в сытном и сонном кей-фе. Оказалось — не так. Днем и ночью, куда ни пойдешь,

всюду преследуют нищие, тянут к тебе исхудалые руки, хватают за полы — подайте! Подайте! Не молятся, но работают, только за счет паломников и живут, паразиты!

Ну, решил Бадалмат, исполню все как положено, как заповедано шарриатом, и побыстрее домой. Исполнил. Как предписано. Все. Протолкавшись сквозь плотную толпу обнаженных паломников, встопычив лобзая запыленную поверхность черного камня. Вместе с другими, из одной пилы, утоляя жестокую жажду водой из колодца Земзем. Швырял камни с горы Арофат, целясь в темноту шайтана.

Счастливейшим из людей покидал Бадалмат благословенную Мекку. На душе у него пели райские птицы. Стоило смежить глаза, кто-то шептал ему на ухо: хаджа-эфенди... хаджа-эфенди!.. О, это были лучшие, самые светлые дни во всей жизни сапожника!.. Увы — они продолжались недолго...

На второй день пути, только закатилось багровое солнце, на паломников, среди которых находился и Бадалмат-хаджа-эфенди, налетели грабители. Стрельба, крики, цокот копыт... Когда ветер замет следы бедуинов-разбойников, Бадалмат обнаружил, что тот же злой ветер гуляет и в его карманах...

Еще несколько дней назад брезгливо сторонившийся бродяг-попрошак, теперь он сам уныленно протягивал руку или навязывал богатым паломникам свои услуги носильщика, водоноса, посыльного. Но еще хуже было другое: месяца полтора-два спустя после посещения Мекки он обнаружил, что тело его сплошь покрылось красной, зудящей сыпью. Поначалу-то он решил, что это благословение божье. Потом объяснили.

С превеликими трудами и лишениями добрался Бадалмат до Одессы. Ехать дальше не было ни сил, ни средств, ни желания. Вот уже скоро четыре года плачет он здесь нищенское существование, перебиваясь разпой случайной работой. Теперь уж осталось недолго — болезнь совсем подточила здоровье.

— Отчего же вам в родные края не вернуться? — с состраданьем спросил мой приятель, когда Бадалмат закончил свой скорбный рассказ. Хаджа вздохнул, произнес безнадежно:

— Э, что отсюда, что оттуда — одной длины путь до рая... — Помолчал, потом добавил просительно: — Только вы уж — прошу — про то, что видали меня, про все, что со мной, — ни слова, пожалуйста. Считают, наверно, — в раю уже Бадалмат. Пусть считают. Часом раньше, часом

позже — все равно там мне быть. Как же иначе — ведь зачтется мне хадж... А? Как по-вашему?..

В голосе Бадалмата билась тревога. Он ждал от нас успокоительных подтверждений: да, место в раю ему обеспечено, да, ему, безусловно, зачтется ревностное соблюдение всех пяти мусульманских заповедей и хадж в священную Мекку — в первую очередь. Из сострадания к несчастному Бадалмату мы должны, мы просто обязаны были это сказать... Но сказали. Что-то мешало нам произнести эти слова. Может быть, то, что ни в одном из многочисленных путеводителей не доводилось нам прочитать, будто дорога из Мекки в небесное царство лежит через портовый город Одессу, через веселую и многолюдную Дерибасовскую, мимо памятника знаменитому Дюку...

1931

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Необычайно старательный у нас почтальон. Мне он очень нравится. Человек должен болеть за свое дело.

— Распишитесь,— говорит,— быстренько в этой тетради. Мне еще пужко доставить пяток-другой срочных телеграмм — вы не представляете, сколько их скапливается за неделю...

— Дорогой ты мой,— сказал я,— были бы все почтальоны такие, жпть бы легче было.— И, не жалея чернил, и написал: «Я, Ходжи, посетивший святыя места (и Мекку, и Медину), мулла Мирмулломеддин, сын муллы Миркашофеддина, в самом начале нынешнего третьего месяца мусульманского лунного года, когда солнце, озаряющее мир, чуть отклонилось от зенита, получил телеграмму-молнию, отбитую 16-го числа сего благословенного месяца Сафар — второго месяца лунного года в богохрапимом городе Самарканде». Еще раз написал «получено» и поставил утиный хвостик — свою подпись.

Почтальон торопливо удалился. Я же поздал хвалу его трудолюбию. Телеграмма из Самарканда... Ну что ж! Тревожного в этом ничего не было. В Самарканде я завел довольно много друзей и родственников. Значит, понадобился кому-то. Спокойно распечатал телеграмму и пробежал глазами. О всевышний! Буквы налились багровым пламенем, обожгли меня и пронзили. Каждая, как блестящий ланцет, впивалась мне в грудь, на плечи легла непомерная тяжесть.

«Брат! — читал я. — Если вы сидите — встаньте, если стоите — сядьте: нашу незабвенную родительницу, мученицу нашу переехал автобус. Ваш брат Мирзылоледдин».

Какая-то странная икота застряла у меня в горле, все тело охватила мелкая дрожь.

Родительница! Любимая родительница! Это она вскормила меня своей грудью! Это она до рассвета качала мою колыбель! Это она растила и лелеяла меня. И вдруг... автобус. О, какая страшная утрата!

Туманом заслонило от меня мир, и слезы заструились из глаз. Слезы облегчают душу. Я плакал долго, а слезы все текли и текли на мой легкий халат.

Как только я немного пришел в себя, я опять заглянул в телеграмму. На сей раз слова показались мне великими, как непариные калоши. Буквы, расшавившись, лезли куда-то под мышку, корчили мне рожи, щекотали, как мокрая девчочья косичка. Я расхохотался.

Смех с тоской не уживается.

Я вдруг вспомнил, что никакой родственницы у меня в Самарканде нет.

Бедная моя мама скончалась в Ташкенте в восемнадцатом году и похоронена на Буржаре. Я страшно обрадовался. Как это здорово, что у меня в Самарканде нет матери!

А что касается брата, который учился там, то с ним мы часто дурачим друг друга.

С этими мыслями я помчался на почту. Впереди длинной очереди стоял человек, чье лицо показалось мне знакомым. Да ведь я работал с ним в Самарканде в одном учреждении. Он тоже посмотрел на меня, и мы кивнули друг другу. Потом он отошел от окошечка и направился к выходу. Бедняга, он ведь нездешний, да и вид у него грустный, а я так холодно с ним обошелся. Я попросил его подождать минутку, а сам тем временем послал брату телеграмму следующего содержания: «Брат! Получил твою телеграмму. По горюй, как-нибудь проживем. Будь здоров. Брат Мирмулломедин».

Осторожно выбравшись из толпы, я подошел к невестелому своему земляку и протянул ему руку. Бедняга обрадовался мне, как родному, жалобно вздохнул и поведал о своем большом горе, которое и привело его на почту.

— Эх, друг,— сказал он мне,— у нынешних девиц ни стыда, ни совести. Когда я уезжал из Самарканда, моя бедная мама болела пеллагрой, а мне ничего не сообщают о ней, а тринадцатилетняя моя сестричка морочит мне голову всякой чепухой.— Он сунул руку в карман и извлек оттуда измятый телеграфный бланк. Я расправил его и... «Брат! Извини меня. Не спросив твоего совета, я женился на своей соученице Шафрат Каримовой. Она очень умная и красивая девушка. Живем хорошо, но не мешало бы подбросить нам немного денег. Ваш брат Напма». Я захохотал так, что задребезжали стекла. Все, кто был на почте, не исключая и почтовых работников, в недоумении глядели на меня, явно заинтересованные этой новой разновидностью эпилепсии.

Мой земляк, ждавший слов утешения, толкнул меня в плечо, вырвал из рук телеграмму и, расталкивая парод, бросился к выходу. Я остановил его:

— Подожди, друг. Что ты ответил сестре?

— Я ответил ей несколькими словами: «Безобразие, печаль да будет тебе уделом, проклятье». Теперь я понимаю, что слово «проклятье» в этой телеграмме было лишним. Его нужно было оставить для тебя — бродяги.

Я вытащил свою телеграмму и объяснил, что в Самарканде у меня нет матери. Произошла небольшая почтовая ошибка — наши телеграммы перепутали. И тогда мы распределили по справедливости слова, которые он обрушил на голову сестры:

проклятье — поровну между собой,

безобразия — почтовым работникам,

печаль — сестре моего земляка, а моему брату и его молодой жене мы пожелали счастья.

БАДАЛ-ДЛИННЫЙ — ГЕРОЙ ЛЕГЕНДЫ

Занятная это штука — история. Оглянешься назад — чего только там не найдешь! И ужаснешься, и задумаешься надолго, и замрешь в немом восхищении, а порой и развеселишься до слез. Главное же — урок извлечешь, сегодняшней день по-другому увидишь.

Вот, скажем, сколько-то тысяч лет назад люди пользовались для освещения пламенем костра. И ничего — лбами впотьмах не стучались, ложку мимо рта не проносили. Теперь — электрический свет в каждом доме, а человек все недоволен — и ночью подавай ему само солнце!

Или другое: в давнюю пору главным средством передвижения был для странника посох. Сегодня ж человек от командировки откажется, если не разрешат ему проезд в оба конца самолетом.

Впрочем, не хочу, чтоб упрекали меня в многословии. Многословие, оно ведь тоже пережиток ветхой истории — как костер для нужд освещения или посох в дороге. Нужно тагать в ногу со временем.

Итак, шел 1880 год. И как за год, за десять лет до того Азамат сидел на низкой лавочке, согнувшись, как арабская буква «мим», и работал на ткацком станке. Так и прошел бы этот день, не оставив по себе никакого следа в памяти, если бы Азамату не сообщили: бай Мирьякубакавак, прозванный так за свою беспросветную тупость, вернулся из крепости и привез оттуда какую-то диковинную ткань. Будто такая уж гладкая, словно и не из ниток соткана. Будто такой уж расцветки радужной, какая только в сказках бывает. Одним словом, большой мастер, кто ткань эту выделал. Таким, как Азамат, в подмастерья к нему нужно проситься.

Славя о редкостной ткани Мирьякуба-кавака, а заодно и о нем самом, гремела по всей округе. Каждый день с утра и до вечера валил впрод к байскому дому, чтоб хоть краешком глаза взглянуть на это чудо, а если та-

ков уж счастье выпадет — пощупать рукой, помять в пальцах.

В это самое время Мирьякуб-кавак решил жепить сыла. Запасся каким нужно для свадьбы продуктом, заготовил калым, невесту из богатой семьи подыскал. Правда, на первых порах, как люди рассказывали, родители невесты и слышать не хотели о мирьякубовом сыне — и умом, мол, не вышел, и ростом невесте по пояс. Но когда Мирьякуб послал невесте в подарок платье, сшитое из этой самой сказочной ткани, не выдержало, говорят, ее сердце, сразу любовью к мирьякубову сыну аажглось. Даже родители богатой невесты радовались этому платью больше, чем тугим каварам с зерном, стаду баранов, пригнанных в дар Мирьякубом. Вот такой чудодейственной силой обладала эта прекрасная ткань. По словам Мирьякуба, называлась она «хушвакт», а по-нашему, по-современному — не удивляйтесь — ситец.

С тех пор прошло много лет. Вслед за «хушвактом» появилась легкая кружевная материя, затем крепдешии, трико, либери, шевиот и множество всякой иной хлопчатобумажной, шерстяной и шелковой ткани. Все это вытеснило кустарное производство Азамата, затмило славу Мирьякуба-кавака. И может быть, я не стал бы вспоминать об этой давней истории, если бы несколько дней назад не оказался в качестве гостя на юбилейном вечере в одном из наших фабрично-заводских училищ. Вы спросите, что патолкнуло меня на эти воспоминания? Отвечу. Только сначала наберитесь терпения выслушать еще одну небольшую историю.

Она произошла два года спустя после свадьбы мирьякубова сына, а значит в 1882 году.

Мусульмане праздновали рамазан. Каждый вечер в угольном сарае — шумные сходки. В одном углу, привязав к ногам медные блюда, выделяет на кавате ловкие трюки Шадман-кызык. В другом — демонстрирует свое мастерство, которому, как говорят, он обучился в Кашмире, сам Матвакул-ахун. Эх, поглядели бы вы, с каким аппетитом, не пережевывая, заглатывая этот ахун самое настоящее сабли! Будто ломать сочной дыни. А каких цыплят выводил он из камня! Каких амей из бумаги делал! До сих пор восхищаюсь.

Третьим углом большого сарая завладел Турдывой. Там у него шипят на плите кумганы — самоваров тогда в кишлаке еще не было. Сидят мусульмане, чай попивают,

а рядом, разные фигуры выделявая, танцует джигит, что из Намданака приехал.

Но больше всего народу в четвертом углу сарая. Толпятся, на цыпочки поднимаются, друг друга локтями отталкивают. То, кто поменьше, у длинных допытываются: он живой? Руки-ноги имеются? Какой из себя? А длинные шею верблюжью вытянут, уставятся в угол, молчат, будто диво какое увидели. Каково низкорослым? Досада!

Наконец, зажатый телами, точно ягненок в отаре, какой-то коротыш возмутился: «Ну, мусульмане, неправое дело чините — все мы равны перед богом! Один за одним становитесь, носом в темь, — все поглядят по порядку!»

И убежден, что именно в тот исторический час впервые возникло понятие «очередь» — изобретение, которому суждена была большая, долгая жизнь и которое не потеряло своего значения и сегодня.

Так или иначе, призыв коротышки возымел действие: все, кто толпились в углу, заняли очередь и, соблюдая порядок, медленно и торжественно, будто отяжелевшая сороконожка, поползли к заветной, таинственной цели.

У самой стены на невысокой колоде стоял небольшой черный ящик. На нем, словно мельничный жернов, вертится такое же черное круглое блюдо, а по верху его царапает тонкая стальная игла. От ящика тянется жгут толщиной с мизинец младенца. На другом конце этого жгута — две пиалы неглубокие. Приложишь их к ушам и — о великое чудо! — услышишь, как голос без плоти читает суру из корана: «Кул пинамо...» Раз прочтет — другой раз начинается, а потом опять и опять... Кто послушал, монету чайханщику отдал — это он владелец черного ящика, и черного блюда, и бесплотного голоса, — вышел на улицу, где самые мудрые уже докапываются до потаенного смысла диковинки.

— Весь секрет — кто там читает коран?.. — с тяжелым сомнением изрекает один.

— Кто ж еще: само собой — человек! — отвечает другой. Но как же с ним согласиться?

— Человек! А ты попробуй в такой ящик залезть! Вот наш коротыш, и тот не поместится в нем — катушки будут снаружи торчать.

Довод неоспоримый. Все замолкают. Недобрые подозрения мутят головы. Кто-то едким шепотом высказывает их вслух:

— А может, шайтан?.. Печистая сила?..

Самые робкие, богобоязненные от ужаса закрывают глаза. Иные отходят подальше.

Но опасения и страхи напрасны. Это ведь ясно как божий день:

— Как же шайтан священное писание читать будет? Да он бежит от корана притче, чем наш Хасан от сборника податей!

Тоже, конечно, правда. Но кто же тогда спрячется в этом черном ящичке с жерповом? Не угадаешь. Великое чудо!

Вы уже поняли: это великое чудо было самым простым граммофоном, и приоритет его изобретения принадлежал не аллаху и не его заклтому врагу — педвсущему шантану, а америкапцу Томасу Эдисону. Но даже самый умудренный аксакал того кишлака, где происходило описываемое событие, об Эдисоне ничего сказать не мог.

Несколько дней жители кишлака, где бы ни сошлись, чем бы ни занимались, продолжали спорить об удивительном голосе из черного ящичка. По печерам они снова собирались в темном углу сарая и, прижимая к ушам пеглубокие пшадушки, трепетно впитывали голосу педведомого чтеца. Лица их были серьезными, задумчивыми. Лицо владельца черного ящичка, наоборот, с каждым днем становилось все более довольным и сытым.

Чаще других навевывался сюда уже пемолодой дехканип — длинный Бадал. В полном молчании он клал тапгу в руку хозяина и застывал с паушпиками на голове. На вытянутом загорелом лице его в эти минуты появлялось какое-то странное, отсутствующее выражение. Однажды, дождавшись, когда все разойдется, Бадал-длинный подошел к хозяину граммофона и предложил:

— Твой ящич — мой жеребец. По рукам?

— Эге, хитрец ты какой! — возразил владелец граммофона. — Мой ящич суру из священного писания вещает, а твой жеребец? Только ржать и умеет. И как только язык у тебя поворачивается священное писание с ржанием жеребца в одну цену ставить?

Уж не знаю, долго ли они торговались, на какой сумме сошлись. Знаю только, что через неделю владелец самоговорящего ящичка привез из города новый граммофон и вручил его Бадалу-длинному. Это был замечательный ящич! Во-первых, совершенно новый еще, блестящий, как начищенный ячиг. Во-вторых, — и это, конечно, было главное — он не повторял раз за разом педовешую всем суру

яя корона. Он пел! То была чудесная таджикская песня «Равнаки азди шабобаст».

Из всей округи, из ближних и дальних кишлаков шли люди слушать граммофон Бадала-длинного. Ни один праздник, ни одна свадьба не обходились теперь без граммофона Бадала-длинного, а сам Бадал восседал на всех торжествах на самом почетном месте.

Но даже к самому великому чуду человек привыкает. Не прошло и двух лет, как слава Бадала-длинного стала меркнуть. Все меньше посетителей бывало у него на дворе, все чаще вместо восторженных лиц приходилось подмечать ему сплывающие усмешки. Последний и самый чувствительный удар нанес Бадалу сосед, который привез из города уже совершенно другой граммофон — с карнаем вместо наушников, с прекрасными песнями Туйчи-хафиза.

Бадал загрустил и, было похоже, вытянулся еще больше. Его раздражали звуки «Равнаки азди шабобаст». Он проклинал втихомолку и продавца граммофона, и сам граммофон: «Чем такой ящик в доме держать, лучше клетку с певчими птицами».

Граммoфон был выдворен на летнюю кухню, и больше никто никогда не слышал его сиплого голоса.

Стали отцами и дедами бывшие парни. На могиле Бадала-длинного уже сорок раз вырастал чеснок, который съедали внуки и правнуки того жеребца, которого он хотел променять на черный ящик, заряженный священным писанием. Все миновало. И вдруг граммофон, который пылился на летней кухне Бадала, заговорил, зашел снова. На этот раз в моей памяти. И вот как это случилось.

Я уже говорил: несколько дней назад меня пригласили на юбилей ФЗУ — училищу исполнилось сорок лет. Речь и выступления, доклад о роли технического прогресса в социалистическом строительстве. А потом — пафраздевил. Среди лучших и самых умелых было названо имя Нурмата Бадалова. Этот парнишка, высокий и толстый, изобрел, оказалось, такой умный прибор, который, чуть что неладно в сложнейшей машине, предупредит оператора, укажет ему место поломки. Молодчина Нурмат!

После торжественной части я отыскал его в зале, решил побеседовать. И тут я узнал, что этот Нурмат прямой внук Бадала — любителя граммофонного пения, а прибор, изобретенный им, собран из деталей того черного ящика, что распевал «Равнаки азди шабобаст».

Ну, не легенда ли это? Только кто в ней герой — дед или внук?..

КТО ВИНОВАТ

Все несчастья начали валиться на голову бедного Мадмисы, как только поезд миновал станцию Арысь. Тот, кто когда-либо путешествовал по железной дороге, несомненно, заметил внутри вагона ручку вестияглуза. Это толстенная полуметровая трубка с пломбой. Верхняя ее часть окрашена в красный цвет, а на самом верху, если хорошенько присмотреться, можно различить надпись: «При несчастных случаях потяните ручку на себя».

Мадмиса мирно беседовал с соседями по купе до часу ночи. Дорога дальняя, и сколько бы ни было у вас в запасе историй, они в конце концов иссякнут.

Соседи предложили Мадмисе сыграть в шахматы, но он признался, что не умеет. Игра в подкидного дурака как-то не получилась. И наконец всех одолела дремота.

Темная и очень тихая ночь. Все спят. Ниоткуда ни звука. Только слышен храп уснувших в неудобной позе людей, да еще раздается время от времени оглушительный стук кованых сапог проводника, охраняющего сон своих пассажиров.

Поезд неутомимо мчится вперед. «Так-так, тук-тук, так-так», — это голос беспрерывно вертящихся колес. То затихая, то усиливаясь, он равномерно доносится из-под вагонов.

Так прошло часа два, и вдруг паровоз трижды пронзительно прогудел и замедлил ход. Вагоны, повинаясь ему, устало и протяжно выдохнули и остановились.

Станции не видно. Вокруг голая степь. Паровоз продолжает подавать сигналы бедствия. Среди бодрствующих пассажиров поднялась паника. Она подняла спящих и через несколько мгновений уже заразила всех.

Торопливо посяты на вагону проводники с разноцветными фонарями.

- Авария!
- На нас напали грабители!
- Задавило человека!

— Утащили рельсы!

— На нас идет поезд, вот-вот столкнется!

Но вскоре все успокоилось. Оказалось, кто-то повернул ручку тормоза.

Кто же этот несчастный? Для чего это ему понадобилось?

Начинается тщательная проверка.

Мадмиса лежит на верхней полке, где ему положено лежать, согласно плацкарте. Он неудобно вытянул ноги, сладко посапывает, и не подозревая обо всей этой курьезе.

Проводник и главный кондуктор с помощью нескольких любопытных с трудом растолкали его. Мадмиса открыл глаза, увидел взволнованную толпу, и сразу его обожгла мысль: «Бог меня наказал — обокрали». Торопливо ощупал карманы. Все на месте. А что значит эта толпа?

— Вы зачем повернули тормоз?— спросил старший кондуктор.

— Какой тормоз?

— Обыкновенный тормоз. Вы зачем остановили состав?

— Остановил состав?— Мадмиса уставился на кондуктора.

Кондуктор достал книжечку штрафов и, посветив себе лампой, услужливо поднесенной проводником, начал писать:

— Имя?

— Мадмиса.

— Фамилия?

— Мадмиса.

— Платите двадцать пять,— приказал он категорическим тоном.

Мадмиса опешил. Его расширенные удивлением глаза, черные, как две огромные сливы, чуть не выкатились из орбит.

— Почему двадцать пять, в чем мой грех?

— О грехе — потом, платите деньги, не задерживайте поезд. Если будете оказывать сопротивление, придется предъявить документик и последовать за мной. Тогда узнаете, что кроме штрафа существует еще и показательный суд!

Вмешались пассажиры. При их деятельном участии с растерявшегося Мадмисы был изыскан штраф, и кондуктор выдал квитанцию. Послышался сигнал, поезд тронулся.

Немного погодя явился проводник, прицепил тормоз, повесил пломбу и, уже уходя, повернулся и разъяснил Мадмисе:

— Эту штучку трогать нельзя. Вот если бы беда какая-нибудь стряслась, тогда другое дело.

Было жалко денег, было стыдно перед соседями и ко всему прочему пропал сон. Он свернулся калачиком и лежал с открытыми глазами, вздрагивая, боясь вновь зажать тормоз. Мадмиса с тоской глядел на безобидную ручку — виновницу его бед. Сня все не шел. Он умолил соседа поменяться полками, но так и не уснул до утра, стараясь попятить, как это мог какой-то ничтожный тормоз оставаться такой мощной состав.

Москва...

Долго ли заблудиться в таком огромном городе. Мадмиса с удивлением оглядывался, все было ему интересно. И в конце концов заблудился. Вышел из гостиницы утром, а вернулся в девять вечера уже с помощью милиционера. На третий день своего пребывания в великом городе Мадмиса почувствовал, что ему совершенно необходимо побывать в бане. Он обратился к служащему гостиницы, и тот ответил, что ближайшая баня находится в самом номере. Это горячая ванна — маленькая баня, которая всегда готова принять любителя помыться.

И на самом деле маленькая баня оказалась теплой и чистой. Мадмиса ощутил несколько ручек и открыл край. От горячей воды в бане стало еще теплее, и Мадмиса испытал полное блаженство. Дважды залезал он в ванну и вымылся на славу. Тщательно оделся во все чистое и даже галстук завязал перед банным зеркалом, а грязное белье связал в узелок и направился к двери — но... дверь не открылась. Мадмиса изо всей силы пажал на нее, заглянул в замочную скважину, проверил шурувы — проклятье! Разогретый воздух безжалостно лез в глотку. Прошло четверть часа. И тогда отчаявшийся Мадмиса стал громко кричать и колотить кулаками в проклятую дверь.

— Помогите, задыхаюсь!

Послышался женский смех.

— Бросьте глупые шутки, закрыли человека и потешаются!

— Молодой человек, — послышался строгий голос по ту сторону двери, — вы, наверное, не выпустили воду и не закрыли край!

Мадмиса повернулся: ванна наполнялась грязной по-

дой, кран не закрыт. Он быстро открыл слив и закрыл кран. Дверь открылась.

— И здесь техника! Ухитрились как-то соединить дверь с краном.

Распаренный Мадмиса низко опустил голову, вошел в свой номер и просидел там до вечера.

А на следующий день решил отыскать знакомого, который уже много лет учится в Москве. Но как его найти? Пришлось опять расспрашивать коридорного. На сей раз Мадмиса был настороже.

— Есть ли в Москве узбеки?— вкрадчиво осведомился он.

— Есть.

— А где они живут?

— Я не адресный стол,— не очень вежливо ответил коридорный.

— А где адресный стол?

— Да на всех углах! Гуляете по улицам и ничего не видите. Вон, напротив.

Мадмиса вышел на улицу и медленно направился к будке. Через пять минут ему протянули бумажку: Пролетарский район, улица Ленина, дом 43, 2-й корпус, одиннадцатый этаж, комната 96.

— Вот теперь попробуй найти,— сказал с укором Мадмиса.— Хотя бы извозчик попался, что ли...

Воле будки остановился автомобиль. Из него вышел человек, расплатился с шофером и удалился.

— Ага, автомобиль-извозчик!

Мадмиса поспешил к машине.

— Сколько возьмешь до улицы Ленина Пролетарского района?

— Туда и обратно?

— Точно.

— Ждать долго?

— Не очень.

— Садись.

— А сколько?

— Сколько нащелкает.

— Э, нет, у меня деньги не беспризорные. Говори цену, друг, чтобы после не вышло скандала.

Шофер засмеялся:

— Не беспокойся, лишнего не возьму, это же таксомотор.

— А почему такса?

— По счетчику десять копеек.

— Что еще за счетчик?

— Странный какой человек! Смотри, вот этот автомат отсчитывает километры.

Мадмиса влез в автомобиль, недоверчиво глядя на автомат и его хозяина. «Не обманул бы шофер», — тревожился он всю дорогу.

Приехали. Мадмиса вошел в большие ворота дома, крыша которого уходила в голубое небо. «А мне ведь на одиннадцатый этаж — это песколько сот ступенек», — с досадой подумал Мадмиса и стал отыскивать лестницу.

— Вам на какой этаж? — спросил человек у двери.

— На одиннадцатый.

— Что же вы смотрите, пожалуйста в лифт.

Мадмиса не успел выяснить, что значит лифт, а его уже заперли в тесной камерке. Там был еще пассажир — женщина. Она нажала пуговку возле дверцы, камерка завизжала и помчалась вверх, унося смертельно перепуганного, бледного Мадмису. В горле у него пересохло, губы слиплись, язык не ворочался. Камерка остановилась. Женщина направилась к выходу, но Мадмиса крепко вцепился в нее.

— Что вам нужно, гражданин?

— Мне... на одиннадцатый.

— А это восьмой, нажмите кнопку.

— Бабушка, мамочка, дорогая, я не умею, помогите!

— У меня муж болен, не задерживайте, гражданин.

Женщина вышла. Мадмиса нажал первую попавшуюся пуговку дрожащей рукой. Камерка снова взвизгнула и полетела вниз. Мадмиса судорожно надавил другую пуговку. Камерка остановилась, скригнула и взмыла вверх.

— Куда она летит, проклятая? Это же опасное дело.

Камерка домчалась до самого верха, стукнулась обо что-то и поехала вниз. Снова вверх, снова стукнулась и снова, снова, снова... Лифт безостановочно совершал свои стремительные полеты. Мадмиса понял, где таилась его бесславная гибель. И прежде чем потерять сознание, где-то между четырнадцатым и пятым этажом он успел крикнуть людям:

— Помогите!

Это был крик, пет — шепот о спасении. И все же он был услышан лифтером. Лифт спустили вниз, выключили, дверь распахнули, Мадмису положили на спину и сделали искусственное дыхание. Он открыл глаза и вдохнул.

Лифтер вывел Мадмису на улицу и помог плзть в таксомотор. Шофер с недоумением глядел на обих. Только что в это здание вошел бодрый, здоровый парень, правда, немножко странный. Что же там сделали с ним? Но, сохраняя спокойствие, шофер повернулся к Мадмисе.

— Куда? В «скорую»?

— Пожалуйста, побыстрее в гостиницу и на вокзал.

Вот уже месяц, как Мадмиса вернулся из путешествия. Он очень уверенно говорит:

— Не знать технику — значит быть невеждой. Я работаю теперь в мастерской. Великое это дело — техника!

1932

СЧАСТЬЕ РЯВОЙ ЖЕНЩИНЫ

Очень обидно, что мать родила меня девочкой. С тоской смотрела я на мягкую рябь ролпо текущей воды, которая где-то в горах падала с круч водопадами. Девушку ценят меньше, чем проточную воду. Эта вода, струящаяся в нашем саду, проходит под дувалом, окружающим дворик, и течет в усадьбу соседа. Ах, как далеки пути этих вод! Они спустились с высоких гор, хранящих на своей груди облака, перерезали луга и сады, которые каждый раз весна устилает бархатом, напоили степи с жаждущими устами, пробежали по лесам и вот притекли к нам.

О большие воды! Всем сердцем я хочу быть такой же, как вы!

Сколько веселых и свободных веток у этого тала, что укрыл меня в своей тепле! Хотят они — грациозно покачиваются перед пронизывающими очами сияющего солнца, хотят — берутся за руки и танцуют под польковую музыку ветра, хотят — в объятиях мирной ночи, полной нежных звуков рубаб, целуют своим изумрудными листьями лучи месяца.

Мои волосы черные-черные. Такие черные, будто ими увиты черные сказания ночного мрака, но, потому что эти волосы мои, нет им счастья. У них нет разных утех-забал, как у веток тала.

За три дня я, самое большее, могу спать одну тюбетейку.

Парень надевает сшитую мной тюбетейку, что сияет, как серебро, блистает, как ртуть, и наслаждается, как будто пальчики какой-то красавицы, нежные, как лепестки, чистые, как серебро, ласкают его голову. В его глазах светится радость, словно перед ним письмо какой-то прелестной девушки, которая его полюбила. Он хочет меня увидеть, но пусть никогда не увидит.

Я сняла этот узор с моей звезды счастья: его цветочки, как кровь моего сердца, листочки, как явочки огня мо-

ей муки. В каждый стежок вкраплены мои слезы. Не надо вам меня видеть, обманутые надеждами парни!

Я горько сожалела, что родилась девочкой. Отчего я не родилась мужчиной? Я помогала бы отцу, стала бы подспорьем для его поясицы, светом для его глаз, он не надрывался бы, чтобы прокормить четырех младших детей. Я наравне с ним и даже больше его работала бы кетменем. Бедный отец не разгибает спины, чтобы накормить нас куском хлеба. С рассвета и до сумерек разбивает он комья на жесткой груди скупой земли, разрыхляет ее. Уж если бы он сам получал весь урожай! Ведь как трудно ему на старости лет работать пидольщиком, угождать хозяину и ради семьи переносить все тяготы и оскорбления.

А помощи ему от меня — одна тюбетейка за три дня. Какой тут доход? А у матери глаза не годятся для шитья. Вижу я, как трудно приходится нашей семье, и уж так хочется мне сызнова родиться, но только мужчиной. Увы, это невозможно.

Ах, если бы уплыть куда-нибудь далеко, как река, умчаться, как ветер, улететь на крыльях, как птица, не видеть бы, как мучается и терпит всякие притеснения мой отец!

Верно, волосы мои черным-черны! Но для свях недостаточно черноты длинных кос. Если бы удалось меня выдать замуж, отцу стало б легче. Смотрю в зеркало и опять горюю. Моя варужность подошла б для парня, а не для девушки. Парень такой же рябой, как я, может жениться на девушке, гибкой, как ветка, белой, как молоко. Но ни один парень не пожелает иметь такую некрасивую жецу, как я. Вся моя красота в черных косах. Волосы у меня очень длинные. Да совсем нет пользы от них моему бедному отцу и всей нашей семье.

* * *

Я очень жалела, что не родилась мужчиной. Но теперь я поняла, что это вовсе не обязательно для счастья. Я все горевала, что я некрасива. Но теперь я знаю, что красота вовсе не связана с уважением. Теперь я смеюсь над собой, когда вспоминаю, как в доме отца я терзалась оттого, что я девушка. Я счастлива замужем. Моя внешность не сказала на моей судьбе.

Район уже два года перевыполняет план сдачи хлопка государству. Причиной этому правильная организация

колхозного хозяйства, укрепление трудовой дисциплины, правильный учет трудодней, социализирование, поощрение ударников, использование всех возможностей и сил колхоза.

И большое, очень большое значение имеет во всем этом правильная оценка женского труда. Сначала на женский труд махали рукой: «Курица не птица, баба не человек!» Ни кетменом работать, ни пахать, ни копать арыки, ни коном управлять не может! Ну, женщина и есть женщина! Пускай у себя дома варит кулеши да вышивает тюбетейки. Если жена будет выполнять мужскую работу, она меньше станет уважать мужа. Мужчины начнут в поле на женщину засматриваться и перестанут толком работать. Пусть же лучше женщины не выглядывают за порог своего дома. Так думали многие, и долго еще держались эти взгляды.

...Вспаханная земля всасывала влагу последних мартовских дождей, в каналах, наполненных водой, заливались трелями «весенние соловьи» — лягушки, составляли с щебечущими птицами, лепившими в садах свои гисада. От горячего солнца с земли поднимался легкий ленивый пар. А в правлении колхоза шло обсуждение серьезных вопросов: о пахоте и удобрениях.

Колхоз обязался в этом году распахать целину и сдать хлопка больше, чем в прошлом году. Нужно хорошо удобрить пашню, а где достать дополнительную рабочую силу? Долго думали, но выхода как будто не видно. Вся тяжесть опять должна пасть на колхозников-мужчин. Решили, что каждый пахарь, каждый кетменщик, выработав свою норму, будет дополнительно заниматься разбрасыванием удобрений на поля.

Нопробовали на практике. Оказалось, слишком тяжело. Муж рябой женщины каждый вечер приходил с работы усталый, раздражительный, бранился по пустякам.

Ей это надоело. Двадцать лет она была обузой для своего отца и, наконец, вышла замуж за батрака. Живут вместе двенадцать лет. Во время земельной реформы ее муж получил землю, они завели свое хозяйство. Три года, как они вступили в колхоз. Сколько утекло воды, сколько пролилось весенних дождей! Как изменился облик мира! Сколько нового в жизни! Сколько перемен! Только одно не изменилось: и теперь рябая женщина слышит неприятные попреки! И теперь ее винят в слабости, неумелости, попрекают дармоедством. До каких пор можно терпеть?

Утром муж рябой женщины, проспавшись, не увидел дома своей жены. «Ни на крупицу нет от нее пользы в хозяйстве, — заворчал он себе под нос. — Еще зауронастилась куда-то и даже завтрак не приготовила. Женщина — что поделаешь — и есть женщина. Уж если бы мне не надо было в поле!» Муж подождал, жены нет как нет. «Значит, обиделась на вчерашнее, рассердилась я ушла», — подумал он. Подождал еще немного и без завтрака пошел в правление колхоза. Дорогой повстречал трех товарищей, рассказал про жену. Оказывается, и у них дома то же самое.

Что такое? Но кишлаку пошли разговоры. Шутка ли, женщины всего кишлака исчезли на рассвете? Или уж кишлак превратился в кишлак холостяков? Сегодня никто не позавтракал, дети плачут, короны не досны.

— Что такое?

— Где женщины?

С поля пришел колхозник и рассказал, что все женщины работают там. Мужчины собрались толпой, пошли на пашню. Женщины, заткнув подол за пояс шаровар, — одни с полными косилками, другие с мешками, — разбрасывали удобрения, лежащие горками на берегу сая. Некоторым колхозникам показалось это смешным.

— Нет, это дело не по вас! — сказали они. — Стуайте, вскипятите чай, вы заждались с завтраком!

Женщины не послушались. Мужчины, посмеявшись, напились чаю в чайхане. В полдень тоже пошли в чайхану. Но пить каждый раз чай в чайхане, донть корон и ухаживать за детьми мужчинам не очень-то понравилось.

— Очень трудно, так не годится, — говорили они.

Действительно было трудно, потому что и обед пришлось готовить самим. Вечером, закончив работу, женщины подали краткий рапорт в правление колхоза:

«Удобрения, которые были приготовлены для полей земли, мы полностью разбросали на пашне. Завтра на оставшейся части вспаханной земли будем разбрасывать глину от старых дувалов. Если желаете ознакомиться с нашей работой, просим прийти к нам на собрание.

Бригадир жепской бригады Чутыр-хотыв»¹.

В правлении колхоза долго обсуждали этот рапорт. «Трудное дело, очень трудное», — говорили многие, покачивая головами. Наконец, решили позвать мужчин на жепское собрание.

¹ Рябая женщина (прозвище).

Что было на собрании, кто кого упрекал, я не знаю. Но распределение труда среди колхозников так изменилось, что обе стороны перестали друг друга упрекать. Очистка хлопковых семян, разбрасывание удобрений, посев, прополка, сбор хлопка и курака, выдергивание стеблей хлопчатника после снятия урожая — вся эта работа была распределена между трудоспособными женщинами и девушками.

Кроме того, недавно организованные кролиководческая и птицеводческая фермы целиком перешли в руки женщин. Как счастлива Чутыр-хотын, что она женщина! Потому что она проявила инициативу и подвела в помощь для колхоза работу женщины целого кишлака. Она может похвастаться, что ее бригада всегда идет впереди. Теперь ее не мучает ни безмолвие ночи, полной нежных звуков рубаб, ни веторок в плачущих ивах. Она больше не слышит унижительных упреков.

Колхоз перевыполняет план уже два года. В этом году он борется за повышенный урожай. Женщины из бригады Чутыр-хотын этой весной уже в третий раз удобряют землю. На груди бригадира блестит орден Трудового Красного Знамени — награда за усердный труд. И никто уже не зовет ее Чутыр-хотын. Зато все в районе знают ударницу Шарифу-ала.

КЛАД

Этой усадьбой я обладаю недавно. Ну, конечно, мусульманская усадьба. Три комнаты, три террасы впритык, трубы с петушками. И ворота, разумеется. На них надпись: «Удивительные ворота возведены в хороший час, да будут они основой благополучия хозяина».

Я купил эту усадьбу. И, купив, переехал сюда в законном порядке. В подтверждение поговорки — «Жалуешься на бедность, попробуй переехать» — у меня набралась целая арба груза. Сзади арбы прицеплена колыбель, навверху водружен пучеглазый филин. Все как положено по обычаю. К оси привязали корову. За коровой идет теленок. Корова наша, хоть и местной, доморощенной, породы, все же упряма, пятится на ходу. Ее подгоняет моя мать-старуха. Впереди всех бежит пес Пятнадцатый.

Неплохая усадьба, просторная. Я теперь ее законный владелец. Переехав сюда, я взялся улучшать жилье, устранять разные мелкие неполадки. В одной из комнат покрыл досками потолок и пол, поставил в окне двойную раму, в углу сложил кирпичную печку и водворился сюда вдвоем с женою. В другой комнате вырыл углубление для сандала, разложил вокруг него циновки, застелил их войлоком — и поселил здесь старуху. (Все-таки — мать; надо, с одной стороны, ее самою порадовать, с другой — почтить этим память отца.) Словом, и для питья ей найдется вода, и для омовения.

Третью мы украсили, сделали ее комнатой для гостей — к живому человеку всегда придет живой человек. Где-то учился у меня племянник-всезнайка; так вот, в честь нового жилья он провел во все три комнаты электрический свет. И радио установил. И какое! Москву можно слушать. Припоровишься ручкой крутить, даже Тапкент можно поймать. Хорошо слышно — будто для соседа поодаль разговаривают. Для этого радио наречь натянул на крыше проволоку. И в землю проволоку зарыл. Толковый парень. Все умест.

Живем. Дни вдут. Протел листопад. Затем и зима началась. Ну, раз зима, естественно, и снег падает. Жена и мать мало-помалу знакомятся с соседями. Они заходят, к ним заходят. Из нашей кухни даже дымоход вывели в соседний двор, к Садыкджану-подмастерью.

Садыкджап-подмастерье служит сторожем в артеле хлебопекон. Сарвар, его жена — омывальщица, покойников мост, ну, и котлы, чашки-плошки после свадеб, поминок и прочих торжеств.

Старуха-мать моя рада.

— Верно сказано: выбирай не дом, а соседа. Повезало нам с соседями, слава аллаху. Ой, повезало! Взять, к примеру, досточтимую Сарвар. Что за женщина! Райская женщина...

Между старухой и досточтимой Сарвар установилась неразрывная дружеская связь, родственная заботливость, взаимный обмен вкусными блюдами. Гляжу на них — и во нарадуюсь.

В один из дней мы с женой не удосужились потопить в своей комнате печку. Я пошел к старухе, присел к сапдалу. Что ни говори — мать. Она тут же подложила мне под локоть подушку. Достала из маленького изящного сундучка узелок с изюмом, джидой, конфетами, припаялась меня угощать.

Жена во дворе донт коропу. Старуха, перекинув один конец белого кисейного платка через одно плечо, другой — через другое, важно присела напротив меня к сапдалу. Несколько раз поглядела во двор и, убедившись, что никто не подслушивает, она тихонько и доверительно сказала мне:

— Сынок, я знаю одну тайну.

«О боже! — подумал я в испуге. — Неужто что-нибудь неладиво... с моей женой?»

— Какую тайну?

Старуха еще раз тревожно огляделась. Увидев, что невестка продолжает возиться с коровой, успокоилась, пригнулась ко мне:

— Детка, за сколько ты купил усадьбу?

— За пятьдесят червопцев. А что?

— Бог даст, твой лоб озарится светом, сын мой! Скоро десять таких усадеб сможешь купить.

«Что это с нею? — удивился я. — Приснилось, что ли, бедной что-нибудь нехорошее нынче ночью?»

— Каким это образом, матушка? — говорю. И сердце изволновало бьется от радостного ожидания.

— Детка, тайна в том, что в этом дворе... зарыт клад!
Едва она произнесла это, вошла моя жена, и старуха, на миг зашнувшись, сразу перевела разговор на мою старшую сестру — она, мол, на днях родила, надо бы отметить, и все такое. Но только невестка, разлив молоко по горшкам, ушла, старуха опять за свое:

— Клад, сын мой! Сокровище...

За дверью послышалось предупреждающее покашливание соседки, досточтимой Сарвар. Она, по своему обыкновению, явилась к старухе с приношением — миской горячего рисового супа.

Обычно с ее приходом начиналась увлекательнейшая беседа. Лучшее средство от насморка — индийское заклинание. Кто употребляет гульканд — лепестки розы с сахаром и гашишем, — у того глаза становятся удивительно яркими. Дочь ростовщика Салиджана, живущего в Верхней махалле, прогуляла без мужа ребенка. Когда обмывали безвременно умершего младенца Мадали-начальника, лицо покойника, представляйте себе, все время поворачивалось в сторону Менки. И тому подобное.

Досточтимая Сарвар — женщина мудрая, много повидавшая. Она все знает. Потому-то старуха всегда радовалась ее приходу. Есть с кем поговорить. Но сейчас старухе не до нее. Взяв миску, она живо выпроводила соседку. И еще проворчала ей вслед:

— Что за жизнь? С родным сыном не дают потолковать. Ох, и надоедлива же эта женщина! Кто будет есть суп, приготовленный руками, обмывающими покойников? Невестка, зй, невестка! (Это — моей жене.) Возьмите этот суп, вылейте его корове. Чтоб тебе пропасть с твоей любезностью! (Это — опять соседке.) Болтунья. С толку сбивла меня. О чем, сынок, я хотела тебе сказать?

— О кладе, матушка, — напомнил я. — Где он?

— Хорошо, сынок. Я скажу, где клад. Но прежде ставлю условие: после моей смерти щедро справишь по мне все положенные поминки. Возведешь над моей могилой, рядом с могилой твоего отца, мавзолей, обнесешь железной оградой.

— Сделаю.

Старуха поднялась. Заставила встать и меня. Показала через окно местечко в углу двора:

— Видишь? Пар идет. Подойдешь к этому месту — ноги дрожат, сердце трепещет.

— Не понимаю, — говорю, — почему в этом месте должен быть клад?

— Эх, молод ты, сын мой, — отвечает она. — Где клад варыт, всегда горячо. Видишь, белый снег кругом, а там земля черная, оттуда пар идет.

И впрямь — повсюду снег, а в углу двора — черное пятно величиной с плетеную корзину. Приглядись — и легкий пар увидишь.

У меня сердце заколотилось! Думаю: «А вдруг?.. Бывает. Но — что делать? Сообщить в районную милицию? Или соседей созвать? Если я внезапно разбогатею, что люди могут подумать, — не станут ли подозревать меня в чем-нибудь нехорошем?»

С сомнением гляжу старухе в глаза.

— Надо копать, — говорит.

— Верно.

— Но сперва надо куда-нибудь спровадить твою жопу. Что ни говори, чужого отца дочь. Мало ли...

Зовет:

— Певестушка, дорогая! С утра мне что-то не по себе. Сон видела плохой. Взяли бы вы гостинцев, проведали снаху, матушку свою.

Жена моя, хоть и удивилась такой внезапной доброгой сверкноти, не стала перечить, живо собралась. Рада. Со скутилась по матери. Взяла горшок кислого молока и отправилась. Остались мы со старухой дома вдвоем.

Калитку приперли шестом. Закрыли на цепочку дверцу, ведущую в соседний двор. Я достал из кладовой хромой кетмень, старуха взяла совок. Копаем. Я волнуюсь. Старуха волнуется. Не отрываем глаз от ямы. Вот покажется, сейчас покажется... Обливаемся потом. Старуха выгребает совком взрыхленную землю. Углубились примерно на пол-аршина — хруп! — кетмень обо что-то ударился!

— Соседка! Что вы там копаете? Шиз у нашего дома непрочный, как бы стена не обвалилась... — Это слышится из-за ограды голос досточтимой Сарвар.

У старухи сверкнули глаза. Она прикрыла меня широким подолом, крикнула соседке, глазеющей через ограду:

— До чего же вы неспособны, досточтимая! Зачем подсматриваете? Что же мы — у себя во дворе ни стукнуть, ни брякнуть — не можем?

— Я еще давеча догадалась, — говорит соседка, — что вы собираетесь вырыть клад Зайда-аксакала. Сейчас всю махаллю скличу...

Я совсем опешил. Тут, как назло, застучали в калитку. Видя, что никто не отзывается, гость просунул в

щель руку, снял запор, убрал подпорку и ввалился во двор. Племянник! Тот самый. Который где-то учился. Который все знает и умеет.

Подходит прямо ко мне.

— Что, дядя?— спрашивает.— Зачем вы откапываете заземление? Испортилось, что ли?

— Нет,— отвечаю.— Клад рос.

После того, как в дело вмешалась досточтимая Сарвар, я уже не сомневался, что клад существует.

— Клад?— хохочет племянник.

Что же оказалось? По милости этого умельца электрический провод каким-то образом соприкасался с проводом радиозаземления, искрил, и оттого ток, уходя в землю, нагревал ее. Потому-то и снег таял в этом месте, и пар курился...

Хотелось бы знать, сколько убытка припес этот клад Ташкентской ГЭС.

1935

ПОХОРОНЫ У ГРАНИЦЫ

Ярка и красочна в этой долине весна. Веспа живет даже в расцвете окружающей долину скромной каймы из обломков скал — изредка красных или темно-синих, чаще — светлых тонов, с блестками слюды на изломах и венках зеленого мха, затаившегося по расщелинам. По-весеннему радостно скачут вперегонки с камня на камень прозрачные струйки воды. Рассыпавшись на перепаде тысячами брызг и звонких, проворных, как ртуть, капель, они соединяются потом в одну упругую струю, по широкому наклонному камню стремительно скатываются в маленькую заводь и здесь, успокоившись, воркуют и нашептывают что-то ласковое на ушко водяным лилиям. Лилии, не переставая грезить о голубых небесах, щедро осыпают золотой пылью лапки крылатых керри — пчел, свивших себе гнездо в фиштакковых зарослях на склонах Гималаев. Только гордые тюльпаны с чернеющим от ревности и обиды сердцем чашечек укоризненно протягивают к небу ярко-зеленые острые языки своих жалоб — листьев. Но вот над долиной на белом слоне-облаке показалось солнце, несущее в себе тайны жизни, оно с извечной материнской добротой примиряюще-ласково погладило обиженных, и тюльпаны, овеянные горным ветерком, радостно закивали головками, отвечая на ласку.

Звездные рои, сугробами затаившиеся во впадинах по склонам гор, начинают распадаться. Оледневшие звездочки-снежинки, отделяясь точно грезы, тают одна за другой, превращаются в легкий прозрачный пар и, понижкой обволакивая острые золотые копья солнечных лучей, тянутся к небу.

Мать-овца с белыми отметинами тамги на кончиках обоих ушей ласково облизывает самого лучшего на свете и самого красивого ягпенка, на лбу которого лысинкой сияет звездочка счастья.

Пугливый детеныш джейрана, опершись похотками на

листья жасмина кончиками о ствол дикого мипдаля, целует еще не распустившийся розовый бутон.

Под ревенем с его зонтиками зеленых листьев пробуждала со стайкой цыплят горная куропатка. А вот прокричал самец улар и взмахнул крыльями, прочесанными лазурью.

Юные, как весна, озорные ветерки резвятся по долине и наперегонки катят к подножью гор мячи из сухих прошлогодних трав.

Юноша таджик, пасущий колхозное стадо, искусно вырезал свирель из двух лядей изумруднотелого камыша, и вот уже слышится простая, задумчивая мелодия:

Солнце радостных дней над горами взошло!

Долина кажется корпусом сказочной лютни, инкрустированной самой природой, а Цяндж — ее звучными серебряными струнами. Над этим уголком советской земли, над рекой под голубым сводом небес, так же, как и над всей советской державой, все торжественней звучит симфония радостной счастливой жизни...

А за линией границы, тут же напротив — совсем иное...

Четыре человека несут гроб. Впереди еще двое. Они остановились неподалеку от линии границы, припаялись рыть могилу.

Верно, в число торжеств в жизни человека входит и церемония похороп. Нам ведь хорошо известны обычаи там, на той стороне границы. О рождении извещают сурнайчи, подрастет человек — той по случаю обрезания. Достигнет совершеннолетия — свадьба и веселые свадебные песни, умрет — похоронная процессия с хором плакальщиц впереди. Если умрешь странником, четыре человека между четырьмя пожками твоего табута будут читать благословения аллаха и маду за доброе дело. Умрешь в покойной постели в своем собственном доме, при богатстве и почете, сам шейх-уль-ислам прочтет по тебе заупокойную молитву и вместе с учеными богословами — аглиманами провозгласит тебя шахидом, достойным рай, и согласно обычаю, оставшемуся со времени Малика-и-Дильарам из страны, подобной райскому саду, сорок девушек будут плясать тебе танец смерти. Консулы иностранных держав заявят соболезнование от имени своих правительств и стран...

Верно, в число торжеств на жизненном пути человека входит и церемония похорон. Перед смертью, если вздумается и если есть кому выслушать, каждый может даже завещание сделать, последнее желание свое высказать. Да. Но кто же этот покойник, что в своем завещании выразил такое страшное желание: быть похороненным обязательно у самой линии границы?

Бойцы, стоявшие на страже границ великой Родины, спокойно наблюдали за траурной процессией. Они знали, что этот «заслуживающий милости аллаха и райского жития покойник», будучи рожденным далеко — в Западной Европе, доставлен сюда и похоронен, чтоб, если вдруг наступит «судный день», вскочить из-под земли взрывом обыкновенной мины...

— Товарищ командир! — доложил по телефону один из бойцов заставы. — Соседи подносят в гробах мины и «хоронят» их под видом покойников у линии границы! Командир ответил спокойно, уверенно:

— Пусть «хоронят». Мы завяжем узелок па память

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

31-е декабря. Поздняя ночь.

На границе — глухая тишь.

Величественный свод небес окутан плотным, опускающимся до самой земли покрывалом, сотканным из непроглядной тьмы. Южный, со стороны экватора, ветерок еще больше стесняет и без того затрудненное дыхание. По берегу реки опахалами индийских раджей лениво колыхнутся широкие листья пышно разросшегося лонуха. На черном бархате неба серебряными пистонами тубетеечной вышивки устало сияют звезды. Редко-редко какая-нибудь нетерпеливая маленькая звездочка, заскучав от бесконечного покоя и неподвижности, вспыхнет и, прочертив изящную золотистую кривую, исчезнет из этой тьмы в псыбие.

На границе — тишина.

Протянув в туманную даль пятипалую узловатую лапу, огромную, как лапа великого дракона из старинных легенд, течет чернильно-черный Пяндж. Монотонная, точно пение струны, печально задемой крылом мухи, павойлиная, как звон в ушах больного, мелодия, рождаемая движением дракона-реки, заполняет пустоту ночи.

На противоположном берегу солдаты соседней страны, опираясь на винтовки, ждут, когда закипит закопченный кумган на железном очаге-треножнике. Изжелта-серый густой дым очага, точно седина по вискам стареющего человека, медленно-медленно поднимается, взползая к темному небу.

Неожиданно вспыхнула и тут же исчезла еще одна нетерпеливая звездочка.

Будто истомленный духотой ночи, забывшийся беспокойным сном ребенок, тяжело, со всхлипом вздохнул Пяндж.

Очертив почти у самого берега две светлые дуги, две крупные рыбы промелькнули во тьме.

Вдруг сердца красных пограничников, разорвав цепь

томительно-однообразного ритма, забили набатно-тревож-ным ударам пожарного колокола: во тьме ночи над черными водами Пянджа, смутно, точно родники на лице абиссинца, возникли и медленно поплыли в нашу сторону несколько темных пятен — то ли кочки, то ли куски дёрна, оторвавшиеся от берега.

На Пяндже много островов, поросших камышом и бурьяном. Все эти острова наши. Подозрительные темные пятна на реке приблизились к первому острову, скрылись в зарослях камыша. А вскоре, на другой стороне, из камыша вынырнули трое конных. Они спустились к переправе и выбрались на второй остров...

Наши пограничники хорошо знали: эти трое — только разведка. Чтоб задержать всех, надо выждать.

Тишина.

Средний из трех конных, сложив руки на луку седла, повел головой из стороны в сторону, точно богомолка, и, видимо, удовлетворенный результатом осмотра, застрекотал кузнечиком. Из темноты послышалось ответное стрекотанье. Потом из камышей выступила группа конных. Доносился приглушенный водой цокот копыт о камни неглубокой переправы. Конные выбрались на следующий остров и слова скрылись в камышах.

В засаде против брода только три пограничника: капитан Климов и два бойца — две винтовки, ручной пулемет, две гранаты. А банда — не менее трех десятков конных — вооруженная, как обычно, английскими винтовками неизвестной фирмы. Нужно принять быстрое и верное решение...

Климов ползком спустился к воде, тихо-тихо поплыл. Обходя остров слева, выбрался на противоположную его сторону.

Два бойца справа, Климов — слева, будто по команде: — Стой!

Тря возгласа с трех сторон взорвали устоявшуюся тишину ночи. Банда в ответ подняла беспорядочную стрельбу.

— Огоны! — Это приказ Климова.

Весело и уверенно загрохотал пулемет. Защелкали затворы винтовок. Две гранаты промелькнули и взорвались в зарослях. Оттуда донеслись стоны, вопли, завыванья. Охваченные паникой, бандиты бежали, уже не пытаясь прятаться, бросались в реку. Но капли раскаленного свинца, точно зрячие, преследовали их неотступно, настигали, бросали в ланы дракона-Пянджа.

Враги выпуждени были сдаться. Двенадцати пленникам связаны руки, девять убито, одиннадцать утонули. Пограничники пленных и трофеи доставили в отряд.

Это была часть банды непримиримого врага Советской власти — басмача Джумана Чапака.

На вопрос, почему именно в эту ночь банда решила перейти границу, один из басмаческих главарей ответил так:

— По вашему счету сегодня 31-е декабря. Вы всегда встречаете Новый год с большими увеселениями. В эту ночь, считали мы, начиная с начальников и кончая рядовыми бойцами, — все пойдут на встречу Нового года. Станут до рассвета пить. На границе настоящей охраны не будет...

Майор — командир отряда — усмехнулся. За этой его обычной, простой усмешкой чувствовалось спокойствие и твердая уверенность.

...Да, капитан Климов и бойцы его команды были действительно пьяны. Они были пьяны радостью, что выстояли и не только выстояли, но сумели победить, сумели проявить свою преданность Родине, народу, партии Ленина. Новый год они встретили героическим подвигом, который опьянил бы каждого советского патриота!

...Уже ночная тьма растаяла в пламенном горне зари. Уже над высокими конусообразными шапками Гипдукуша поднялось солнце. А на небольшой заставе Файзабад-кала все еще продолжалось веселье. Долина, окруженная горами, ввела переливчатыми переборами гармошки, молодые голоса старательно выводили:

Застрокотала кузнецом Джуман Чапака банда,
Ее сравнила вмиг с землей Климова команда!

ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ

Четыре юморески

История первая

Выплативал Мамарайму заработанные им в колхозе 621 рубль 37 копеек, кассир сказал:

— Ну, Мамарайм-ака, вы — молодец! Потрудились хорошо и получили хорошую сумму! Эх, как хрустят червонячки! Что думаете с ними делать?

— Хозяйство подправить нужно. Хлев старый, маленький, топчутся в нем две коровы с телятами, четыре барана... Значит — новый хлев, это — раз. Ну, а потом... в общем, и на черный день отложить кое-что не мешает... Вдруг — беда какая...

— Конечно, вы положите деньги в сберкассу?

— Я? Ну уж нет! — рассмеялся Мамарайм. — Я сам себе сберкасса! Да к тому же все знают мою хозяйку: если я два раза в неделю зайду в сберкассу, то она от ревности прибежит туда и выдерет все волосы у кассирши! Нет, покой в доме дорожке продентов!

— Кто бы какой бы бережливостью не отличался, — усмехнулся кассир, — но все равно надежней сберкассы ничего не найдет.

— Время покажет, кто надежней! — гордо ответил Мамарайм и, аккуратно спрятав деньги в карман, вышел на улицу.

Слово у Мамарайма не расходилось с делом: он поставил новый, просторный хлев. Старый сносить пока не стал, авось пригодится. Остатки денег он смеялся в сельпо на пятидесятирублевые бумажки — получилась совсем небольшая пачка. Где же ее хранить? Отдать жене? Но... жепщина есть жепщина: увидит какую-нибудь красивую тряпку, понадобится ей косметика, украшения — пропала денежка! А где пайти в доме такую щель, в которую бы жена не залезла?

Долго думал Мамарайм, наконец панел способ безопасного, надежного хранения.

Он незаметно для домашних прошел в старый хлев,

вытащил из степи палку, на которую обязательно повесил фонарь, в дыру вложил деньги и заткнул палку обратно.

— Не только вору, но самому черту на ум не придет тут искать деньги! — сказал Мамарайм и, восхищенный своим хитроумием, рассмеялся.

Через несколько дней в хлев зашла его жена, но привычке повесила на палку фонарь, но палка зашаталась. Тогда жена взяла полено и несколько раз сильно ударила по палке, вколачивая ее глубже в глинобитную стену. Палка перестала качаться, фонарь повис спокойно.

Спустя некоторое время Мамарайм услышал, что в селю продают бобриковые чекмени. Он решил купить хотя бы один и бросился в старый хлев. Потянул палку — крепко сидит, не поддается! Сильнее дернул — стена ходуном заходила. Сердце у Мамарайма екнуло: а вдруг палка прошла насквозь, через всю степу?

Он выбежал наружу. Так и есть: палка вылезла из стены на целый вершок, и на конце ее колышутся остатки разорванных зеленых бумажек!..

Тут уж Мамарайму стало не до смеха.

А смеялся Махамат Акыл...

История вторая

На свете много разной скотины. Но самая скотская скотина — разумеется, корова. Почему? Да потому, что другие животные, если они бранятся между собой, обязательно пазывают друг друга «коровой». Обидно, но ничего не поделаешь: ведь только одна коропа не может отличить бумажные деньги от опавших осенних листьев!

Не верите? А разве вы не знаете истории с Кавулиазаром?!

Э-э, тогда слушайте.

Кавулиазар считал пустобрехами, пустомелыми, болтунами всех, кто соваял к нему с советами «хранить деньги в сберегательной кассе».

— Главное — заработать денюжки, — говорил он, — а уж сохранить их любой сумеет!

Поэтому, когда он однажды получил под расчет немало-немного — полторы тысячи рублей, то завязал их в цветной сатиновый лоскут и засунул этот ценный узелок под кучу осенних листьев. Чтобы замести следы, он подсыпал сверху еще несколько пригоршней сухого листа и почувствовал себя мудрым и прозорливым.

Случилось же так, что обжора корова, разгуливая по двору, наткнулась на груды листьев и начала их жевать. Почему ей понравились эти сухие листья — до сих пор никто не понимает.

Кавулназар в это время сидел на айване — веранде — и смаковал бараньи выжарки. Когда он увидел, что корова держит во рту узелок из цветного сатина, то кусок у него застрял в горле, он чуть не подавился и, закричав ужасным голосом «хош-хош», метнулся к корове.

Он успел ухватить край узелка, но корова не намерена была расставаться с ярким лоскутом и потянула узел к себе. Так, стоя друг против друга, они тянули каждый в свою сторону, пока, наконец, корове это не надоело, она сильно мотнула головой, в в руках Кавулназара остался только малюсенький лоскуток сатина. Все остальное скрылось в коровьем рту.

Кавулназар схватил коромысло, ударил корову, но она только хвостом махнула: узелок-то был уже заглотан вместе со жвачкой из листьев.

Что делать? Никто никогда не видел, чтобы коровья порода возвращала чужую вещь: подарком пословица гласит, что корове в рот попало, то пропало!

Ругая коварное животное всякими словами и луя его со злостью по чему попало, Кавулназар выбился из сил. Потом, таща корову за собой, пошел к соседям — советовать.

Выслушав его рассказ, соседи начали смеяться, а Кавулназар только сопел от злости.

Один сосед предложил:

— Зарежь корову, деньги еще не успели в ней пересвариться.

Второй возразил:

— Деньги все равно не перепариваются. Коровы от них палеяника подохнет. Так ты лишишься и денег и коровы. Правильно — режь ее сейчас. Пока не поздно.

Третий сказал:

— Следн за пей — ведь она начнет скоро снова пережевывать жвачку, узелок твой вернется к пей в рот из первого желудка, как мяч. И тут слушай: если зашуршит — значит деньги целехоньки. А если пет, то, значит, они сразу, как ценный продукт, перепли во второй желудок или в третий.

— Сколько же у нее желудков? — испуганно спросил Кавулназар.

— Кажется, шесть, — сказал четвертый сосед и в свою

отереть дал совет:— Ты ее продай. Скажи, что в ней дельги, набавь цену — может, кто-нибудь и клюнет на это.

Последний совет Кавулазару понравился: так можно было сразу выручить и пропавшие деньги и стоимость этого зловредного рогатого животного.

Придя с коровой на базар, Кавул запросил за нее две тысячи рублей.

Кто-то из покупателей рассмеялся:

— Две? Почему? Гонорн уж сразу — десять тысяч! Скажи лучше, сколько раз ты бил ее по вымени лопатой, чтоб вымя вдулось и корова казалась рекордисткой по удою, а?

— При чем тут молоко,— ответил Кавулазар серьезно.— Внутри коровы одних только денег находится на пошторы тысячи.

— Ну, прямо как у Насреддиновского ишана!— засмелюсь стоящие вокруг.— Чего ты волнуешься? Раз деньги у нее внутри, ты должен просто подождать, пока они через нее пройдут!

Судите сами, разве Кавулазар в эти минуты мог смеяться и веселиться?

Поэтому громче всех смеялся... кто? Опять же Махават Акыл!

История третья

Если бы Абдуладжан с женой не любили спорить друг с другом, то этого несчастья и не произошло бы.

Получив причитавшийся ему деньги, Абдуладжан завернул их в кокетливый шелковый платочек. А когда пришел домой, то положил шелковый сверточек на ладонь и, делая вид, что это очень тяжелый груз, сказал:

— Дорогая, все вещи и предметы, которые ты можешь купить на эти червонцы, одна лошадь едва ли увезет. Тяжело, а?

— Ничего подобного,— воскликнула жена.— Тут совсем мало денег.

— Мало?— возмутился Абдуладжан.— Да ни один человек из семи поколений твоих предков никогда не зарабатывал столько денег сразу!

— Ха, твои деньги не только лошадь, копыта может увести!— подыгла масла в огонь жена.

— Копыта не сможет.

— Еще как сможет.

— Да? Давай сюда кошку! — закричал, распалившись, Абдулладжан. — Посмотрим, кто прав! Кис-кис-кис!

Притащили пушистую кошку, отобрали у нее катушку, с которой она играла. Пока жена щекотала кошку за ухом, Абдулладжан обвязывал по кругу кошковой талии платок с деньгами.

Когда был затянут узел, кошка испуганно мяукнула — ведь ее никогда еще не подпоясывали! — и рванулась подалее от людей. Выскочив в окно, она взлетела на крышу.

— Легко унесла все твои деньги! — торжествующе проговорила жена. — Кто прав?

— Черт бы ее подрал! — воскликнул Абдулладжан. — Да ведь она действительно их унесла! Все до последней! У-нес-ла! Па-ши! Де-нь-ги!

Тут в до жены, наконец, дошел смысл провисневшего, торжествующего выражение на ее лице сменилось испугом, и она вслед за мужем выскочила на улицу.

Кошка бежала так, словно к ее хвосту была привязана грохочущая консервная банка: она мгновенно пересекла соседский участок, перепрыгнула две канавы и сгинула в дальних кустах.

Абдулладжан и его жена обшаривали все вокруг, каждую травинку — кошки и след простыл!

Позвали на помощь друзей и соседей, создали целую бригаду следопытов — облазили все канавы, пересчитали все листочки — кошка словно сквозь землю провалилась.

Поздно вечером, ругая друг друга на чем свет стоит, усталые, муж и жена вернулись домой. Первое, что они увидели, была кошка — она сидела под окном и умывалась. На ней красовался шелковый платок. Но денег и нем не было.

...И опять громче всех над этой историей смеялся... ну, конечно, — Махамат Акыл!

История четвертая

А кто же такой Махамат Акыл — человек, который смеется?

Он что, бездельник, если смеется над людьми, которые потеряли не чужие, а своим трудом заработанные деньги.

Нет, он такой же колхозник, как и все. И деньги у него есть, об этом все знают. Когда Мамарам, Кабулпазар

и Абдулладжан остались без копейки и стали думать, у кого бы занять, чтобы перебиться до следующей полочки, то они в один голос воскликнули:

— Махамат Акыл!

Кавулиазар сказал так:

— Клянусь вам, что у него самые аккуратные деньги — их края не обкусаны, они не разорваны палками...

— Денег у него больше, чем осенних листьев, — подтвердил Мамараим, — и никто их не жовал...

— Да, на его деньги можно купить столько, что и сто лошадей не увезут, — вздохнул Абдулладжан.

Так они троим оказались в доме Махамат Акыла.

— Если вы нам дадите каждому по сто рублей, — нежно проворковали потерпевшие, — мы вам вернем их с первой же зарплаты.

— Почему только по сто? — рассмеялся Махамат Акыл. — Попросите больше — и больше пойдет. Но, к сожалению, денег у меня сейчас нет...

Троица явно погрузысла: вот уж не везет! А так они падеялись на Махамат Акыла!

— Здесь, в доме, нет, — продолжал Махамат Акыл. — Потому что я их храню в сберкассе. Придется вам пройтись со мною туда.

И он повел незадачливых своих приятелей в сберкассе, смеясь громко каждый раз, когда взгляд его падал на унылое лицо кого-нибудь из них.

АВТОРИТЕТ

Гавиджан приехал позавчера, а я вот только сегодня собрался его навестить. Нехорошо, конечно, против обычая, а ничего не поделаешь — такова теперь жизнь: у каждого работа, семья, хлопоты. Позавчера ходил на хашар к Мираафарангу — как не пойти? Вчера — канун праздника, детей к портному веди, в универмаг за покупками с ними съезди. Иначе для них и праздник не праздник. Вот только сегодня и вырвался к Гавиджану.

От нашего дома до Тахтапуля, где живет моя тетка — мать Гавиджана, дорога неблизкая. Но взглянув на трамвай, увешанный праздничными гирляндами пассажиров, добираюсь пешком — не жарко, никто тебя в бок не толкает. Хочешь — песню про себя напевай, хочешь — воспоминаниям предавайся.

Тетка моя, мать Гавиджана, человек веселого нрава. Говорят, совсем уже взрослой девицей была, а паранджу надевать ни в какую. Чуть не силком, говорят, родители под чачван ее затолкали. Пришел срок замуж идти, всех женихов, что мать-отец предлагали, из дому выгнала, сама себе мужа сыскала. Правда, и любили они друг друга потом не по статье шарната — по волешию сердца. Славную, добрую жизнь прожили...

В первые же дни революции, как только до ушей моей тетушки дошли разговоры об освобождении женщин, она тут же порезала, перекроила свою паранджу на куршачи — валики-подстилки под бок. С тех пор и ходит в легкой косынке, а на груди — чтоб всем было видно — значка: с одной стороны — «Друг детей», с другой — МОПР.

Гавиджан — средний сын моей тетушки. После школы призвали его в Красную Армию. Отслужил. Теперь летнее училище кончил, в отпуск приехал. Интересно на него поглядеть — вырос, наверно, переменялся за эти годы. Армия, она здорово человека меняет. .

Иду это я так, про себя рассуждаю, и вдруг прямо передо мной парень в военной форме невесть откуда появ-

ляется. Прищелкнул каблуками, козырнул как положено и незнакомым баском:

— Здравия желаю, товарищ родственник.

¶ Только тут я узнал Ганиджана.

— Ты? Ну и вырос! А голос — эскадронном командовать!.. Вот иду к тебе в гости.

Смотрю, замялся мой Ганиджан, глазом в сторонку косит.

— Вы идите, с мамой там побеседуйте. Я, — говорит, — скоро вернусь.

— Срочное дело?

— Товарища нуэкио мне навестить. Два дня как приехал — вырваться не могу: гости да гости.

— Товарища навестить — дело святое, — говорю я ему, а сам соображаю: какой там товарищ! Ясно как день — особое поручение, военная тайна! Допытываться я, понятно, не стал — не ребенок. Мы разошлись.

Не успел я сделать и десятка шагов по направлению к Тахтапулю, какая-то женщина под старой, залатанной паранджой хватает меня за локоть.

— Стой! — заговорщически шепчет она, и по голосу, такому знакомому с самого детства, я узнаю свою тетушку.

— Что за театр? На маскарад, что ли, собрались? — еще не могу я прийти в себя.

Из-под паранджи послышался смех:

— Нужен мне твой маскарад! У меня дело серьезное: хочу поглядеть, какой авторитет имеет мой сын у людей, уважают его или нет?

— А как узнаешь такое — путем прямого голосования или новым способом имеется?

— Узнаю! — отвечает тетушка твердо. — Вот для того и выпросила у соседки старую паранджу.

Приходится сознаться в своей недогадливости.

— Либо я такой уж тупой, либо вы очень острая. Объясните.

— Чего объяснять? Пойдем вместе — узнаешь.

— А идти далеко?

— Пять остановок, до Шейхантаура.

И снова мне пришлось удивляться.

— Почему вам известно, что Ганиджан к Шейхантауру идет?

— А куда же еще?! Там у него девушка есть. Пять лет как знакомы.

Так вот, значит, какая у него военная тайна! Особое поручение!

Мне почему-то захотелось слегка поддеть тетюшку, спросить у нее что-нибудь проде: а как там у Ганиджана насчет авторитета в глазах этой девушки? Не спросил. Не успел.

— Ну, пойдешь? — заторопилась, потянула меня за рукав моя неугомонная тетюшка. — Думай скорей, по то я его из виду выпущу, тогда все пропало.

Я решил — не пристало мне выслеживать Ганиджана, красться за ним по пятам.

— Вы идите, я трамваем до Шейхантаура досду. Там и встретимся.

Тетюшка согласно кивнула и без промедления двинулась дальше.

К Шейхантауру я приехал первым. Из удобной засады видел, как прошел Ганиджан. Затем появилась тетюшка. Скинув паранджу и сунув ее под мышку, она подсея ко мне и тут же разгоряченно выпалила:

— Сорок один и семь!

— Сорок один и семь? — переспросил я, невольно поддавшись ее настроению. — А что это значит?

— Как это что? Сорок один военный первым здоровался с ним. Семерых Ганиджан приветствовал сам. Ну-ка, прикинь, сколько выходит, если в процентах?

Тетюшка не дождалась, пока я закончу сложные арифметические исчисления, произнесла удовлетворенно:

— Нет, ничего: такому уровню авторитета любой позавидует! — И сразу заспешила: — Домой идти нужно, обед еще не поставила. Так ты приходи. Будем ждать...

Она удалялась бодрой походкой счастливого человека, а я, глядя ей вслед, невольно подумал: как хорошо, как это здорово, когда даже самые сложные чувства можно измерить простой арифметикой!..

ГОЛОС С КРЫШИ

Отец наш умер давно. А в том году, весной семнадцатого, не стало и мамы. Никого у нас теперь не было, кроме старенькой бабушки по матери — Ракиябьиб. Не помню, почему, но все мы называли ее не иначе как «Черная бьиб».

До сей поры живет она в моем сердце. Помню, как вечерами укладывала нас на открытой веранде, усталой рваненьким паласом — единственным в нашем доме из коврового богатства. Потом с самого краешка, будто стеречь своих птенчиков, ложилась сама. Было ей за вошестьдесят и водился за ней грешок: не могла жить без табака — паса.

Однажды, в последние дни сентября, мы, дети, спали на веранде, тесно прижавшись друг к другу. Уже повеяло холодком. Но проснулся я по другой причине. Кто-то рядом угрожающе басил. Было время третьих петухов — надо мной в поднебесье висели Семеро Разбойников.

На рычание баса бабушка отвечала своим ласковым по обыкновению голосом, и бас теплел, на некоторое время смолкал и звучал уже по-новому.

Двор нам достался от предков. Он был просторным и пустым. К веранде примыкала крыша дядино дома, а дяди не было — он с семьей ночевал за городом.

— Ну, что, вор, дальше-то? — проговорила бабушка.

Представьте, чудо — к нам забрел вор. Был ж на свете простаки! Вор неблагородный, конечно, человек, но все-таки приятно, что кто-то навестил нас и в ночи. Завтра по махалле пойдет молва о ночном грабеже. Ох, уж разрисую я все дружкам! И похожу же в гордецах! Только поверят ли мне?

Позже я узнал, что, перебираясь с крыши на крышу, ночной гость угодил на дядишу и, раздумывая, как быть дальше, увидел нашу бабушку. В ту самую минуту, заложив под язычок, она лежала боком и думала свою думу. Бывает же такое! От свежего ветерка или от пыли вор

чихнул. Чихнул во всю силу своих разбойничьих легких. Бабуся, сплюнув табачок, взглянула в его сторону. Виден был только его силуэт.

— Ворюшка?— спросила она.

— Хм...

— Послушай меня, сынок. Не хочу я тебя корить. Всяк добывает кусок по-своему. Но пойми — дело твое тонкое, деликатное. Пока у тебя насморк, отлежался бы, не выходил бы на свой промысел. Подумал бы о себе...

— Тихо, старая.

Помолчав в темноте, выдавил:

— А верно, старенькая. Ночной чих всегда громче дневного.

И тут же, словно спохватившись, поостроже:

— А ты, старая, коли понимаешь все, могла бы и не заметить, посочувствовала бы. И почему ты не дрыхнешь?

— А проку-то? Взять-то тебе у нас все равно нечего...

Ночной гость только засопел в ответ.

— О-ей, ворюшка, сынок мой хороший,— продолжала пана «Черная биби».— Да я спать не могу. Горе на душе, днем ворчусь, кручусь, присесть некогда. А ночью все думаю, думаю...

— О чем же?

После этого вопроса ночной гость говорил уже не басом, а мягким голосом. Слышу, начал снимать с себя чапан.

— Как о чем? Вот об этих четырех сиротках,— бабушка кивнула в нашу сторону.— Сам видишь, какое время. Спроты — с чем они могут сладить? А пожалеть никому. Есть у них дядя-арбакеш, но он, бедняжка, мыкается со своей семьей. Едят только, чтобы ноги не протянуть. Но всем доме у нас не сыскать вещицы, которую бы тебе стоило взять.

— Ни одной,— протянул гость.

А бабушка продолжала:

— Они, эти несмышлявыши, вырастут. Хлеб пасуиный сами добывать начнут. Только когда? Ну, как мне тут не думать? Из сироток-то мальчик только один, всего четырнадцать ему. А девочек три. И все мал-мала. Когда они вырастут, когда невестами станут?— Бабушка все больше входила в роль.— Да и кто позарится на них? Кто выложит червонцы на тряпье и сватовство, на угощенье, на приданое? Жестокосердное время, ворюшка, жестокосердное!..

И услышал, что ночной гость расстилал чапан.

— Четверо? — переспросила черная кривна. — У меня почти то же: двое детишек, жена и мать-старуха. Курице и то сколько злака надобно, а у меня четыре рта, как у тебя. Чтобы заработать четыре лепенки, я готов ставить душу на кон, идти на поклон, взять в руки хоть метлу, хоть стрелу...

Человек на крыше, слышу, со вздохом лег.

— А ведь аллах не обидел меня ни силой, ни смекалкой. Скажу тебе, бунджац,— продолжал он. — Думаешь, я по своей воле гуляю по почам. Если хочешь знать, я семьянин хороший.

Бабушка молчала.

— И ремесленник я. Могу шить кавуши на зависть. Но повернулось все нынче наоборот. Сел на троп Керенский, все думали — конец войне. А война идет, и не видно ей конца. Богатеи богатеют, а бедняку все хуже.

— Неужто ты, сынок, так и обречен мотаться по крышам? — вздохнула бабушка.

— Ну, а чем заняться мне? — вор, по-моему, приоднялся и сел на чапан. — Все ремесла нынче пошли прахом. Отец мой был ремесленником, и я умелец. Для кавушей нужны кожа, клей, гвозди, лак. Но сырье втрое дороже готовых кавушей. Готов стать посильщиком на базаре, да там уж оптом, почитай, никто не продает и не покупает. У богачей же свой транспорт. Так-то вот, добрая старуха. Недавно Буват-ата, лучший мастер нашей махалли, весь свой сапожный скарб — колодки, молоточки, иголки — сменял на пуд кукурузной муки. И хорошо сделал. Дехканяву сейчас не до сапог. А нвценствуют нынче, буви, все ремесленники нашей махалли. И медвики, и ткачи, и коженники. Почитай, приходится туго, даже дамля школ лижут землю муллавачи во всех медресе. Ложки ностного масла не видят.

— Да сгинут они со своей проклятой войной! — К кому адресовалась бабушка, я узнал потом. — Вот это, пацериное, и есть светопреставление, а, воришка, сынок? Что будет с моими сиротками? А ты? От отчаяния ты берешь грех на душу. Но подходил бы уж к людям самостоятельным. Вот в этой же самой махалле живет торговец ситцем Каримкарн, подрядчик Адылходжа-бая, промысловик Матякуббай. Добра у них видимо-невидимо. Даже младенцы у них пьют и едят на золоте. Вот и устроил бы подкони или крышу продырявил. Поживился бы, ой-ей!

— Эх, старенькая, глупа ты и проста, — покровитель-

свѣнно отвѣчала крыша.— Рядом к богачам заберешься! Стены их толстенные, превысокие, ворота железные. А стерегут их по паре, а то и по две пары собак, огромных и злых. Загрызут, следит. А двор Адылходки охраняет еще и городской с шитовкой. Хоть и не сладко мне живется, а в Сибирь не хочется.

— Твоя правда. Но ты все-таки будь осторожней, а то еще понадеешься и устроит тебе разор и иззор.

Вор не то снова лег, не то подложил под себя ноги, устраниваясь поудобнее.

— Ты права, буви,— согласился он, и голос его стал мягким, доверительным.— Вот расскажу я тебе. Недавно из сарая Арифа Вонючки и стащил четырех кур и петуха.

— Что ты говоришь?— оживилась вдруг нава «Черная биби».— Ведь эти, растреклятые, хуже почного чиха, могли раскудахтаться и выдать тебя.

— А и в карман взял бутылочку с водой. Подкрался, набрал в рот воды и — на курочек! Глупее их нет. Они думают дождик и засовывают головы под крылышки. Я их по одной в мешок.

— Вай, вай, сынок, как же ты догадался!

— Слушай, бувиджав, дальше. Ариф Вонючка пронюхал. Но я и тут не дал маху. Взял петуха, да и отнес его элликбаши Рахманходже. Ну тот и замаял дельце. С ним, мать, можно... Приличный человек. В прошлом году я попал в списки мардикеров, хотели куда-то отправить. Ну, и забегал туда-сюда, набрал пятьдесят рублей и дал ему: «Вот все, что можем дать, элликбаши-ата». Помог — остался я.

— Да будет счастлив с детками твой приличный человек. Теперь слушай меня, ворюшка, сынок мой, скоро и светать начнет. Вон уж над нами светлая звезда. Ты по туту скользни вниз, рядышком печь ореховый. Я тебе дам топор, ты отколешь пару лучинок. Кушган поставим. Есть у нас пара кукурузных лепешек, дядя оставил вчера. Вот и попьем все вместе чай.

Вор долго молчал.

— Не-ет уж, старая,— он вдруг снова заговорил басом.— Печь-то я вам расколю, а чай пейте сами. Не хочу, чтобы ты видела мое лицо,— голос опять начал теплеть.— Стыдно мне, бувиджав...

— Вай, вай! Но ведь и мы, сынок, тоже люди. Неужто так и уйдешь от нас с пустыми руками. Возьми же что-нибудь. Стой, что бы тебе взять? Да, там в столовой лежит

полупудовый казан. Было время, несколько семей ели из одного этого казана. Жили хоть и бедно, да дружно. Теперь же только и остались эти вот... сиротки. Эге-е, когда-то, может, стодится им этот казан. Боюсь, как бы после меня не пошли по миру. Тяжка, тяжка наша жизнь. Уж ты возьми казан. Продашь, проживешь с семьей денек-другой.

— Не возьму, не такой я!— уж совсем другим голосом сказал вор и, слышу, начал поднимать и стряхивать чапан.— Что это, мать, ты отчаяваешься очень. Ведь сироты твои днем, небось, бегают, резвятся. Корочку-то ты для них находишь. А они вырастут. Обязательно вырастут. Полно людей будет. Казан этот слова пригодится, даже станет маленьким. Дай бог тебе, славная мамаша, дожить до их тоев, а мне послужить им в те дни. Ну, прощай, бувиджан, пора мне, вон заря уже...

— Прощай, поришка. Навещай нас.

— Постараюсь...

* * *

Я лично знал того вора, видел его на тоях. Но никому не открыл его имени.

А разговор с крыши все слышу, особенно если лежу, закрыв глаза.

2865

АЛИКУЛОВ ДОЛГ

В местности Ялангач, слева от дороги, есть небольшой кишлак Юнуи. В этом кишлаке жили деды и прадеды Аликула, затем пришла его очередь здесь жить. В наследство от родителей ему достались два с половиной тапапа земли. Что такое два с половиной тапапа земли? Хромой спросе, как говорятя, из конца в конец — раз шагнуть. В те времена все дехкано занимались хлопководством, при слове «хлопок» у одних изо рта струился мед, у других — капали слезы из глаз.

Аликул, по примеру прочих, засекает свой клочок земли местным сортом хлопчатника. Крестьянский сын, вверное, не знает растения более скверного, негодного, чем местный хлопчатник. Он требует много воды, частой прополки, окучивания, поздно раскрывается, а раскроется — не пушится, короткое волокно сидит в коробочках, точно приклеенное, коробочки в большинстве пустые, — словом, хоть кричи, трудное растение, прокаженное.

Аликул с самой ранней весны до поздней осени бьетса, проливая пот, на своем жалком участке. Пристегнув к тощему полу соседского осла, пашет землю беззубой деревянной сохой. Иногда, когда вол уже не в силах тянуть, Аликул вместо него впрягается в горе-плуг. Ладно, коекак оцарапав землю, он высевает семена. И затем, присев на корточки с краю, поглядывая то на поле, то на небо, упоая на божью милость, ждет, когда семена прорастут.

Едва семена проросли и выбросили по два «уха» — листочка, у Аликула прибавляется забот. Мотыжит, прореживает, поливает, носит с дороги землю, насыпает ее вместо удобрения. И труд большой, и надежды большие...

Однако этот несчастный местный хлопчатник будто богом проклят, — чем больше возишься с ним, тем больше, как неудачный ребенок, он, кажется, хиреет.

— Что я могу поделатя? — горюет Аликул. — За листья его, что ли, тинуть, чтобы рос?

Осенью там и сям на кустиках зреют коробочки. Уро-

жай, говорите? Э-э, какой это урожай! От силы двадцать пудов — и то наберется ли, нет ли...

В эту пору в кишлаке внезапным несчастьем объявляется скупщик хлопка — комиссионер. Но из близких он мест. Не из Ташкента, не из Бухары — издалека, из какого-то Исааково-Вознесенска: Аликул там не бывал, не знает, где это.

Как говорится, даже одной курице надобно зерно, нужна вода, — так и любой дехканской семье, в том числе и семье Аликула, потребны хлеб и одежда, свет и соль. Разве перечислишь, что нужно человеку? И за все один ответчик — хлопок.

Словом, каждой осенью у хирмана Аликул и комиссионер принимаются считать.

— Так, — веско говорит комиссионер. — В месяце Льва, семнадцатого, ты брал фунт чая, десять фунтов соли, верпо?

— Верно, — отвечает Аликул.

— В пятый день месяца Весов ты взял пять аршин ситца и два стекла для лампы. Верно?

— Верно, — кивает Аликул.

Комиссионер проворно щелкает костяшками счетов, укоризненно качает головой:

— Э, Аликул, Аликул, плохо работая ты в этом году, урожай бедный, доход никудышный, на рынке застой, ну ладно, хлопок твой возьмем, но за тобой остается солидный долг...

Тут седая голова Аликула свешивается на грудь, он надолго умолкает, уставившись в землю, будто советуется с нею:

— Ну, родная земляца, что теперь будет с нами? Опять мы в долгу. Смилуйся, дай побольше хлопка, чтобы мы в следующем году избавились от долгов и смогли плюнуть в лицо этому спекулянту...

Комиссионер уже у других хирманов:

— Старайтесь! Получайте деньги, прикладывайте пальцы к векселям, трудитесь лучше, расплачивайтесь с долгами.

У комиссионера много хлопот. Он не может стоять на одном месте. Зато дехканы остаются на своих местах, поглаживая бороды и просветельно глядя вслед скупщику.

И так — каждый год. Хлопок растет медленно, долг растет быстро. Земля истощается, каждую осень хлопка все меньше, долгов — все больше...

— Аликкул ака, бегите скорей!
— Что случилось?
— Бык аксакала Мамашарифа ласмерть забодал вашу жесу...

...Отправил несчастный Аликкул трех своих сыновей, одного за другим, в город на заработки, и остался в кишлаке один.

Сыновьям повезло: устроились грузчиками на хлопкоочистительном заводе. Трудятся в одном ряду с русскими и таджикскими сплачами. Таскают огромные капары на самый верх бунтов. Грузят тюки в вагоны. Хозяин, богатый заводчик, не нарадуется на них:

— Молодцы, ребята! Да не коснется хворь ваших мочучих плеч. Будете хорошо работать, — лет через пятьдесят женю вас на дочерях священнослужителей! — И, восхитенный собственной шуткой, громко хохочет.

...Опять весна, опять соха и ярмо, те же семена, тот же труд, та же земля и та же кручина. Аликкул обращается к земле:

— Матушка, сжалась! Неирягись. Надо же нам расплагаться с долгами.

Земля молчит. За спиной Аликкула манчит черная тень комиссионера.

Однажды осенью кто-то крикнул с соседнего поля:

— Аликкул-ата!

Что там еще стряслось? Встревоженный старик не отовнялся.

— Эй, Аликкул-ата! Почему не отзываетесь? Давайте подарок за радостную весть. Керенского скипули, победил «большевы». Война кончилась, теперь у нас новая власть...

Отеломленный Аликкул долго не мог собраться с мыслями. Он знал, конечно, что еще вимой народ сбросил царя. Но Аликкулу не стало от этого легче, — долг комиссионеру продолжал висеть на его шее, и Керенский, паверно, такой же, если не хуже, комиссионер, как этот. О «большевых» Аликкул тоже слышал — от своих сыновей. Старший как-то сказал: «Мы теперь — партийные, большевы». Выходит, теперь у власти его родные сыновья? Не может этого быть. Не веригся.

Аликкул ходил какой-то отлохивий, полусонный. В полусве убрал хлопок, разложил его сушиться под еще горячим солнцем. Слухи в кишлаке становились все определеннее, победили «большевы», теперь в стране пародная власть.

И вот, откуда ни возьмись, опять появился комиссионер.

— Эге,— говорит,— маловато хлопка, урожай-то снова скуден, Аликул-ата?

— Да,— согласился Аликул,— что мало, то мало. Поэтому-то в этом году я решил его тебе не продавать.

— То есть как?— изумился комиссионер.— Кому ж ты хочешь его продать?

— Никому. Даром отдам.

— Даром?!— У комиссионера рот распоясало до ушей.— Даром, говоришь?

— Даром,— кивнул Аликул.— Но не тебе, а «большевым».

— Это как же... А долг?

— Не торопись, господин, не волнуйся. Знаешь моих сыновей? Они и есть «большевы». погоди, скоро приедут в кишлак, они с тобою сочтутся. Сполна! Вернут тебе мой старый долг...

1965

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Посвящается Дню марша против войны

Взорвались, рассеялись над полями последние бомбы на Западном фронте. Прожорливые пасти тяжелых дальнобойных орудий в последний раз изрыгнули смертоносное пламя. В последний раз утренний ветер привнес с собой ядовитую пороховую гарь.

С ужасающим скрежетом расплозились в свои черные логова бронетранспортеры и танки, эти железные исчадия преисподней. Растворились в голубых небесах дымные шлейфы бомбардировщиков.

На землю пришел мир...

Об этом кричали на обгорелых площадях городов оборванные мальчишки — разносчики газет, об этом с солидным достоинством рассуждали лощеные дипломаты на западалых конференциях и пышных приемах, об этом молчали десять миллионов покойников — жертвы войны, длившейся четыре безумных года: 1914—1918-й.

Да, мир успокоился. Мир изумленными глазами смотрит на сырые траншеи, откуда доносится густой трупный смрад, на изгороди из проржаевшей колючей проволоки, на искореженные каркасы дворцов. Зачем? Кому это нужно было? Какому кровожадному идолу понадобились эти слепцы и калеки, слезы вдов, безутешное горе сирот?

Сегодня это видят даже слепец: этот ненасытный идол, отнявший у людей мир и покой, счастье и жизнь самою, этот идол — империализм.

...По краям обгорелых полей бродят одинокие тени — то ли призраки убитых солдат, то ли плоти изможденных крестьян. Что им здесь нужно? Что ищут они среди смерти и праха?

И расскажу.

Всю свою жизнь прожил Джафар ибн Мурад в махалле Хайрулбияля английского колонивального города Саа.

Джафар ибн Мурад — искусный кузнец. Никто на всех дорогах округи не изготовит такой подковы, как он, никто не умеет, как он, подковать степного арабского скакуна. Джафар ибн Мурад строго хранил секреты своего мастерства, посвящая в них лишь своего сына Абдусалыма.

Но пришел черный день, и Абдусалыма ибн Джафара забрали в английский легион сражаться за честь британской короны.

Первое письмо от сына-солдата Джафар ибн Мурад получил весной 1916 года. Второе пришло осенью следующего, 1917-го. Больше от Абдусалыма ничего не было. Когда через год сумрачным октябрьским утром кто-то принес в махаллю весть об окончании войны, Джафар ибн Мурад вышел на дорогу, чтобы встретить Абдусалыма.

Несколько месяцев кряду, каждый день, с утра и до вечера, он сидел у развилки дорог, дожидаясь возвращения сына. Абдусалым все не шел...

В первый день сена Джафар ибн Мурад сотворил поминальную молитву и, выйдя на улицу, направился к развилке дорог, а к заброшенной кузнице.

Соседи считали — ему повезло: всего лишь одного сына вырвали у него когти войны. Другим куда большей ценой пришлось платить за спасение. Но разве возразишь — всякому своя мера аллахом положена...

И снова заплескали багровые языки пламени в горне Джафара, снова доносились из кузницы размеренные удары. Время от времени в глиняной печи появлялись трещины. Джафар старательно замазывал их, давал печи просохнуть и опять закладывал в нее куски железа, купленные на монопольном складе.

С каждым годом, однако, цены на это железо становились все выше и выше — сказывалась нехватка металла. Об этом писалось тогда во всех английских газетах. Писалось в них и о том, что местным ремесленникам следует самим обеспечивать себя необходимым сырьем — собирать и использовать «отходы» войны. В 1929 году вышел даже специальный указ колониальных властей — мобилизовать какую-то часть туземного населения на сбор обломков орудий, стреляных гильз, солдатских касок и прочих реликвий мпнувшей войны.

Джафара ибн Мурада по старости не мобилизовали. Он по-прежнему покупал железо на английских государственных складах. Только теперь это был не сорный ме-

талл, а проржавевшие обломки, какие-то рваные бесформенные глыбы, гнутые полосы и бруски с спленатой окалиной, щербленные шестеренки.

Трудно было Джафару работать с этим металлом. Один кусок докрасна уже раскалился, другой только-только синеть начинает, один, словно тесто, но наковальню растекался, другой — точно гранит. Неиростан задача из такого вот ералаша добротную подкову выковать — семь потов сойдет, сам, как тот гнутый брусок, багровым становишься.

Однажды на складе Джафару ибн Мураду выдали металлический лом совсем диковинной формы — основании круглое, сверху штуковина эта сужается, на медном обруче, которым она опоясана, какие-то знаки и цифры. Что за знаки, какие там цифры — не разобрать: плесень изъела.

Штуковина оказалась довольно тяжелой — едва-едва дотащил ее Джафар до кузницы. А дотащил — другая загвоздка: никак не лезет проклятая в печь, не проходит в узкую горловину. Подумал-подумал Джафар и решил: расколю ее молотом. Поднял, положил на наковальню и с размаху — раз! другой! Ни в какую — лежит себе целокошьякая, ни трещинки, ни зазубринки. Третий удар пришелся по медному обручу. И вдруг Джафару послышалось, будто там, внутри этой ржавой штуковины, что-то зашипело, защелкало. Что за чудо такое? Столько лет старый Джафар с металлом орудует — такого не видел. Внимательно, с опаской и подозрением оглядел он то, что лежало на наковальне, занес молот в четвертый раз, и в этот момент раздался оглушительный взрыв. Джафар ибн Мурад вместе с молотом, что держал он в руках, вместе с печью в прокопченной дырявой крышей своей кузницы взлетел в воздух.

Через несколько минут вокруг дымящихся развалин собралось все население махалли Хайрулбияля. Кто-то плакал, кто-то кричал, а иные в горячах предлагали идти громить английские склады.

Вскоре появилась полиция и разогнала толпу.

На следующий день в английских газетах писали о прискорбном случае, стоявшем жизни старому кузнецу из города Сана.

Джафар ибн Мурад оказался последней жертвой прошедшей войны. Говорят, даже раздавленный скорпидом еще способен ужаличь.

ЗАГС

Хотите воочию убедиться, что рождаемость берет верх над смертностью, а заключение браков — над их расторжением, отправляйтесь в ЗАГС. Вы встретите здесь много знакомых и радостных лиц.

Вот этот парень в синей рубашке — рабочий Текстильного комбината Шоакбар Мукимов. Он здесь не впервые. Был два года назад. И — не один. С ним была его любимая, ненаглядная Башорат. Сердца их билось в ритме еллипсиса, глаза излучали свет надежды на счастливое будущее. Здесь, на большом столе, покрытом красной тканью, в этом толстом журнале, зарегистрирован их брак.

Этот журнал — сколько тайн в нем заключено! О счастье скольких людей он свидетельствует! Скольким молодым он как бы послужил дверью в здоровую, чистую, дружную семейную жизнь.

И через два года Шоакбар вновь явился сюда. Но с ним уже нет любимой Башорат. Что делает тут Шоакбар? Где Башорат? Почему ее нет? Что случилось с ними? Разлюбили, забыли обещание, которое давали друг другу всего два года назад: «Вместе, пока один из нас не умрет»? Разбилось о камень подлости прозрачное, ясное зеркало любви, отражавшее их сияющие лица? Нет! Но где же тогда Башорат? Почему Шоакбар, совершив на работе прогул, болтается в ЗАГСе?

Где Башорат? Она на втором этаже, в седьмой палате, на койке № 93 городского роддома. И она совсем не против того, что Шоакбар, оставив ее, сложится по ЗАГСу. Она не одна. Рядом с нею — маленький Шоакбар, сыночек, любимый нежный человечек. Ребенок стискивает кулачки, прижимает их к припухшим глазкам-бусинкам. Вылитый Шоакбар. Ну, точно он. Только сросшиеся бровки падают на брови Башорат. Здоровенький, полный — двенадцать фунтов и еще сто граммов; сколько будет, если перенести на килограммы?

В роддоме много таких «больших». Соседка Башорат

но палате родила дочку. Такую миленькую, просто заглядение. Обе женщины смеясь договорились породниться...

Шоакбар сидит у входа на скамейке, ждет своей очереди. Он хочет внести имя нового члена своей молодой семьи в список нашей большой семьи, в актив социалистического общества.

Но вот имени-то еще нет пока. Еще не придумал. Батыр? Нет. Пулат? А если Азамат, понравится ли жене?

Юноши, девушки, смущаясь, стесняясь, краснея, проходят к столу записей. Секретарь задает вопросы. Шоакбар про себя: «К чему эти вопросы? Ведь и так видно, что любят друг друга...» Сегодня особенно много парода. «Откуда их столько нанесло?» — досадует Шоакбар. Но затем вспоминает, с каким нетерпением рвались они с Башорат два года назад к столу записей — и с теплой понимающей улыбкой оглядывает очередь.

— У вас что? — спрашивает, перехватив его взгляд, веселый паренек из очереди.

— Рождение. А у вас?

Паренек показывает на девушку в вязаном шелковом платке, у которой кончик носа вспотел от смущения. Шоакбар — покровительственно:

— Желаю состариться вместе. — Затем лукаво: — И вы года через два, а может, и раньше вновь придете сюда...
Смеются.

НАШ ПРЕЗИДЕНТ

Причиной его побега из Маргилаца в Узген был долг в сто пятьдесят рублей. Причиной долга была смерть отца.

Этот плечистый, ширококостный парень был батраком Абдугани-базаза, того самого Абдугани, который, не довольствуясь своим торговым делом, скупил в окрестностях Маргилаца около пятидесяти батмапов земли, совершил темные махинации с крупным и мелким рогатым скотом.

Потомок батраков, с материнским молоком впитавший в себя все премудрости крестьянского ремесла, умевший даже в голой стене вырастить все — от тыквы до хлопка, — Юлдашбай был незаменимым работником для Абдугани-базаза. С ранней весны и до поздней осени трудился он на байских полях. В зимние месяцы прислуживал хозяину в городе — носил воду в дом и колючую, рубил дрова, перевозил ткани с вокзала в байские лапки, резал клевер, подметал двор и компаты, сопровождал байских жен, мечтавших одарить своего господина наследником, к святым местам Эрхуббая и Бибубайды. Какой же хозяин такого работника из рук выпустит! И Абдугани не выпускал. С каждым днем то посулами, то долговыми веревками крепче к себе привязывал.

— Будешь стараться, к осени жеребца подарю. Или — хочешь — женю тебя на самой красивой девушке? А пока вот этот отрез возьми. Сошьешь рубаху отцу. — И пока Юлдашбай отвечает благодарственные поклоны, записывает в долговую тетрадь: «Плюс два рубля».

Однажды Юлдашбай явился к хозяину со вспухшими глазами.

— Отец умер.

— Все умрем, все там будем, — утешил парня Абдугани. — Плачешь тут не сможешь.

— Хоронить нужно... Цепег нет... Совсем нет...

Вроде бы даже обрадовался бай этим словам.

— Что поделаешь: жиапъ по многого стоит — смерть обходится дорого... Ну, ничего. Пока я живой — не пропадет Юлдашбай. Дам займа сколько нужно. Чтоб только похороны были, молитвы, помишки — все как положено, полное уважение достойному человеку. А ты... будет цола голова — расплатишься, отработаешь.

Юлдаш с благодарностью принял помощь хозяина. Похоронил отца, справил помишки. А чеера несколько дней Абдугани зазвал его в дом.

— Ну-ка, браток, давай, подсчитаем, — сказал он, съюпным пальцем листая долговую тетрадь. Юлдашбай наблюдал, как эти, будто вспухшие, пальцы кидали костяшки на счетах то в одну, то в другую сторону, потом услышал: — Сто пятьдесят получается. Консейка в копейку.

Самовар, стоявший на серебряном подносе в другом конце комнаты, запел жалобно, с надрыпным всхлипами, точно сурнай на помивках.

Взяв исписанный какими-то закорючками лист бумаги, Абдугани сказал Юлдашбаю:

— Если не возражаешь, ткив вот сюда, большим пальцем.

Когда Юлдашбай вышел из дома, старые слуги стали корить его:

— Эх, что же ты, парень, зачем палец прикладываешь? Эта бумага — лексоль! Теперь ты, как сокол, в ловушку, живым от бая не вырвешься...

Много лет работал еще Юлдашбай на Абдугани-баззава. Но странное дело: сколько он ни трудился на бая, долг не уменьшался, а надежд на избавление от кабалы оставалось все меньше. Однажды, доведенный до отчаяния, Юлдашбай бежал из байского дома. Так он оказался в Узгене. Это потом уже, многие годы спустя, он разобрался: можно убежать из Маргилана в Узген — пельая убежать от своего времени, от заведенного порядка вещей.

Жизнь в Узгене ничем не отличалась от той, что заставила его бежать и скрываться. Холматджанбай, к которому он навялся в батраки за два кокандских золотых и год, ничем не отличался от прежнего его хозяина. Как говорится, белая собака, черная собака — все равно собака...

Девять лет проработал Юлдашбай во владениях Холматжапа. Летом — на поле, зимой арбакешем.

— Лучшие годы своей молодости — с девятнадцати до двадцати девяти — отдал я этому жадному и завистливому лауку, — вспоминал впоследствии Юлдашбай. — Это был страшный, ничем не гнушавшийся человек. Если б он

мог, использовал бы храп бедняков, чтоб распугивать птиц в саду, а дыхание — чтоб крутить ветряные мельницы.

Через девять лет, когда Юлдашбай попросил у него плату, тот ответил:

— За то, что ты жив, а не умер бродягой, ешь и пьешь в моем доме, я бы должен еще с тебя получить. Да ладно — прощаю. Ни ты мне, ни я тебе — квиты. А недоолен — жалуйся казпию: пусть нас рассудит.

И Юлдашбай пошел к казпию. Суд был быстрым и милостивым. Для Холматджана.

Не заработав за девять лет ни гроша, с чем пришел, с тем и ушел батрак от бая.

Это было в 1914 году.

С тех пор пошел Юлдашбай бродить по Ферганской долине. Не было города или кишлака, где бы ни побывал он со своей тощей сумой, не было здесь родника, на которого бы он ни напился. Порой Юлдашбай напивался поденщиком на самую черную, самую извурительную работу к какому-нибудь баю или торговцу. Когда голод заставлял его на городских площадях, шел грузчиком на хлопковод или носильщиком на железнодорожную станцию. Так и зарабатывал он себе на кусок хлеба. Так и жил.

Много слез и людского горя повидал Юлдашбай за годы скитаний, со многими людьми познакомился, много понял. Это была его нелегкая суровая школа жизни, его университеты.

Осенью 1918 года Юлдашбай вернулся в свой родной кишлак Длугуйбазар. Напившись к местному баю, он занимался поливом земель. Однажды, когда в совсем бледно-желтом блезном аятаке, с кетменем на плече он стоял посреди хлопкового поля, на проселке появился отряд конных красноармейцев. Один из бойцов, по-видимому старший в отряде, окликнул Юлдаша:

— Кто такой?

— Юлдаш. Сып Ахунбобо.

— Твое поле?

Такое предположение заставило Юлдашбая усмехнуться. Кто-то подсказал командиру:

— Разве не видишь — батрак!

— С басмачами не водиться? — все с той же строгостью в голосе допытывался старший.

— Зачем мне с ними водиться? — ответил Юлдаш. — Пусть шайтан с ними водится!

Взгляд командира смягчился. Уже с каким-то доверием он спросил батрака:

— Места здешние знаешь?

— Не только эти места — я всю Фергану, как линия собственных ладоней, знаю.

— Тогда пойдем с вами, — предложил командир. — Проводником нашим будешь.

Так началась для Юлдаша Ахунбабаева новая жизнь. Проводник 14-го полка, которым командовал Обухов, с оружием в руках сражался против басмаческих банд. Но главным оружием его стало слово. Недавний батрак, на себе испытавший все тяготы подпольной жизни, Юлдашбай знал, о чем говорить с трудовым народом, как разъяснить ему значение тех всяких события, что происходили в Ферганской долине, в Узбекистане, в молодой Советской республике. Каждое выступление Юлдаша Ахунбабаева, каждая его беседа с бедняками умножали ряды сторонников революции. Известность бывшего батрака, а ныне бойца Красной Армии росла среди дехкан и ремесленников, передовой интеллигенции, немногочисленного еще тогда пролетариата. В 1921 году трудящиеся Маргилана избрали его председателем своего совета.

1921-й был знаменательным для Юлдаша Ахунбабаева. В этом году он вступил в партию коммунистов. В этом году бывший батрак стал членом только что созданной сельскохозяйственной артели «Гайрат». В том же 21-м Ахунбабаев был избран председателем Союза «Кожчи» Маргиланского уезда. Именно в тот незабываемый год он по складам прочел периме в своей жизни слова.

Днем и ночью среди людей, то с выптовкой в кожном строю, то на трибуне кишлачного митинга, — так живет теперь Юлдашбай. Он вырастает в сознательного большевика, активного защитника и строителя нового мира. Все ярче и многосторонней раскрывается в деле его огромный талант революционера, организатора масс.

В 1925 году трудящиеся Ферганской долины посылают его в Бухару своим делегатом на I курултай Советов Узбекистана. Участники курултая оказывают ему высокую честь и доверие, избрав председателем Исполнительного Комитета Узбекской Советской Социалистической Республики.

С тех пор, с момента его избрания, прошло пятнадцать лет, пятнадцать лет, наполненных в жизни республики великими историческими событиями. Неузнаваемо изменился за эти годы в прошлом отсталый и темный край. Выросла и набирает все большую мощь промышленность Узбекистана. Коренные преобразования произошли в сель-

ском хозяйстве республики. Поднялись благосостояние и культурный уровень народа. За полтора десятилетия борьбы и труда в Узбекистане выросли свои высококвалифицированные кадры рабочих и специалистов сельского хозяйства, инженеров и техников, ученых, работников здравоохранения и народного просвещения, мастеров культуры, талантливых руководителей и организаторов производства, больших политических деятелей. Один из них — выходец из народной среды, верный сын ленинской партии, солдат Великого Октября — наш президент Юлдаш Ахунбабаев. Он всегда шел в первых рядах строителей социализма, но поле народа и партии был одним из руководителей проведения в крае земельно-водной реформы и широкой кампании по раскрепощению женщин, возглавлял борьбу за коллективизацию сельского хозяйства и за большой узбекистанский хлопок. Можно без преувеличения сказать, что в каждой из множества крупных реформ, осуществленных за эти годы в республике, — социальных и политических, хозяйственных и культурных — есть доля участия Юлдаша Ахунбабаева, частичка его ума и энергии, его трудолюбия и больших организаторских способностей.

Сегодня многие называют Юлдаша-ата Ахунбабаева живой энциклопедией Средней Азии. И это понятно: нет такого вопроса, касающегося истории народов Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, их сегодняшней жизни, на который он не сумел бы ответить. Он знает природу и климат каждой из этих республик, глубоко изучил особенности каждой из них, осведомлен о ее современных делах и проблемах.

Но, разумеется, главным предметом его интересов, забот и волнений остается родная республика — Советский Узбекистан. Ей отдает он все силы своей души, свой опыт руководителя и талант большого политического деятеля. Его знает здесь каждый — колхозник и рабочий, ученый и красноармеец, учитель и врач. И он знает многих, с кем поехал и работал, строил и жил. Порой просто дышу даешься его исключительной памяти, его искренней записересованности в каждой человеческой судьбе.

— О Шарифджан, здравствуйте! Как живете, как ваше здоровье? — допытывается он, встретив на бухарском проселке статного парня в полосатом халате. — Сколько хлопка сдаст в этом году ваше звено?

Когда их беседа закончена, — мы — кто сопровождает Ахунбабаева в этой поездке — спрашиваем:

— Ага, откуда вы знаете этого парня? Кто он такой?

— Прекрасный человек. И мастер отличный. Звеньевой из колхоза «8-го Марта» Шавастского района.

— Давно с ним знакомы?

— С 35 года.

В другой раз я как-то оказался свидетелем его встречи с белобородым стариком. И опять:

— Как живете, таксыр? Чем теперь занимаетесь?

Потом, распрощавшись со стариком, Юлдаш-ата пояснил с усмешкой:

— Знахарь из кишлака Бенчана. В 1902 году водил к нему жену своего хозяина для изгнания духов.

Но больше всего знакомых и друзей у него среди хлопкоробов. Он досконально изучил все, что связано с хлопком. Недаром его называют лучшим в республике мастером хлопководства.

Простой и вместе с тем по-настоящему мудрый, скромный и трудолюбивый, искренний с друзьями и беспощадный к врагам — таков Ахунбаев, наш старший товарищ, наш президент. Таким воспитали его народ и партия коммунистов.

ДРУГ ИЗ МАКАЯ

Когда Лукмана Хакима¹ спросили: «Зачем ты появился на свет?» — он ответил: «Чтоб иметь двух-трех друзей».

В эту поездку в Багдадский район я повстречал нескольких людей, стоящих дружбы. Один из них — руководитель Управления водного хозяйства Сатывалды Саидалев.

У Багдадского района есть второе название — Макаистан. Именно отсюда был родом самый близкий и самый любимый друг нашего великого поэта Мухаммада Аминоходжи Мукими — мулла Мухамеджан. Лучшие стихи свои посвятил ему Мукими. А Мухамеджан клал их на музыку и первым исполнял. Да как исполнял!

Имя Мухамеджана Макая — композитора и повца — не забыто в народе, его традиции живут и поныне. Вы и сегодня встретите в Макае десятки людей, которые, только услышат, прочтут новый стих, тут же сочинят к нему музыку и сами же пропоют. А потом, глядишь, по всей Ферганской долине, по всей республике разлетелась уже эта песня!

Прославился Макаистан и своими борцами. Где бы ни шли состязания — в Коканде, Андижане, Ташкенте, — богатыри из Багдада всегда на почетных местах. И редко-редко когда кто из них коснется земли локотками.

Мой новый макайский друг — сладкоголосый певец, поперженный богатырь. Но я хочу рассказать о другом его глашом жизненном деле — о Сатывалды-поливальщике, мирабе, многоопытном инженер-ирригаторе.

Я как-то спросил его:

— Какое из трех ваших занятий вы особенно любите?

— Интересный вопрос задасте! — ответил он очень серьезно. — Профессия-то у меня только одна — поливальщик. Вся моя жизнь — в воде. От журчастья ее я петь на-

¹ Лукман Хаким — лекарь, популярный персонаж узбекского фольклора.

учился. От мощи воды и моя сила. Что и говорить — я знаю ей цену! — Он помолчал, размышляя о чем-то или, быть может, о чем-то своем вспоминая, потом рассказал мне такую историю.

— Недавно парень один с фронта вернулся. Шесть дней в окружении без воды оставался. Так эта жажда крепко засела у него в голове. Каждый день приходит к каналу, посидит-посидит, зачерпнет пригоршней воду, напьется и обратно домой... Пусть отдохнет недельку-другую, оклемается — к себе в ученики позову. Настоящий мираб выйдет из парня.

Как свои пять пальцев знает Сатывалды Саидалиев Багдадский, Алтыарыкский, Куйбышевский, Бувайдинский, Панский районы. Ему известен каждый арычек. Особенно же в Багдадском районе, где он родился, вырос и вот уже четырнадцать лет командует водной стихией.

Сегодня главные источники питания Багдадского района — Сох и Большой Ферганский канал. До постройки канала положенные Багдадского района было тяжелым. Сатывалды вспоминает:

— Из всех саев, которые знаю, Сох — самый поровный и буйный. До таяния снега в горах — это, значит, до середины июля — арыки Сохской системы лежат в глубокой пыли. А уж как началось таяние — тогда только держись! Вода идет такая — полторы тысячи мельниц не разберут! В былые времена еще помню, когда инженерных сооружений в системе не было — только примитивные, дедовских времен приспособления — много вреда причинял дехканству Сох: размывал плотины и насыпи, заслоны срывал, затоплял сады и посева. Год за годом училась мы укрощать своеправный сай. Научились. А теперь, после прокладки Большого Ферганского, можно сказать, совсем приручили... Но вы не подумайте, будто Сох изменился, характером покладистей стал. Он и сейчас — не доглядишь, не все предусмотрить — такую шутку может сыграть — за голову схватиться!.. Я вот вам расскажу, как готовились к июльскому наводку в этом году только в нашем районе. Нужно было по руслу поставить пятнадцать заслонов. Поставили двадцать пять. Нужно было насыпать из камня плотин на двенадцать тысяч кубов. Насыпали двенадцать одну тысячу. Но это не все. Капитально отремонтировали водозаборы, очистили и привели в порядок всю распределительную систему. Ну, теперь, пожалуйста, — мы готовы! Пусть даже вместо восьми с половиной кубов, которые сегодня по саю идут, все двадцать-

двадцать пять хлынут — не страшно: ничего не случится.

Пользуясь случаем, я решил пополюжить свои мирабские знания и спросил, чем отличаются воды Соха от тех, что несет Большой Ферганский канал.

Сатывалды не замедлил с ответом:

— Семьдесят процентов воды, что наш район потребляет, идет из Сохской системы, семь процентов — из Большого Ферганского. Конечно, для человека несведущего, что вода из Сохской системы, что из канала — разницы никакой: вода и вода. А разница есть. И большая... Я уже говорил: наш район веками потреблял воды Соха. Поглядите на землю. Видите? Толстый слой измельченного каменистого ила. Это все нанес сюда Сох, с гор притащил. А каменистый нанос бесполезен, он не будет питать корни растений... Другое дело — вода из канала. Она несет с собой богатый лессовый ил. Это прекрасное удобрение, и поля, которые напоятся такой водой, как атлас, засверкают. Вот поэтому, чтобы равномерно напоить и удобрить землю, мы в девяти разных местах пускаем воды Соха и воды канала в одинаковых пропорциях. Зимняя промывка почвы падает на плечи канала. Летом заботу о поливе зерновых берет на себя Сох. Как видите, все рассчитано, все заранее спланировано. Оттого и очередей за водой у нас не бывает, разве что ранней весной, и то несколько дней. Вот ходим — увидите сами.

Но прежде чем отправиться в путь, я задаю своему собеседнику еще один каверный вопрос:

— Некоторые, слышал, говорят, будто с увеличением числа каналов и обильным поливом земель начали подниматься грунтовые воды на тех площадях, что ниже по руслу, отсюда же, мол, и чрезмерная влажность почвы. Правда это, Сатывалды?

— Небылицы! — резко машет рукой Саидалиев. — После постройки Большого Ферганского во многих районах стали меньше внимания уделять пригационным работам, а прокладку дренажа совсем забросили. В Коканде, к примеру, раньше вода проступала? Проступала. Но стоки отгигивали ее. Пусть сами скажут кокандцы, по совести — сколько лет они уже не строят коллекторы, не занимают мелнирацией?! Или почему ушла вода из Пепджабской степи? В чем причина завлажнения в верховьях капала?.. Все эти слухи, разговоры — самооправдание перадиных!

Я выслушал его и подумал: а ведь, пожалуй, он прав — как часто еще там, где сами во всем виноваты, мы ищем

объяснения в объективных причинах — в воде, в огне, в воздухе. Поменьше б таких «объективных причин». Побольше бы спросу с себя самого. Как это делает Сатывалды Саидалиев. Да и не он, конечно, один. Ведь у такого руководителя, у такого специалиста есть, наверно, и ученики свои, и последователи. Именно об этом и спросил его.

— Ученики, говорите? — ответил он живо. — Само собой. Настоящие мирабы. Умеют с водой обращаться. Бывает, разъярится наш Сох, как раненый зверь, на дамбы кидается, все порушить, снести, все затопить готов. А они его сдержат, обуздают, заставят как положено течь. Смелые люди, мужественные. И мастера настоящие!

— Молодые, наверно? — спросил я из любопытства.

— Молодые... Есть кому и за шестьдесят.

— Как вас новья? — удивился и ответу Саидалиева. Он пояснил:

— В мирабском деле молодые еще. Герои нашего тыла. Их сыновья, младшие братья, родные на фронт ушли, воевать. Они и встали на замену.

На языке у меня вертелся еще один важный вопрос, но Сатывалды опередил меня, сказал в шутку:

— Я думал — ноэт, а вы, похоже, в ученики мираба пришли заниматься... Ну, все — кони готовы. Поехали. Продолжение урока — на поле.

...По вечерней прохладе мы направились в близлежащий колхоз. Проселок вился среди густого хлопкового поля, несколько раз пересекал полноводные арыки. Колхозники, занятые поливом и шедшие по дороге, сердечно и уважительно приветствовали Саидалиева.

Не доезжая кишлака Набиева, мы одновременно заметили впереди на дороге обширную разлившуюся лужу. Откуда она натекла, установить было нетрудно: вода размыва запруды рисового поля, затопила низлежащий хлопковый участок и теперь спокойно попла дорогу.

— Дорогой Сатывалды, — не удержался я от язвительной реплики, — именно это вы имели в виду, когда говорили о бережливости?

— Нет, — насунился сразу Саидалиев. — Я это имел в виду, когда говорил о безответственности и о любителях всяких объективных причин... Сейчас мы с одним из них познакомимся.

— Какое ждет его наказание?

— Оставим на несколько дней без воды. Оштрафуем.

Саидалиев сирывнул с коня, руками быстро заделал

промоицу и, убедившись, что теперь все в порядке, снова взобрался в седло.

Какое-то время ехали молча. Видно было, что случай с размытой запрудой и бесполезно уходящей водой основательно подпортил настроение моему новому другу. Однако обязанности хозяина — прежде всего, и Сатыбалды заговорил снова:

— Ученику мираба положено знать, что значит для растения полив в саратан — самое жаркое время года. Лекарь Лукман говорил, что мертвец, омытый водой саратана, непременно воскреснет. Старые сказки. Но что правда, то правда: у хлопчатника, вдосталь напившегося водой саратана, цветы не опадают, он сильный, здоровый, и урожай с него — самый высокий.

Мы въезжали в кишлак Самарканд вровень с выкатившейся лам навстречу полной багрового цвета луной.

И так как мой друг из Макая закончил рассказ свой словами Лукмана, я решил словами того же Лукмана начать этот очерк.

ПИСЬМО

Кто не знал в махалле Джаркуча торговца жмыхом Пирмухамеда? Всякому, у кого водилась домашняя живность, случалось обращаться к нему, и мне тоже.

Все его достояние не превышало обычно пяти-шести голов жмыха, ибо принадлежал он к числу тех торгово-ремесленных людишек, от которых, как говорится, отвернулся бог. И детьми, можно бы сказать, его обдал аллах: у других в округе — по десять-пятнадцать сынов, дочерей, у Пирмухамеда — один Кулмухамед. Но — один-то один, зато такой здоровяк, что одолеет десять силачей.

1916 год. Самый разгар мировой войны. Зловещие слухи: царь Николай хочет обратить молодежь на какие-то гам «тыловые работы». Восстание. Элликбаши, полицейский начальник, схватил Кулмухамеда, увел.

Долго-долго тужил Пирмухамед, не имея от сына вестей, часто видел тяжкие сны. Однажды он услышал стук в калитку. Гливул в щель. У входа — важный человек с кожаной сумкой через плечо, в коротком черном камзоле, в барашковой шапке с медной кокардой.

Испугался Пирмухамед! Кто такой, веужто — опять полицейский, который увел его сына? Нет, одет по-ипому, и сабли нету при нем.

— Я почтальон, — объявил важный гость, — письмо вам принес, получайте. — И, вручив письмо, пошел своей дорогой.

— Стойте, братец! — вскричал Пирмухамед. — Что за письмо, откуда?

Почтальон, даже не оглянувшись, пожал плечами.

— Что еще за напасть? — вздыхал побелевший Пирмухамед. Он был очень встревожен. Не осталось соседа, которому он не показал бы письма. Оно беспокоило всех. Одвн с опаской сказал:

— Это, скорее всего, вызов к судьбе.

Другой:

— Нет, должно быть, напоминание о прошлогодних ведевках.

Кого много в махалле, так это болтунов, бездельников-острословов.

— Эге, дядюшка Пирмухамед! — воскликнул какой-то шутник. — Ведь это запись о браке! Разве, когда женились на тетушке, вы не ходили к городскому правителю?

Пирмухамед поражен: «Какая запись теперь, когда я уже без двух сорок лет женат?»

Словом, никто во всей махалле не мог помочь Пирмухамеду. Взяв злосчастное письмо, он пошел с ним бродить по городу и, по совету толковых людей, направился в гимназию. Вот здесь-то ему и прочитали таинственное послание. Оказалось, от Кулмухамеда! Из далекого Искова, с тыловых работ. Жив, здоров. Обещает скоро приехать. Письмо написал по его просьбе русский друг...

Старика Пирмухамеда уже давно нет на свете, но я хорошо знаю его семью. Вместе с Кулмухамедом, благополучно вернувшись домой, я посещал в 1917 году курсы обучения грамоте. Род Пирмухамеда — один из самых уважаемых в своей махалле. Его старший внук — доктор филологии, второй — врач, внучка — инженер связи, младший внук геолог.

И хорошо знаю это семейство, но не могу точно сказать, сколько потомков у Пирмухамеда. Со счета сбиваюсь. Их можно встретить по всему Ташкенту. Они работают, учатся в школах, поют в детских садах.

ЛОЦМАН

Мой друг, современник, ты молод, ты не видел лучезарного рассвета Великого Октября, не слышал своим ушами залпа «Авроры». Тебе не довелось присутствовать в зале, заводском цеху или на многолюдной, клокочущей площади, когда там появлялся Владимир Ильич. Ты опоздал родиться. Но — верю, знаю, до глубины души убежден! — ты — из поколения, верного славным традициям отцов и дедов. Ты свято хранишь в своем сердце память о мужественных героях-революционерах, которые прокладывали новый путь человечеству через штормовое море истории. Ты чтешь подвиг тех, кто, не щадя своей жизни, боролся против врагов революции, врагов трудового народа — открытых и притаившихся басмачей, за спинами которых стоял мировой империализм. Ты с завистью думаешь о свершениях бесстрашных партизан, взрывавших фашистские аэропланы, о беспримерной отваге защитников Сталинграда. В твоём воображении настойчиво и призывно звучит симфония тех многотрудных времен, когда возводились Магнитка и ДнепрогЭС, строились первые здания Комсомольска, через голые безлюдные стены прокладывалась стальная лентка Турксиба...

Я знаю: ты с жадностью ловишь каждое слово о тех, чьими руками, умом и сердцем, чьей жизнью воздвигался наш светлый сегодняшний мир. Тебе хочется глубже понять и яснее увидеть этих героев.

Что ж, я тебе помогу. Я расскажу об одном из творцов современной истории, о первом сыне народа и небесном коммунисте, о простом и скромном человеке — Бузрукходже Усманходжаеве. Слушай. Я начинаю.

Тебе, наверное, доводилось бывать на тенистых берегах полноводных каналов, кровеносными жилами пронзающих плоть Ферганской долины. Они несут живую полям и садам, поят виноградные лозы, гонят в рост побег хлопчатника. Как зеницу ока бережем мы эти рукотвор-

ные реки. Да и сама опи, жпысы, искрястые, точно устремленные в небо глаза — глаза, обрамленные густыми ресницами зеленых деревьев. Подолгу, часами, можно глядеть в эти глаза, как в глазах человека читать то сокровенное, что у него на душе. Многое запечатлелось в этих глазах, отразивших сияние солнца,— время, события, судьбы. Об одной из них — мой рассказ...

Говорят, что до революции на всю Фергану грамотных было не больше, чем планет в небе над нею. Один к одному... Бузрукходже повезло: еще в детстве его обучили письму и счету. В двадцать лет он уже числился писарем в мелкой кредитной фирме, что открылась в Риштане.

Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь, не подхвати, не подыми его могучая волна социальных событий.

1916 год. Доведенный до отчаяния военными поборами и все усиливающейся эксплуатацией, произволом царских властей и тиранией «своих», местных баев, в знак протеста против мобилизации на тыловые работы, объявленной колониальной администрацией, узбекский народ подымается на восстание. Оно охватывает всю обширную территорию Туркестанского края, докатывается и до захолустного Риштана. В первых рядах повстанцев — Бузрукходжа.

Царские власти жестоко подавили восстание. По стремлению к свободе, по жажде справедливости, разбуженные в сердце народа, но могли подавить уже ни карательные отряды, ни тюрьмы, ни ссылки. Имению потому с таким высоким воодушевлением, с такой душевной открытостью приветствовал узбекский народ громовые раскаты очистительной Октябрьской бури. И снова, как за год до этого, одним из первых становится на сторону революции Бузрукходжа Усманходжаев.

В 1924 году, в скорбные дни, когда страна прощалась с Лениным, Усманходжаев вступает в ряды Коммунистической партии. С этого часа на всю свою жизнь он становится ее верным солдатом, борцом за ее идеалы.

Сразу же после революции Бузрукходжа избирается председателем Риштанского комитета бедноты и на этом посту многое делает для укрепления власти Советов. Человек огромного мужества, негибимой воли, твердых убеждений, он смело выступает против защитников старых горячков, против баев и духовенства, последовательно проводит в жизнь ленинскую политику.

В дни борьбы против контрреволюционной «Кокандской автономии» Бузрукходжа Усманходжаев добровольцем вступает в красногвардейский отряд Парамонова и до середины 1923 года с пятизарядной винтовкой в руках через безводные степи и по крутым горным тропам, в стужу и зной преследует, громит, гонит с родной земли озверевшие басмаческие банды. Но было в красногвардейском полку такого бойца или командира, который не знал бы отчаянно храброго джигита, лихого наездника и меткого стрелка Бузрукходжу. Такому можно было доверить самое сложное, самое опасное задание. Он доказал это собственной кровью.

Пять лет, до полного уничтожения басмачества, не расставался Усманходжаев с конем и винтовкой. А когда гремел над горами последний, победный залп, его уже ждали в Ринтане. С этого времени и до декабря 1924 года он возглавлял Ринтанский реком.

День ото дня росла популярность Бузрукходжи Усманходжаева. Простые дехкане, ремесленный люд, бедняки всех окрестных селений давно уже повяли — это свой, это человек из народа и для народа живущий. И шли к нему с делом и просьбой, заботой и жалобой, а зачастую и без всякой насущной нужды — просто так — поговорить по душам, послушать умное слово. Вот именно это уважительное и доверительное отношение к Усманходжаеву побудило дехкан и ремесленников выдвинуть его на должность председателя Багдадского исполкома. Что ж, и на этот раз, как прежде и как много раз впоследствии, люди не ошиблись в Усманходжаеве, но переоценили его. И на этом посту, в сложной и напряженной обстановке середины 20-х годов, он все свои силы, весь природный талант организатора и вожака масс отдал делу народа и революции.

С той поры так и складывалась служебная биография Усманходжаева: где сложнее, где самый узкий и самый ответственный участок в данный момент, туда и направил его народ, назначала партия. Так весной 1926 года он становится заведующим уездного отдела просвещения. В повестке дня стояла культурная революция. Нужно было в кратчайшие сроки преодолеть силовную неграмотность — дурное наследие прошлых времен, нужно было в самых отдаленных кишлаках и темных углах зажечь свечильник знаний, и Бузрукходжа со свойственным ему темпераментом берется за выполнение этой задачи: в уезде открываются школы, организуются курсы

ликбеза, проводятся лекции и беседы. Многие из тех, кто впоследствии составил нашу славную национальную интеллигенцию, первые уроки грамоты получили у Бузрукходжи.

Но достаточно было Усманходжаеву владеть делом просвещения в этом уезде, как его уже ждал другой участок работы: в марте 1927 года его назначают заведующим областного водоземельного управления.

Неосведомленный читатель может подумать, что на этот раз ему предстояло иметь дело с водой и землей. Нет, и на этот раз ему прежде всего предстояла работа с людьми. Он должен был разъяснить беднякам, всем и каждому, политику Советской власти, объединить и подтянуть трудовое крестьянство на борьбу против кулаков и васильников, чтобы раз и навечно покончить с ними как с классом, передать захваченные ими землю и воду истинному хозяину этих бесценных богатств — трудовому دهقانину.

Жесточкой и непримиримой была эта борьба — не на жизнь, а на смерть. Яростно сопротивлялось кулачество. Убийства из-за угла, поджоги, диверсии, клевета на честных людей — все было пущено в ход коварным противником. Но дни его были уже сочтены. Классовому единству кулачества была противопоставлена монолитная сплоченность трудового народа, возглавленного партией коммунистов. А что может быть сильнее этого! В ходе борьбы зрело сознание масс, росло убеждение, что единственно верный путь для всего трудового крестьянства — организационное и хозяйственное объединение, коллективизация.

Много сил и душевной энергии вложил молодой коммунист, чтоб разъяснить, донести эту безусловную истину каждому бедняку и середняку, чтобы помочь им в создании первых колхозов. Это были нелегкие, напряженные дни, которые остались в памяти Усманходжаева на всю жизнь. Они и сейчас перед его глазами, только он выйдет на раздольное колхозное поле, только встретит старых друзей — соратников по той исторической битве.

Всемь лет, исследовавших за тем, с 1932 по 1940-й, Бузрукходжа — на посту председателя Избаскентского райисполкома. Поговорите сегодня с любым избаскентцем или багдадцем — они много расскажут вам об Усманходжаеве. Каждый расскажет что-то свое, своими главами увиденное. А из суммы этих рассказов вырастает фигура человека с большой и доброй душой, руководи-

ля умного и решительного, непоколебимого в своих решениях и поступках, беспрдельно преданного интересам народа. Этим и объясняется то доверие, которым неизменно пользовался Усманходжаев у своих земляков — тружеников Ферганской долины, у коммунистов и беспартийных.

Начиная с 1928 года, где бы я на каком посту он ни трудился, его избирают членом райкома партии, депутатом районных и областного Советов. В 1927 году Усманходжаев становится членом Центрального Исполнительного Комитета Совета депутатов трудящихся Узбекистана. Он — депутат Верховного Совета республики всех созывов. Дважды, в 1946 и 1950 годах, ему оказана честь представлять интересы ферганцев в Верховном Совете СССР.

Выходя из народа, народному слуге, кому еще так хорошо было знать нужды, мечты и заботы колхозного дехканства! Много раз за вечерним чаем в кругу старых друзей и новых знакомых, на курултаях в Набаскенте, Багдаде, Фергане, Маргилане, на партконференциях и за своим служебным столом слышал он разговор о воде. Подыми ее на поля, папой истрескавшуюся от вековечной жажды благодатную ферганскую землю — каким богатством воздаст она человеку... Легко сказать — подыми, папой, а как подымеешь ее, как приведеешь на поля? Для этого нужно строить каналы, водохранилища, сложный комплекс гидротехнических сооружений. Где возьмешь на это силы и немалые средства?..

Нет, не впервые возникла перед ферганцами эта проблема. Без преувеличения можно сказать: ей ровню столько веков, сколько живет на ферганской земле человек. Но если прежде мечта и оставалась мечтой, питавшей лишь пылкое воображение поэтов, то теперь, при полном власти народа, она могла, она должна была превратиться в действительность.

День 1 августа 1939 года золотыми буквами вписан в летопись Ферганы, в историю Узбекистана. В это утро тысячи узбекских джигитов, потужо перепоясавшись и закатав рукава, с кетмепями и флагами, кирками и тачками, под звуки карнаев, сурнаев, дутаров вышли в открытое поле, чтобы своими руками преобразить географию края.

О друзья, это были прекрасные, незабываемые дни! Охваченные общим энтузиазмом, в каком-то небывалом порыве мужчины и женщины, парни и девушки день и

ночь пробивали путь сырдарьинской воде. Руки и сердце, каждый час и каждая стихотворная строчка — все было подчинено прокладке трассы канала.

Вместе со своим другом Хамидом я тоже был в эти счастливые дни на строительстве. Под милосердными лучами летнего солнца, обливаясь обильным потом, мы торопливо писали корреспонденции, зарпсовки и очерки, которые должны были выйти в завтрашнем номере строительной многотиражки или республиканской газеты. А ночью, при свете факелов, огненной ценью прочертивших трассу будущего канала, мы писали стихи. Не знаю, быть может, на них лежала печать торопливости, быть может, не было в них отстоявшихся наблюдений и положенный срок вызревавших мыслей — не знаю. Зато я кляшусь своим пером журналиста и литератора: никогда еще оно не тянулось к бумаге с таким вдохновением, никогда еще не довела над ним такая огромная масса живых впечатлений. Да, мы торопились, потому что считали себя обязанными рассказать о замечательных тружениках, о героях этой небывалой всенародной стройки. А герои эти рождались ежедневно и ежечасно то на одном участке, у будущей головы канала, то на другом, за пятьдесят, за сто километров отсюда.

Лучшие, самые высокие образы трудового героизма показывал седьмой участок, что лежал у селения Лугумбек в Избаскентском районе. Руководил этим участком, самым сложным на трассе, Бузрукходжа Усманходжаев.

Я много раз видел его в эту страдную пору. Видел за грубо сколоченным столом в ветхой кибитке, где размещился его командный пункт. Присутствовал на летучих заседаниях штаба, когда распределялись задания на день. Но большую часть времени он проводил на трассе, среди строителей-землекопов. Он так умел организовать ход работы, так вдохновить людей, что участок его неизменно находился в числе передовых. Он и сам умел, засучив рукава, взяться за кетмень или за тачку и работать до седьмого пота.

Мой юный читатель, человек наших славных 60-х годов, ты, наверное, удивлен моим описанием, ты в недоумении пожимаешь плечами: почему ж кетменем и примитивной прадедовской тачкой нужно было строить этот канал? Где же мощная советская техника — экскаваторы, бульдозеры, скреперы, земснаряды?.. Да, не стану скрывать от тебя: Большой Ферганский канал длиной в 270 километров был вырыт за 45 дней вручвую. Наши буль-

дозеры, скреперы, экскаваторы, земснаряды, способные заменить труд тысяч и тысяч самых искусных землекопов, тогда еще только отработывались в конструкторских бюро и на испытательных полигонах. А ждать, когда они, готовые, сверкающие свежей краской, придут нам на помощь, мы не могли — этого не позволяла нам ни наша земля, ни наша совесть.

17 миллионов 800 тысяч кубометров грунта было вынута за 45 дней катменем и лопатой. Ежедневно, сменяя друг друга, на трассе работало 160 тысяч человек, а всего в тело канала вложили свой труд 7 миллионов 400 тысяч жителей нашей республики и среди них 1800 коммунистов, около 50 тысяч комсомольцев, 3 тысячи инженеров и техников, 1850 общественных деятелей и работников культуры. Это была поистине всепародная стройка. И когда после укладки бетона и железобетона, после доводки гидротехнических сооружений в памятный день 29 декабря 1939 года по капалу, волна за волной, хлынула большая вода, — это было поистине всенародным праздником. Я помню. Будто только вчера это было, как плакали, глядя на великое дело рук человеческих, седобородые старцы, как пригоршнями зачерпывали мутную еще воду колхозники и горожане, женщины и дети, ученые — все, кто присутствовал в этот торжественный миг на голых еще берегах канала, и пили, пили ее, словно это была не простая вода, а целебный нектар.

На следующий год трасса Большого Ферганского канала была прогнута еще на 75 километров, и животворные потоки сырдарьинской воды потекли в засушливую Аштскую степь, в пределы братской Таджикской Республики. В том же 1940-м были прорыты от Нарына Северный Ферганский канал, а от Карадарьи — Южный. Все это значительно улучшило водообеспеченность земель старотопользования, дало возможность ввести в сельскохозяйственный оборот новые, ранее пустовавшие площади.

Но все это было уже потом. А в тот незабываемый час стояли на берегу счастливые люди, и на груди у них знаками славы и высокого признания их заслуг сияли повенки, только-только приколотые ордена и медали. Двумя правительственными наградами был отмечен подвиг начальника седьмого участка Нуарукходжи Усманходжаева — орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина. С годами рядом с ним засверкали еще девять орденов и медалей — за героический труд в годы Великой Отечественной войны, за воду, за землю, за хлопок, за то,

что так неузнаваемо преобразился в прошлом пицций, темный, отсталый паш-край. Всю свою жизнь посвятил этому благородному делу скромный труженик и большой организатор, человек кристально чистой души, верный солдат партии Буарукходжа Усманходжаев. Сегодня его знает каждый в республике, и каждый, наверное, может прибавить к тому, что я рассказываю о нем на этих страницах, что-то свое.

Один — о том, как накануне войны, в 40-м, под началом Усманходжаева — в ту пору председателя Яйпанского райисполкома (теперь этот район в Узбекистанский переименован) — поднимал хлопководство в колхозах, за лучшую организацию дехканского быта боролся, налаживая школьное дело в районе.

Другой о том вспомнит, как девять лет криду всей областью руководил Усманходжаев — председатель Ферганского облисполкома.

Третий в подробностях расскажет о том, как в самый тяжелый период войны Буарукходжа Усманходжаев возглавил 25-тысячный отряд строителей Фархадской гидроэлектростанция, как, несмотря на трудности и лишения, в назначенный срок хлынула вода на турбины, хлынули по проводам потоки электроэнергии.

Все это — факты биографии Усманходжаева. Все это — вехи нашей истории.

Говорят, у каждого писателя бывает своя главная книга в жизни. Наверное, это справедливо не только по отношению к писателям: свое главное дело бывает в жизни каждого настоящего человека. Для Буарукходжа Усманходжаева таким делом была, по-моему, вода. Привести ее на истомившиеся от жажды степные просторы, чтобы ожили, зазеленели они, направить ее стремительный ток на лопасти электротурбин, чтобы сообщить движение сотням тысяч моторов и механизмов, залить землю ярким светом лампочек Ильича, заставить реки каждой волпой и каждой каплей своей служить людям, народу — в этом, по моему убеждению, главное призвание Усманходжаева.

В 1957 году ему поручают управление целой сетью ферганских каналов — Большим, Южным и Северным. Теперь от него во многом зависит, получают ли хлопковые поля, огороды, сады, виноградники водную струю, какой мы соберем урожай в осеннюю пору. И он понимает это, отдает себе ясный отчет, какая легла на его плечи ответственность.

Свою деятельность на этом посту он начинает с ре-

ковструкции вверенных ему каналов. В течение трех лет ведутся работы по расширению и очистке русел, строятся новые водозаборные сооружения и распределители, налаживается строгий учет расхода воды, чтобы ни одна капля не пропала, не ушла бесполезно. В результате — пропускная способность Большого Ферганского канала возрастает до 275, Северного — до 100, Южного — до 50 кубометров в секунду. Этого количества достаточно, чтобы питать 400 тысяч гектаров плодородных земель.

Я смотрю на него, уже почтенного возраста человека, слушаю, как отдает он кому-то по телефону короткие, ввергичные распоряжения о подъеме шлюзов-щитов, о проведении берегозащитных работ на селеопасном участке, вижу, как сосредоточенно изучает он оперативную сводку об уровне стояния вод в реках, каналах, распределителях, и мне неожиданно представляется, будто передо мною не мираб, пусть даже вооруженный самой современной техникой управления, автоматикой и телемеханикой, а старший, многоопытный лоцман на большой трудопроходимой реке.

Это ощущение сохраняется и тогда, когда после рабочего дня я наблюдаю за ним в кругу его большой и дружной семьи. Будто с роппей, забавляются с ним, семидесятилетним, озорные, шумливые внуки. Это дети его родных сыновей и дочерей, дети усыновленных им мальчишек и девочек, родители которых — друзья и соратники Бузрукходжи — погибли в битве с басмачеством. Он не дал этим мальчишкам и девочкам испить горечь сиротства. Они росли в его доме вместе с родными детьми, и отцовская ласка, забота, любовь распределялись между всеми поровну. Сегодня они уже взрослые, самостоятельные, у каждого своя семья, а все равно со всякой радостью и печалью, за добрым советом и помощью идут в родительский дом.

Старший сын Бузрукходжи Эркин — председатель колхоза «Большевик», что в Ферганской долине. За большие успехи в развитии хлопководства, за высокие урожаи «белого золота» он награжден орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Глубоко изучил эту прихотливую культуру Эркинджак, но чуть что не так — к отцу за советом. Да и сам Бузрукходжа-ата нет-нет да и свернет с дороги, которая вдоль трассы канала тянется, на ту, что к полям сыновнего колхоза бежит. Побеседует с Эркинджаком, разольет чайник чаю с механизаторами или мирабами-поливальщиками, осмотрит, как кусят, вызревает хлопчатник, и обратно сесшит — сво-

их дел по самое горло. Только, заметил про себя Эркинджан, хоть и короткими бывают заезды отца, а много дают. И советы его всегда толковые, полезные, нужные, и слово умеет такое людям сказать, что потом с удвоенной силой работают. Недаром говорится в народе: слово отца — глаза мудрости.

Второй сын Бузрукходжи Усманходжаева — Инамджан. И этот тоже весь в отца: тот же прямой характер, та же открытая людям душа, тот же, что у отца, яркий талант вожака, организатора масс. По институтскому диплому Инамджан инженер-строитель. А вот строит он не дома, не дороги, а Советскую власть: жители Ферганы поручили ему руководить своим горсоветом. Много доброго сделал на этом посту Инамджан Усманходжаев. Недавно партия направила его на новое место — секретарем Сырдарьинского обкома. Не сомневаюсь, что и на этом посту ему пригодятся мудрые наставления отца, его большой жизненный опыт.

Уже немолод, совсем немолод Бузрукходжа-ата — семьдесят лет. Трудно в это поверить — такой же энергичный, подвижный, как в дни строительства БФК, такая же, как прежде, ясность и стремительность мысли, тот же искристый огонь в глазах. И все же от годов своих не уйдешь — аксакал.

В последнее время мне часто доводилось видеть его на берегу канала. Он стоит в глубокой задумчивости над проносящимся мимо потоком. О чем мысли его в эти минуты? О прожитых днях? О друзьях, с которыми вместе сражался и строил в которых нет уже рядом? А может быть, вспоминается ему в эти минуты старая безысходно унылая поговорка: «Жизнь протекла, как вода, бесполезно...»?

Та вода, что течет перед ним, течет с пользой: она ожилила в мертвом сне лежавшие земли, она превратила голые степи в сады, поля, виноградники, она сделала жизнь людей лучше, краше, богаче. И в том, что это случилось, есть доля труда и души коммуниста Усманходжаева. Такую жизнь не назовешь бесполезной. Нет, устарела поговорка, бесполезной стала ее мнимая мудрость.

В светлой задумчивости стоит над широким каналом Бузрукходжа-ата Усманходжаев — творец и заботливый хозяин этой чудо-реки, лоцман на ее глубоких спокойных водах.

БЫК - СВИДЕТЕЛЬ

В 1979 году (через полвека после нас), в один из ярких весенних дней, воспитанники детского дома приехали на экскурсию на азотный завод, возведенный в 1929 году на берегу Чирчика.

Ночевать остались в общежитии здешних рабочих.

Дети, переполненные впечатлениями от всего увиденного, попросили воспитательницу рассказать что-нибудь об этих краях, об их старой жизни. Она согласилась.

— Детки, — сказала она, когда ребятки угомонились. — Вы все очень устали. Поэтому я расскажу историю забавную и даже нелепую. Но помните — только теперь она кажется забавной и нелепой...

Много лет назад в нашей стране развернулась борьба за социализм. Враги — купцы, помещики, заводчики, духовенство, разные их приспешники — старались на каждом шагу вредить молодой республике. Они хитро пробирались в советские учреждения и пытались всеми способами помешать бедноте строить новую жизнь.

Как-то раз в одном из местных кишлаков шел по базару, мимо кооператива сельского товарищества животноводов, крестьянин Аширкул.

Слышит — его окликают заведующий кооперативом:

— А ну-ка, Аширкул-ака, выкладывайте три рубля шестьдесят копеек.

— За что? — удивляется Аширкул.

— Не беспокойтесь, мы вас не обманем! Отпустим вам хорошего товару.

— Выкладывайте, выкладывайте! — поддержали заводящего его помощники. — Прогодаете — мы отвечаем.

Аширкул, колеблясь и сомневаясь, отсчитал все-таки

три рубля шестьдесят копеек. Получив деньги, заведующий сказал многозначительно:

— Сейчас, Аширкул-ака, мы отсыпем для вашего хозяйства диковинного, вам еще не знакомого корма. Он послан из центра для рабочего скота бедных дехкан. Мы хотим его испробовать. Отпесите, дайте нашему быку. Не окажется в накладе...— И они наложили ему в мешок комья какой-то рыхлой, белой с прозеленью, пластинами слежавшейся массы.

— Спасибо, да будет вам благо!— С этими словами Аширкул взвалил на спину загадочный груз и отправился домой, чтобы порадовать своего трудягу-быка.

Он с ходу высыпал корм перед быком. Но бык, да набьют его шкуру соломой, полюхал разок-другой, и отвернулся...

Тут воспитательница приостановилась:

— Дети. В моем рассказе вы услышите несколько чужих выражений: «да набьют его шкуру соломой», «пусть околеет он поганым» и тому подобное. Но, поскольку эти выражения были присущи тому времени, вы, надеюсь, меня извините.

Дети извинили ее. Она продолжала:

— Долго внушал быку Аширкул, мол, новый корм необыкновенно вкусен, оп, мол, очень сытен: по бык не хочет есть, в все тут.

«Что за странный корм?— встревожился Аширкул.— Как бы не погорели мой три шестьдесят»,— и взяв горсть корма, принялся его исследовать. Оказалось, это мука — подмокшая, прогорклая — в затем засохшая комьями. Аширкул остоябенел.

«Неужели надо мною подшутили?»— подумал Аширкул и, схватив мешок, вернулся в кооператив.

— Пусть дождутся родители вашей снадьбы! Что это за корм? И послушался вас — и перед собственным быком попал в неловкое положение. Верните деньги,—сказал Аширкул.

Заведующий, испугавшись неприятностей, живо завел Аширкула в магазин. Попросил никому не говорить о случившемся. Отпустил ему без очереди чаю, мыла, всяких мелочей.

Провожая Аширкула, заведующий хлопнул его по плечу.

— Вот так, Аширкул-ака, будь бык чьим-то там, а по вашим, я бы ему нож в брюхо поткнул, по бык-то ваш, что я могу поделаться?

Аширкул, тряся бородою:

— Верю, но бык — скотина, он глуп и прищедлив, чтоб ему околет погавым, ешь он без разбору все, что дадут: камень, комья глины сухой, отраву, не было б столько шума, правда?

Его замучила совесть. Не мог он молчать о том, что произошло в кооперативе. Пошел, заявил следователю. В тот же день всех работников кооператива арестовали.

Через пятнадцать дней их судили открытым судом. Обвинение сводилось к следующему:

«Два вагона пшеничной муки весом в две тысячи пудов, по два рубля тридцать копеек за пуд, направленные в кишлак для распределения между дехканами, работники кооператива умышленно держали в течение месяца под дождем и снегом, что привело к порче.

С целью сокрытия следов своего преступления, работники кооператива решили продать негодную муку доверчивым крестьянам под видом корма для скота.

Тем временем, дехканам, при палении в кооперативе такого большого количества муки, приходилось покупать муку у частных лиц по пять рублей за пуд.

Поступок работников кооператива можно оценить как проявление классовой вражды и сознательное преступление».

В суд вызвали и Аширкула. Он привел с собою быка. Положил перед ним сохранившийся ком «диковилного корма». Но бык-свидетель упорно стоял на своем: он не хотел есть такую еду.

Преступников приговорили к суровому наказанию.

СЛЯКОТЬ В НОСУ

Стоимость вещей, пропавших в бане, не настолько уж высока, чтобы считать себя вконец разоренным. К чему рыдать и стенать? Подумаешь — новая бритва-безопаска, полотенце, круглое туалетное мыло, чистое белье, носки, расческа, пузырек с одеколоном... Обойдусь без них!

Не знаю, то ли по причине наступающего мусульманского праздника, то ли у людей вообще возросла потребность к чистоте, но в бане, и внутри, и снаружи, народу невпроворот. Кого обвинишь в краже? У каждого по меньшей мере десять лет трудового стажа, — тебе же и будет стыдно, если схватишь кого. Передник для купания баптик вручает? Вручает. Есть шкафчик для одежды, ташик, горячая и холодная водичка в кранах? Есть. Чего еще надо?

...Выхожу из купальни — ноги до лодыжек в глине. Окля в раздевалке — без стёкол, ледяной зимний ветер хватает за голые бока. Спрашиваю у массажиста, попипающего зеленый чай:

— Где можно искупаться после бани?

Оля меня не понимает, да и я, видно, задал свой вопрос необдуманно, без понятия.

Пятки жжет, будто на углях горячих стою.

...Я, собственно, не собирался вначале писать о бане. Это получилось неволью. Что поделаешь? Голова ноет, разламывается, слякоть в носу...

Как и у всех, у меня есть подобие лица. И на нем, как водится, есть подбородок, есть щеки, носки и, соответственно, несколько редких волосков, составляющих усы и бородку. Так вот, выйдя из бани, я обнаружил, что оброс. К тому же, в безмятежные былые дни, совершенно не предполагая, к какому бедствию это приведет, я допустил оплошность — завел себе причёску. Правда, полосы у меня редкие, но хоть плохонькая причёска, да своя...

Именно эти мои редкие волосы пришили после бани в самое жалкое состояние. Слепнясь они по двадцать-три-

дцать штук вместе, слопно опечья шерсть, приклеившаяся к изюму. А те волосы, что остались в одиночестве, походили на перья горлицы, побывавшей в жидком тесте и обсохшей под жарким солнцем.

Я тут же, в бане, хожу, показываю народу кашлицу, склеившую мои волосы. У всякого свое мнение по этому поводу. Одни сочли ее обыкновенной грязью. Другие — размокшей банной копотью, натекшей с потолка; словом, в данном спорном вопросе мог разобраться лишь специалист, моя же специальность — поэзия. Я не берусь судить о том, чего не знаю.

Пятки продолжает колоть и жечь...

Когда я выходил из бани, уже не было того жизнерадостного поэта, который час-другой назад благополучно распростился дома с родными.

— Надо проверить, — сказал я себе, — еще существую я как таковой или нет?

И зашел на Урде в парикмахерскую артели «Новая жизнь» — посмотреть в зеркало.

Пять-шесть парикмахеров, сгрудившись у горячей железной печки, играли в «угадывание среднего пальца»: один зажимает пальцы правой рукой в левой руке так, что виднеются только их кончики, а другие должны найти его средний палец. Интереснейшая игра! Вообще у парикмахеров можно многому научиться.

Один из них при виде меня вскочил, усадил в кресло, кинул на плечи белую ткань:

— Что прикажете?

— Побрить, причесать.

Замелькала бритва, защелкали ножницы: сто раз мелькнут и щелкнут в воздухе, один раз прикоснутся к волосам.

Выше я говорил, что имею подобие лица и на нем — подбородок и щеки. Простите, — описка под тяжким влиянием насморка. С тех пор, как я побывал в той парикмахерской, у меня также нет и мочки левого уха.

Волосы (об их состоянии я рассказывал) не расчесывались. Но у цирюльников, я заметил, утонченная вежливость каким-то непостижимым образом сочетается с крутой решительностью. Что поделаешь, это у них в роду: именно их деды и прадеды когда-то совершали обряд обрезания, не только волосы брили, но и зубы рвали. Специалисты! Он продолжал выдирать мои волосы. С каждым рывком я подскакивал — то ли на пядь, то ли на четверть, то ли на аршин, — линейки-то у меня в руках по

было, потому и не могу точно сказать. Во всяком случае, когда мои волосы были при мне, они, хоть и редкие, были мне по душе...

— Массаж?

— Ладно.

Парикмахер втер мне в кожу пахучий жир, потом закатил несколько оплеух. Верно сказано: кто не спешит, тот всего достигнет. О «жирных оплеухах» я слышивал, но не выдывал их. А теперь и получить довелось.

Затем он обрызгал меня одеколоном. Точнее — «опипел», если можно так сказать. Ибо пульверизатор в его руках скорее именно шипел запахом одеколона, чем брызгал самым одеколоном. И, видно, от этого сухого шипения пашморок мой сразу усилился.

А пятки! Певмоготу, как их чем-то колот и жжет. Я попросил у парикмахера дозволения снять здесь ботинки и взглянуть, что происходит с моими несчастными пятками.

И что оказалось? В бане у кого-то разбился пузырек с пасваем. И болели пятки мои от впитавшихся в них стекляшек, а горели, наверное, от самого пасва. Но, говорю, у меня профессия особая, в другие дела я не лезу. Может, пятки болели как от паса, а жгло их стекляшками. Кто их знает. Это дело специалистов — точно сказать, что от чего бывает.

Мастер предъявил счет: 6 рублей 40 копеек. Почему так много? Требую преискурапт. Верно, там сказано ясно:

1. За бритье усов и бороды — 1 руб.

2. За выдер... то бишь... причесывание волос — 1 руб.

3. За «жирные оплеухи» (массаж) — 1 руб.

4. Шипеть в лицо (т. е. «освежить») — 2 руб.

Всего 5 рублей.

Выходит, 1 руб. 40 копеек — за вежливость.

Добавит к этой последней сумме 10 копеек — и получит на базаре 10 отличнейших лепешек. А в уставе древних брадобреев говорилось, за работу брать одну лепешку. Но не все ли равно — одна лепешка, десять лепешек? Хлебная крошка тоже хлеб...

Простите, что маленький мой фельетон мало благоухает. Где уж тут: пульверизатор-то был сухой. И притом — голова трещит, тело знобит, и — слякоть в носу.

СКАНДАЛ УЧИНЮ!

Вернулся с работы домой — старуха-мать рыдает на террасе. У меня сразу — сердцебиение. Что случилось? Может, что-то потерялось в вашем доме? Нет, не должно быть, — все у нас в доме на месте: в яме морковка, в кладовке уголь, в ларе мужа, на крючке мясо, вот чайник, вот его крышка, — из-за чего же шум?

Вот я приблизился к ней — у меня две ноги, у нее две ноги, два горячих сердца, четыре горячих глаза уставились друг в друга. Все хорошо! Старуха жива, здорова. Если б она не была живой, здоровой, то, конечно, не плакала бы. Куры у нас благополучны, ходят, поклевывают. Я за всем наблюдаю, все вижу, — апачит, я я живой. Почему же она плачет?

Тихонько подхожу к старухе. Из предосторожности, вынув из кармана, кладу перед нею кусок кунжутной халвы.

— Из-за чего плачете, матушка? Юность свою вспомнили или моего покойного отца?

Увы! Она плакала не зря. Остался после моей старшей сестры мой двенадцатилетний племянник. Хороший паренек, все знает, все умеет. Я его в школу устроил. Радуясь: учится.

Так вот, этот мой любимый племянничек накинулся на старуху с ножом. Не сумел ударить, слава богу. Ему, видите ли, понадобилось немножко денег. Жаль, меня дома не было. Оказывается, он играл на соседней улице в орлянку. Проиграл. И вцепился в бабушку — дайте денег! У нее их не нашлось. Он разозлился: «Дурная старуха, в могилу, что ли, все свои сбережения заберешь?» — и вздумал прыгнуть ее.

Я утешаю старуху: «Ничего, это оп по детской глупости; я сам с этим делом управляюсь». Старуха и слушать меня не хочет. Ах, если бы все ее жалобы переложить в стихи, какие получились бы стихи!

Тем более, что и моя юность была не ахти какой счастливой:

Клад юности я рою,—
и пальцы уж в крови,—
Не в силах откопать
хоть капельку любви!
Хибарка темная,
фитиль,
сапдал вопиющий,
Штаны все в дырках,—
я не видел лучше.
И я кричал,— что пошь,
что дешь:
«Эй, ветер,
унеси хромой кетмень!»

Я не знал школы, не знал воспитания. Но все-таки в моей душе играли, смешиваясь, краски. То очень мне хотелось сделаться необыкновенным, неотразимым героем, то в цирк забегу, погляжу и думаю: «Нет в мире людей более счастливых, чем клоуны». И мечтаю стать каватоходцем... Но судьба дала мне другое ремесло.

У племянника моего тоже много разных фантазий. Что пожелает, то и получает. Хорошая школа, умные учителя, кино, театр, свои развлечения, приятели; все культурно, все для его будущего — чтобы стал он настоящим человеком. Но почему же он не пользуется тем, что ему предоставлено, почему все эти возможности не интересуют его?

Я захотел узнать, в чем дело? Надо было пачать,— правда?— с самого племянника, и я спросил его перед ужином:

— Ну, что же, племянник,— как объяснить ваш сегодняшней выпад против старухи?

Он пахмурил брови и, даже не проглотив кусок хлеба, который жевал, ответил высокомерно:

— Это мое дело.

Во мне вдруг заиграла злость, прямо-таки затрясло меня от нее. И начал я читать ему наставления. Рассказываю о знаменитых поэтах и знаменитых разбойниках. Привожу примеры. Он слушает. Некоторое время. И теряет терпение. Швыряет ложку на стол. Встает.

— Товарищ дядя,— говорит,— дадите спокойно поесть?

Ну, я и умолк — как говорится: «Что во рту, так во рту и осталось, что в глотке — то в глотке».

Верно, отношения у нас с племянником были товарищескими. Но я привык слышать слово «товарищ» хотя бы от сверстников своих. И мне показались несколько чуждыми слова «товарищ дядя». И между мною и «товарищем племянником» вдруг возникла холодность. Как говорится, из еды вышла змея — племянник, обидевшись, ушел на улицу, а я, в сердцах отодвинув миску, взялся за газеты.

Он в ту ночь не вернулся. «Наверное, к бабушке ушел, или к тетушке, — успокаиваю я и себя и старуху. — Утром явится». И утром, беззаботный, я отправился на работу. Вернулся вечером домой — племянника нет. Нехорошо — его место за столиком пусто. Похоже, старуха его целый день где-то искала, но не нашла. И я же виноват.

— Сам ты несдержан! — кричит. — Что, убил бы он, что ли, меня? Я жива и здорова, живу свой век, ем свой хлеб, обидел ты сироту!

Да, нехорошо, выходит, я поступил. До рассвета не смог уснуть, валялся где-то во дворе на траве. Не стал я утром даже чаю пить, отправился в школу. Запел к заведующему, встретился с классным руководителем, пошел на педагогический совет. Выясняется: в последнюю неделю прошлого месяца племянник мой ежедневно опаздывал на уроки — и уходил, недоушенный к ним, неизвестно куда. А в следующие девять дней вообще не появлялся в школе. Я возмутился. И тут пошли между мною и учителями споры-раздоры. Они нажимают:

— Есть у вас отцовская совесть?

— Есть, — отвечаю. — Начало учебного года бывает раз в году. И в честь этого события, помню, состоялось торжественное заседание. С тех пор собраний не было. Все на работе, всех не соберешь. Мы тоже трудимся. Товарищ заведующий, вы вообще-то отчитываетесь перед родителями?

— Смешной человек! Отчет бывает в конце года.

— Но в течение года вы контролируете детей, или только в конце учебного года?

— У нас много детей, бейся тысячу раз — всех не контролируешь.

— Какие же меры вы принимаете к прогульщикам?

— Исключаем их после трех прогулов.

— А сообщаете вы об этом родителям, посылаете им соответствующие извещения?

— Хм... видите ли... у нас учителя не прикованы к одному месту, каждый второй-третий работает по совместительству в другой школе. А завуч наш вечно занят заполнением ведомостей, анкет. Родители должны заботиться о детях гораздо больше, чем мы. У нас не хватает штата, чтобы обо всем печется.

— При школе есть спортплощадка, можно мне посмотреть спортивную программу?

— У нас тесновато. Денег не хватает. Поэтому сразу после уроков и учителя и ученики разбегаются по домам...

Убедился я, что ничего здесь не добьюсь, и распрощался. Слышу позади шепот двух учителей: «Видать, этот дядька впервые в школу попал, — видите, какой запыленный». Я в этот день не пошел на работу. Дал сообщение в угрозыск и районную милицию, обошел все деткомпаты. Нету. Наутро ищу — нету! Не осталось места, где бы я не искал дорогого племянника. Даже объявление дал в газете, пообещав сто рублей вознаграждения тому, кто его найдет. Нету его — и нету!

Старуха не то что всплакнет — уже постоянно плачет:

— Бедный, несчастный парень! Или автобус его задавил, или в канале он утонул, или негодяи его убили? — Беспокойся. И я в результате безрезультатных поисков похудел, как травинка.

Дни идут. Я, чтобы утешить себя, стал ходить в кино, в театры. Итак, 18 марта нашего же 1935 года, вечером, бреду я мимо женского клуба. ТЮЗ (театр юного зрителя) дает здесь большой концерт. Ну, что ж — зрелище. Захожу. Середина концерта. Появляется на сцене человек, объявляет:

— А теперь Говахон споет песню «Что делать?».

Красивенькая кругленькая девушка начищает тягуче:

Став объектом твоей любви,

На дороге я гибну, что делать?

Молодежь в зле рукоплещет, бурно радуется, кричит: «Просим!»

— Следующий номер нашей программы: критическое частушки «Доколе».

Семьдесят лет старухе моей,

То ли жена, то ли подруга:

Краска не сходит с разлета бровей,

Со щек задубелых — румина и пудра.

Доколе,

Доколе,

Доколе...

Зрители хохочут, хлопают в ладоши, кричат: «Просиям!»

— В следующем номере нашей программы с танцем «Мой гибкий стан» выступает товарищ Назарзадэ.

Заныл оркестр. И на сцену выскочил парень лет тридцати-тридцати пяти с покрашенными бровями, с подмазанными глазами и губами, с золотыми браслетами на руках («Мой гибкий стан»).

Эк пляшет, сукин сын! Все тело у него так и извивается. Поневоле поверишь, что дитя человеческое может быть сделано из резины. В зале — ни звука. Зрители, у которых еще на губах молоко материнское не обсохло, получают «урок» из наследия прогнившего феодализма.

Один из зрителей не выдерживает. Поднимается, ликуяще вопит:

— Повернись, дружок!

Голос знакомый. После концерта я ринулся к месту, откуда раздался голос. Точно! Мой племянник.

...Схватил его. Потащил домой. Он вырвался — и убежал. Глубоко сожалел о случившемся, я вернулся к себе. Что делать? Я все-таки надеюсь его поймать, поймаю — и воспитать. Не найду — учиню большой скандал: буду шуметь против учителей, которые не могут взять под контроль моего племянника, и против детей, оставшихся без надзора, и против лихих танцоров Назарзадэ.

ПЛЕМЯННИК НАШЕЛСЯ

Не осталось места, где я не расспрашивал бы о своем племяннике, не осталось человека, которому я бы не высказал беспокойство о нем. Трагедия с вашим племянником стала известна, по-моему, всему городу. Встречу кого на улице, в трамвае, на вокзале, в чайхане, прежде, чем поговорить, непременно спросит:

— Нашелся племянник?

— Нашелся, — вздыхаю.

Ах, где ты пропадал, в каких поварах,

В каких печах, в каких тартарах?

Повсюду я искал тебя, неблагодарный,

Ночами голоса в проулках и садах...

Да, я его долго искал, потому имею право вздыхать. Так же, как имею право давать недавно избранным нашим депутатам указы о воспитании детей. Ибо из-за племянника я лишился родительницы. Да, родительницы, вскормившей меня своим белым молоком и не жалевшей для меня колыбельных песен. Пусть даже именно из-за этой допотопной колыбели голова у меня сделалась похожей на сплюснутую дыню, а ноги выросли моластым, как у лошади. Пусть. Все-таки — мать.

Не было в мире матери красивее моей! Но жпаць ее и заботы ее обо мне, увы, оборвались. Случилось это так...

Племянник, вывернувшись из моих рук, исчез, я был разъярен, как охотничий пес, не сумевший схватить добычу. Вывернувшись в полночь домой, я принялся гневно стучать в калитку. Бедная старуха подвинулась с медвежьей шкуры; шкуру эту я купил недавно, потому что матушку изводил ревматизм.

— Кто? — спрашивает тихим голоском восьмидесятилетней женщины.

Я ору:

— Откройте!

Старуха была глуховата, и ей, должно быть, показалось: «Скройтесь!» Бог весть, что тут вообразилось бедняжке. Зачем и от кого ей нужно скрываться? Или воры в дом проникли, или сарай с дровами загорелся, или тигр сбежал из зоосада, или племянник опять схватился за кухонный нож?

Она свалилась без чувств. Почуввав водоброс, я поддел щеколду спичкой, вбежал во двор. Поздно! Не выдержало усталое сердце.

Кстати, расскажу, почему оно было слабым. Еще при жизни отца мать болела малярией. Перепробовали множество разных лекарств — ничего не помогло. И тут какой-то умник посоветовал «внезапно напугать малярию». Она, мол, исчезнет. И вот, в один из дней, когда матушка на террасе спокойно прядла пряжу, отец тихонько взобрался на балахану — и сбросил трехпудовую керосиновую бочку...

Малярия, конечно, викауда не делась, зато к ней прибавилась болезнь сердца.

Ну, ладно. Значит, так уж ей было суждено. Речь сейчас не об этом. Матушка агонизировала, и я положил ее голову к себе на колени. Она открыла глаза, с трудом прошептала:

— Сынок, слушай мою заповедь.

— Слушаю, мать.

— Бог даст тебе детей — учи их вере, учи корану, учи по книге «Воспитанность и праведность» почитать старших. Видишь на примере своего племянника, которому ты дал безбожное воспитание... и затем... и затем.

Она надала предсмертный хрип. И скончалась, не сказав свою заповедь. После похорои я отправился на базар. На месте старого ватного рынка открылся книжный ряд. Здесь можно было найти любую книгу, напечатанную в старинных типографиях, от Малляхана вплоть до Гуляма Хасапа.

«Кавуль-хусейин», «Удивительные божьи твари», коран, «Условия веры», «Священное омовение»... словом, здесь продавался оптом и в розницу весь письменный мусор, оставшийся от феодализма.

Но материнская заповедь есть материнская заповедь. Я-таки купил книгу «Воспитанность и праведность». Да, в ней многое касалось воспитания детей. Например: «В какую сторону перед молитвой полагается отправлять естественную надобность. Можно ли в четверг принимать слабительное. Какую молитву читать при кипячении чая». И тому подобное.

Нет, моего племянника этой премудростью не проймешь! Убей его — молиться не станет. Тем более — чай кипятить...

В один из дней я возвращался домой. У мечети шумела толпа. Много детей. Я остановился, надеясь увидеть среди них своего дорогого племянника. Препирались две женщины. У каждой изо рта, как говорится, белая собака выскакивала черной. Я прислушался. Оказалось вот что.

Сын одной женщины дернул за хвост кошку сына другой женщины. Кошка, обидевшись, поцарапала лицо, но по тому, кто дернул ее за хвост, а своему хозяину. По этой причине ребята разодрались. Вмешалась мать пострадавшего — и дала дернувшему пощечину. Тот, в свою очередь, обратился за помощью к маме. Ну, женщины и сцепились.

Мать пострадавшего кричит:

— Ах ты, сварливая негодница! Как смеет твой сын в наше свободное время дергать кошку за хвост? Какое право он имеет на это?

Другая:

— А почему твой сын без разрешения бьет моего сына?

В перебранку гневно вступают отцы, и я потихоньку удаляюсь. Как говорится, от греха подальше. По дороге вижу знакомого, мастера Сарымсака.

— Сарымсак-ака, — говорю, — мой племянник дружил с нашим сыном в школе. Расспросили бы, не встречался ли он с ним где-нибудь.

— Братец, — холодно отвечает Сарымсак. — Да будет вам известно, мой сын не бездельник, как у некоторых других... Он с утра в заботах. Торгует, слава богу, на остановках папиросами, куртом, леденцами...

Был выходной день. Школы закрыты. На улицах полным-полно детей. Слышу, в одной группе совещаются:

- Скучно, что будем делать?
- Пойдемте в зоопарк.
- Денег нет.
- В цирк?
- Сегодня он не работает.
- Тогда — в клуб, в шашки играть.
- В какой клуб?
- Раз так, давайте устроим складчину.
- Давайте!

Несколько парнишек разбежались по домам с целью тайком разжигаться маслом, мясом, рисом и сварить где-нибудь в складчину плов. У кого не хватило на это смелости, остались.

— Возьмем все по крюку, пойдем на базар.

— Зачем?

— Редьку, морковь из мешков таскать.

— Нет. Лучше прицепимся к трамваю — и поедем кататься.

Эти тоже разделились — кто на трамвай, кто на базар. И только двое-трое отсеявшихся, самых последних, нашли более полезным, чем зря таскаться по улице, отправиться на кладбище Гариб-Мазар и устроить там собачью драку. Все-таки — занятие.

Мишело месяца три, а то и больше. От племянника нет никаких вестей. Я уже было отчаялся когда-нибудь что-нибудь узнать о нем, как вдруг приходит письмо! Волнуюсь, читаю:

«Дядя!

Здравствуйте. Прочитал в газете ваше объявление. Вы обещаете сто рублей тому, кто укажет мое местонахождение. Высылайте: я нахожусь на Алмазаре, в школе для малолетних правонарушителей».

Завтра отнесу. Спасибо, нашелся племянник...

СУКОННЫЕ БРЮКИ

Недавно в нашей махалле приключилось интересное событие. Настолько интересное, что о нем стоит написать. Тем более, что приключилось оно именно в нашей махалле. И не с кем-нибудь, а с моим ближайшим соседом, приятелем-сверстником.

Вышеназванный мой сосед, приятель-сверстник, решил купить себе брюки. Ну понятно, такие, чтоб их можно было носить. Как только пришла ему в голову эта мысль, он, естественно, поехал на базар и принялся обходить промтоварные ларьки, магазины. Чтобы, как уже сказано, купить себе брюки — обыкновенные, с двумя штанинами и шестью пуговицами. И непременно серого, черного или синего цвета. «Поскольку зима на носу, — сообщил он друзьям-приятелям, — лиловых, фиштакковых, белых, желтых, пестрых, полосатых покупать по стану».

После трехдневных поисков он забрел в фирменный магазин Ташкентской швейной фабрики «Красная заря». Выбор здесь оказался большой. Масса брюк разных фасонов, расцветок, с металлическими пуговицами.

— Брюки? — с готовностью переспрашивает молодой продавец. — Пожалуйста! Мы рады вас обслужить. Вот, — говорит, — специально, — говорит, — из детского одеяла перешили. Теплые. Мягкие. С цветами. Вы, — говорит, — с виду человек еще молодой, — вам будет очень к лицу. Или возьмите эти, ярко-желтые...

— Нет, — возражает приятель. — Деньги — мои, я заработал их в поте лица своего, непременно серые, черные или синие. И обязательно — суконные. Зима подходит.

Продавец:

— Пожалуйста! — И вываливает на прилавок целый ворох разных брюк. Но вот беда: если цвет у них какой надо, то размер не тот, размер годится — фасон иной, «галифе», если ж подходит и цвет, и размер, то одна

штапина сшита на манер «галифе», а другая — «чарльстон».

Но, в конце концов, после долгих стараний, мой терпеливый сосед подобрал-таки брюки себе по вкусу. Ах, что за брюки! Сукопные? Суконные. Серые? Серые. «Чарльстон»? «Чарльстон». С шестью пуговицами? С шестью. Не брюки — загляденье.

С них-то и начинается историческое событие, происшедшее в нашей махалле.

Надо заметить, над головой продавца висела табличка: «Будьте взаимно вежливы». А сбоку — «Не курить». Мой сосед человек обязательный. Он был безукоризненно вежлив с продавцом. И не курил в магазине, хоть и очень хотелось ему курить — шутка ли, четыре часа возился с брюками. Но, говорю, он человек дисциплинированный. Итак, он купил себе брюки. Что за брюки! Суконные, серые. С шестью блестящими жестяными пуговицами. Вдобавок ко всему взаимно вежливый продавец, улыбаясь столь приятному клиенту, заботливо вложил в попку «Правила пользования».

Я-то сам не видел этих «Правил», но, говорят, они представляют собой лист в полгазеты с большими буквами: подробнейшее наставление, как носить сукопные брюки, как за ними ухаживать. Например:

1. Поздравляем с новыми брюками!
2. Каждый вечер, как только снимите их, посыпайте нафталином.
3. Отличные брюки!
4. В дождливую погоду не надевать.
5. Берегите их!
6. Суконные брюки вредно носить в жаркий день.
7. Чаще утюжьте брюки, — тем самым вы заодно предохраните утюг от ржавчины.
8. Моль опасна!
9. За пуговицы, оторвавшиеся в процессе использования брюк, фабрика не несет ответственности.
10. Пронося один сезон, отдайте в химчистку.

И еще 41 параграф, состоящий из не менее ценных советов...

Вернувшись с покупкой домой, мой добросовестный сосед основательно изучил «Правила», дабы использовать брюки в полном соответствии с параграфами вышеуказанных правил.

Прежде всего, памятуя, что фабрика не отвечает за утрату пуговиц, он оторвал их и заново пришил суровы-

ни питками. Ну, и отгладил, конечно, радуясь, что убил сразу двух зайцев: и штаны привел в порядок, и утюгу задал работу, тем самым предохранив его от ржавчины. И уже после этого натянул, как полагается, достославные серые брюки...

Можете представить себе, как был озадачен мой простодушный сосед, когда обнаружил, что одна штанина сукожных серых брюк на две ладони длиннее другой! Но, поскольку в «Правилах» не говорилось, как быть в этом случае, сосед не стал особенно горевать. Тем более, что указанному излишку вскоре нашлось место в другой части брюк, о чем будет речь ниже.

Удивляюсь: иные люди, надев обновку, сразу задирают нос. Сосед же мой, с тех пор как приобрел сукожные серые брюки, сам весь посерел и потускнел, стал угрюмым и молчаливым.

Ну, прежде всего, чайханщик перестал пускать его на порог: мол, посетителей разгоняешь запахом пафталпа. И певчий перепол от него лишается чувств. И затем, — и сам-то не видел: передаю с чужих слов, — тело моего соседа ниже пояса покрылось огромными синими пятнами, похожими на кровоподтеки. А кто виноват? Сказано: «В дождливую погоду не надевать». Теперь о слишком длинной штанине. Я-то сам не знаю, но будто бы ему пришлось, отрезав лишнее, наложить заплату то ли спереди, то ли сзади, — словом, на одно укромное место.

...Щетка была обыкновенной, из конского хвоста. Собрав на полу целую корзину растрепанной шерсти, он вздохнул:

— Сам виноват! В «Правилах» не сказано, что брюки можно чистить щеткой. А я, неразумный, взял да почистил. И на горьком опыте убедился, как плохо нарушать правила. И в брюках дыру протер, и щетку испортил — вся пухом и прахом забилась. Но брюки — они, конечно, неплохие, брюки что надо...

Минуло дней пятнадцать, как началась эта история. Я-то сам не знаю, но, по слухам, мать моего несчастного соседа, купившего серые брюки, взяла — и, вопреки всем правилам, распорол их, спиала себе рапиду — рукавицу, с помощью которой прикрепляют лепешки к степкам таандыра.

А «Правилами пользования» залепила дырку в разбитом стекле окна кладовой.

РЕЗИНОВАЯ РУКА

Бывают приставные, искусственные ноги, бывают такие же руки. Перед сном или в бане, к примеру, их надлежит отстегнуть. Чтоб не давили, чтоб не вредили здоровым частям тела. Недостаток фальшивых конечностей в том, что, будучи отстегнутыми, они не могут самостоятельно действовать. Даже при самой неотложной необходимости,— в предпраздничный день, к примеру,— нога-протез не сумет сбегать к чистильщику обуви и нанести блеск на сапог, как рука-протез не способна почесать затылок...

Эти просчеты преодолел редактор журнала «Литература» Нормат Урманов. Его приставная рука действует и в его отсутствие и действует даже энергичнее, чем при нем. И голова ей не пужна, чтоб чесать. Она лежит наготове в ящике письменного стола. Случись, скажем, надобность подписать важный документ — раз! — она выскакивает из ящика и, пусть сам хозяин сейчас где-нибудь в Москве или в Ленинграде, в «творческой командировке», — ретиво выводит резолюцию: «Сделайте так. Урманов», «Сделать так. Урманов».

Свою резиновую руку (подпись-печатку) Урманов оставляет перед отъездом ответственному секретарю редакции. В случае, когда требуется вмешательство редактора (обычно это то, что называется «на всякий пожарный случай»), за него напропалую действует резиновая рука. Сотрудники довольны. Все равно, даже при наличии в городе самого редактора, его деятельность вот уже два года не подымается выше положений подписей на бумагу. Собрав все материалы запланированного номера журнала, ответсекретарь отправляется с ними домой к Урманову. Урманов читает оглавление. Между ним и секретарем происходит примерно такой разговор.

Редактор: Вы сами внимательно все прочтали?

Секретарь: Да, очень внимательно.

Редактор: Нет политических упущений?

Секретарь: По-моему, нет.

Редактор (задумывается и, как бы сделав открытие): Содержание номера надо изменить?

Секретарь: Как, например?

Редактор: А о чем, собственно, речь в произведениях?

Опять глубоко задумывается. Берет материалы из рук секретаря, выкуривает одну за другой три папиросы. Затем значительно глядит на секретаря, улыбается.

— Где подписать?

Секретарь листает страницы, тычет пальцем. Редактор быстро набрасывает глубокомысленные замечания: «Разбросанно. Напечатать собраннее». И — шлеп! — резиновой рукою: подпись. «Оставить как есть» (подпись). «Снять — отрывков из поэм не печатаем» (подпись).

Шлеп — резиновой рукою. Шлеп! Шлеп! Но и это ему надоедает. То ли нет настроения, то ли исчерпан запас замечаний, имеющих у него в активе: он возвращает бумаги вместе со своей печаткой секретарю, как бы предлагая: «С остальным разбирайтесь сами».

Так, под «общим руководством» Урманова, уподобляясь то букету цветов, то связке горького лука, выходит журнал и расходится в широком кругу читателей.

Не хватает одного, чтобы сделать его боевым печатным органом. Не хватает редактора с живой, неподдельной рукою...

Из народного юмора

ХАСАН КАЙФИ

Как сказки обычно начинаются: было это или не было, в то время когда волк плов варил, лиса сторожила, ворона глагнатаем служила, а воробей ябедничал, под сипим тазом неба, на большом арбузе земли нашей — жил-поживал великий хан.

Земли его были так обширны, что если бы из каждого принадлежащего ему кишлака принесли хотя бы одну только лепешку глины, то из этих лепешек можно было бы построить надгробие для всех проживающих в ханском дворце.

У хана было такое множество подданных, что если бы у каждого из них отобрать по одному зернышку проса, то можно было бы заквасить бузу в девяти больших корчагах. Тем не менее великий хан забирал у своих подданных не по одному зернышку с человека, а по целому мешку. И вообще этот хан очень любил собирать налоги и подати. Так, однажды он поручил гончарам сделать глиняный таз, обжечь его в печи. Таз установили у двери большой мечети. Каждый, кто проходил в мечеть, должен был садиться в этот таз. Если таз оказывался велик — то нужно было платить теньгу. Если мал — тоже теньгу.

Сидел хан во дворце с утра до вечера, и скучно ему было очень. Все надоело. Для развлечения он пробовал людсей казнить: вешал их, зимой в холодную прорубь окунал, под ногти камышинки загонял. И это приелось. Начал он настой из маковых зерен — опиумное зелье — пить. До того в конце концов дошел, что на него и опиум действовать перестал. Петушьи и собачьи бои тоже ему надоели. Прискучили птицы певчие. Одно время приохотился хан надевать на ноги своих боевых верблюдов сапоги, затем животных подпаивал и стравливал.

Потом полюбились ему гонки черепах. А потом он опять заскучал.

Как-то раз, по совету старшего визирия, хан пошел в город — послушать, что говорит народ, подсмотреть, какие тайны скрывают глиняные дувалы его подданных.

Перед прогулкой хан, конечно, переоделся: привязывал большую, как конская торба, белую бороду, на голову нахлобучивал чалму леличиной с гнездо анста, на плечи набрасывал рыжий халат, на ноги надевал дорогие кавуши с зашпунтованными посвами и высокими каблуками, в руку брал длинный зеленый посох.

Те, кто видел его в такой одежде шагающим по улочкам, говорили:

— Это не человек, а пророк Хизр! А может быть, пророк Ильяс? А вдруг он один из племянников самого аллаха?

Однажды вечером во время одной из таких прогулок хан забрел на окраину города и увидел среди поля небольшой заброшенный домик. Земляная крыша хижинки торчала над землей, как скорлупа пустого ореха среди водоема. С четырех сторон хижинку держали подпорки, и она походила издали на старую лошадь, растопырившую ноги. Красноватое пламя свечи падало на окно, в которое вместо стекла была вставлена промасленная бумага.

Из-за старой, разохшейся двери слышался хриплый мужской голос, распевавший песню на стихи Хафиза:

Нашу лодку разбило посредине реки,
Ветер попутный, скорей помоги,
Помоги вновь увидеть родных и друзей —
Дуй, востер, дуй посильней!

После каждого куплета певец добавлял:

— Лишь бы была голова на плечах и работа спорилась!

Хан подивился услышанному и постучал в хижинку.

— У этой двери нет ни замка, ни запора! — раздался голос певца. — Заходите!

Хан вошел. Хозяин, увидев богато одетого старика, растерялся, но пашел сразу слов: как обратиться к такому редкому гостю?

— Слушаю, господин мой! — наконец поклонился он.

— Я пришел к тебе в гости, — сказал хан.

— Это большая радость,— ответил хозяин.— Гость— дар аллаха.

С крышки старого сундука хозяин снял одно из одеял, расстелил его в почетном углу и положил подушку, на которую гость мог облокотиться.

— Располагайтесь как дома!— предложил хозяин.

Хан снял кавуши, прислонил посох к стене, сел на одеяла.

Хозяин тем временем развернул старенький дастархан и вместе с гостем прочел молитву. В конце молитвы хозяин добавил от себя:

— О аллах, лишь бы у меня голова была на плечах да работа спорилась!

— Кто ты и чем занимаешься?— спросил хан.

— Сначала, по обычаю, полагается спросить об этом гостя,— с улыбкой проанес хозяин.

— Я — святейший Хизр. Брожу по миру и являюсь к тем, кто угоден аллаху. Утреннюю молитву сегодня я прочел в священном Иерусалиме, полуденную — в Стамбуле, предвечернюю — в Мешхеде, вечернюю — в Тегеране, почпую — в Бухаре. А сейчас прибыл в ваш город.

— Вай-вай!— Хозяин схватил себя за ворот халата и плюнул себе на грудь, в знак величайшего почтения перед столь великим гостем.— Вы, господи, быстрее молнии! Недаром говорят, что святому перейти из одного мира в другой — все равно что два шага сделать!

Хан усмохнулся:

— Да, это так... Можешь мне поверить. Ну, так кто же ты?

— Имя мое Хасанбай, и я люблю выпить вина. Потому меня и кличут Хасан Кайфи, Хасан-пьяница. На Большом Чарсу я члню сапоги. Мне, чтобы день прожить, хватает одной теньги. Я до тех пор и работаю, пока не саберется теньга. Тогда я собираю свои иглы, шило и ухожу. Пусть в это время хоть у самой ханши каблук отвалится — я пальцем не пошевелю. Теньга — и все. Липинего мне не надо. Самое главное, о святейший Хизр, чтобы была голова на плечах и работа спорилась.

— Хорошо,— улыбнулся хан.— А кто же правит этим государством? Справедливый владыка или нет?

— Справедливый? Верно, слышал я, что одну из жеп хава зовут Справедливой. Но я никаких дел с дворцами не веду. Я знаю только свою работу. На заработанную теньгу я покупаю две лопежки: одну съедаю вечером, а другую — утром. Беру кусок мяса, связку дров, бутылку

вина, один гранат, одну свечу и — домой. Люблю алый блеск граватового сока, господив!.. Вот в этом маленьком котелке варю шурпу... Вы — мой гость, мы сейчас вместе отведаем шурпы. Если не откажетесь, то и вина выпьем! — хозяин лукаво поглядел на «пророка».

— Да, пожалуй, можем немного попробовать, — согласился «Хвэр», — ведь коран не запрещает само вино, а осуждает грубое опьянение.

Хозяин разломил лепешку, налил шурпу в две миски. Вместе с «пророком» распяли бутылку вина. За дружеской беседой не заметили приближение рассвета.

Как бы между прочим, хан спросил:

— Ты, Хасан Кайфи, часто повторяешь: «Лишь бы голова была на плечах да работа спорилась». И ни разу не упомянул при этом ни аллаха, ни хана. Мог бы ты и по-другому сказать, добавить: «И пусть будет здоров наш хан, пусть защищает нас от бед, и пусть аллах наградит его своей дружбой»?

— Только этого еще не хватало! — воскликнул Хасан. — К чему мне вмешиваться в дела хана и аллаха? Они разговаривают на одном языке, хорошо друг друга понимают и поддерживают один другого. Какое им дело до нас, до народа? Ведь и аллах бесплатно не работает: ему, как и хану, нужны и жертвы, и налоги, и подати, а чем я могу им заплатить? Кроме того, аллаху нравится, когда ему поклоняются... Вы, господин, видно, слышали про налог нашего хана, который он собирает со всех, кто садится в таз? — засмеялся Хасан. — Поэтому нет у меня никаких дел ни с кем из них... Пока у меня голова на плечах и работа спорится — я не пропаду!

— Но все-таки нужно соблюдать какие-то приличия! Хана следует уважать — он же теперь аллаха на земле!

— А я про что говорю, господин? Дурак тот, кто надеется получить какую-нибудь пользу от тени.

— Да простит меня аллах, — промолвил «пророк», — во что будет, если хан сегодня отдаст приказ: «Запрещаю в моем государстве чинить обувь, и, если кто-нибудь будет заниматься ее починкой, тот будет немедленно повешан». Что ты тогда будешь делать?

— Какой-нибудь выход найдется, почтеннейший! — бодро ответил Хасан Кайфи. — Была бы только голова на плечах и работа спорилась!

— Посмотрим, долго ли ты будешь твердить это! — раздраженно заметил хан.

Ему очень хотелось услышать хорошие слова о себе, но этот пьяница словно нарочно ни разу не пропалос даже «да будет благополучен наш хан» или что-нибудь в этом роде.

Пронел первый петух.

— Пора идти, — сказал «пророк». — Я хочу прочесть утреннюю молитву в вашем городе.

— Сегодня вечером вы будете моим гостем? — спросил Хасан.

— Почему ты об этом спросил? — насторожился хан.

— Вчера я не знал, что у меня будут гости, и купил еды и вина лишь на одну теньгу. Если вы снова придете, то сегодня мне нужно будет заработать две теньги, чтобы купить четыре лепешки, две свечи, два грамата, два куска мяса и две бутылки вина!

— Раз так, то я приду! — засмеялся хан.

Хасан проводил гостя, вернулся в хижины, позавтракал остатками лепешки. Потом принялся за уборку, а когда солнце поднялось до вершины тополя, то взял свои инструменты и пошел на Большой Чарсу. Он отправился на работу раньше, чем обычно, — ведь нужно было сегодня заработать на теньгу больше.

Только миновал он ряд, в котором торговали продавцы виноградного меда и подошел уже было к мясникам, как со стороны Большого Чарсу увидел бегущих друзей-сапожников. Вполнованные и запыхавшиеся они окружили Хасана.

— Хасанбай, иди назад, плохо наше дело! Скорее иди домой!

— Хасан, мы горим, ханский указ...

— Что случилось? В чем дело? — удивился Хасан. — Расскажите толком!

— Сейчас объявили волю хана: отныне починку обуви считать позорным занятием, и каждого, кто сапожничает, немедленно вздернуть на виселицу!

— Вай-вай, все вышло так, как сказал проклятый Хяар! — вздохнул Хасан. — Но пока у меня голова на плечах, в руки палача я не попаду!

Хасан побежал домой. Отыскал оставшуюся от деда старую пилу и деревянный клин. Стер с них пыль. За пояс заткнул топор. У соседа одолжил тяжелый колун. Вооружившись, как положено дроворубу, отправился на дровяной базар поджидать нанимателей. Ему повелось — какой-то парень попросил его расколоть шесть пней. Когда Хасан Кайфи запросил за работу всего две

тепью, парень очень обрадовался (видно, он не рассчитывал на такую дешевую цену) и повел Хасана к себе в дом.

Работа была пележкой. Хасанбай кряхтел и стонал, как раненый лев, но все-таки расколочил последний пень еще до полудня. Получив свои две тепью, он побежал на базар. Купил все, как и задумал: четыре лепешки из кислого теста, обсыпанные тмином, две бутылки вина, фунт мяса, две свечи, два граната и две связки дров. Возвратившись в свою хижину, Хасан разжег огонь под большим котлом и занялся приготовлением обеда.

Когда свечерело, хан в одежде Хизра подобрался к хижине и начал подслушивать. Он услышал невнятное, словно гудение пчел в горшке, пение Хасана Кайфи:

Нашу лодку разбило посредине реки,
Ветер попутный, скорей помоги,
Помоги шповь увидеть родных и друзей —
Дуй, ветер, дуй посильней!

А затем послышалось обычное:

— Лишь бы была голова на плечах и работа спорилась!

«Хизр» постучал в дверь, Хасан Кайфи отозвался: ,
— Пожалуйста, мой учитель, пожалуйста, у этой двери нет ни замка, ни запора, заходите, словно к себе домой.

Продолжая приветствия, Хасан Кайфи с еще большими, чем накануне, любезностями усадил гостя на почетное место.

Пламя свечей отражалось в соке гранатов, и хижина наполнилась красноватыми отблесками.

После того, как были разломаны лепешки, шурпа разлита по глиняным мискам и первые пиалы с вином опустели, Хасан Кайфи спросил:

— Понравился ли вам, мой святейший господин, наш город, с которым вы сегодня познакомились?

— Бай, бай, бай! — ответил «святейший Хизр». — Хоть я тысячи раз путешествовал по пространству двух миров, но такого величественного города никогда не встречал! Какие улицы, мечети, медресе! Какой народ, как он послушен своему повелителю! Везде слышны пожелания здоровья и благополучия хану. Я попробовал примерить ханский таз, стоящий у входа в мечеть. Сел в него, но мой зад оказался велик. Я заплатил налог в одну тепью. О, если бы все ханы в этом земном

мире были бы такими справедливыми, как ваш! Бай, бай, бай! Ну, а теперь ты расскажи о себе.

— А, господин, видно, ваши вчерашние слова были одобрены ангелами! — вздохнул Хасан Кайфи. — Не успел я дойти до Большого Чарсу, как объявили указ хана: «Вешать всех, кто чинит обувь». Я удрал.

— Дальше, дальше рассказывай, — нетерпеливо сказал «Хязр».

— Я взял топор, пилу и стал дроворубом. Заработал две тельги и к приходу нашей святой мудрости у меня уже кипел котел! Главное — чтобы голова была на плечах в работа спорилась.

— Молодец, молодец, — сказал «святой Хязр». — Но что ты будешь делать завтра, если хан запретит труд дроворуба?

— И в этом случае найду какой-нибудь выход, мой господин, — беззаботно ответил Хасан Кайфи.

Долго еще сидели собеседники, прихлебывали пиво и, захмелев, клепали носами. Перед рассветом гость потряс головой, сгоняя дремоту, и сказал:

— Сегодня я намерен прочесть рассветную молитву и Хастпимаме.

Хасан Кайфи проводил «Хязра» и вернулся в хищину.

Вскипятил воду, съел то, что осталось от вечернего пира. Потом взял пилу, топор и зашагал к дровяному базару.

Но не успел он поравняться с угольным двором, как встретил задыхающихся от бега дровосеков.

— Беги, Хасан-ака, скорее беги! Спасай голову! Хан повелел вешать всех дровоколов и дровосеков!

— Ну и подлец Хязр! — пробормотал Хасан Кайфи. — Оказывается, это настоящий пророк! Что скажет — то сбывается!

И он сразу же вернулся домой.

Под самой крышей, меж тонких балок, хранился старый бурдюк воды.

Хасан Кайфи вытащил его, вымыл, протер, наполнил ключевой водой, взвалил прохладный бурдюк на спину, взял две пивалы и пошел на бараний базар: там жаждающий всегда найдется!

Шагая по базару, Хасан Кайфи предлагал томлящимся от жажды людям воду:

— Святая вода! Святая вода! Бесплатно! Вода из священного родника! Холодна, как лед!

Жаждающие выпивали по несколько пиал сразу. Некоторые давали водоносу одну-две мелких монеты. Прошло немного времени, еще и половина бурдюка не была выпита, а Хасан Кайфи подсчитал, что, пожалуй, две теньги у него в кармане уже скопились. Не обращая внимания на просьбу страдающих от жажды, он вылил воду на землю, свернул бурдюк и пошел за покупками.

Когда хан в обличи «Хизра» подошел вечером к двери хижины Хасапа, то опять услышал пение стихов Хафиза и все ту же поговорку:

— Лишь бы была голова на плечах да работа спорилась!

Поджидая гостя, Хасан пел и варил шурпу.

Как и в предыдущие вечера, оба собеседника наслаждались беседой и вином.

Почтеннейший Хизр очень хвалил мечеть Тиллаших-бая. Потом начал расспрашивать, что делал сегодня Хасан Кайфи.

Тот рассказал, что ему на этот раз пришлось работать мешкобом — водоносом.

«Хизр», услышав про повеления хана, долго смеялся:

— Да будет аллах другом вашему повелителю! Много справедливых повелений вышло из его дворца! Пусть вечно будет здоров ваш хан! Ведь каждому ясно, что красоту города портят всякие там сапожники, водоносы, дровосеки! Они как грязные пятна на сверкающем платье! Будь моя воля, так я б всех этих низких людешек перевешал!

— Вы судите вполне здраво, господин, — с трудом проговорил Хасан Кайфи.

Только глубокое уважение к законам гостеприимства не позволило хозяину тут же, не сходя с места, отдубасить бессердечного «Хизра», а потом вытолкать его взащей на улицу.

Перед рассветом гость начал прощаться, пообещав вечером вновь прийти.

Хасан даже завтракать не стал: как только фигура «Хизра» скрылась вдали, он помчался со всех ног к верховью родника Булакбаша.

Здесь брали обычно воду все мешкобы-водоносы города.

Хасан никого не допускал к роднику, пока не собралось человек двадцать.

— Братья, — сказал Хасан, — вас двадцать, а я — один.

Если вы потрясете кошельками и соберете мне две тениги, то я пораду вас приятной новостью! Она вполне стоит ваших денег! Ну, не скупитесь, братья, и торопитесь, а то будет поздно!

Мешкобы удивились, переглянулись, полезли в свои кошельки и с грехом пополам наскребли две тениги.

Хасан аккуратно положил дельги в свой кошель и сказал:

— Новость приятная такова: немедленно идите домой. Вот-вот будет объявлена воля хана — смерть водносам-мешкобам! Всех на виселицу!

Но успел Хасан закончить свою речь, как появился всадник-глашатай и прокричал:

— Справедливейший из мудрых и мудрейший из справедливейших властелин наш повелел: каждый мешкоб, замеченный в пределах нашего города, будет немедленно повешен!

Забывая о сохранении своих жизней, несчастные мешкобы тотчас же разбежались во все стороны, как испуганные итенцы куропатки. А Хасан Кайфи побежал на базар покупать угощение для гостя.

...И в этот вечер Хасан Кайфи был для «Хизра» веселым собеседником.

И опять, как обычно, гость и хозяин расспрашивали друг друга о делах, совершенных за день.

«Святейший Хизр» сообщил, что читал молитвы в Зангиате и добавил, что ему доставил большое удовлетворение указ хана о водносах.

— Ах, если бы вместо существующих на земле тысячи ханов был бы лишь один хан, такой справедливый и мудрый, как вы! — высказал свое сокровенное желание «Хизр».

Затем он заинтересовался, как провел день Хасан Кайфи.

— О повелитель мира! — ответил бодро хозяин. — Человек не пропадет, если у него есть голова на плечах и работа спорится! Могу откровенно, ничего не скрывая, поведать вам, чем мне сегодня пришлось заниматься. Я стал бояться ваших предсказаний. Когда мы встретились и вы назвали себя святейшим Хизром, то, надо сознаться, я вам не поверил. Ну, думаю, Хасан, повстречался тебе либо курильщик опия, либо сумасшедший. Но когда ваши пророчества стали исполняться, я убедился: вы — Хизр. А Хизр и так должен знать о делах людских. Зачем же рассказывать вам о том, что я, смертный, делал сегодня?

Может, тогда, мой господин, вы обойдетесь без дурного предсказания и не расстроите моих дел.

— Клянусь аллахом, что я не буду делать плохих пророчеств. И вообще не стану предвещать ни плохое, ни хорошее!

— Хорошо, тогда слушайте. Сегодня я совершил доброе дело. Вы ночью сказали мне: «А что, если хан запретит водоносам работать?» На этот раз я ничуть в правдивости предсказаний не сомневался. Только вы ушли, я побежал к Булакбаши. Собрал водоносов и объявил им: «За две тениги могу сообщить радостную весть». Они собрали мне две тениги, а я предупредил их, чтобы они не выполняли зря бурдюки — сегодня хан запретит работать водоносам. Все так и случилось. Выходит, что я угощаю вас сегодня за ваш же счет — своим предсказанием вы помогли мне честно заработать две тениги. Без стеснения, спокойно ешьте и пейте, господин мой, только ничего больше не предсказывайте.

— Восхищен твердостью твоих убеждений, — сказал «Хизр». — С такой смышленостью...

— Не надо ничего говорить! Ни слова!

— Нет, нет, не собираюсь предвещать ничего плохого! Я лишь хотел высказать одно очень хорошее...

— И хорошего не нужно!

— Я хочу сказать, что с такой смыскалкой ты мог бы быть телохранителем хана!

— Нечего сказать, хорошие слова вы произнесли! — вздохнул Хасан Кайфи. — Да нет ничего более отвратного, чем это предсказание! Ах, какой я был дурак, что пригласил вас в свою хижину! Но теперь уж жалеть поздно, ничего не поделаешь!

Хасана Кайфи очень огорчили слова хапа. Он сморщил лицо, словно яйцо тухлое проглотил, и молчал до самого ухода «Хизра».

И на этот раз даже не проводил «святого», что обычно обязан делать гостеприимный хозяин.

Не прошло и получаса после ухода «Хизра», как в дверь сильно постучали и грубый голос произнес:

— Здесь живет Хасан Кайфи?

— Здесь, здесь! — отозвался Хасан Кайфи и вышел из дома.

Вышел и — замер от удивления: на коне сидел усатый воин в полном вооружении и держал в поводу другого коня. На голове воина сверкал шлем, кольчуга струилась по его телу, в руку он держал копьё, за спиной у него висел

лук на одном боку — колчан со стрелами, а на другом боку — меч.

— Хасан-ака? — спросил усатый воин.

— Я... я...

— Теперь вы — телохранитель нашего пресветлого хана. Одевайте оружие, которое я вам привез, и садитесь в седло — вот вам конь. Собирайтесь быстрее, нужно спешить во дворец!

Проклиная на чем свет стоит «Хизра», Хасан лацепил на себя вооружение, которое весило три пуда, а еле-еле взобрался с помощью усача на коня.

Всадники поехали во дворец. Проклятый конь оказался из пугливых — испугался тачки, помчался, чуть не сбросил седока.

Во дворце нового воина встретили старший конюший — мирахор и начальник телохранителей.

Они начали объяснять Хасану Кайфи его новые обязанности.

— Вы — личный телохранитель хана, — сказал начальник. — Стояте за его спиной, охраняете нашего пресветлого владыку. Одна рука всегда на эфесе сабли. Будьте пастором! Если увидите что-нибудь подозрительное, то кто бы это ни был — тотчас же отсекайте ему голову. Жалования положено восемь тенег. Будете получать в последний день месяца. Конь со сбруей — ваш. Корм коня — тоже ваш. Утром приезжаете в восемь часов, уезжаете в пять вечера. Днем конь кормится за государственный счет. К полудню варится шулаи, можете съесть одну мяску. Стоимость шулана — едите вы его или не едите — вычитается из вашего жалования. Если вы нарушите что-нибудь из этих положений — отсечем голову. Приложите палец к документу (Хасан Кайфи, кляня в душе «Хизра» на все корки, приложил палец к бумаге). Да поможет вам аллах и наш справедливейший из справедливых хан — тень аллаха на земле! Омни!

...И вот Хасан Кайфи (в трехпудовых доспехах, рука на эфесе сабли) встал сзади хана.

«Это нечистое отродье Хизр, — думал Хасан, — нарочно все подстраивает, чтобы я отказался от своих убеждений. Где я поэму ежедневные две тепги для сегодшнего угощения? Он хочет пристыдить меня... что ж. Посмотрим! Ну, голова, выручай, не зря же ты сидишь на плечах!»

После четырех часов дня хан ушел в гарем. Всем воинам, в том числе и Хасану Кайфи, разрешили идти домой.

Хасан отвяжал копя, с помощью других телохранителей взобрался в седло, и — шагом, шагом! — поехал в сторону ножевого базара.

Старый друг, торговец ножами, когда увидел Хасана на коне, в полном вооружении, то затрясся, побледнел и онемел.

— Не бойся меня, не бойся, — сказал Хасан. — Хоть я и в новой шкуре, но под ней все тот же твой друг Кайфи... Мне нужна твоя помощь. Видишь саблю? Ее лезвие сделано из исфаганской солнечной стали. Если отломать лезвие, ты его купишь?

— С радостью, — сказал ножовщик.

Хасан вытащил из ножен саблю, передал ее другу. Тот внимательно осмотрел лезвие, даже попробовал его напильником.

— Добротная, настоящая исфаганская сталь.

— Сколько дашь?

— Шестьдесят теньга.

— Давай.

Хасан оставил у афеса сабли лишь кусочек лезвия с ладонь, а остальное отбил на наковальне.

Ножовщик спрятал свою покунку под баранью шкуру, отсчитал шестьдесят теньга.

Потом Хасан помчался покупать угощение. А когда вернулся домой, разделся, снял с коня седло и сбрую, то позвал соседа.

— Друг, — сказал он, — это проклятое животное днем кормится у государственных ясель. С пяти же вечера до восьми утра оно в твоём распоряжении. Паши на нем, запрягай в маслобойку, в арбу — твоя воля. Но каждый день утром ты его будешь кормить, чистить и возвращать мне.

Сосед был счастлив от такой сделки и тотчас же увел коня на почную работу.

Когда поздно вечером «святейший Хизр» явился, то Хасан Кайфи, как ни в чем не бывало, помещивал шурпу в котелке и напевал свою песенку.

Началась дружеская беседа. «Хизр» рассказал, где он читал молитвы. Потом спросил, как идут дела у Хасана.

— Не беспокойтесь, господин мой, и говорить о них не стоит. Пусть ветер унесет ваши предсказания, хватят с меня!

— Клянусь аллахом и славой вашего добрейшего хана — я и полслова предсказаний не произнесу. Только скажи, чьи это сабля, щит, шлем развешены по стенам?

— Еще раз поклянитесь, святой Хизр!

— Если я буду что-либо предсказывать, пусть меня сразит гневное слово аллаха!

— Тогда я могу сказать. Это оружие — результат вашего вчерашнего пророчества. Меня сделали телохранителем хана.

— Да благословится это святое дело! А откуда у тебя деньги на сегодняшнее угощение? Видно, сразу выдали тебе жалованье?

Хасан Кайфи не таясь рассказав все, как было, в спял со стены саблю.

— Остальные пятьдесят восемь тенге я спрятал в потолке. До жалованья еще двадцать дней, каждый вечер угощение будет, мой господин. А для сабли я уже выстругал деревянный клинок. Как настоящий, посмотрите?

Хасан вытащил саблю из ножен. Вместо отбитого лезвия к эфесу было очень ловко прикреплено деревянное.

— Толково, — сказал Хизр. — Но...

— Ни слова, ни слова, ведь вы поклялись!

— Ни слова пророчества! Но хочу высказать свое предположение...

— Провалитесь вы со своими предположениями!

— А вдруг завтра хан на кого-нибудь разгневется и прикажет: «Хасан, отруби голову этому негодяю!» Что тогда с тобою будет?

— Тысяча проклятий! Чем больше стараешься, тем хуже получается! Вы не Хизр, а просто свинья! Да еще поклялись, негодник! Ладно, будь что будет, лишь бы была голова на плечах да работа спорилась! Найду какой-нибудь выход.

...И вот Хасан Кайфи торчит сзади трона, держась за эфес сабли.

В полдень, когда наступило время есть шулап, между ханом и главным визирем вспыхнула ссора.

Визирь утверждал, что налог на кишлак Аблабайтал очень высок и его необходимо снизить. Упрямый хан, наоборот, приказал этот налог вдвое увеличить. Перепалка становилась все горячее. Наконец хан до того разгневался, что приказал:

— Хасан, отруби голову этому дураку визирю!

Хасан подбежал к визирю, связал ему руки на спине, поставил перед ханом на колени.

— Мой повелитель, не у одного, а у десятка визирей я готов снять голову, принести их в жертву! — сказал Хасан Кайфи. — Но у этого несчастного большая семья. К тому же в кишлаке Аблабайтал живет моя тетька. Я у нее

иногда бываю. Ваш взор правду говорит — кипшак совсем погибает, народ там голодает, голыми все ходят. С него в вообще-то, если по справедливости, то пиканого налога брать нельзя.

— Проклятый телохранитель! — закричал хан. — По какому праву ты даешь советы своему властелину? Сейчас же руби голову! А не то — прикажу и тебе голову снять!

— Повелитель, отрезать визирю голову мне легче, чем зарезать воробья! — весело сказал Кайфи. Затем он обрратил лицо к вебу, простер руки туда, где по его предположению находился в этот момент аллах, и сказал:

— О всеведущий! Этот приговор — твой приговор! Голова визира будет отсечена! Но кто же прав в этом споре, аллах? Если мой хан, то пусть моя сабля останется саблей. Если же прав визирь, то пусть клинок сабли станет деревом! Аллах велик!

С этими словами Хасан вырвал саблю из ножен. И все увидели, что клинок его деревянный!

Хасан высоко поднял ее.

— Пусть я паду жертвой милости аллаха, сотворившего чудо! Визирь оказался прав: смотрите сами, мой повелитель!

Затем Хасан повернулся к хану, а вместо хана — Хизр!

Хасан понял, что хан приложил к подбородку фальшивую бороду, усмехнулся.

— Вот почему я не разобрался сразу во всех этих чудесах и предсказаниях! Отчего же вы, господин, раньше не открылись мне? Мол, и Хизр — это я, и хан — это я, и язык у нас один...

...Тем и закончилась попытка хана направить Хасана Кайфи на «путь истинный». Из дворца Хасана выгнали. И он снова счастлив, потому что его голова крепко сидит на плечах, а работа спорится.

СКРИГА

В нашем великом городе Ташкенте едва ли найдется человек, который не знаком с моим соседом, бродячим торговцем Миркамалом.

Он и его жена потратили всю свою жизнь на выпрашивание еды у пастухов и куска лепешки у нищих. Детей у них не было, зато была мечта: есть даровой хлеб.

Миркамал шесть дней в неделю кочевал по базарам. Вот и получалось, что он дома бывал только раз в неделю, по средам. А остальные шесть дней его жена сидела одна-одинешенька в четырех голых стенах.

И как-то раз в одну из сред Замира-такты сквозь слезы сказала своему мужу:

— В конце концов — вы мне муж или кусок чужой земли? В этом дырявом доме я сижу одна и схожу с ума! Мне нужно живое существо рядом. Что, небо рухнет, если вы купите мне какую-нибудь телочку или баранчика? Я бы легче перенесла ваше отсутствие!

Миркамалу это пришлось по душе.

В следующую среду он привел жене купленного за семь тенег тощего двухгодовалого барана.

Замре, можно сказать, повезло: баран ей скучать не дал. Он блеял без перерыва и гулко кашлял.

Скоро все, что можно было съесть, съел. Обедков, которые удалось достать у соседей, тоже хватило ненадолго.

Баран блеял и кашлял.

В следующую среду, когда муж появился дома, она вместо приветствия закричала:

— Эй, муж, я поняла, зачем ты привел сюда этого зверя: чтобы я умерла раньше времени! Уведи его или я уезжаю жить к своему отцу!

— Подожди, не уезжай, — сказал Миркамал. — Привыкаем что-нибудь.

В тот же день он, решив побывать на могиле своего отца, заехал на кладбище Шигаиддин. Увидев, сколько

сочной травы пропадает там без пользы, он сразу же смекнул, что это рай для барана.

Быстро вернувшись домой, Миркамал схватил барана и привел его к могильщику.

— Брат мой,— сказал Миркамал.— Я уже старик. Детей у меня нет. Когда я — если на то будет воля аллаха! — умру, то похорони меня. Никто тебе за это не заплатит: наследников у меня нет. Так вот, этого барана я передаю тебе заранее как плату за мое будущее погребение.

Могильщик отказываться не стал.

Прошло два месяца. Как-то Миркамал заехал на кладбище и не узнал своего барана — такой он стал откормленный, гладкий, а какой у него вырос курдюк!

«Ого, в нем пуда полтора сала! — решил Миркамал.— Пора забирать барашка назад. Это же глупость — отдавать такого красавца за похороны человека, который неизвестно еще когда умрет!»

Он постучал в дом к могильщику.

— Ассалам алейкум!

— Ваалейкум ассалам! Все ли спокойно в твоей жизни?

— Да провались такой покой! — грустно сказал Миркамал.— В кишлаке Капланбек мальчишка заболел корью, я дал ему выпить пол-ложки ртути, а он взял да умер. За это меня решили выслать из Ташкента. Собирайся, складывай свои вещи и поедem.

— Куда?

— Как куда? В ссылку! Ведь ты поклялся закопать меня, за это получил барана. Где я умру, там и ты должен быть. Как же иначе ты меня похоронишь?

— Тыфу! Сгниь! Провались ты вместе со своим бараном!

Миркамал забрал барана и отправился домой, воспевая хвалу своей хитрости.

РАССКАЗЫ ОБ УРАЗЕ

Ишан и шайтан

Господина богослова Шамсиддинхана простой народ почитал как полупророка. Ай-яй-яй, сколь он благочестив, ай-яй-яй, сколь он благовоспитан! Без ритуального омовения шагу не ступит, без молитвы — разговора не начнет. Из денег, полученных в качестве жертвенного подношения, бумажные скромно прячет в рукав, а мелочь, ссылаясь на то, что богатство — преходяще, рассыпает перед нищими. Сверх положенной пятикратной молитвы творит еще добавочную — «шафль». Обычай предписывает мусульманину в месяце рамазан тридцать дней поста. Но ишану этого мало — он постится и в первые десять дней жертвенного праздника, и при совершении других подобных религиозных обрядов. Если где-то читают коран и при этом произносят «вашамси», то есть «и солнце», он непременно прослезится.

— О заблудшие твари! Бог этим словом делает мне, бедному, знак...

Преданность простопародья ишану сразу подскакивает вверх. Святой Шамсиддинхан представляется ему ангелом, испускающим божественный свет. Сей человек проживает в мечети у Воиючего бассейна, в келье, примыкающей к его собственному дому.

Однажды, в семнадцатый день поста, в полдень, во двор мечети случайно забрели овца и баран. Видимо, они, несчастные, отстали от отары, которую кто-то гнал на продажу в Ташкент из Чимкента или Туркестана. Какой погощник может заметить пропажу двух животных в двухтысячном стаде?

Глубоко предавший слятому ишапу служитель мечети Аширмат — фьють! — живо захлопнул ворота и кинулся к келье господина. Оказалось, святой ишан, по своей беспечности, забыл запереть дверь изнутри. И что же? Хотел было воскликнуть Аширмат: «Господин, с пеба

унали две ощи, что будем делать?» — по остолбев от того, что увидел в келье, не смог и рта раскрыть. Ишан, усевшись у сандала, пек на пламени толстой восковой свечки... яйцо! На сандале — закоптелая скорлупа от пятишести печенных на свече яиц...

— О господин, что это значит?! — изумился Аширмат.

— Оставьте, мулла Аширмат, — пробормотал, смутившись, ишан. — Это дело шайтана. Бес попутал.

И тут, после слов его этих, будто светопреставление началось! Земля задрожала, затряслась. Стены кельи закачались, точно колыбель. Пол у сандала, за которым сидел ишан, с грохотом треснул, из трещины повалил черный дым. Дым, поклубившись, сгустился, уплотнился и принял человеческий облик. Только вот на лбу — козыи рога, и на ногах — копыта...

— Здравствуйте, — говорит. — Вы меня поминали? Я шайтан. Я наблюдаю сквозь щель между кирпичами, как святой господин Шамсиддинхан яйцо ест. Я негодник, конечно. Грешников жарю в котлах. Но мне никогда не приходило в голову яйца печь на свече! Так что не клеветайте на меня, святой ишан... — И с этими словами он с громом исчез под землей.

Запретная капля

Такой рассказ кто-то уже написал до меня, но кто — я не помню. Так что простите...

Опять о том же святом господине Шамсиддинхане. Из вышесказанного известно, что это за личность. Когда он подымается в мечети на кафедру и произносит проповедь, птицы останавливаются в небе, вода в реках пачинает течь вспять. Дети в колыбелях обретают речь, старьки вваливают на плечи тяжелые полуобгоревшие пив и с возгласом «О господин!» пускаются в пляс, холостяки впадают в экстаз.

Сегодня попельник, восемнадцатый день поста — день рождения пророка Мухамеда. Святой ишан в светложелтом халате, с зеленым посохом в руке читает с кафедры проповедь. Она — о позоре, которым окружены пьяницы в этом мире, и муках, которые их ждут в мире потустороннем. Благословенные глаза ишана наполнены слезами.

— О несчастные! С диким резом уходят они из жизни. И после смерти превращаются в свиней. На том свете они попадают в седьмой круг ада. Их нижние губы свисают долу, верхние прибиты огненными гвоздями к своду преисподней, и служители ада большими ковшами вливают в их пасти расплавленный свинец. Затем их, бедолаг, бросают в котлы с кипящей серой. Капля зелья — запретна, знайте это, мусульмане! — заключает инан торжественно. — Кагля!..

Тут к нему подползает на коленях служитель Аширмат — дабы поцеловать полу его халата. Он как бы случайно обнаруживает на поле халата — и показывает всем — небольшую, с монету, заплатку, Аширмат изумленно глядит на заплатку и произносит с дрожью в голосе:

— Господни, вам не к лицу носить одежду с заплаткой! Откуда она?

Святой снисходительно гладит его по голове.

— Детка, это длинная история. Моя младшая дочь Салима заболела корью. Долго мучилась — сыпь не выходит. Знахарь Хаджи посоветовал: «Дайте ей циперсток красного гина». Где его взять? Расспросили там и сям, поискали — и принесли от бакалейщика Джагила на донышке пиалы. И когда я поил с ложечки дочку, капля вина упала мне на полу халата. Я велел прокипятить халат и семьдесят два раза ополоснуть его в горячей воде. И все равно душа моя не успокоилась! Я приказал вырезать место, куда попала капля, и наложить на это место заплатку. Капля зелья запретна, мусульмане! — Крупные слезы покатались из глаз святого на его благословенную бороду. Мечеть загудела, как осиное гнездо, в которое сунули кочергу...

Наутро, во вторник, в пятнадцатый день рамазана, Аширмат, слоняясь по двору, увидел в крытом проходе у ворот женщину в парандже. Она сидела на выступе и тихо плакала.

Аширмат, стараясь не стучать кожаными кавушами, подошел к ней.

— Почему вы плачете, любезная госпожа, что случилось?

Женщина ответила сквозь рыдания:

— Я жена цирюльника Хаджимата по прозвищу Гладкий. Семь лет уже замужем. Но тот до сих пор не дает мне детей. Сегодня, то ли напившись вина, то ли накурившись апаши, супруг избил меня, вновь придравшись к

моей бесплодности. Говорит: или сейчас же роди мне сына, или я сейчас же с тобою разведусь. Вот я и пришла, не зная, как быть, к святому ишапу...

При этих словах у Аширмата дрогнули уши, глаза сверкнули, как у kota, отведавшего путряного сала.

— Ай-яй-яй! — говорит. — Переставьте плакать, проходите. Я сейчас доложу ишапу о вашей беде. Такого святого человека по нашим временам больше нигде не найдешь. Прочтет одно заклинание и ровно через неделю вы обретете тяжесть. Все дело — в его чистоте, преданности предписаниям...

Простодушная жепщина доверчиво прошла во двор. Аширмат — фьють! — живо запер калитку, побежал к ишапу.

Злополучный святой ина сей раз не удосужился закрываться на цепочку изнутри. Хотел было Аширмат воскликнуть: «Господин, о господин, бог всемилостивый благостной полей своею направил к нам прекрасную райскую гурию!» Но, увидев ишана полупьяным, не смог издать ни звука.

Ишап опять за тем же садалом, рядом с ним — кувшинчик впа, свеча горит, возле свечи — закопченная яичная скорлупа. И пиала, наполненная до краев...

Аширмат, не веря глазам своим, раздвинул веки пальцами. Затем дотронулся до кувшинчика. Все на месте: тот же садал, кувшинчик, та же свеча, пиала, скорлупа, — и тот же святой ишап.

— О господин! — вздохнул Аширмат. — Во все и все это вижу или наяву? Ведь только вчера вы говорили с кафедры: «Капля зелья — запретна!» Как это понимать, о благодетель? В день поста, в самый полдень...

Святой рукою с четками погладил бороду.

— Простодушны вы, Аширмат, ох, простодушны! Я говорил: «Капля запретна», не так ли? Вот, поглядите, сейчас мы отринем оную запретную каплю. — Он взял пиалу левой рукой, сунул в нее указательный палец правой руки, показал его Аширмату. — Видите? Та самая запретная капля. Мы сейчас от нее избавимся. Вот... — Он стряхнул на землю запретную каплю. — Остальное, — пояснил святой, — дозволено. Разве не сказал аллах: очищенное вино можно пить? — И он одним глотком осушил пиалу.

— Да паду я жертвой шарьята, господин! — вскричал Аширмат. — Да паду я жертвой закона, который все на

свете предусмотрел! Нельзя ли и мне получить из ваших священных рук чашу этого очищенного вина?..

...Хотите звать, наверное, чем все это закончилось? Скажу.

Святой Шамсиддипхан до конца своих дней — с помощью всемилостивого — учил мусульман воздержанию и покорности.

Мулла Аширмат с помощью всемилостивого — превратился в запойного пьяницу.

Жена царюльника очень скоро затяжелела и в положенный срок подарила мужу желанного сына — с помощью всемилостивого.

1965

КАЗАН И СВЕКЛА

Однажды житель Ахангарана пекий Санданкул Танга-Танган встретился на горном перевале с Халилча-халолом.

— Что нового в вашем Ахангаране? — поинтересовался Халилча-халол.

— Наши мастера склепали такой котел-казан, что его подвешивают за триста ушек. Если стоящий у первого ушка утром ударит по чугунной стенке казапа, то стоящий у второго ушка услышит этот звук только после полудня.

— Бай, бай, бай, молодцы, какой котел сделали! — восхищенно произнес Халилча-халол.

— А что нового в Памангане? — в свою очередь спросил Санданкул.

— В дальней степи выросла такая громадная свекла, что под ее листьями может укрыться от солнечных лучей тысяча всадишков.

— Ох и глупец же ты! Ври-ври, да знай меру! — обиделся Санданкул. — Кто тебе поверит, что свекла может быть такой?

— Не знаю, кто глупец, я или ты, — усмехнулся Халилча-халол. — Но если в вашем ахангаранском котле не вариться нашей паманганской свекло, то для чего же было делать такой котел?

МАДАМИНБЕК ХОТЕЛ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ...

Мадаминбек считал себя самым кровожадным из всех басмачей Ферганы. Он выделялся среди прочих своей дерзостью и лисьим двуличьем. Когда он попадал в безвыходное положение, то шел на примирение с Советской властью. Когда входил в доверие, то снова становился коварной лисой и вновь начинал резню, как голодный волк. В конце концов он был застрелен, как бешеная собака.

Однажды, разграбив несколько кишлаков, зарубив и перестреляв множество женщин, стариков и детей, взяв в плен парней и девушек, он вместе со своими приятелями отдыхал, как обжорливый волк, в большой общественной молельне.

— Эй! — крикнул он охрапе. — Шесть человек в полном вооружении отправляйтесь в Маргилап. Отыщите, где бы он ни был, Юсуфа-кызыка и привезите его сюда.

Юсуфа-кызыкчи привезли через три часа.

Желая поиздеваться над знаменитым острословом, басмачи посадили его без седла на тощую кобылу и связали под ее животом ноги Юсуфджана. От бешеной скачки кызыкчи был едва жив.

— Если бы не мои парни, — сказал Мадаминбек, — ты бы не навестил меня. И чего ты добивался, избегаая меня?

— Что мне ваши парни! — ответил Юсуфджан. — Я бы с вами не поехал. Но вы прислали за мной уважасмук тетушку. — И Юсуфджан потрепал по шее тощую кобылу. — А вашей родственнице я отказать не мог.

Глаза Мадаминбека стали круглыми, как сливы, чуть не выкатились из орбит.

— Что ты торчишь передо мной, как валка? — нахмурившись, сказал бек. — Ручку от кетмеся проглотил? Сядь.

— Да вот посло подушек вашей тетушки, — сказал кызыкчи, кивая на выпирающие ребра похожей на сылет кобылы, — я уже ни на чем больше сидеть не могу, мой бек.

— Оставь свои пустословие! — приказал басмач. — Вот

уже три дня, как на душе у меня темно, хоть я и пытался — ха-ха! — зажигать различные светильники. Ты должен рассмешить меня.

— Где у вас место, которое больше всего чувствительно к щекотке? Давайте пощекочу.

— Хватит глупых слов! Рассказывай как полагается! У кызыкчи в запасе всегда было много забавных историй, но на этот раз ни одна из них не вызвала у бек даже намек на улыбку. На лице Мадамивбека застыло такое выражение, словно он проглотил тухлое яйцо.

— Прекрати пустые речи! — закричал бек. — Расскажи лучше, что говорят обо мне в кишлаках и городах?

— Для этого нужна будет длинная лестница, — вздохнул Юсуфджав.

— Лестница? Зачем?

— Привесите — упадете.

Бек приказал принести длинную лестницу. Кызыкчи попросил приставить ее к молельне и, подобрав полы халата, стал взбираться по ступеням.

— Куда ты собрался? — спросил бек.

— На крышу. Оттуда я буду говорить, чтобы все слышали, как народ хвалит вас и как он за вас молится! — сказал Юсуфджав, продолжая подниматься.

Забравшись на крышу, он внимательно огляделся и вдруг, хлопнув ладонями по ляжкам, заголосил по-женски визгливо, так, чтобы все жители кишлака могли слышать его.

— Горе, мусульмане! Горе нам от сукнового сыпа Мадамивбека! О аллах, настанет ли день смерти для этого палача!? Эй, дядя-большевик, скорее приезжай и пристрели этого кровожадного зверя! У-у, чтоб глаза твои стали пищей воронов и коршунов! Горе, мусульмане! Горе нам от вора Мадамивбека!

Бек и его бапдиты до того растерялись, что первые мгновения сидели не шелохнувшись.

А с крыш соседских кибиток Юсуфджаву отозвались десятки голосов, послышались отчаянные вопли, прокликаящие Мадамивбека.

Наконец бек пришел в себя и приказал стащить Юсуфджаву с крыши. Басмачи бросились к лестнице.

Но в это мгновение со стороны кишлака раздались выстрелы, застучал пулемет, посыпались пули.

Беку ничего не оставалось, как вскочить на коня и вместе со своими бапдитами пуститься наутек.

БЕССМЕРТНЫЙ АФАНДИ

Насобирав сухого саксаула в степи, Афанди погрузил его на ишака, приехал в город и продал дрова за одну теньгу. Возвращаясь в кишлак, он утомился от жары и тряски на острой спине ишака и, чтобы хоть как-нибудь скоротать время, начал играть в орлянку: положив монету на ноготь большого пальца правой руки, отщелкивал ее вверх и ловил ладонью левой руки; затем подбрасывал монету с большого пальца левой руки и ловил ее правой ладонью.

Наконец это занятие надоело, и Афанди стал рассматривать теньгу. На одной ее стороне была оттиснута государственная печать, на обратной — начертано: «Каган, сын кагана Султана, Сульфиддин-хана Гази».

— О боже, — желчно произнес Афанди, — этот несчастный золотник серебра с примесью олова, разрисованный какими-то закорючками, так дорого стоит? Ну что в нем ценного, что красивого? А ведь какие только люди не нуждаются в этой крошечной теньге! И красивые женщины, и здоровенные парни с утра до позднего вечера гнут спину за эту железку весом в восемь горошин... Если у тебя нет такой теньги, грош цена твоему авторитету: и копейки не стоят ни твой разум, ни твои знания; все твои друзья и товарищи отворачиваются от тебя, все двери закрываются перед твоим носом, если у тебя нет этого презренного металла; тебе отрезан путь на базар за продуктами, твои дети голодны, а сам ты гол, если нет этой проклятой теньги. Ну и времечко, будь оно исладно! А ты что скажешь об этом, мой бодро шагающий ишак-ревунок?

Осел, будто в знак согласия со своим хозяином, мотнул головой, и Афанди снова занялся орлянкой.

Когда под вечер путник подъехал к урочищу Учкуприк, павстречу с лаем выскочила хромая собачонка. Ишак отпрянул на обочину. Теньга, подброшенная вверх, отлетела в сторону и, злякнув от удара о камень, укатилась. Афанди сыркнул, чтобы поднять монету, однако она куда-то

запропастьлась, словно провалилась сквозь землю. Уже совсем стемнело, и Афанди, решив продолжить поиски пропавшей теньги утром, собрал кучу камней, подвиг пещеру в гробницу и отправился домой.

Едва начало рассветать, как Афанди снова припился искать оброненную теньгу.

— Почему же я раньше об этом не подумал?— удивился Афанди внезапно мелькнувшей мысли.— Ведь поздно вечером здесь, кроме меня, проезжали и другие люди, а может быть, и сегодня кто-нибудь прошел или проехал раньше меня... Ну, конечно же, они и подобрали мою теньгу. Надо расспросить прохожих.

Не успел он проговорить, как показался на ослике паренек с платком на пояснице по случаю траура. Афанди схватил за повод ишака.

— Ты куда едешь?

— Дядя умер! Еду звать людей на похороны.

— А вчера ты не проезжал здесь?

— Проезжал с лекарем.

— Так, так... Гони теньгу!— потребовал Афанди.

— Какую теньгу?— ошалел паренек.

— Не морочь голову!— отрубил Афанди.— Не знаешь, какую? Это же серебряная пятнадцатикопеечная бухарская теньга. Кто, кроме тебя, мог пзять ее? Собака, что ли? Подавай-ка сюда монету!

— Никаких тевг-менг я не видел. Отпустите, муллака, покойник у нас...

— Какое мне дело до покойника? Гони теньгу, иначе я сдеру тебя с этой скотины и задам трепку!

Паренек, торопившийся за людьми для погребения умершего, понял, что дальнейшие пререкания ни к чему не приведут, пошарил в кармане, отдал теньгу и торопливо поехал в город.

Афанди положил монету на ладонь, осмотрел ее и пробормотал:

— Нет, это не моя теньга. На моей была надпись: «Султан Сульфиддин-хак». Буду искать, пока не найду. Однако и эта не лишняя,— и опустил монету в свой кошель.

Усевшись на больном камне, он стал наблюдать за дорогой. На этот раз он увидел продавца кислого молока. На его коромысле висело восемь порожних крывок и большое молочное ведро. Афанди приветливо обратился к нему:

— Оставайтесь-ка на минутку, милый дядя! Вы когда проходили по этой дороге?

— На рассвете, при восходе Венеры.

— Прекрасно,— сказал Афанди.— А ну-ка, гоните теньгу!

— Какую такую теньгу?

— Не притворяйтесь, братец. Вчера я потерял здесь бухарскую теньгу. Кто, кроме вас, мог ее взять? Давайте сюда!

— Что это за чепуха?

Разговор перешел в горячую перепалку, перепалка окончилась дракой. Одна крышка разбилась, у ведра вдавился бок. Продавец молока понял, что ему не справиться с Афанди, достал пятнадцатикопеечную монету, семь раз повертел ее над головой и, протянув Афанди, сказал:

— На, возьми, разбойник! Да не достанется она твоим детям на пищу. Пусть ее истратят на твое обмывание.— Злобно бранясь, он побрел в кишлак.

Афанди, рассмотрев вырванную с боем теньгу, проговорил:

— Нет, эта тоже не моя. У нее уже грани стерлись, моя же только что вышла из чеканки... Ладно, когда-нибудь и эта пригодится.

За день Афанди собрал таким же образом около десяти монет, но все они не были похожи на пропавшую у него теньгу.

Афанди ежедневно останавливал прохожих и проезжих и требовал отдать потерянную им теньгу. Если это не удавалось по добру, он поступал так же, как с продавцом молока. И хотя в день он часто собирал по десять-пятнадцать монет, ни одна из них не была похожа на обретенную им теньгу. Однако он поклялся, что не оставит поисков. Так вымогательство стало его профессией, и путники постепенно привыкли к поборам.

— Какой дорогой пойдём? В сторону пятнадцатикопеечного сумасшедшего или через Гирвац, хотя это и дальше?— спрашивает один пешеход другого.

— У меня есть теньга, пойдём ближним путем, через Учкуприк.

...Хотя за пять лет и три месяца все уже привыкли к странностям Афанди, его поборы не повравились богу. Облокотившись на белое облачко и наслаждаясь гашнишем, который он вдыхал через длинную резинковую трубку кальяна, всевышний хмуро наблюдал за проделками Афанди. Наконец у него лопнуло терпение. Он приказал рассылному вызвать Азраила. Ангел смерти, в чьи обязанности входило забирать души умирающих, подошел с

«Книгой судеб» под мышкой и поклонился богу. Указав сверху на Афанди, всемогущий сказал:

— Найди теньгу, потерявную пон тем рабом, верни ему и возьми его душу.

Азраил, посмотрев вниз, произнес:

— Эге! Да это же мулла Насреддин Афанди!

— Ну вот и возьми его душу!

Азраил раскрыл книгу и, найдя запись о Насреддине Афанди, обратился к богу:

— Да паду я жертвой твоей бороде, о мой повелитель. Согласно твоей записи, до смерти Афанди еще двадцать один год. Если я сейчас возьму его душу, люди скажут: «Неверный наш бог, не сдерживает он своих обещаний»,— и перестанут тебе верить.

— В таком случае припугни его, пусть он бросит вымогательство. Научи его другому ремеслу.

— Ладно,— согласился Азраил и, взяв с собою одного ангела, спустился на землю.

Не доходя до Афанди, ангел смерти превратился в дехкавина, едущего на ишаке продавать скороспелые дыни.

— Ты когда здесь проезжал?— грозно спросил Афанди.

— Сегодня утром.

— Я потерял на этом месте теньгу. Кто мог ее взять, кроме тебя? Не собака же утащила! Верни пропавшую теньгу и отправляйся дальше.

— Брось молот чепуху!— возразил Азраил.— Сколько десятков тысяч тенег собрал ты с рабов моего бога за пять лет и три месяца! Хватит! Иначе я возьму твою душу!

— Мою душу? Да ты ангел смерти, что ли?

— А как же!— И Азраил тотчас же принял свой страшный образ, а его ишак превратился в красивого ангела.

У Афанди затрепетало сердце, однако он и виду не подал.

— Подумаешь — Азраил. Будь вас хоть десяток Азраилов. Но ты и один надоел моей душе. Подавай теньгу, не морочь голову!

Ангел смерти и его спутник перевернули валун, на котором годами сидел Афанди, разгребли песок и нашли позеленевшую, заржавленную теньгу.

— На, получай, цепеный! Это та самая теньга, которую ты потерял.

Афанди хотя и признал свою монету по чеканке и надписи, но стал выкручиваться:

— Это не моя. Та была новая. Пока не найдется пропавшая теньга, я с места не сойду.

— Теперь-то уж сидеть ты не будешь,— сказал Азраил.— Мы тебя обучим очень легкому и доходному ремеслу, и пока настанет твой смертный час, будешь жить со своим семейством в полном достатке.

— Что же это за ремесло? Разве можно пойти записать легче теперешней моей работы?

— Мы тебя научим врачеванию.

— Для врачевания нужны знания, а я корь от нарывов не отличаю. Абсолютный неуч: на «алиф»¹ смотрю как на палку,— проговорил Афанди.

— Для табиба особенные знания не нужны. Из таких простых людей, как ты, и выходят самые знаменитые лекари,— заметил Азраил.— Пусть твоя жена сошьет пятьдесят мешочков, а ты посуши разных трав и разложи их в эти мешочки. Наполни водой разного цвета пять-шесть бутылок. После этого пойди в свою махаллю и объяви, что во сне видел святого Лукмана, который плюнул, мол, тебе в рот, и ты стал табибом. Слава о тебе за короткое время разнесется далеко. А во всем остальном я буду помогать тебе сам.

— Какую же помощь ты будешь оказывать?

— Эх, недотепа! Ведь я ангел смерти. Буду подавать тебе знак: кому жить, кому умирать. Заболеет кто-нибудь, тебя позовут как лекаря. Вместе с тобой отправлюсь и я. Ты будешь видеть меня, а другие нет. Если я стану в ногах больного, то апай, что он умрет, а встану у головы — останется жить. А ты примечай.

Афанди, веря и не веря услышанному, согласился на предложение Азраила. Придя в свою махаллю, он объявил себя табибом. Многие посмеивались над ним, считая его сумасшедшим. Но некоторые, беспокоясь за больных родственников, обратились к нему за помощью. И он начал врачевать.

Постепенно слава об Афанди как о табибе-исцелителе разнеслась по округе, и число его пациентов стало увеличиваться.

Доходы от врачевания оказались огромными. Крыши внутренних и внешних домов Афанди покрыл листовым железом и украсил узорами. Обзавелся еще одной женой. Еды и напитков — каких только душа не запросит. Всяко-

¹ Первая буква арабского алфавита.

го богатства — не перечесть. Уважение — от малого и старого. Афанди заважничал и нос задрал...

Прошел двадцать один год. По «Книге судеб» настал смертный час Афанди. Забыв об этом, он сидел в приемной и ожидал своего помощника — Азраила. Уже перевалило за десять утра, а Азраила почему-то все не было. Афанди начал шагать из угла в угол и браниться:

— Что это за дело? Коль взялся помогать, то надо являться вовремя! За дверью люди ждут.

Устав от ожидания, он лег на широкие пары, застланные атласным одеялом и пуховыми подушками. И что вы скажете! Азраил тут же спустился с неба и встал в погах Афанди. Тот перепугался, конечно, но представился непонимающим. Достав из бокового карманка золотые часы с толстой золотой цепочкой, он сказал:

— Смотри, уже одиннадцать. Нас давно ожидают около сорока больных. А ты, как видно, у престола всевышнего заигрался с какой-нибудь гурпей...

— Что вы говорите! — улыбнулся Азраил. — Довольно шутить, Афанди. По «Книге судеб» сегодня в одиннадцать часов тридцать семь минут вы должны проститься с душой. Однако, принимая во внимание нашу более чем двадцатилетнюю дружбу, я спустился на сорок минут раньше. Позовите свою семью, друзей и сделайте завещание. Затем я возьму ваш разум и душу.

— Бросьте пустые разговоры, — Афанди со страху перешел на «вы». — Я только принорочился к новому ремеслу, а наши рты едва привыкли к вкусу плова. Поэтому о смерти говорить рано. Поработаем-ка еще лет десять-пятнадцать в добром согласии, а?

— Э, пет, — возразил ангел смерти, — я не могу изменить божьего предопределения. Готовьтесь. И так уже попусту прошли четыре минуты.

Афанди вслечски старался протянуть время, но Азраил был неумолим. Не говоря ни слова, он начал вытаскивать душу.

— Эй-эй, стойте! — заорал перепуганный Афанди. — Что вы делаете? Что это за своеволие? Ведь у меня есть еще тридцать шесть минут.

— Давно бы так, я то типете полынку, — засмеялся Азраил. — Начинайте-ка свое завещание, мой Афанди.

— Мое завещание таково, — начал Афанди, еле переводя дыхание от нерешитого волнения. — Я, раб божий, допустил множество прегрешений перед всевышним. Пять лет и три месяца под предлогом потеряншой теньги заши-

мался вымогательством. Теперь со слезами каюсь перед богом. Я хочу дважды помолиться и просить всемогущего господа о прощении. И вы также поклявитесь, что не будете брать мою душу, пока я не исполню намаз в два rakata.

Азраил, повернув лицо к кебу, обратился за советом к богу. Облокотившись на белое облачко, бог по-прежнему кейфовал за гашишем, глядя на землю. На вопросительный взгляд Азраила он прищурил левый глаз, как бы давая свое согласие.

— Ну ладно,— сказал Азраил,— молитесь, Афанди. Пока не совершите свой намаз, я не возьму вашу душу.

— Поклянитесь.

— Клянусь именем моего единственного бога, создателя восемнадцати тысяч миров, что не возьму душу, пока вы не совершите свой намаз в два rakata.

— Прекрасно,— произнес Афанди.

Совершенно усюкоевный, он взял горляшку, бросил щепоть насвай под язык и предложил Азраилу, снова перейдя на «ты»:

— Может быть, заложить насвай? Очень крепкий, из каракишлакского толченого табака.

Азраил, вахмурившись, молчал. Афанди вышел наружу, сделал омовение и вернулся. Разостлав молитвенный коврик с вышитым изображением Мекки, он повернулся на запад и, не торопясь, приступил к намазу. Азраил наблюдал за ним, приготовив приспособление для изъятия души.

Закопчив первый rakat, Афанди сел. Поклонившись, провел руками по лицу, что означало окончание намаза. Изумленный Азраил воскликнул:

— Эй, Афанди! Ваш намаз не окончен. Что же вы не исполните второй rakat?

— Времени не осталось,— ухмыляясь, сказал Афанди.— У дверей большие заждались. Вторым rakatom займись, когда пресынешь этим миром. Жизнь, брат,— самое дорогое, что может быть. А поскольку ты только и умеешь, что отнимать у людей жизнь, то ничего ты, дурень, не смыслишь в ее прелести!

Так Насреддин Афанди стал бессмертным. Он всегда вместе с нами, вмешивается во все наши дела, смехит и веселит добрых людей, срамит духовенство и стяжателей... А божий слуга Азраил мечется следом за ним, безуспешно просит его приступить ко второму rakату намаза.

АФАНДИ, ШАЙТАН И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Однажды теплым вечером Насреддин Афанди и его друзья Ахмадали и Джурабай возвращались из кишлака Акташ с неудачного снатовства. У селения Дурмен им попался тенистый сад. Между рядами стройных, как десятиклассницы, вишен резвился, подобно первокласснику, веселый арык.

— Приятное место, — заметил Джурабай. — Отдохнем?

Присели. Потом прилегли. Над головой, рукой подать, трепетали под ласковым ветром спелые вишни. Горюя о напрасно потраченных усилиях, отвергнутые сваты горстями рвали сочную ягоду, ели и от нечего делать стреляли из пальцев скользкими косточками в противоположный берег.

И вдруг — будто светопреставление началось! Земля заколыхалась, словно висячий мост. Из ее глубины донесся грозный реп. И затем, поверите ли, вспаханная земля с грохотом разверзлась! Из ямы попалил к небу черный-пречерный дым, будто бочку с мазутом подожгли. Взапетушившись на высоту двух или трех тополей, дымовой столб сгустился, осел вниз. Остановился на уровне значительно больше человеческого роста и стал принимать очертания двух каких-то устрашающих существ — крупного и поменьше.

— Дэвы, отец и сын! — вскричал Ахмадали, обхватив вишневое дерево.

— Неужели? — воскликнул Джурабай, обнимая друга.

— Спокойно, — сказал Афанди, продолжая сидеть как ни в чем не бывало. — Сейчас узнаем, что это такое.

И, представьте, чудовища, взявшись за руки, двинулись прямо к ним. У старшего — тяжелые витые рога, длинный и черный хвост с кисточкой. У младшего рожки только пробиваются, на одном глазу — большой кусок ваты и сверху тонкая черная повязка. Хвост у него короткий, размером в падь.

— Кто тут вишни ел? — прогремело страшилище, оставившись перед нашими тремя богатырями.

— Все, — ответил Афанди, не торопясь.

— Кто косточками стрелял?

— Все трое.

— Ага! — рывкнул исполин. — Знаете, кто я такой? Шайтан! Как вы смеете стрелять косточками куда попало? Вот, дети мои играли себе под орешинной — вы младшенькому глаз вышибли.

— Не может быть, — сказал Афанди. — Вообще ты не Шайтан. И ты на нас клеветал.

— Шайтан я! — заскрежетал почистый кабарьими клыками. — Двое нас было у отца. Близнецы. Одного назвали Рахманом, другого — Шайтаном. Дрались каждый день, родителю это наскучило — он и разделил землю на двоих, чтобы избавиться от нас. Рахману отдал поверхность, мне — испод. Рахман и сделался вашим богом. Смотри-ка, сколько добра досталось дураку — трава, есть орешки, горсть ваюма да глупцы вроде вас. А мне, Шайтану? Все подземные клады, сокровища, руды, огненные вулканы... Трепещите! Уволоку сейчас всех в ад. Молитесь спосму богу. — Он дико захохотал...

— Говорю тебе, ты не Шайтан, — не унимался Афанди. — Шайтаны больше среди людей ходят. А ты, видно, какой-нибудь пьяница-дэв, сбежавший из преисподней.

— Не верите? — изумилось чудовище. — Ладно! Я мощью своей вам докажу, что я — настоящий Шайтан. Чего показать?

Насреддин взглянул на Ахмадали.

— Братишка, задай проклятому такую задачу, чтоб он провалился от стыда, не справившись с ней, а?

— Если ты Шайтан, — пролепетал Ахмадали, еле-еле пришедший в себя, — сделай так, чтобы вода в этом арыке потекла вспять. И чтоб через каждую сажень фонтанчики струились.

— Ха-ха-ха! И это — задача? Гляди. — Шайтан вынул из-под мышки книжечку величинной с блокнот. — Зум-байк, вяли-тили-надзе, зум-байк-ви, зум-байк-ва, куф! — И он, как слон хоботом, дунул вытянутыми губами на воду.

И тогда, вообразите, стремительно несущийся поток внезапно остановился, задрожал на месте и помчался назад! Через каждую сажень из него надымались саврасыми конскими хвостами шумные фонтаны,

— Вот это да!— Ахмадали вздохнул.— Верю, что ты Шайтан. Ну, где тут вход в гесину?

— Постой!— зарычал Шайтан.— Пусть и они убедятся в моей великой силе. Всех вместе и уведу.

— Твоя очередь, братишка Джурабай. Придумай что-нибудь такое, чтобы этому упрямцу сразу поставить мат.

— Коли ты Шайтан,— со вздохом сказал Джурабай,— вели, чтоб стволы этих вишен стали серебряными, листья изумрудными, а ягоды рубиновыми.

— О ха-ха-ха! Придумали тоже. Это нам раз плюнуть. Смотри.

Он раскрыл блокпот на букве «В» (вишня) и произнес заклинания:

— Ко-бакай, е-чил-изо, чув-зузу-диган-тунау... Куф, суф!— идохнул па деревья. И трепетавшая на ветру листва вдруг зазвенела, точно половник в котле с жарящейся кукурузой. Попробуй сорвать хоть ягоду! Кое-как отломил втроем три штуки, взяли в рот — скрежещут на зубах, словно камни. Камли и есть.

— Я с самого начала чувствовал, что ты подлинный черт,— заявил с печалью Джурабай.— Чего тяпуть? Пойдемте, что ли, друзья, чему быть, того не миловать...

— Ну, а ты чего желашь заказать?— обратился Шайтан к Насреддину.

— Ладно, согласен. Шайтан так Шайтан. У нас на земле принято подчиняться большинству. Что я могу еще сказать, раз эти двое признали. Давай, показывай дорогу. Видно, суждено нам попасть к тебе на издивенне.

— Нет, погоди, всезвэйка!— заорал нечистый.— Это не пройдет. Ты среди них, я вижу, самый болтливый да умный, ученый. Возьму тебя в преисподнюю — всех там с толку собьешь, испортишь мне чертей. Давай до конца проясним отношения, чтоб никаких сомнений не осталось на будущее. Задавай задачу.

— А если не справишься с ней?

— Что, что! Ты думаешь, существует на свете дело, с которым я не справлюсь? Это я-то, властитель вулканов и землетрясений. Ставь задачу, я говорю! Ну?

— Смотри, чтоб жалеть не пришлось.

— Не беспокойся.

— Приблизь ухо, коли так.

Шайтан пригнулся, поставил торчком чернос, пушистое, как заячий мех, ухо. Как известно, у Афаньи впереди не хватало одного зуба. Сквозь это отверстие он, бывало, озорно постреливал слюной па ходу, а то и пошвыстывал,

как ученик четвертого класса. Вот и сейчас выдал он протяжный резкий свист. Будто провел напильником по зубьям пилы.

— Слышал?

— Ну и что? Обыкновенный свист,— пожал локматами плечами Шайтан.

— Подставь другое ухо.

Афандя опять свистнул.

— А это слышал?

— И это свист простой. Морочншь голову.

— Хорошо. Теперь, если ты всемогущ, попробуй напизать на каждый свист по восемь пуговиц...

— Проклятье твоему отцу, чертенок!— Нечистый яростно дернул сына за ухо.— Шагай.

Вновь дрогнула земля. Путилки — проснулись...

1965

АНЕКДОТЫ ПРО ПОЭТА И ПРО СТИХИ

Стих, потерявший свое содержание

Один из современников Алишера Навои пришел к нему с жалобой:

— Сколько бы я ни писал, другие поэты крадут из моих стихов их смысл и содержание. Я возмущен! Ищу вашей защиты.

Навои прослушал его стихи, подумав, ответил:

— Вы правы: в том, что прочитано, нет ни смысла, ни содержания. Вероятно, украли.

Стих, не стоящий и гроша

Другой поэт, прочитав Навои свою длинную-длинную оду, стал похвально:

— Я могу написать двести стихотворных строк, пока сгорит свеча стоимостью в одну копейку. Сегодняшнюю оду в четыреста строк я сочинил за то время, что сгорели две такие свечи.

— Это видно,— ответил Алишер Навои.— Каждые из двухсот ваших строк стоят не больше гроша.

Стихи со сладостями

Какой-то поэт послал Ходже Насреддину два своих стихотворения, сопроводив их такими словами: «Высоко-чтимый Ходжа! Примите мой поэтический дар. Буду премного вам благодарен, если сообщите мне свое драгоценное мнение...» Листок со стихами и с этой припиской он положил на огромное блюдо, доверху наполненное разными сладостями.

Месяц он ждал ответа Ходжи. Другой месяц ждал. На третий не выдержал, отправил Насреддину письмо: «Дорогой Афанди! Три месяца назад послал вам два своих стихотворения, чтобы узнать ваше мудрое мне-

ние. Поскольку ответа нет до сих пор, решил вам напомнить...»

На этот раз ответ пришел быстро. «Мой дорогой ученик!— писал Ходжа Насреддин.— Я получил ваши стихи со сладостями. В следующий раз можете присылать сладости без стихов. Держайте, мой друг!..»

Иду в конюшню...

Слава кровопийцы и жестокого деспота больше уже не удовлетворяла хана. Хан мечтал о славе поэта.

Несколько дней в поте лица он сочиняет газель, затем читает ее своим визирям. Придворные все в один голос восхваляют великий поэтический дар хана, а шейхуль-ислам от восторга лишается чувств.

— Слова падишаха — падишах слов,— сказал старший визирь.— После вашей газели все поэты поднебосного мира должны сломать свои перья, выше этих стихов ничего уже быть не может!

Но хан не поверил восторгам придворных. «Все опилъстецы и лицемеры. Только мулла Насреддин скажет мне чистую правду»,— решил он и велел позвать Насреддина.

Когда Насреддин появился, хан протянул ему листок со стихами и попросил дать им оценку. Афаиди прочел, сказал без утайки:

— Какие же это стихи? Это бред сумасшедшего, исповедь дурака!— и бросил листок хану.

Разгневанный хан приказал отвести Насреддина в конюшню и привязать там к столбу.

— Будешь жить вместе с ослами, потому что и сам ты осел!— кричал хан, когда палач выталкивал Афаиди за дверь.

Что поделасшь: воля хана — закон. Пришлось Насреддину палаживать жизнь с ослами. Вместе с ними он ел, вместе спал.

А хана не оставляли тщеславные помыслы. Запершись, он днем и ночью сочинял стихи и ровно через две недели преподнес своим визирям новую газель в четырнадцать бессмысленных строк.

— О, божественно! О, несравненно!— восхищались придворные. У шейхуль-ислама от счастья лопнуло сердце. Главный визирь воскликнул:

— Если бы я не боялся аллаха, то сказал бы, что эта газель прекрасней слов священного корана!

А хан, довольный собой, приказал:

— Приведите сюда муллу Насреддина! Что он скажет генерь?!

Привели Насреддина. Хан обратился к нему:

— Афанди! Вы были правы: те стихи мои на самом деле были незрелые. Эти четырнадцать строк я писал четырнадцать дней. Я вложил в них весь свой талапт. Читайте!

Насреддин прочел про себя новое сочинение хапа, вернул листок, а сам направился к выходу.

— Вы куда?— спросил его хан.— Сначала скажите, как вам понравилась моя газель.

— Время обеда. Я в копышку,— ответил Ходжа.

1965

ГДЕ ОНО—СЧАСТЬЕ?

Картина первая

Одинарный ткацкий станок. Саттар у станка привычно мечет челноком. Тетушка Хадича, его мать, сидит за прялкой, наматывает на цевку пряжу для утка.

Тетушка Хадича (*поет под гул прялки*).

Прялка сбрасывает шнур —
Прямо заругаться внору.
Ох, соперница-змея!
Вечпо затевает ссору.
Ох!..
Есть у всякой прялки гул,
Есть у каждой бочки дышло.
Перой и надеждой жив
Каждый смертный, даже ищидей.
Ох!..¹

Прялка прогудела в том вторму соке и остановилась.

Саттар (*перестает работать, потягивается, похрустывающая суставами*). Правда, мать! Человек не может без надежды, без мечты. Нет ничего хуже отчаяния. Если камень отчаяния попадет в стеклянный сосуд мечты, от него останутся одни осколки огорчения. Эх, взял бы святой пророк Идрис, блаженной памяти паставник наш и покровитель, да и указал бы нам, простым смертным, как быть дальше. Как сменить рублища постоянных забот и скорби на светлые одежды радости и счастья... Да, кстати, Дильбар не приходитьа? Очень неловко мне перед

¹ Здесь и далее стихи в переводе В. Липко.

шею. Девушка, чтоб ей, добивается какого-то невиданного на свете узора. А у меня, сказать по правде, руки не поднимаются натягивать основу ради одного отреза на платье.

Тетушка Хадича. А давай-ка прикинем, сын. Нынешний год — год рыбы. Так... год акулы... год змеи... одра... овпа... обезьяны... певня... Значит, в этом году исполнилось тебе ровно двадцать семь. У ровесника твоего Рашидджана уже две дочки с сывишкой. А тебе замолвишь словечко о женильбе, ты сейчас же начинаешь свое «Не унывай, не отчаивайся...»

Саттар. Старость похожа на лук без стрелы. Перед нею ни дичи, чтоб подстрелить, ни метки, чтоб взять на прицел. А у меня в сердце надежд, что зерен в кувинском грапате — полным-полно натискано. В конце концов не одна, так другая, а приведет меня к заветной цели. Человек — это не пузырь при ливне: один лопнул, рядом другой вздулся. Нет, раз появился на свет, должен оставить после себя имя, след! Вы слышали про святого шейха Аттора? Человек этот и разными снадобьями торговал, и поэтом был, и святым прослыл. А достиг он этих трех достоинств своим много терпением и упорством. И отцу покойному, да будет всегда озарена светом его могила, и вам тоже — большое спасибо, вы дали мне кое-какое образование, я научился ремеслу, и теперь...

Тетушка Хадича (прерывает). Все это благодаря отцу твоему, покойнику. Каждую среду он приходил с базара с полпой, как говорится, пазухой, с полными голепищами. Вот как цепился его товар. Он часто шутил бывало. Хадича, говорит, ты знаешь, что я купил тебя всего за семнадцать кусков хан-атласа? И все твердил: если, говорят, бог пошлет мне сына, я сделаю его великим грамотеем. Вот п... •

Саттар. Эх, мать. Да ведь в те времена и слова такого не знали — «Текстилькомбинат». А на этом самом «Текстиле» стоят такие проворные машины-станки, что за час ткут столько, сколько семь лучших мастеров-ремесленников не соткут и за неделю. Ну, люди и кидаются на ткапи «Текстиля». Дешево потому что. А ремесленники на базаре сейчас не в чести. И забот у них прибавилось. Человек же, если он родился на свет, должен оставить после себя имя, след, мать. Не ремесло, так стихи. А стихи не пойдут... *(Берет лежащую рядом со станком книгу с надписью «Калила и Димна». Вынимает заложный в книгу листок бумаги, Старуха продолжает*

заниматься своим делом.) А все-таки хороший псевдоним пашел я. «Чархи» — очень под стать мне. У козла прозвище — мулла Абдукерим, у паршивого пса — Байбача. А у вашего покорного слуги — Чархи. Потому что все в нашем деле начинается с прялки. (Читает.)

Не взглянешь ты — весна и лето настать не смогут никогда.
Никто очей твоих сиянья отнять не сможет никогда. 22
Навечно превратились в струны сердца, плененные тобой.
Коснись их ласково. Иначе звучать не смогут никогда.
Как ласточкины крылья, брови твои, а утка или гусь
Орлом, легко парящим в небе, летать не смогут никогда.
Пылинка ни одна не сядет на яблонь твоей груди.
И кто б чужой к ним не тянулся — достать не сможет никогда.
Но почему, о чаровница, лобзающий уста твои
Становится уныл и счастья познать не может никогда?

(Снова перечитывает уже про себя, затем прячет листок в книгу и продолжает работу.)

Тетушка Хадича (замедлив ход прялки). Сынок, милый, как говорится: «Коль занятие отца — ремесло, так и ты знай свое место». Оставил бы ты свои песни-газели. Орудовал бы челноком, уже не на одну, а на десяток красавиц хватило бы у тебя достатка.

Саттар. На базаре им одна цена, так что: хочешь — шелк тки, хочешь — стихи пиши. Главное — пмя, след оставить после себя на свете.

Снаружи доносится голос Талиба: «Саттар! Хо, Саттар! С тобой есть кто?»

Тетушка Хадича. Сынок, этот твой приятель дурной, распушенный парень. И характер у него ядовитый.

Саттар. Да будет вам. Есть свое удовольствие и в беседе с человеком, у которого ядовитый характер. (Повернувшись к двери.) Заходи, Талиб, никого нет. Только мы с матерью.

Входит Талиб.

Талиб. Ассалом алейкум! А, почтенная старушка, все бодритесь, прыгаете? Что, повестки не было еще?

Тетушка Хадича. Э, милый мой Талибджан! Раб божий, он принадлежит богу — когда б ни пришла повестка, мы в тот же день готовы, была б молодым дарована долгая жизнь.

С а т т а р. Перестань, приятель, не каркай. У старушки из десяти цветов жизни еще и один не распустился как следует. Ну, чего торчишь у порога? Проходи, садись.

Талиб проходит на почетное место, садится. Старуха останавливает прялку, учтиво кланяется ему. Идет в следующую комнату приготовить дастархан. Саттар садится рядом с Талибом.

Т а л и б. Тетушка, не хлопайте там. Никакого чая-чая не надо. *(Взглянув на Саттара, улыбается. Показывает спрятанную под полой залата бутылку вина.)*

С а т т а р. Ты что ж, на работу не ходил? Выходной, что ли?

Т а л и б. Да нет. Вчера получка была, голова трещит, решил прогул сделать. Государство, думаю, днем позже разбогатеет — только и всего. Голова и без того гудит, как корчага, в которую залетела муха. А пойдешь на работу, там грохот машин и повсе доконает.

С а т т а р. Верно говорят: возмездие за пьянство — похмелье. А если лень стала ремеслом, то жалованье — одно расстройство. Ну, а начальство — ничего не скажет?

Т а л и б. Насчет начальства — порядок. Есть у меня приятель один, парень — во! Вчера мы с ним вместе были, так он — не выйдешь, говорит, дежь-другой, ничего, я тебе бюллетень раздобуду у знакомых докторов. Правда, начальником цеха у нас Дильбар, дочка Шарифджана-ака. А нет хуже, если над мужчинами да встанет начальником женщина, балаболка. Как кузнечик, то к одному подскочит, то к другому — и чирик-чирик, — чирикает, чирикает. Ну, и человеку досадно, конечно.

С а т т а р. Краса мужчины — борода, говорят. А разница между бородой и косами такая же, как между кудцей метлой и гребешком. Если начальником цеха у вас существо с косами, значит, дела у нас будут красивыми. Кстати, что она за девушка? Наверное, разбаловалась, встрепой стала уже, командую мужчинами пакоротке?

Т а л и б. Увинаятся за ней многие, весь «Текстиль», можно сказать. Только она никого не выделяет. И, надо сказать, дело знает, дотошная. А что случилось, почему ты интересуешься? Или тоже из тех, что сохнут по ней? Да она скорее помрет, чем пойдет за кустаря-одиночку. Если на «Текстиль» поступишь, покажешь себя на деле, то еще может быть. А так — пустые хлопоты.

С а т т а р. Запомни, дорогой, что «ответ» часто рифмуется с «навет». Никаких таких сигналов от сердца я еще не получал.

Талиб. Да, ты слышал? Говорят, будто от нашего квартала до квартала Суфитулгай и оттуда до этих мест все намечено к сносу. Будет построена городок для рабочих «Текстиля». Так что начинай хлопотать насчет нового участка.

С дастарханом входит тетушка Хадича. Расстывает его перед гостем, вступает в разговор.

Тетушка Хадича. О боже, какие же мы несчастные. Куда ж мы теперь от родного угла? Вчера соседские ребятки говорят мне: «Тетушка, тетушка, тут землемеры ходили, обмеряли и возле нашего двора вбили железный кол!» Я пропустила мимо ушей их болтовню, а оно на правду вышло: порушат, говоришь, а, Талибджан? О боже!

Талиб. Поруют. Не сегодня, так завтра, а поруют, старая.

Саттар (*разламывает лепешку, приглашает гостя отведать*). О сносе домов ни в «Заветах», ни в «Цеховом уставе», конечно, ничего не сказано. А вообще, фабрика и ремесленник — все одно, что каменная глыба и стеклянный пузырек. Хоть камень заденет пузырек, хоть пузырек ударится о камень, — разобьется пузырек. А если еще и дома будут сносить, эпацит, считай, и с этой стороны подожмет нас.

Талиб (*незаметно для старухи открывает вино, наливает пиалу и ставит перед собой*). Ну, Саттар, положенное на базаре тебе известно, с усадьбой-домом — тоже. Что ж ты намерен делать? Думал ты над этим?

Саттар. Думать над чем-либо — все равно что в дудку дуть: хоть семь дырочек закроешь, она через восьмую засвистит. Я решил так: или останусь одиноличником до полного краха, или махну рукой — ну его! — и поступлю на «Текстиль». А то стану кальяндаром, буду ходить по улицам и распевать стихи, как Машраб. Главное — имя оставить после себя, след.

Тетушка Хадича. Дети мои, а не приготовить ли вам чего-нибудь? Талибджан, тебе, похоже, торопиться некуда.

Саттар. Гость, он смиреннее овцы — курдюк подашь, и от него не откажется. Было бы не худо, если бы вы хлопотали малость. Талибджан наш без закуски не поправится.

Тетушка Хадича. Ах, милый, опять ты принес

эту напасть. Зачем ты пьешь ее, сынок, от нее, от проклятой, и деньгам твоим вред и чести твоей ущерб..

С а т т а р. Честь, опа — что шест капатоходда: в какую сторону перетягивает, в ту и падать приходится.

Секрет с вином раскрылся. Дальше таяться нет явдобности. Старуха выходит. Талиб выпивает сам, затем наполняет пивалу и подает Саттару. Саттар отказывается.

Т а л и б (*настаивает*). Пей. Не бойся, не помрешь. Оно сладкое, из тех, что женщины пьют. Ты, вижу, истомился, вот и пройдет все.

С а т т а р (*берет пивалу*). Ладно, пить так пить. Выпивка, говорят, ключ от ларца души. (*Пьет.*) Нехорошо только, что мы делаем это в мастерской, — как-никак это место отмечено благодатью.

Т а л и б (*не обращая внимания на оговорку*). По-моему, калявдаром стать — дело подходящее. От работы на «Текстиле» тоже толку мало.

С а т т а р. А какая у тебя плата?

Т а л и б. Дело не в плате. Платят у нас, глядя по работе. Да я, если даже и мало выработаю, доход у меня — что надо... А главное вот в чем. Тот приятель, что я упоминал, — дошлый такой мужик! — он говорит: со временем мало-помалу все фабрики «Текстиля» от государства перейдут в наши руки. Я больше в расчете на это держусь.

С а т т а р. Если ткнешь пальцем в глаз, покажутся золотые круги-кольца, верно? Так вот, в день, когда тебе удастся схватить хоть одно из этих колец, сто машин «Текстиля» — твои. Ты когда-нибудь слышал о книге «Калила»?

Т а л и б. Никакой Калилы-малилы я не знаю. И из твоих намеков половины тоже не понимаю.

С а т т а р. Тогда послушай, я прочитаю тебе один рассказ из этой книги (*Встает, приносит книгу «Калила и Димна». Полистав, находит нужную страницу, читает.*) «Рассказ. Жил один человек. Занимался он стиркой и каждый день приходил на берег ручья полоскать постирапное. И каждый день видел одного и того же дикого гуся. Гусь плавал по ручью, добывал червей и прочих тварей и тем питался. Однажды появился быстрокрылый ястребок и закогтил рябчика, за коим гпался. Гусь увидел это, подумал: «Ястребок сам маленький, а ловит и поедает вон какие большие жирные куски. Я же сам такой большой, а питаюсь какими-то червями. — И решил: — Все это из-за моего малого усердия. Теперь буду охотиться только

на голубей и рябчиков». Человек, полоскавший белье, заметил недоумение гуся и стал наблюдать за ним. В это время на берегу речки сел голубь. Гусь погнался за ним. Голубь отлетел подальше. Гусь заторопился, упал и увяз в тине. Чем больше он пытался выбраться, тем сильнее увязал.

Человек, полоскавший белье, без труда схватил его. И пошел домой. По дороге встречает его один из приятелей, спрашивает: «Что такое?» — «Эта тварь, — отвечает ему человек, — пыталась совершить то, что ей не под силу, и пустила на ветер свою жизнь». (Закрывает книгу. Талибу.) Так когда же вы намерены высвободить и присвоить «Текстиль»?

Т а л и б (наливает в пиалу вина, выпивает). А ну тебя с твоей книгой! Когда б ни пришел к тебе, ты только и знаешь наставления да поучения читать. (Наливает, подает пиалу Саттару.) На, выпей лучше.

Саттар выпивает. Тетушка Хадича приносит на блюде жаркое и сама подсаживается. Все, потчуй друг друга, прижимаются за еду.

Т е т у ш к а Х а д и ч а. Талибджап, сынок, в добром ли здоронье твоя жена? На прибавку примет нет еще?

Т а л и б. Сердит я на жену. Только и знает корит: пьешь, мол, пропиваешь много. А у нее и того нет, и этого нет... Хоть ложись да помирай!

С а т т а р. Хорошая жена — что палочка-погонялочка. Мужичка не победит, если его не подгонять.

Угощение подходит к концу. Саттар вытирает руки. В это время из-за двери доносится голос: «Можно?» Входит Дильбар. Талиб проворно прячет бутылку. Саттар встает навстречу.

Т е т у ш к а Х а д и ч а (радуясь госте). Заходи, заходи, милая Дильбархон! Свекровь, видно, будет любить тебя — к угощению подоспела.

Дильбар вздорается со всеми.

Д и л ь б а р. А, и наш Талибджап-ака здесь? Почему, думаю, человек на работу не вышел, а он, оказывается, воп где. Прячется, что и пищею не найти. А завтра, копецно, с бюлестевем явитесь. Хо-ро-тол..

С а т т а р. Пожалуйте на почетное место, к дастархану.

Т е т у ш к а Х а д и ч а. Подсаживайся, доченька, подсаживайся.

Д и л ь б а р. Спасибо, тетушка. Я только что покупала. Ну как, Саттар-ака? Праздник близко, начали уже?

Талиб осторожно вытирает руки, незаметно проскальзывает мимо Дильбар и уходит.

Саттар (явно смущенный). Обещание — что пазой-лявая муха, пока не поймашь, не даст покоя. Завтра же начну. Ваш заказ — первый. Срок — самое большее четыре дня. Сам потом припесу. (Показывает на шелк в станке.) Вот, видите, осталось немного. Если постараюсь, к вечеру кончу, и станок освободится.

Дильбар (подходит к станку, осматривает шелк, затем поворачивается к Саттару). Саттар-ака, вы большой искусник. Смотрите, какие перелявы! И ни одного узелка, ни одной заусеницы. Как было бы хорошо, если бы у нас на «Текстиле» работало побольше таких мастеров. Я согласна без шелка остаться, только бы вы поступили к нам на фабрику.

Саттар. У вас ситец ткут. Была бы работа с шелком, я с готовностью в тот же день поступил бы.

Тетушка Хадича. Дильбархон, милая, раз время такое пришло, поступит, куда он денется.

Дильбар. Поступайте, дорогой Саттар-ака. В ваших руках и простая пряжа заблестит, как шелк. Я вам сколько хотите учеников найду. И сама вашей ученицей стану.

Саттар. Ученик — тоже окошко: чем их больше, тем светлее на сердце. Но если я поступлю на «Текстиль», то прежде всего постараюсь попасть в ученики к вам. Потому что я не знаком ни с одной из ваших машин.

Дильбар. Выход найти очень легко. Я прикреплю к вам лучших мастеров-механиков. При вашем старании вы все быстро освоите. Вот, пусть Талибджав-ака скажет. (Ищет взглядом Талибджана.) Где же он, Талибджан? Ну и хитрец, сбежал ужо. (Саттару.) Так договорились, поступаете к нам?

Саттар. Посоветуемся. А совет, говорят, — это силек для согласия: раз в него поймался, уже трудно вырваться.

Дильбар. Вы все пишете стихи?

Тетушка Хадича. Чуть освободится, только и знает что свои стихи-газели.

Саттар. Хорошее стихотворение — что олово. Оно помогает спать воедино любовь и жизнь.

Дильбар (меняя разговор). Так когда же я получу свой шелк?

Саттар. Через четыре дня. Слово мое твердо. Слово, оно — что нож, которым крошили лук: по вытрешь, наржавест.

Дильбар (смеется). Речь ваша — что мать с ребен-

ком, всегда в перазлучной паре. Впрочем, вы, наверное, и к этому придумаете что-нибудь. Например: мать и дитя — что горлинка и хвост: если их разлучить, потеряется краса.

Все смеются,

Ладио, я пошла. *(Прощается, идет к двери.)*

Тетушка Хадича. Всего хорошего, доченька. Наведывайся.

Саттар. Расставапню — закваска нового слюдапия.

Дильбар метнула на Саттара быстрый взгляд. Улыбулась. Уходит. Саттар занимает место за ставком. Тетушка Хадича садится за прилку. Саттар про себя тиховько попевает что-то.

ЗНАВЕС

Картина вторая

Базаар. По одну сторону магазни товаров «Текстиля», по другую лавки разных производственных кооперативов. На площади толпа мелких продавцов, спекулянтов, покупателей. На плечах у одного в небольшом ящичке сушеный творог, конфеты-петушки, дудки. У другого в руках кураца. У третьего переброшены через руку старые штаны и прочее. Толпа вароду разных национальностей мужьям и жещии. Каждый расхваливает свой товар. Шум, гамов. Среди прочих с отрезом шелка ходит и Саттар.

Первый продавец. Покупайте, покупайте! Только для любителей и знатоков! Насвай келесский, табак каршипский! Курить только на берегу арыка, на прохладе, иначе пьянит, голову кружит...

Второй продавец. Сюзьма, курт! Сюзьма, курт!

Жещина в парандже. Очкур для шароваров, шелковый, очкур для шароваров! Последний, последний! Продам только молодожену, только тому, кто любит свою жену! Шелковый очкур, шелковый очкур! *(Подходит к Саттару.)* Мастер, купите очкур, вам задешево отдам. И одной выточки оческов не влетено. Жспа ваша так обрадуется. *(Саттар отмахивается: «Прозоди!»)* Жещина идет дальше, продолжая твердить свое. Очкур шелковый, шелковый очкур! Последний, последний!..

И в в а л и д. Дрожжи — камыртуруш, камыртуруш — дрожжи! Есть примусные пролки! Мозольный пластырь, кому мозольный пластырь? Мозольный пластырь — кадак мальхам, кадак мальхам — мозольный пластырь!..

Базарный инспектор *(тащит за собой задержанного мелкого торговца книгами.)* Вчера обманул,

смылся, не заплатив за место, теперь плати вдвойне. Давай, давай, поторапливайся!

Продавец книг. Мулла-ака, дорогой, уплатил я. Вот квитанция, сами выдали. *(Достает бумажку, показывает.)*

Продолжая спор, они проталкиваются в самую гущу толпы. Заприметив инспектора, торговцы стараются незаметно скрыться с глаз. Саттар тоже на всякий случай прячет свой товар под полу. Толпа любопытных окружает спорящих.

Продавец книг. Мулла-ака, дорогой, сами видите, базар никудышный: никакого спроса нет. Да и кто их купит теперь, эти «Правила омонения», «Правила чистки зубов», «Принцессу Дильарам»? Отпустите, мулла-ака!

Инспектор *(взглянув на предъявленную квитанцию)*. Эта твоя бумага — за прошлый месяц. А ну давай, расплачивайся быстрее. Это тебе не привошение в мечеть. Ну, будешь платить? Или, может, в фипотдел отвести?

Инспектор достает из кармана свисток, подносит к губам. Торговец книгами торопливо достает из кармана деньги. Спор на этом копчается. Инспектор уходит. Базар снова оживает. Издалека доносится голос дворяда.

Иinvalid. Кадак мальхам! Кадак мальхам — мазольный пластырь! Дрожжи!..

Женщина в парандже. Кому шелковый очкур!..

Колхозник *(подходя к Саттару)*. Братец, шелк продается? Можно взглянуть?

Саттар *(разворачивает шелк)*. Вот, пожалуйста. На свете нет ничего такого, на что нельзя было бы посмотреть. Даже пятна на солнце можно разглядеть, если глаз не жалко.

Колхозник. Сколько просите? Назовите цену посходнее, без запроса.

Саттар. Копя подстегивает в дороге плеть, а базар — цена. Платите сто тридцать рублей.

Колхозник. Ох-хо! Один кусок сто тридцать, или при нем еще купчая на дом с усадьбой?

Саттар. Купчая, она что зевок: от человека к человеку переходит — один зевнул, следом другой. Наш дом, например, скоро перейдет к рабочим «Текстиля».

Колхозник. Брось болтать попусту, говори делом. Пятьдесят рублей довольно будет?

Саттар. Ухо, оно напоминает водоворот, — в него

может затянуть и всякий сор. (Складывает шелк, начинает выбираться из толпы.)

Колхозник (ему вслед). Ладно уж, получай пятьдесят пять!

Саттар не отзывается. Колхозник проходит в кооперативный магазин товаров «Текстиля».

Вторая женщина. Эй, хороший джигит, покажи-ка свой шелк. Да назови цену посходнее.

Саттар. Вот, тетушка. (Разворачивает шелк, показывает.)

Вторая женщина. Вай, какое чудо, какой гладкий! Жаль только, расцветка чуточку не та. Вместо вот этого фиалкового фисташковый бы, а вместо голубого — гранатовый, как бы он зацвел! Ну да уж ладно, какой есть, сынок. Сколько тебя за него? Одну сиротку-девучку выдавать собрались. Свадьба задерживается из-за куса шелка. С ума сойдет от радости, благословлять будет тебя...

Саттар. Расцветка, она что кавуши городского фасона: с одной колодки всем не подойдет. Благословение же — это сон слепого, удовольствие доставляет только хозяину. А цена шелку — сто двадцать рублей, тетушка.

Вторая женщина. Вай, помереть мне, сбавь, милый. За сто двадцать рублей бедный человек жениться может — и на выкуп за невесту и на свадьбу хватит.

Саттар. Если в дело не станут путаться старухи, да не помешает шелк, бедный джигит да сиротка-девучка в любом загсе могут пожениться за три рубля шестьдесят копеек. Ладно, для вас — окончательно сто десять рублей.

Вторая женщина. У меня и всех денег-то сорок пять рублей да две тельги без пятака, — отдавай за них, хороший джигит. Аллах благословит тебя стать в голые семи сыновей и всем им свадьбы справить.

Саттар. Свадьба девушки-сироты — что кислое паренье: чуть упустил время — и уже испортилось. Вай лучше не задерживать свадьбу из-за шелка.

Сложив шелк, идет дальше. Женщина отстает. Неожиданно перед Саттаром появляется Талиб. Полы его халата оттопырены. За ним неотступно следует какой-то старик.

Старик. Соглашайся, сынок. Не упорствуй так, стой на сказанном. Не за пустяк отдаешь: тридцать рублей — деньги немалые.

Т а л и б. Сказал, не пойдет, значит, не пойдет. Оказывается, человек чем больше стареет, тем меньше соображает. Понимаете, дед, не пойдет.

Ст а р и к. Да ну же, сынок, не огорчай старика из-за куска лоскута: так и быть, возьми тридцать с рублем.

Т а л и б. Нет, не пойдет. Это же не ткалье какого-нибудь местного ремесленника. Один приятель из Москвы прислал мне в подарок. По нужде только продаю. Фабричный материал из крученых ниток.

Ст а р и к. Ох, и упорный же ты парень, сынок. За тридцать два отдаешь? Все равно дороже не продашь.

Т а л и б. Да вы понимаете, что вам говорят? Это фабричный товар! На нашем «Текстиле» тоже такой ткнут. На «Текстиле»... *(Подходит Саттар. Смущенный Талиб спешит переменить разговор.)* Не продаю, дедушка, напрасно хлопчете. Самому нужен. Сам у одного человека достал.

С а т т а р. А что у тебя?

Т а л и б. Да пара солдатских рубашек со штанами.

Ст а р и к. Неправда, неправда, сынок. Целый кусок фабричной материи. Отдавай, сынок, ладно уж, получай тридцать три.

Талиб хмуро смотрит на старика.

С а т т а р. Лживая речь — обертка истины. Вполне возможно, что между старых солдатских рубах и штанов найдется и кусок фабричной ткани. Отдавай, Талиб, не огорчай старика.

Талиб растерян. Ему н стыдно и боязно.

Т а л и б. Вы, как клей, прилипчивы, старый. Вот, ради товарища только... Хотите взять -- окончательно сорок рублей.

С а т т а р. От сорока оставь полсорока, четверть сорока да еще пятак, и выйдет как раз так, — доставайте деньги, отец. Базар — что коромысло весов: то на сторону продавца перевесит, то на сторону покупателя перетянет. Хоть и не видел товара, цена ему — тридцать пять рублей.

Ст а р и к *(покопавшись в кармане)*. Значит, и за тридцать четыре не пойдет, сынок? Ну, добро, добро, пусть будет по-нашему. *(Отсчитывает деньги.)*

Т а л и б *(передавая старику завернутый кусок ткани)*. Тут самое малое на пять сапанов хватит, бабай. А пока и на нижнее и на верхнее годится, сошьете и буде-

те посить. Ну, давайте руку. Счастливо попользоваться! Да не шатайтесь по базару. Это запретный товар.

Старик. Ладно, ладно, сынок. Сейчас уйду. Говорят: пока один баран головы лишится, на крюках мясной лавки окажется сотня коз. Спасибо тебе, сынок! *(Старик выбирается из толпы и уходит.)*

Талиб *(Саттару.)* Пошли, опрокинем по малонькой.

Саттар. Спасибо. У меня еще товар не продан.

Талиб. Идем, идем! Пока вернешься, может, и торговля на базаре пойдет бойчее.

Саттар. Нет.

Талиб. Половинку только.

Саттар. Не хочу.

Талиб. Что, решил деньги в узелок замязывать? Кялым за Дильбар не будет велик, можешь не изводить себя очень.

Саттар. Болтаешь ты много. Я пока жениться не собираюсь.

Талиб. Чего ломаешься? Плохо, что ли, быть семейным?

Саттар. Семейный человек — что хвостатая звезда-комета: душа в поднебесье, а хвост по земле волочится.

Покупатель. Эй, братец, покажи-ка твой шелк.

Маклер *(внезапно появляясь)*. Да-да, шелк покупайте только у этого молодого человека. Удачи ему в жизни, он так искусно ткет, что слава о его шелках разнослась в одну сторону до Бухары, в другую — до Узгена. *(Отбирает из рук Саттара товар и начинает расхваливать, словно свой собственный.)* Бой-бой, какая расцветка! А, смотрите, какой гладкий. *(Саттару.)* Ну, братец, говори делом.

Саттар. Окончательно — сто рублей.

Маклер *(покупателю)*. Теперь за вами слово.

Покупатель. Нет, это нам не подходит. Лучше взять в лавке «Текстиля», там *(показывает, раскинув руки)* вот какая ширина, и товар прочный, будто для себя тканый, а цена — по восьми рублей метр. Из пяти метров на любую *(показывает, выпячивая грудь)* платье выйдет. Нет, это нам не подходит!

Маклер. Добро. А все ж хотелось бы слышать что-нибудь из ваших сладостных уст.

Покупатель. Уступите если, сорок рублей дам.

Вешивается Талиб. Он отбирает шелк у маклера, отталкивает его и вступает в переговоры сам.

Ма́клер (*Талибу*). Хей, братишка, ты кто такой? Мы ведь тоже бьемся ради хлеба насущного.

Та́либ. Проваливай, проваливай! Запнимайся своими базарными делами. Здесь и без тебя найдется, кому довести дело до конца.

Са́ттар (*покупателю*). Друг, я не собираюсь тягаться с «Текстилем». Человек с понятием должен сам сообразить, что дважды два — четыре. Я не машина.

Та́либ. Верно! (*Покупателю*.) Друг. Говори делом.

По́купатель (*еще раз разворачивает товар, рассматривает внимательно*). Ладно! Хотите продать, сорок пять даю.

Ма́клер (*Талибу*). Хей, ты, парень, магарыч пополам!

Та́либ (*покупателю*). Запижаете очень. (*Показывая на Саттара*.) Этот джигит не из таких, чтобы поприжать да с толку сбить. Сейчас он нуждается в деньгах, жепиться собирается.

По́купатель. Ну если речь о доброхотстве, так и быть, пять рублей прибавлю, — даю пятьдесят. А нет, как знаете.

Ма́клер. Хей, парень, магарыч пополам! Это дело я лачал.

Та́либ. Не суй свой нос, куда не следует, проваливай!

Са́ттар (*покупателю*). Такая цена не подойдет.

По́купатель. Как знаете. (*Уходит*.)

Та́либ и ма́клер (*ему вслед*). Хей, братец, прибавьте малость! Хей, хоть сколько-вибуды!..

По́купатель уходит, не обращая внимания на оклики.

Ма́клер (*Саттару*). А цена была вполне подходящая. Эх, жаль, я же еще и почина не сделал... (*Огорченный уходит*.)

Та́либ (*Саттару*). Что тут скажешь, сколько ни ходи, все равно только грязь будешь месить на базаре. Пошли лучше, выпьем хоть самую малость.

Са́ттар. Оставь, мне по до выпивки.

Та́либ (*с обидой*). Ладно, я пошел. Завтра дома будешь?

Са́ттар. Буду.

Та́либ уходит. На базаре все тот же бестолковый шум-голом.

Са́ттар (*про себя*). Ну, дела! Фуют шелка сколько стоят, да еще сколько труда, внимания потратишь. А вы-

нес на базар, кажется, что все покупатели только смеются над тобой. Нет, так дело не пойдет! Надо или поступать на «Текстиль», или в кальяндары идти. Словом, имя надо оставить после себя, след!

К Саттару подходит продавец «петушков» и свистит в дудочку над самым ухом.

Саттар (*обращаясь к нему*). Правильно! Сейчас даже мой ткацкий станок и тот подсвистывает надо мной. Да и повсюду над нашей долей сурпан уже похоронную дудят.

Раздвигая толпу, идут трое пьяных. Они останавливаются возле Саттара,

Первый (*товарищам*). Послушайте! К той милашке с пустыми руками, что ли, пойдем? Надо бы понести что ни на есть.

Второй. Склянку духов, две порции серы жевательной — все! И этому рада будет.

Первый. Мельчишь, крохобор.

Третий (*бормочет*). Воля ваша, как знаете.

Второй. Тогда десятка три манты сложить на одну лепешку и все! И этому рада будет.

Первый. Мельчишь, крохобор.

Третий. Воля ваша, как знаете.

Второй. Ну, тогда фунта два леденцов да ситцу на платье — и все! И этому рада будет.

Первый. Мельчишь, крохобор. Возьмем вот этот шелк.

Третий. Воля ваша, как знаете.

Второй (*Саттару*). Хей, братишка! Сколько стоит твой шелк? Покажи-ка.

Саттар (*с опаской разворачивает*). Цена ему девяносто рублей. Только мять не следует.

Первый (*Саттару*). А что с ним станется, неужели такой нежный? Восемьдесят целковинок — идет?

Третий. Воля ваша, как знаете.

Второй. Все! Еще как рада будет. Доставай деньги.

Первый (*отсчитывает деньги, передавая их Саттару*). Это тридцать, это двадцать, а это десять. Сколько всего?

Саттар. Шестьдесят.

Первый (*заметив усмешку Саттара*). Не криви губы, крохобор. На, вот еще тридцать. Сколько теперь?

Саттар. Девяносто.

Первый. Забирай все! Вышло по-твоему. А вообще, тачки, они все слюнтая, хлюпки.

Третий. Воля ваша, как знаете.

Второй. Все! И этому рада будет. Пошли!

Все, пошатываясь, уходит.

Саттар (*надолго задумывается*). Вот оно как — товар ремесленников из трезвых уже никто не берет. Пьяный, говорят, — зеркало трезвого сердца. Пьяный всегда говорит то, что у него на уме. (*Рассуждая сам с собой.*) Что же мне взять моей почтенной родительнице? (*Подражая парням.*) Два фунта мяса, фунт халвы — и все! И этому рада будет. Впрочем, воля ваша, как знаете. Мельчашь, крохобор, пошли!

Его провожает шум и гомон базара.

ЗАНАВЕС

Картина третья

Мастерская Саттара. Здесь все по-прежнему. Саттар сидит, скрестив ноги, перед ним подставка, чернильница. Он что-то ищет, положив под ладь бумаги книгу «Калила и Димна». Тетушка Хадича, хлопоча, свует между жилой частью дома и мастерской.

Саттар (*перечитывает про себя написанное, снова пишет*). Уф!.. Вот так, мать, сегодня последний день моей мастерской. Как всегда, конец дела напоминает его начало. Помните, после смерти отца в день, когда я впервые сам должен был сесть за станок, мы так же вот были взволнованы и печальны.

Тетушка Хадича. В те поры бывало еще и основа не натягута, а над станком уже денежками позванивали. Люди надоедали, приставали: «Мастер, отдайте нам!» Я с рассвета, бывало, садилась за прялку pamiętać пряжу на цевки, и только в сумерки вставала, чтобы приготовить что-нибудь поесть.

Саттар (*не слушает старуху, пишет, читает*):

О, милая, дай руку, поддержки в последнюю минуту,
Чархи испытывает муки бессильных слез...

Тетушка Хадича. Эта егоза голову тебе закружила, от работы отвадила. Ты, благодарение аллаху, не худо заботился о доме, про бумагу, калям, про песни-газели и думать не думал. Жили мы хоть и скромно, но в довольстве. А она — раз пришла, другой пришла, как-то там несусветные узоры выдумала, и ты совсем охладел к работе.

Саттар. Если человек охладел к одному делу, значит, увлекся другим. *(Старуха что-то бормочет про себя.)* Вот и это стихотворение тоже получилось у меня неплохо. Раз шелк не идет, стихами займусь, стихи не пойдут, каляндаром стану.

Тетушка Хадича. Помилуй бог, сынок! Раз сказал так, другой сказал, довольно бы уж. Этого еще не хватало тебе — повесить через плечо тыквянку да одеться в рубище каляндара.

Саттар. Эх, родительница, не знаете вы про святого шейха Аттора!

Тетушка Хадича. Господь с ним, с этим твоим продавцом зелья, поклонником дурмана.

Саттар *(не обращая внимания на слова старухи, перечитывает написанное стихотворение)*:

Появилась ты, и сразу все во мне оборвалось,
Потерял я ум и разум, покатился под откос.
Плакать должен разлученный, без любимой жизни пет!
Плакать, оживляя в сердце отблески минуших грез.
Ох! В душе осиротевшей только память, только тень.
Кто услышит, кто узнает, сколько бед и исцелес?!
Покажите мне могилу — я утратил ремесло.
Я утратил жизнь и счастье от житейских тяжких грез.
Дай мне руку, чаровница, поддержи в последний миг.
Падает Чархи и гибнет от бесплывных горьких слез!

Тетушка Хадича. Сынок, милый, оставь на минуту свои песни-газели, послушай меня. Когда должны прийти твои гости? Что я им подам? Надо же мне подготовиться.

Саттар *(про себя, с гордостью)*. Добро, добро, хорош стих! Впрочем, хвалить самого себя — все равно что льстить перед зеркалом... Да, гости, говорите? Они должны были собраться после полудня. Скоро придут, наверно. И придут не в гости, а на совет. Совет же — это плотничий отвес, то есть веревочка с камнем: покачается, покачается и в конце концов остановится в одном определенном положении.

Тетушка Хадича. А что за совет?

Саттар. Смена места жительства, ремесла. А смена старого — это лестница, чтобы подняться к новому.

Тетушка Хадича. Говорят, не егози, не мечтай о новых местах, повсюду вешают все на тех же псах. Кочевать куда-то из родимых мест, где пролита кровь твоей пуловины, не так-то просто, сынок.

Саттар не отвечает, склоняется над «Калилой».

Так мне готовить что-нибудь?

Саттар. Готовьте. Если есть рис — плов, если нет — жаркое. Мяса нет — мучную похлебку, а муки нет, — как говорится, сдобные лепешки будем есть.

Стук в дверь.

Пришедшие, поговенив за дверью: «Хо, Саттар-бай! Хо, мулла Саттар!» — появляются на пороге.

Саттар. Я здесь! (Матери.) Вот и гости. (Мать поспешно выходит. Гостям.) Заходите, прошу!

Входят старик-мастер и Заид-фаранг, мужчина средних лет.

Прошу, прошу! Пожалуйста на почетное место! А где ж остальные? Где уста Ахмад, Файзи-хальфа, Карабай-коротыш, Сали-работяга?

Гости проходят, усаживаются.

Старик-мастер произносит краткую молитву-поминовение о душах пиров-покровителей.

Старик (в ответ Саттару). Все должны быть. Карабай с Работягой ушли в баню. Скоро подойдут, наверное. А насчет уста Ахмада не ведаю.

Заид-фаранг. У бедняги большая семья. Обещал кому-то выткать кусок атласа, над ним корпел, наверное.

Старик. Так, мулла Саттар. Станок ваш пуст, что бы это значило?

Саттар. Станок я остановил, мастер. Станок — что копь странника: после каждого переезда ему отдых нужен.

Старик. Так-то оно так. А все ж хоть остаткам основы на валу положено быть. Нашим пирам-покровителям в угоду. А когда пусто — нехорошо.

Заид-фаранг. Отец, вы видели последний образец муллы Саттара? Он, видно, всех нас разорит своим узором. Молодым только его узор и подавай.

С а т т а р. Признаться, узор этот родился не в моем сердце. Его придумала одна девушка. И я сам погорел, как только он появился.

С т а р и к. И пирам-покровителям и станкам тоже женское племя неудобно. Коль женщина приложила руки к станку, он, считай, уже лишен благодати.

Старуха легонько стучит в дверь. Саттар принимает от нее дастархан, ставит чай, хлеб.

С а т т а р. Прошу, мастер, отведать хлеба. Прошу!

Гости берут по кусочку лепешки. Саттар разливает чай.

З а и д-ф а р а н г. Отец, пока подойдут остальные, может, мулла Абду-Саттар почитает нам кпигу, какая позанятельнее?

С т а р и к. Да-да, очень разумно. Из Устава или из Заветов. Давай, сынок Абду-Саттар.

Саттар встает, приносит «Каяилу», раскрывает.

С а т т а р. Только это не Устав.

С т а р и к. Одним словом, были бы наставления наших пирам-покровителей. Мастерскую никогда не лишай Устава и Заветов. Они и в судные дни тебе послужат.

З а и д-ф а р а н г. Ну, начитай, братец. Найди место, какое позанятнее.

С а т т а р. «Во имя аллаха милостивого, милосердного. Сказывают, будто у одного человека было две жены: одна старая, другая молодая. А бороду тот человек имел и два цвета, сиречь наполовину седую, наполовину черную. И было у того человека в обычае: когда входил к какой-либо из жен, то спал, положив голову ей на колени. Однажды по своему обыкновению уснул он, положив голову на колени старой жены. Старуха посмотрела на его бороду и думает: «Будет лучше, если я вырву из бороды этого человека малую толику черных волосков. Потому, если борода станет блее, молодая жена не пожелает его. А когда он заметит неприязнь ее и отвращение, у него погаснет пламя любви к ней». И она стала вырывать из бороды мужа черные волоски и вырывала, пока не прискучило. На другой день тот человек вошел к молодой жене, положил голову на колени и отошел ко сну. Вторая жена тоже посмотрела на него, заметила, что борода побелела, и думает: «Вырву-ка я белые волоски, потому — когда борода будет выглядеть чернее, муж почувствует себя моложе, станет пренебрегать беседой со старухой и окажет больше

расположения мпо». Она тоже, сколько могла, попырыпла белые волоски. Так продолжалось некоторое время. Однажды бедняга тронул рукой подбородок и возопил — от его бороды ничего не осталось, и он долго не мог показаться на люди». (Саттар закрыл книгу и посмотрел на гостей.) Вот так и я, мастер, уже порядочно времени нахожусь между двух огней, между двух противоречивых дум. Говорят: кто погонится за двумя зайцами, ни одного не поймает, и вот вы сами видите, с мастерской, со станком у меня покончено, как с бородой того двоеженца. Сегодня последний день...

Снаружи доносится голоса нескольких человек: «Мулла Абду-Саттар! Хо, мулла Абду-Саттар!»

С а т т а р (встает, идет к двери). Прощу, прощу! В добром ли вы здоренье, уста Ахмад? Заходите, халифа!

Входят Сали-работяга, уста Ахмад и Файзахальфа. Здравствуют.

Старик. А где же Карабай-коротыш?

С а л и - р а б о т я г а. Здесь он, здесь. Коротыш, покажитесь-ка..

З а и д - ф а р а н г. Уста Карабай может затаиться в подмышке у Сали-работяги, его и не заметишь.

Ф а й з и - х а л ь ф а (Зайду-фарангу). А вы, фаранг, видно, с рассветом прискакали сюда?

З а и д - ф а р а н г. Да, мы вот с почтенным мастером уже давно здесь. Услаждаем слух, уговорив муллу Абду-Саттара почитать книгу.

С а л и - р а б о т я г а. Тогда не останавливайтесь, продолжайте, мулла Абду-Саттар.

Старик. Чтенье как раз подошло к самому занятому месту. (Обращаясь к Саттару.) Так, и что дальше?

С а т т а р. Одним словом, сегодня последний день. Дело за вашим советом. Как нам быть дальше, за каким из двух зайцев гнаться? Оставаться ли кустарями-одиночками или поступать на «Текстиль»?

С а л и - р а б о т я г а. В прежние-то времена, когда ученики и подмастерья со скрипом, со стуком нажимали на педали станков, стоящих в несколько рядов, а на базаре наперебой кричали: «Мастер, уступите ваш товар мне!» — лучше нашего занятия не сыскать. Да вот видите, в городе «Текстиль» объявился. И нынче все мы в растерянности. Ну, допустим, поступили мы на «Текстиль». Там не одна сотня машинных станков саженьями ткань выдают.

Но если будешь знать, что это не твое, разве поднимутся руки на работу?

Саттар. Говорят, пожепишь «если бы» да «кабы», от них родится «эх, жаль, если бы». А короче: какой же все-таки совет?

Карабай-коротыш. Сали-ака все еще надеется на свое рвение и на упорство в работе.

Файзахальфа. Что до меня, я тоже прикрыл мастерскую. Намерен стать суфием в нашей общине. Как-нибудь прокормимся.

Занд-фаранг. Надо найти такой выход, чтобы ремесло наше не сгниуло.

Саттар. Хотите сказать, что, переменив занятие, надо будет заново начинать жизнь, чтобы прослыть искусным мастером-фарангом?

Карабай-коротыш. Ну да. Отцов и дедов наших кормили хлебом основа и уток. Сменить запястье не так-то просто. Все мы — внуки челнока, как говорится.

Сали-работяга. Что до меня, то я намерен заняться дехканством. На пяти тапахах земли у большой мельницы, что достались мне по наследству от тестя. Кожи понадобятся, в помощь человека найму.

Уста Ахмад. Колхоз даст вам усадьбу — и все. А вы еще человека собираетесь нанимать.

Саттар (*Сали-работяге, с чуть заметной иронией*). Вы сейте мак, он из одного зерна десять тысяч зерен родит.

Карабай-коротыш. Этот человек все еще надеется на свою силу да рвение. Верит, что его никто не превзойдет в работе. Хоть расколется, как орех, а не уступит, гордыня одолевает.

Со словами: «Можно?» — входит Дильбар. Беседа прерывается. Девушка здоровается со всеми.

Дильбар. О, да тут вся община в сборе! Саттар-ака пир устроил, что ли?

Уста Ахмад. Э, сестренка, мы тут совет держим. Насчет больших перемен, какие выцали на нашу долю.

Дильбар (*Саттару*). Саттар-ака, от шелка, какой вы прислали на днях, осталось что-нибудь? Мне не хватает одного метра.

Саттар. Найдется, найдется. Да вы присаживайтесь. (*Поднимается, проходит на внутреннюю половину.*)

Карабай-коротыш. Сестренка, у нас у всех — голова кругом. Ты ведь с «Текстиля», так Расскажи нам

пояснее: если поступим, с голоду не помрем? И примут ли нас?

З а и д-ф а р а н г. Оценят ли там мастерство?

С т а р и к. Кого там считают пиром-покровителем? Есть там Устав?

С а л и-р а б о т я г а. Можно ли держать учеников, подмастерьев?

У с т а А х м а д. Эх-ха, он опять про свое!

Ф а й з и-х а л ь ф а. А мечеть там близко?

Д и л ь б а р. Я уже всем вам не один раз говорила: поступайте на «Текстиль». Кого же и принимать туда, если не таких умельцев, как вы? Именно на «Текстиль» можно применить к делу все ваше мастерство, умение. Если крепко держаться за полу нашей партии и работать с усердием, никто в обиде не останется. Дальше, если вы покажете себя на деле, кто не пожелает стать вашим учеником, поучиться у вас? Вы бывали, наверное, видели — район «Текстиля» стал большим благоустроенным городом. Там трудятся около двадцати тысяч рабочих. У каждого цеха есть свой клуб, читальня. Рабочие живут в высоких многоэтажных домах, светлых, чистых. Есть там и бани...

У с т а А х м а д. Кстати, со вчерашнего дня пачалы сносить наш квартал.

Д и л ь б а р. Здесь все будут сносить и строить дома для рабочих «Текстиля». Если поступите на «Текстиль», и вы получите жилье в новых домах.

К а р а б а й-к о р о т ы ш. В свободный день я обязательно схожу посмотрю «Текстиль». Я давно бы поступил, да в сердце смелости не хватает.

С а л и-р а б о т я г а. Ты и когда у меня подмастерьем работал, таким же вот шалопаем был. Вечно шатался по базару, позабыв про работу.

З а и д-ф а р а н г (Дильбар). У вас там шелк не тырбатывают, а то я давно уже поступил бы и показал свое мастерство.

С отрезом шелка в одной руке и с блюдом жаркого в другой входит Саттар. Шелк он протягивает Дильбар.

С а т т а р. Фаранг, вы хотите сказать, мол: простую пряжу в сотню цветов окрась, и все одно она не станет шелком. Так, что ли? Нет, это уже старо. *(Ставит в круг блюдо с угощением, затем приносит блюдо поменьше с ложкой — для Дильбар.)*

Учтиво потчуют друг друга: «Кушайте, кушайте, кушайте!» — все принимают за еду.

С али-рабoтjя гa. Вот, если бы целиком колхоз отдали, мол: на, работай, питайся!

Уста Ахмад. Эх-ха, он опять за свое!

Старик. Куда бы вы ни пошли, где бы ни работали, не расставайтесь с Уставом, и вам будет сопутствовать удача.

Зайд-фаранг. Работу будешь выполнять, как положено, чтоб глаз радовался, всегда с хлебом будешь.

Карабай-коротыш. Ладно, я поступаю. Иду на риск. Была не была!

Саттар. Идти на риск — это метать комьями глины в темный дом: попаду — не попаду. Говори прямо, поступаю.

Карабай-коротыш. Поступаю!

Дильбар. А вы?

Саттар (*подумав*). Судьба — что виселица: сам не повесишься, тебя повесят. Я поступаю тоже!

Дильбар (*обрадованная*). Правда?! Хвала вам! А вы, Зайд-ака?

Зайд-фаранг (*вытирая руки*). Того, кто отбился от стада, волк, говорят, съест, — ладно, поступаю! Покажу там, что такое мастерство!

Покончив с едой, все вытирают руки. Хальфа и старик, прочтав благодарственную молитву, собираются встать.

Дильбар. А вы, дедушка?

Файзи-хальфа. Я пойду. Настало время предзакатной молитвы. А у нас нет человека, чтобы возгласить азан. Мечеть останется без божьей благостыни.

Старик. Я тоже пойду, чтобы не опоздать на молитву. О святой наставник!.. (*Поднимается.*)

Дильбар. А вы, уста-ака?

Уста-Ахмад. Если будут давать жилье, поступаю, сестренка.

Сали-рабoтjя гa. Саттар, братец, у меня есть работа, не взялись бы вы соткать на условиях сдельщины?

Уста Ахмад. Эх-ха, он опять за свое!

Дильбар. Саттар-ака уже рабочий «Текстиля».

Сали-рабoтjя гa. Да-да, и в самом деле. Всего доброго, я пошел.

Старик, Файзи-хальфа, Сали-рабoтjя гa уходят.

Саттар (*подходит к станку, целует его, потом целует «Калилу»*). Прощайте, старые друзья мои! Вы были мне самыми близкими паперсниками половину моей жизни.

пи. Оставшаяся полови́на тянет то́перь в другую сторону. Я долго служил вам, малую толяку хлеба-соли вкушал от вас. Не обижайтесь же.

Д и л ь б а р. Значит, так, я напишу всем вам заявления. С завтрашнего дня и приступайте к работе.

У с т а А х м а д	} Молодец, сестренка, долгой жизни тебе! (<i>Направляют-</i> <i>ся к выходу.</i>)
К а р а б а й-к о р о т ы ш	
З а и д-ф а р а н г	

К а р а б а й-к о р о т ы ш. Фаранг, завтра окликии меня по пути, разбуди, если просплю.

С а т т а р (*Дильбар*). А я свое заявление уже давно написал.

Д и л ь б а р. И небось стихами?

С а т т а р. Хороший стих — грамота на всю жизнь. Вот прочтите.

Д и л ь б а р (*читает*):

Пскажите мне могилу — я утратил ремесло.

Я утратил жизнь и счастье от жатейских тяжких гроз.

Дай мне руку, чаровница, поддержи в последний миг.

Падает Чархи и гибнет от бессильных горьких слез!

(*Она стыдливо молчит. Потом, овладев собой.*) Хорошо, Саттар-ака. Вот! (*Протягивает руку.*)

Они смотрят друг на друга. Дильбар смущенно опускает глаза.

З А Н А В Е С

1939

Статьи

УСИЛИТЬ ТВОРЧЕСКУЮ УЧЕБУ

Решение партии от 23 апреля 1932 г. открыло передо мной, как и перед другими писателями, широкие творческие возможности. Свидетельством тому — 35 печатных листов стихов и прозы, написанных мной за 1933 г.

Крупных успехов добился за это время оргкомитет писательской организации республики, сумевший сплотить вокруг себя всех советских писателей Узбекистана. В то же время мы должны констатировать и некоторые пробелы в его работе. Так, например, до сих пор не организована творческая помощь начинающим писателям, их учеба. Этот пробел, как и некоторые другие, должен быть восстановлен в ближайшее время конкретными, хорошо продуманными делами.

1933

Я ПРИНАДЛЕЖУ ПАРТИИ

В великий промежуток между XVI и XVII съездами большевистской партии, в эти славные дни невиданных побед было вынесено Постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций.

В этот великий промежуток я чувствовал, как растут во мне силы, как они подчиняют себе все мои чувства и мысли, мои творческие стремления и направляют их на служение благородному и прекрасному делу. То были силы партийности и сознания своего долга.

Семнадцатому партийному съезду я буду рапортовать как оформившийся уже советский писатель — произведениями, которые перед лицом грандиознейшей эпохи помогают и будут помогать росту классового самосознания масс, организованному маршевому движению колхозников к зажиточной жизни, произведениями, более насыщенными и художественными, чем мои ранние труды.

Чтобы выразить волнующие меня чувства, я объявляю себя писателем-ударником в честь XVII партийного съезда.

Я весь принадлежу партии — таков мой девиз!

УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Узбекский народ жестоко страдал под игом феодалов, ханов, беков, капиталистов. Весь свой гнев, всю ненависть к эксплуататорам народ ярко выразил в своем устном творчестве — фольклоре.

Изучая фольклор, мы не можем оторвать его от той эпохи, в которой он возник, от классовой борьбы. Господствовавшие классы, эксплуататоры стремились использовать это мощное орудие воздействия на широкие народные массы в своих интересах; выдать за народное творчество произведения, которые помогли еще большему закабалению трудящихся.

Узбекские ханы, беки, их прислужники — ишаны и муллы — пытались подчинить своей власти народных поэтов, бахши. Правители заставляли поэтов жить во дворцах. Так, например, при дворе Музаффархана постоянно находился сказитель Байсары. При дворе Батырхана жил бахши Ирназар.

Один бахши с увлечением распевал среди народа героический эпос Гороглы. Однажды он пел у хана, и некоторые слова приглялись не по вкусу правителю. Поэта наказали: его привязали веревкой к колу и оставили в зимнюю ночь на дворе.

Другой сказитель назвал Гороглы султаном.

— Как это так: босяка Гороглы ты величаешь султаном! — рассердился бек и ударил певца башмаком.

Героический эпос о Рустаме пользовался в народе особой любовью. Его исполнение всегда привлекало большое число слушателей. Одному бахши, который читал этот эпос, муфти (духовный судья) сказал:

— Эта история происходила до пророка, я ты не смеешь об этом рассказывать. Ты говори о том, что было после пророка.

В противовес народному творчеству эксплуататоры пытались популяризировать всякие антинародные, мистические произведения. Миссионеры пробовали использовать

фольклор для укрепления царской власти в колониях. Для них специально перерабатывались популярные темы и мелодии. Эти новые переработанные произведения призывали трудящихся подчиниться угнетателям.

Трудовой народ всегда верил в грядущую победу над классовыми врагами. В своем устном творчестве он совершенно определенным образом высказывался об угнетателях, искал выхода из рабства.

Асфендьяр стал ханом,
Сердца наши наполнились черной кровью.
Хлеб из жмыха стал нашей едой.
Настигнет нас смерть
От руки этих ханов.

Матери, обращаясь к детям, пели:

Не видела я в этом мире почета,
Не вкушала его прелести и наслаждения.
Не знаю я, в чем моя вина.
Что делать? Уложу, не достигнув того, чего желала.

Угнетение и бесправие трудящегося крестьянства при царизме, тяжелая жизнь дехкан до Великой Октябрьской социалистической революции ярко отразились в народных песнях.

Настало время громко кричать,
Прошла плетя по моей душе.
Тирани-хан угнетает
Что делать?

Народ селл хлопок, трудился, но плоды его трудов доставались другим. Он терпел голод и холод и всю тяжесть своего положения передавал в песнях.

Однако и во времена ханов, бекон, феодалов и в эпоху капиталистов, колонизаторов народ, несмотря на угнетение, оставался в своем творчестве оптимистом.

Максим Горький говорит:

«Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был бессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и незащищена. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его

победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора — «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда — победитель всех житейских невзгод».

Герои народных сказок терпят всякие лишения и, преодолев многочисленные препятствия, в конце концов достигают своей цели. Даже некоторые пессимистические сюжеты, переходя из письменной литературы в фольклор, теряют элементы безнадежности. Это видно, например, если сравнить устный вариант поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» с вариантом той же поэмы в изложении сказителя Фазыла Юлдаша. Разница между ними бросается в глаза.

В устном народном творчестве отсутствуют национальные географические границы, фольклор глубоко интернационален. О различиях в вероисповедании нечего и говорить, так как народ по своему внутреннему убеждению безрелигиозен. Так, в «Алпамыше» герой Алпамыш — узбек из племени Кунаград, его друг Караджан — калмык. Эти примеры можно было бы продолжить. Утверждению буржуазных ученых, что в народном эпосе отражаются родовые конфликты и национальная рознь, является, таким образом, беззастенчивой ложью.

Кто бы ни вел борьбу — китасц, армянин, туркмен, негр, — она всегда направлена против царей, беков, феодалов, против эксплуататоров.

Смыкая свои ряды для борьбы, народ не знает различий пола. Героем народного эпоса не обязательно является мужчина. Наравне с ним выдвигается и женщина. Наравне с ним женщина держит свое слово, любит свой народ. Женщины родят человечеству великих героев.

Образ женщины беспомощной, проливающей горькие слезы, не типичен для народного творчества. Женщина испытывает в тяжелой борьбе того, с кем она хочет строить свою жизнь. Она любит мужчину, обводившего бесплодную степь или убившего крокодиного царя. Она любит героя, который одолел дракона, приковал дьявола, сразил одним выстрелом птицу в небе, победил на конных состязаниях.

Вот пример героизма женщины. Когда Аваза привозит раненым, его жена Кундуз думает вслух:

«Если враги придут, если они узнают, что мой господин ранен, если он будет лежать без памяти, если враг убьет его, а меня заберет в плен, если пропадет моя честь, это будет хуже смерти».

Однако Кундуз не поддается упынью. Она берет широк
Аваза, надевает его шлем, садится на коня и, облажив меч,
идет на врага.

К коню Гиркуку она обращается со словами:

Слушай слова Ай-Кундуз!
Мой муж остался один.
Враги идут по его следам.
Пояжусь-ка я перед их глазами.

Смелей иди, мой конь, на врага!
Пусть не думают, что погаснет
Светильник Кундуз-Ай! Он не меркнет.
Пусть не думают, что пора кроить ей саван.
Пусть не думают, что она убежит, покинув мужа.
Смелей иди, мой конь, на врага!

Описывая героиню Кундуз в бою с врагами, народ-
ный поэт говорит:

Орлица летит по полю,
Орел лежит в гнезде.
Бой вела Ай-Кундуз,
Была она доблестней Аваза.

Фантазия народа глубока, богата и безгранична. Она
создала птицу — великана Симурга — прообраз самолета.
Конь Гиркук за двадцать дней покрывает расстояние, ко-
торое обычный конь не проскакал бы и в пятьсот лет.

Народ всегда с уважением относится к орудию или
животному, которые облегчают его труд. Лошадь, меч,
орел, голубь-связист, верный пес являются неразлучными
спутниками человека в тяжелые дни, опорой в часы боя.

Самый распространенный жанр в узбекском устном
народном творчестве — эпический. Мы можем насчитать
свыше двухсот узбекских поэм эпического характера
объемом от пяти до пятнадцати тысяч строк. Кроме того,
имеется несколько тысяч сказок, множество песен, посло-
вниц и поговорок.

Оставляя в стороне мелкие поэмы, мы можем назвать
ряд больших эпических произведений: «Гороглы», «Ал-
памыш», «Юсуф и Ахмет». Одни лишь «Гороглы» состо-
ит из сорока поэм. Институтом языка и литературы за-
писаны тридцать шесть поэм, которые, к сожалению,
хранятся пока в архивах института.

Для прочтения каждой поэмы отводится по обычаю целый вечер. Следовательно, чтобы прочитать весь цикл «Гороглы», потребуется сорок вечеров. Самый короткий эпос заключается в себе пять тысяч строк. Каждый бахши знает не менее ста поэм.

Народных поэтов во все времена было очень много. Они принадлежали к различным литературным школам. Основатели литературной школы и ближайшие их ученики обычно входят в состав одной семьи. Школа Джуманбульбуля, его отца, предков и учеников, от Иргаша до Пулкаша, представляет собою одну цепь. Другой цепи принадлежит ряд звеньев от Юлдаша Джироева до Фазыла Юлдаша.

Литературные кружки воспитывают своих учеников-питомцев, обрабатывают старые поэмы, создают новые. По методам работы и материалам кружки отличаются друг от друга. Например, Эргаш-бахши хорошо поет поэму «Рапшан-хан» из цикла «Гороглы», исполняемую в литературном кружке Джуманбульбуля. Но ее не может петь Фазыл Джироев. С другой стороны, Фазыл Юлдаш полностью и безукоризненно поет поэму «Алпамыш», созданную в литературном кружке Юлдаша Джироева. Но ее не может с той полнотой спеть Эргаш-бахши.

Поэт Джуман Халмурад, младший брат бахши Джуманбульбуля, — виднейший узбекский певец конца XIX века. Родился он в 1820 году в семье бедняка, был неграмотен. Его отец, дед и прадед тоже были народными поэтами. В детстве Джуман учился у отца, позднее — у виднейшего повца первой половины XIX века Кичик-Бурана. Поэт с большой эрудицией, он знал много народных поэм и на их мотивы слагал новые. У него был сильный, красивый голос, поэтому народ дал ему прозвище «Бульбуль» («Соловей»). Умер Джуман в 1888 году, воспитав целую плеяду народных поэтов. Скончавшийся в 1937 году Эргаш-шаир является его сыном и учеником.

Юлдаш Маматкулов тоже выдающийся узбекский певец прошлого века. В народе его называют Юлдаш-шаир. Он вышел из семьи бедняка, неграмотный. Два брата его, Кулдаш и Суяр, тоже поэты. Юлдаш-шаир не только талантливый певец, но и учитель, воспитатель виднейших узбекских бахши.

Джассак Халмухамедов — превосходный узбекский поэт XIX века, известен под именем Джассак-бахши. Он вышел из семьи бедняка, неграмотный, знал до восьмидесяти народных поэм и исполнял их под аккомпанемент

домбры. Джассак — учитель многих известных певцов второй половины прошлого века. Его учеником является известный узбекский поэт современности Пулжап Джаммурат.

На биографии Эргаша (Джуманбульбуля) следует остановиться подробнее.

Родился он в Нураятинском районе в 1870 году. Воспитывался у отца и у дяди Джассак-бахши. Эргаш прекрасно исполнял поэмы из цикла «Гороглы». Он был одарен богатейшей фантазией, замечательной памятью, мастерством выдумки, яркостью и сочностью языка. Исключительно требовательный к себе в отношении правил ритма, он является верным хранителем наследия своих учителей.

У Бульбуля нами записано около десяти больших поэм. В поэмах «Равшан-хан», «Кушдуз и Юлдуз» и в поэме «Лепян», которую мы, к сожалению, не успели записать целиком, ярко отражена жизнь узбекского трудового народа. Весь свой гнев и ненависть к эксплуататорам, все чаяния и надежды, веру и достижение свободы народ выразил в образах своих любимых героев — Алпамыша, Хасан-хана, Равшан-хана и других.

Поэма «Равшан-хан» погоса в народе уже несколько веков. Лучшие бахши столетиями работали над ней. Слушая сказания о «Равшан-хане» из уст Джуманбульбуля, народ говорил: «Эта поэма, подобно зяби, трижды впаханной Джуманбульбулем».

Вот краткое содержание поэмы:

Равшан — внук Гороглы и сын Хаали-хана. Его дядя, Аваз, отказывается выдать за него замуж свою дочь. Равшан видит на руке у матери кольцо с портретом Зульхумар, дочери Кара-хана, царя страны Ширван, и влюбляется в девушку.

С разрешения отца Равшан отправляется в страну Ширван и там встречается с врагом своего отца Хасан-ханом — «безбородым» Кусой. Вступив с ним в борьбу, Равшан убивает его. После этого он попадает в сад к одной старухе, шесть сыновей которой были убиты ханом. Старуха усыпляет Равшана.

Между тем Зульхумар приказывает всем юношам, обитающим в ее стране, носить колпачки и строить особый колпачный базар. Приицы из далеких стран, влюбленные в Зульхумар, приезжают посмотреть на ее красоту. Царевна всех их приговаривает к казни. Те, кто хотят ее видеть, обязаны приносить с собой много золота. Равшан

ищет колючий базар. У него нет золота для подарка царенице. Увидев Зульхумар, он прикидывается сумасшедшим.

На другой день он входит в сад Зульхумар и любитесь красотой царевны и игрой придворных девушек. Девушки сообщают об этом Зульхумар. Та видит на руке у Равшана кольцо со своим изображением и сама влюбляется в пришельца. Но еще до этого Равшана полюбила старшая придворная девушка Ак-Кыз (Белая девушка). Теперь любовь Ак-Кыз превращается в ненависть. Через старуху Матсон она сообщает обо всем хану. Хан застает Равшана спящим и, связав ему руки и ноги, бросает его в зиндан (тюрьму), а Зульхумар держит взаперти.

Зульхумар через подкоп входит в зиндан. Узнав, где живет отец Равшана, Хасан-хан, она посылает ему письмо, привязав его к крылу скворца. В письме она сообщает, что Равшан через двадцать дней будет повешен. Мать Равшана просит друзей своего сына, «плешиных» Айнака, Джайнака и Терсака, спасти его.

В день, когда Равшана должны повесить, Хасан-хан приходит в столицу Ширвана и садится отдохнуть под виселицей. Его узнает Айнак-Каль и рассказывает обо всем, что случилось.

Равшана, связанного, подводят к виселице. Когда собираются придворные и появляется хан, отец Равшана не может сдержать своего гнева и громким голосом выкрикивает его на поединок. Обнажив меч, Хасан-хан идет спасать своего сына. На помощь ему выступают «плешиные».

Хасан-хан одерживает победу над войсками Кара-хана, убивает и его самого и поручает управление страной бабушке Равшана. Затем он уезжает в свою страну, взяв с собой Равшана и Зульхумар.

Узбекский эпос от начала до конца пронизан темой любви.

Равшан-хан отправляется на поиски своей возлюбленной Зульхумар. Ради нее он идет во вражескую страну, где трудовой народ живет в рабстве, терпит нужду, нищете. Равшан полон решимости победить тирана Ширван-хана:

Отец, дорогой, скажи: «Амин». Я иду к возлюбленной.
Говорю «к возлюбленной», но иду постоять за свою честь.
Отец, прошу у вас доброго отсутствия.
Я иду в страну Ширван, к Зульхумар!

Хасан-хан удерживает сына, считая, что тот еще молод, не закален жизнью. Но в конце концов он все же отпускает Равшана, и юноша, как сокол, устремляется в страну врага.

Кто может стать ему поперек дороги? Ведь отец говорил Равшану, когда тот еще лежал в люльке:

Рука твоя, как у льва,
Сердце, как у тигра, герой!
В хорошие и дурные дни ты крепко воввадобышься мне.
О мой милый, о мой свет,
О светильник, горящий во тьме.
Увидя тебя, друг обрадуется,
А врагу моему ты будешь как меч.

Многие строки поэмы превратились в бессмертные народные афоризмы. Вот что говорит сыну Хасан-хан:

Блуждая по дорогам, не забудь моих наставлений, сын мой!
Если кого встретишь, не проходи без приветствия; 22
Если увидишь чужестранца, остерегайся обидеть его.
Берегись вступить на путь гордости.
Не зазнавайся, никогда не кичись своим высоким родом.
Не говори: «Мой род высок», свет мой!
Берегись, берегись выйти из себя!
Того, кто расстроен, обрадуй. На лежачего не наступай,
Берегись, берегись, не заставляй плакать убогого!
Не будь другом дурного человека, милый Равшан!
Не поступай дурно — в не будешь терпеть горького раскаяния.
Если можешь, создай себе хорошую славу.
Делай добро, сын мой, а зло оставь!
Заучи, мой единственный, мое наставление:
Добрый копь один выли не поднимает.
С каждым встречным не делись своими тайнами, мой Равшан!

Особую роль играют в поэме «Равшан-хан» друзья Равшана — «плешиные» Айнак, Джайнак, Терсак и другие.

Они воплощают положительные типы в узбекском фольклоре. Это образы угнетенных, терпящих лишения, трудящихся, бедняков.

«Плешиные» — название метафорическое. Народ надеялся на их черты истинных героев. Они самоотверженно помогают Равшану в его борьбе за народ. Недаром при-

блещущие Кара-хана повторяют: «Ох, и страшны эти плешивые! Не подходите к ним».

Хана, его приближенных, купцов и прочих эксплуататоров разоблачает, бичует поэма. Вот как обращается к купцам Равшан:

Приехавшие на базар баазарники,
Объездившие все пути гузарчи,
Нарушители, сбивающие цепи на шерсть...

Природа в поэме «Равшан-хая» изображена естественно, реалистически. Вот, например, как описывается сад.

«Раятан-бек, оглянувшись вокруг, увидел обширный сад, с четырех сторон обнесенный ровным забором. На одной стороне — тополя, на другой стороне — яблони; на одной стороне — ивжир, на другой стороне — гранаты. Пруды наполнены водой. В середине — дуб-великан. Дорожки прямые. На дувалах цветы. Цветы везде, наверху и везде, везде, везде».

Сказитель поэмы Эргаш-шаир очень любил свою профессию. Человек с богатой фантазией, обладавший образным языком, он никогда не чувствовал затруднений, если хотел сказать что-нибудь новое. Стоило ему взять в руки домбру, и стихи его лились как бы сами собой. Это был редкий талант-самородок.

Теперь о поэме «Кундуз и Юлдуз». Вот вкратце ее содержание.

Юноша Аваз, возвращаясь с охоты и желая покурить, просит в одной юрте чилим. Из кибитки выходит девушка и говорит:

— Э, господин, надо просить чилим там, где его можно получить! Что вы просите его в первом попавшемся доме? Кто вы и как вас зовут?

Аваз отвечает:

— Зовут меня Аваз-хан. Я сын благородного Горголы.

— Не стоит давать вам чилим, — говорит девушка. — Вы ведь раб, которого продали за кобылу на базаре.

Эти слова вопзаются в сердце Аваза, как копьё. Он решает отправиться в дальний поход, чтобы добиться раскрепощения, седлает коня, опоясывается своим любимым исфаханским мечом, берет щит из кожи носорога и вооружается луком и стрелами.

Его идеал — пэри Юлдуз-кыз (Девушка-звезда), на-

ходлящаяся далеко, за горой Каф. В первый же день похода раненого Аваза хватают военачальники царя-кровопийцы, заподозрившие в нем шпиона.

Сорок дней томится Аваз в зиндане. Но в эти тяжелые дни испытаний он не один. В народных поэмах конь и меч понимают слова героя. Конь Аваза разговаривает с ним знаками. Чужого человека он и близко к себе не подпускает.

Не только конь, но и меч, лук, стрелы героя считаются в узбекском фольклоре священными. Вот, например, с какими словами Аваз обращается к своему коню:

Слушай мое слово, серый конь Гиркук, земляк мой!
Доставь меня к милой Кундуз.
Узнай же, в каком положении я теперь нахожусь.
Слушай же теперь мои слова.
Выслушай мои жалобы.
Мой милый, серый конь Гиркук,
О мой соотечественник,
Доставь меня к милой Кундуз, мой земляк!

И в этой поэме Эргаш-шаира героев отличает безграничная любовь к родине, доблесть и преданность.

Эргаш-шаир обладал лирическим талантом. В поэме «Кундуз и Юлдуз» разочаровавшаяся в любви девушка говорит:

Как-то выпила я чистейшего вина.
Опьянев, в тот же день полетела на небеса.
Три дня и три ночи бродила в небесах,
Внезапно опустилась на ветку розы.
А была я изри.
Сказала, что я царица.
Позволяла резать свое белое лицо,
Чтобы посадить на нем розинку!
Неудачно я села на ветку розы, друзья!
Разбила свое счастье,
Стоящее тысячи волотых.

Аваз, устав от долгой ходьбы, просит у девушки-садовницы напиться. Она подает ему шербет в фарфоровой чашке. Аваз, чтобы испытать девушку, роняет чашку. Девушка успокаивает его, говоря:

Пусть повернется весь круг моей жизни —
Ради твоего горя.

Радв твоего стапа пусть засохнет мой цветущий сад —
Пожертвую ради тебя своим садом.
Пожертвую всем, что имею, ради цвета твоего лица,
Не то, что чащей
Я пожертвую, но даже душой своей готова пожертвовать.

У Эргаш-шайра запесавы поэмы «Равшан-хан», «Кундуз и Юлдуз», «Родившиеся от солнца», «Ленин», стихотворение «Калл Октябрь» и другие.

Великий мастер Джуманбульбуль в последний период своей жизни писал на новые темы, и его произведения свидетельствуют о том, что он понял величие нашей эпохи. Все свои творческие силы он приложил к созданию образа Ленина. Смерть не дала ему возможности довести до конца эту большую поэму.

Джуманбульбуль уже в совсем преклонном возрасте был полон энергии и творческих замыслов. Вот одно из его последних поэтических сказаний:

На тело вадеву золотой щат,
Всю свою силу соберу в кулак.
Если возьму алмаз, пролью алаю кровь,
Буду долбить вражьё тела.
Я сокол и сверну врагу голову.
Если отнимут у меня разум,
Буду реветь, как верблюжонок.
Если увижу врага,
Исполосую ему грудь.
Я из рода льва, и сам ишу тигра.

Скончался Джуманбульбуль в 1937 году, 67 лет от роду.

Одним из крупнейших и пыле здравствующих пародных поэтов является Фазыл Юлдашев. Он родился в 1872 году, в кишлаке Бидана Булувгурского района и состоит членом колхоза «Яшги мехнат».

Юлдашев, ученик известного бахши Юлдаш-шайра Маматкулова, знает и поет под аккомпанемент своей домбры поэмы «Алпамыш», «Айор Малике» («Хитрая привцесса»), «Зульфизар», «Юсуф и Ахмет», «Ширин и Шакар», «Нур Али», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджиун», пародный вариант «Витязя в тигровой шкуре» и другие.

Фазыла Юлдашева знает весь Узбекистан. Среди поэм, которые он поет, самой выдающейся в художест-

ревном отношении следует считать поэму «Алпамыш». Башип читает ее с огромным подъемом и воодушевлением.

«Алпамыш» — самый древний образец узбекского эпоса. Некоторые фольклористы считают, что он возник десять столетий назад. Это утверждение имеет основание, поскольку в «Алпамыше» описываются, так сказать, первые дни феодализма. В поэме в яркой художественной форме излагается история кунградского племени узбеков. Эпос «Алпамыш» вошел в устную литературу всех народов Средней Азии. В нем выступают и казахи, и киргизы, и туркмены, и каракалпаки, которые жили в сходных исторических условиях и близко стояли друг к другу.

В основе поэмы «Алпамыш» лежит тема любви и мужества. Народ так характеризует своего героя Алпамыша: «Он в огне не сгорит, его меч не сразит, пуля не пробьет». Алпамыш беззаветно любит родину и часто повторяет: «Если увижу врага, разорву ему грудь».

В поэме выведены и отрицательные персонажи, нечестные, трусливые. Они вызывают чувство презрения.

Алпамыш — батыр, герой. Никакие трудности не могут остановить его, но ему нужен друг, верный спутник. И вот возникает дружба между Алпамышем и Караджапом.

Алпамыш — узбек, Караджап — калмык, Алпамыш — мусульманин, Караджап — православный. Но эти национальные и религиозные различия не мешают их дружбе. Оба героя до конца борются рука об руку.

Национальная и расовая рознь создается и раздувается эксплуататорскими классами, буржуазией. Однако тщетны ухищрения эксплуататоров: дружба между народами, основанная на общности их интересов, остается навеки нерушимой.

Дружба Алпамыша с Караджапом является образцом товарищества и сотрудничества. Примеры подобной дружбы мы встречаем во многих произведениях мировой литературы. Такова дружба Таризла и Афтандила в бессмертной поэме великого грузинского поэта Шота Руставели. Фархада и Шаруфа в замечательном произведении Навои.

Любовь и дружба преодолевают все препятствия, встречающиеся на пути Алпамыша и Борчин. Юноша Алпамыш и девушка Борчин изображены в поэме как равные. Любовь Борчин отличается большой глубиной.

Знатность и богатство для нее ничто в сравнении с любовью. Естественно, красота привлекает Борчин. Но она хочет, чтобы красота сочеталась с героизмом, благородством, знаниями и мудростью. Она требует от своего возлюбленного доблести и самопожертвования.

Когда Борчин находится в Калмыкии, девятисто палпапов (богатырей) этой страны ищут ее руки. Они по прочь силой овладеть ею. Но в это время приходит в Калмыкию Алпамыш. Борчин могла бы сразу выйти за него замуж, но она решает: «Зачем мне сейчас идти за Алпамыша? Эти палпаны, не теряя надежды, дали мне шесть месяцев сроку. Все они выйдут на арену. Я поставлю им четыре условия. Кто их выполнит, за того я и пойду».

И она ставит перед батырами свое первое условие:

Устрою байгу через гору Бахавад,
Кто сможет навизывать слезы, как бусы?
Кто заставит крылья птиц плавать в небе?
Кто обгонит на байге через Бахавад?
За того богатыря я выйду замуж,
У которого будет быстрее ковь.

Второе условие:

Я выйду замуж за того стрелка-палпана,
Который узвал, как мне живется,
Кто, терпя лишения, приехал из далекой страны.
За того, кто сделал день врагов черным,
У кого не сломалась стрела при состязавии.

Третье условие:

Я выйду за того стрелка-сокола,
Который прибыл за мной из дальних стран,
Кто попал за тысячу шагов в теньгу.

И четвертое условие:

Я выйду за того героя,
Который свалит в борьбе всех девятисто палпанов,
Скажи тому султану, что пришел за мной,
Пусть готовит коня и выходит на площадь.

Борчин от души желает победы человеку, которого она любит.

На Байчибаре, копе Алпамыша, плезжае на байгу Караджан. Алпамыш, сядя на пригорке, с нетерпением ждет возвращения пасадшиков. Он не узнает измученного Байчибара. Борчин же сразу узпала его. Услышав голос девушки, Байчибар направляется к ней.

Борчин кричит Байчибару:

О, кошь моего господина,
Пусть будет моя белая грудь тебе джайлиу, а полосы —
щоткой!

Своими платьями буду накрывать тебя.
До смерти буду твоим конюхом.
Пусть господин мой пожалеет мои горькие слезы
Сляжи меня с моим другом, моим равным.
Поставь свое копыто на мою белоснежную грудь.
О, кошь моего господина!
Пусть не сгорит мое жилище.
С воплем плачет такая красавица, как я.
Пусть не останется тело мое в Калмыкии.
Двенадцать месяцев тебя кормил Байбурш.
Ласточка повесила на твою шею бусы.
Не заставляй горевать несчастную розу Борчин,
О, кошь моего господина!

Поэма «Алпамыш» проникнута демократическими тенденциями своего времени. Алпамыш и Борчин ищут счастья, но на каждом шагу их постигают невзгоды. Борчин в отчаянии жалуется на судьбу:

Пусть рушится и валится этот мир!
Никак не избавиться мне от испытаний...

Алпамыш попадает в зиндан и томится там семь лет. Батыр, которому весь мир казался темницей, говорит, по-годул:

Если вздохну и прольются слезы,
Пусть погибнут тогда дела царей!

Находясь в Калмыкии, Алпамыш ведет борьбу с Калмык-шахом, в котором видит тирана. После свержения Калмык-шаха Алпамыш возводит на престол пастуха Кайкубата.

И в своей стране, и в Калмыкии Алпамыш добивается для народа счастливой, мирной жизни.

Поэма исполнена человеколюбивых, гуманных идей, которые являются итогом долгого жизненного опыта народа.

Религиозные влияния не играют в «Алпамыше» решающей роли. Алпамыш борется не во имя мусульманства или христианства, а во имя любви и свободы.

«Алпамыш» — совершенное поэтическое произведение. Оно полно богатой фантазии, великолепных картин природы, афоризмов.

Шамурды распустил ветви,
На нем мыши размножаются.
Кошка, пустишаяся по следу,
Дойдет до него в шесть месяцев.
Башмаки его сделаны из кожи девяносты быков.
Тысячи аршин аркана не хватит, чтобы обхватить его талию.
Его гнев разобьет камни,
Для одного его завтрака не хватит мяса девяносты
верблюдов,

Каждый шаг его охватит большой кусок земли.
Такой малыш появится на арене.
Палка его длиною в тысячу аршин,
Чашки его больше пруда.
Карман его шит из девяносты аршин материи.

Пастух Кайкубат, восхваляя своего друга Алпамыша, говорит:

На голове у тебя шелестит платок из шали,
Руки твои, как у тигра,
Сердце твоё, как у леопарда.

В поэме много прекрасных сравнений. Например:

Красота твоя подобна луце на небе,
Брови твои подобны согнутому луку,
Телом ты подобен соколу.
Лежишь ты царственно, как обладатель тысяч овец.
О, мой дорогой, из какой страны ты будешь?

Некоторые строки поэмы возвышаются до уровня народных пословиц.

Когда конь мчится, дрожат горные ущелья.
В бою проверяются лучшие мужьяны.
Вредный человек обижает языком.

Только делом ты можешь завоевать мое расположение.
Никогда тирану не будь спутником.
Мужественный не делает слабых ударов, он опрокидывает сразу.
Собака не пойдет по следам тигра и льва.
Когда пришла пора мышке умереть, она шутит с кошкой.

Поэма «Алпамыш» ярко показывает богатство и красочность узбекского народного языка и в свою очередь обогащает узбекский литературный язык.

Другая поэма, которую с большой любовью поет Фазыл Юлдашев, это «Фархад и Ширин». Известно, что, когда Алишер Навои писал «Фархад и Ширин», он широко пользовался фольклором. С другой стороны, произведение Навои также оказало большое влияние на фольклор. Основным среди разнообразных устных народных вариантов этой поэмы является текст Навои.

Сюжет «Фархад и Ширин» не сложен. Принц Фархад отказывается от престола. Ему не по душе царский дворец. Он чувствует тягу к трудовой жизни. У каменотеса Карепа он учится его ремеслу, желая таким путем получить доступ к Ширин и заслужить ее любовь.

Очищая землю от дурных людей, ведя борьбу с Хосровом, он добивается своей цели. Но все же и Фархад и Ширин терпят всевозможные невзгоды и не вполне достигают того, чего хотят.

В устных народных вариантах этой поэмы труд и борьба стоят на первом плане. Но народ не хочет, чтобы его любимые герои, выдержавшие тяжелую борьбу, остались без награды. Они не умирают, они добиваются своей цели.

Народный вариант «Фархад и Ширин» в версии Фазыла Юлдашева кончается так: Хосров, не одолев Фархада в открытом бою, подсылает к нему старуху-шпионку. Фархад, работающий на горе, слышит плач женщины. Женщина говорит: «Ширин умерла, прахом пошли все твои усилия». Фархад распознает коварство старухи и убивает ее. Ширин присваивает к Фархаду, и вскоре они справляют свадьбу.

Фархад добился Ширин
Трудом добился своей позлюбленной,
Признательная за труд Фархада,
Ширин нашла его достойным себя.

Сказитель народного варианта «Фархад и Ширин» Фазыл, несомненно, один из лучших народных бахши.

Следующий поэт — Махматкул Джанмуратов более известен под псевдонимом Пулкан-бахши. Он родился в 1874 году и сейчас состоит в колхозе «Кзыл Кошун». Пулкан-бахши, ученик известного народного поэта Джасак-бахши, поэт, аккомпанируя себе на домбре, знает и исполняет множество поэм и песен. Недавно он сочинил поэму о событиях в районе озера Хасан.

Следует упомянуть также о сказителе Хасане Худайбердыеве, умершем в 1938 году, о Курбане Назар Абдуллаеве, известном под псевдонимом Бала-бахши, о народном певце Курбане Исмаиловне. Курбан Исмаилов известен под псевдонимом Курбан-саатчи. Он знает и поет много песен, сложенных народом до революции, а также песни, посвященные Ленину, Красной Армии, раскрепощению женщины, коллективизации, Конституции, новой, социалистической жизни.

Орденоносец Ирка Кари, уроженец Фрунзенского района Ферганской области, широко известен в народе как исполнитель песен великих демократических поэтов Узбекистана — Муками, Завки и других. Как остро слов, он по имеет соперников во всей Фергане.

Можно бы еще назвать народных певцов Байкузи, Наркузи и многих других, но беда наша в том, что мы их мало знаем. Они больше известны колхозам, кустарно-промышленным артелям и предприятиям, чем организациям, непосредственно заинтересованным в выявлении народных талантов. Ни Научно-исследовательский институт языка и литературы, ни Союз советских писателей не подумали пока о политическом воспитании наших народных поэтов и руководстве ими.

Все качества, отличающие фольклорные произведения, мы находим также и в сказках. Сказка под названием «Три брата» — одна из наиболее широко распространенных и совершенных в художественном отношении.

Герои ее, три брата, отправляются к царю чужой страны. Царь, желая выведать их тайну, щедро их угощает. Братья ведут между собой задумчивую беседу, а царь подслушивает ее, спрятавшись за занавеской. Старший брат говорит, указывая на вареное мясо на блюде: «Это, очевидно, мясо барашка. Но барашек был вскормлен молоком суки». Средний брат отвечает на это: «Твоя правда, царь не прочь отведать и собачьего мяса». И прибавляет: «Меня тоже удивила одна вещь: от того варена пахнет человеческой кровью. Сидеть на троне — значит пить человеческую

кровь. Наверно, это варево смешано с человеческой кровью. Если это кровь действительно виноватого, тогда еще ничего. Но если невинного — наше дело плохо».

В этих словах выражена мысль о тирании.

Народ в своих сказках выводит также ишапов, мулл и других служителей религии, которые, точно пилвки, сосали народную кровь. Народ издевается над ними, высмеивает их.

В узбекском народе живет свыше тысячи повелл о Насреддине Афанди. Эти новеллы раскрывают подлинное лицо ханов, царей, казиенов, баев, духовенства и других паразитов, беспощадно разоблачают их. Насреддин Афанди выступает в сказках как борец за нравственную чистоту, за правду. Новеллы об Афанди обнажают язвы народного быта. Они не потеряли своего значения и теперь, когда ведется решительная борьба за искоренение пережитков капитализма в сознании людей.

Уже после Октябрьской революции узбекским народом созданы поэмы: «Великий Октябрь», «Земельная реформа», «Хасан-батрак», «Ленин», «Озеро Хасан» и десятки других. Особенно далеко шагнула вперед песня. В ней народ отмечает каждое мероприятие Советской власти и говорит о своей готовности защищать все завоевания революции.

Провокаторам-баям настал конец,
Бедняка-крестьянина наделили землей.
Советская власть стала матерью трудящихся.
Да здравствует Советская власть!
Да здравствует учивший нас Ленин!
Эй, стрелять будем!
Камни разрубит ваш топор!
Кто будет выступать против нас,
Того беспощадно будем расстреливать!

Трудовое узбекское крестьянство получило землю и воду. Народ воспевает земельную реформу.

Нет сомнения, друзья,
Поднял хозяйство крестьян
Путем земельной реформы
Цветущий Узбекистан.
Поздравляем вас, друзья!
Пусть эти земли будут ваши навеки.

Поздравляем вас, друзья!
Сбросив рабство, вы добились свободы.

**Начинается борьба с саваном на живых — паранджой,
и народ говорит:**

О душа, воодушевайся, разруши старые клетки,
Разнеси в прах все четыре стены!
Паранджа не давала тебе радости и покоя.
Наслаждайся жизнью, как цветник наслаждается
Лучами полнолуной луны.

Народ приветствует и воспевает партию и Советскую
власть, славит имя и дело Ленина.

Почти все великие писатели черпали материал для своих
произведений из сокровищницы народного творчества.

Великий писатель, поэт и ученый Алишер Навои луч-
шие свои произведения украшает народными сказками,
восхищая нас умением пользоваться богатствами народной
мудрости.

Мулла Гульхани, считавшийся в литературных кругах
XIX века, при дворе Умархана, лучшим знатоком литера-
туры, создавая свой сборник поговорок «Зарбуль масали»,
широко использовал народные пословицы и поговорки. Он
Гульхани обязан был служить интересам эмиров, феодалов,
поэтому в его книге встречаются пословицы, созданные
эксплуататорскими классами и направленные против
трудящихся.

Произведения любимого узбекского поэта Мухаммеда
Амина Мукими стали народными и часто передаются как
фольклор.

Первым из послереволюционных писателей, идущим по
путям народного творчества, является великий Хамза Ха-
ким-заде Ниязи. Каждое его произведение берет свое на-
чало в народе. До сих пор живет немало песен, творцом
которых является Хамза. Почти все песни в его сборниках
«Белая роза», «Красная роза», «Фиолетовая роза» и «Ро-
зовая роза» созданы на материале народного творчества,
передаются в народных мотивах. Его пьесы «Наказание кле-
ветников», «Проделки Майсары» и другие в основе своей
опираются на сюжеты народных сказок.

Воздействие фольклора на поэтов нашего времени по
мнению великого. Хамид Алимджан, готовя к печати поэму
«Алпамыш», в процессе работы подвергся сильному влия-

нию народного творчества. Его последние поэмы «Айгуль и Бахтияр» и «Симург» по форме, языку, стилю и даже по содержанию очень напоминают фольклорные.

Поэт Сабир Абдулла тоже широко использовал фольклорное богатство узбеков. Недавно он закончил либретто оперы «Тахир и Зухра», в основу которого положен эпос, столетиями передававшийся из уст в уста.

Очень сильна тяга к фольклору среди литературной молодежи.

Мы должны изучать свой фольклор, беречь его. Должны оказывать постоянное внимание его живым носителям — народным поэтам.

1939

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Узбекский народ связан с грузинским народом многовековой дружбой. И эта дружба благодаря мудрой ленинской национальной политике крепнет и ширится с каждым днем.

Три года тому назад у нас в Узбекистане отмечалось 750-летие бессмертной поэмы Шота Руставели «Вепхис ткаосани». И это вполне понятно: в узбекских кишлаках поются песни, близкие по идеям «Витязю в тигровой шкуре», проникнутые героизмом, любовью к своему народу, своей стране. Сейчас мы проводим большую работу по записи узбекских вариантов «Вепхис ткаосани».

Вместе со всеми братскими республиками Узбекская ССР провела большую подготовительную работу к юбилею одного из выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Грузии поэта Акакия Церетели. Юбилейную республиканскую комиссию возглавил поэт-орденоносец Хамид Алимджан. Поэты Тимур Фаттах, Максуд Шейхзаде, Айбек закончили перевод на узбекский язык сборника избранных стихотворений Акакия Церетели, который в скором времени выйдет в свет.

Богатое творческое наследие Акакия Церетели является достоянием всего советского народа. Мы ценим и любим великого грузинского поэта, который всю свою жизнь посвятил служению своей стране, воспевал дружбу и братство народов.

НАШ УЧИТЕЛЬ

Наша узбекская советская поэзия постоянно ощущает духовную поддержку великой русской поэзии. Особенно ценным в борьбе против условной архаической образности, формалистических канонов поэтики феодальных времен, поэтики орнаментальной, безыдейной и бессодержательной, неспособной изобразить жизнь в ее многообразии и разнообразии, особенно ценным для нас явилось грозное оружие поэзии В. В. Маяковского.

Я с гордостью отношу себя к многочисленной когорте учеников Маяковского — пламенного патриота, большевистского агитатора, глашатая новой, советской поэзии — поэзии созидания во имя коммунизма. Каждая его строка дышит благотворным чувством любви и преданности народу, говорит о единстве поэта с партией.

Изучая Маяковского, я пришел к выводу, что поэзия, истинная поэзия, в наше время немыслима без целеустремленной приверженности великим идеям коммунизма. Первое же знакомство с творчеством Маяковского вызвало у меня глубокое раздумье о своей поэтической судьбе, об отношении поэта к социалистической действительности. Стихи Маяковского определили мой творческий путь, вывели меня как литератора на широкую дорогу новой, социалистической поэзии.

Маяковский был моим поводырем и наставником в страстных поисках языка, общего с революционными массами, в стремлении запечатлеть в своих стихах дыхание великой эпохи, в исканиях нового слова, новых принципов композиции, новых ритмов. Маяковский открывал для меня самые разнообразные и неисчерпаемые возможности в области ритмики, словаря, образа, звукового строения стиха.

Кроме гневной, бичующей иронии в сатире, потрясающей огромности и силы чувства в лирике Маяковского, я обратил внимание на его поэтическую систему, на мужественную ораторскую выразительность его ритмов и инто-

наций, на смелость метафор и экспрессивность гипербола, на разбивку стиха, на выделяемые в отдельные строки стиховые сегменты различной длины, имеющие целью повышение ритмической, интонационной и смысловой выразительности. Мне кажется, что эти поэтические принципы Маяковского мне в какой-то мере удалось творчески применить в узбекском стихосложении. Я учился у Маяковского выбирать слова по их значительности, выделять — по их эмоциональной окраске, насыщенности гневом, насмешкой, любовью, нежностью, которыми можно тронуть читательские сердца.

Мое стихотворение «На путях Туркениба» должно было служить наглядным доказательством не только богатства интонаций и смысловых оттенков, которые дает такой строй стиха, но и лирической теплоты, возвышенности разговорной речи, ее эмоциональной насыщенности.

В старой узбекской феодально-дворцовой поэзии разговорная речь в стихах считалась признаком бедности поэта. Узбекская советская поэзия давно отменила эту антинародную догму. Мы продолжаем бороться за окончательное изжитие феодальных капопов в поэзии. Много сделал в этом отношении наш первый революционный поэт Хамза Хакимзаде Ниязи, тоже многому научившийся у русской поэзии.

— Нам слово нужно для жизни, мы не признаем бесполезного искусства, — учил нас Владимир Маяковский. На эту четкую формулу я откликнулся уже в своей ранней поэме «Кукан». И, может, именно Маяковскому обязана она тем, что до сих пор ее не забывают в народе.

Маяковский — замечательный мастер рифмы — обогатил самыми разнообразными видами рифмы не только русскую поэзию, но и, косвенно, поэзию всех национальностей нашей страны. Если рифма Маяковского со всей ее необычностью была подготовлена историей русского стиха, то в узбекской литературе ее не было вовсе. Узбекские советские поэты приняли Маяковского что называется в целом и частностях, до ритмических особенностей его поэзии.

Гиперболизация — одна из традиций узбекской поэзии. Однако, познакомившись с Маяковским, этим выдающимся мастером гипербола, мы имеем возможность по-новому развить эту традицию. Гипербола Маяковского, изображающие действительность в увеличенных масштабах и сдвинутых пропорциях, достигают исключительной обобщающей силы. Они насковозь социальны.

И никогда не переставая изучать творчество Маяков-

ского. Оно открывало передо мной все более широкие перспективы. Мой учитель Маяковский требовал постоянного движения вперед, предвидения будущего. Он побуждал остро чувствовать новое в жизни, улавливать и охватывать то, что только рождается, но чему принадлежит будущее. Смею думать, эта устремленность в грядущее, вдохновенность пафосом созидания советских людей определили идейный строй моих поэтических книг «Иду с Востока» и «К народу».

Влияние Маяковского на нашу литературу трудно переоценить. Борьба Маяковского за социалистическую лирику, за лирику, в которой большие дела эпохи становятся личной темой поэта, борьба за поэзию массовую, которая в то же время была бы поэзией высокого мастерства, наконец, его борьба за самый тип советского поэта — все эти стороны поэтической работы Маяковского — высшая школа для всех нас. Его творческие завоевания и открытия принадлежат всей нашей поэзии.

1950

ПОД СОЛНЦЕМ МОСКВЫ

Смотр украинского искусства и литературы в Москве — событие глубокознаменательное не только для самой Украины, но и для всех республик, для всех социалистических наций нашего Отечества. В достижениях культуры Советской Украины, достижениях, ставших возможными только благодаря великим социалистическим преобразованиям, мы видим благие плоды мудрой, единственно справедливой ленинской национальной политики Коммунистической партии. О Советской Украине мы говорим с любовью: цветущая Украина! И в эти слова вкладываем свое восхищение перед трудолюбивым и талаптливым народом, перед его бескрайними нивами, гигантами-заводами и шахтами, электростаяциями, перед его культурой, достигшей больших высот,— перед всем тем, что принесли украинскому народу, как и другим народам нашей страны, Советская власть, партия, Ленин.

Давняя и крепкая дружба связывает украинский и узбекский народы. Нас спаяли воедино Великий Октябрь, годы мирного строительства, Великая Отечественная война, чудесная эпоха послевоенного восстановления и развития. Нас объединяет и сплачивает со всеми народами одна общая цель — коммунизм, к которому мы идем под руководством партии Ленина.

Украинская литература уходит своими корнями в далекое прошлое. Она издавна питалась живительными соками народного творчества. Огромен вклад в развитие украинской литературы гиганта мысли и слова Тараса Григорьевича Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко и многих других писателей и поэтов.

Но истинного расцвета украинская литература достигла в наши дни. Преемница прекрасного наследия, она вырастила Павло Тычину и Максима Рыльского, Миколу Бажана, Александра Корпейчука и многих, многих других. Их замечательные таланты, умело направляемые Коммунистической партией, расцвели под благотворным влиянием

великой русской культуры. А пыле на Украине поднимается новая дружная поросль талантов, многие из которых, такие, как Олесь Гончар, Патав Рыбак, Вадим Собко, Платон Воронько, уже списали себе широкую популярность среди советских читателей.

Узбекский народ знает и любит украинскую литературу. В наших городах и кишлаках читают на узбекском языке Тараса Шевченко. У нас изданы произведения лучших украинских советских писателей.

Прочная братская дружба спаяла литераторов Украины и Узбекистана. Писателей и поэтов Украины всегда волновали жизнь и труд узбекского народа. Много прекрасных поэм и стихов написано на Украине об узбекских хлопкоробах, о зеленокудрой Ферганае и гостеприимном Ташкенте, о Ферганском канале. В свою очередь в нас глубоко волнуют темы Советской Украины. Много стихов, созданных в Узбекистане, посвящено ее народу. И в том, что сегодня «Фархад и Ширин» в великолепном переводе Миколаы Бажана звучит на языке Шевченко, на полях Помтавщины слышатся песни о солнечном Узбекистане, а великий Кобзарь дарит хлопкоробам Ферганы, садоводам Самарканда, животноводам Бухары, видна сила и глубина нашей дружбы.

1951

ГИГАНТ МЫСЛИ И СЛОВА

Именем Николая Васильевича Гоголя обозначена целая эпоха в истории русской литературы и общественной жизни. «Гоголевским периодом» назвал это время Н. Г. Чернышевский. Гоголь был преемником Пушкина, союзником Белинского, предшественником и современником Герцена, Гончарова, Тургенева, Некрасова, Островского, Салтыкова-Щедрина. Произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Женитьба», «Ревизор», «Мертвые души» прочно утвердили критический реализм как основной художественный метод классической литературы XIX века.

Н. В. Гоголь был одним из тех гениальных русских художников, чья деятельность утвердила мировую славу русского искусства. Со времени Пушкина и Гоголя освободительные и гуманистические идеи великой русской литературы стали оказывать огромное влияние на творчество передовых писателей как Запада, так и Востока.

«Такие поэты, как Гоголь, Пушкин и Лермонтов, — писал Белинский, — могут являться только у народов, признанных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль».

Вот почему юбилей Н. В. Гоголя — великого писателя русского народа — народа, который сыграл и играет всемирно-историческую роль в судьбах человечества, автора «Ревизора» и «Мертвых душ», так широко отмечает не только советский народ, наследующий все лучшее из наследия прошлого, но и все прогрессивное человечество.

Целый век прошел со дня смерти Гоголя. Сверху допыла перестроена вся жизнь в стране, которую он так любил, которой посвятил самые проникновенные страницы своих произведений. С легендарной стремительностью стала первой на земном шаре могучей социалистической державой та Россия, которую Гоголь символизировал в образе неудержимо мчащейся вперед, необгонимой «птицы-тройки». Новые песни, полные борьбы и труда, льются над не-

обозримыми просторами советской земли. Эти песни подхватывают далеко за рубежом миллионы людей, которые сплачиваются для того, чтобы защитить свободу, культуру, дело мира от посягательства современных Чичиковых, Ноздревых, Собакевичей и Плюшкиных.

Узбекский народ читает, любит Гоголя. Что касается узбекской литературы, то она, как и литературы всех других социалистических паций вашей великой Родины, выступает достойным наследником передовых традиций русской классической литературы, в том числе традиций великого русского художника Н. В. Гоголя.

Большое спасибо русскому народу, давшему мировой культуре такого гиганта мысли и слова, как Николай Васильевич Гоголь.

1952

ГЕНИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-РЕАЛИСТ

В сентябре нынешнего года исполняется 125 лет со дня рождения одного из величайших писателей мира — Льва Николаевича Толстого.

Лев Толстой, как отмечал В. И. Ленин, «сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».¹

125-летие со дня рождения Л. Н. Толстого отмечают все народы Советского Союза, трудящиеся страны народной демократии, все прогрессивное человечество.

В Советском Узбекистане имя гениального русского художника слова пользуется глубоким уважением и горячей любовью. Узбекскому читателю хорошо известен автор «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», пьесы «Живой труп», многих замечательных повестей и рассказов.

Лев Николаевич Толстой родился в Ясной Поляне, близ города Тула, 9 сентября 1828 года в семье графа Николая Ильича Толстого. Отец его умер, когда будущему писателю было девять лет. Мать скончалась, когда ребенку не исполнилось и двух лет.

Воспитательницей Льва Николаевича стала дальняя родственница Толстых — Т. А. Ергольская. В 1844 г. Лев Николаевич поступил в Казанский университет, где в течение двух лет учился на восточном и юридическом факультетах. Казанский университет в ту пору был третьим по величине университетом России, однако учебный процесс в нем, больше чем в московском и петербургском, был подвержен идеалистической схоластике, догматизму и политическому консерватизму. Неудовлетворенный постановкой учебной и научной работы, Толстой в 1847 году, не закончив курса обучения, оставил университет.

¹ В. И. Ленин. ПСС, изд. 5, т. 20, стр. 19.

В мае 1851 года Лев Николаевич добровольцем отправляется на Кавказ, где участвует в военных действиях.

В 1854 году, по возвращении с Кавказа, Толстой уже в офицерском звании был направлен в Дунайскую армию, которая сражалась с турками, а в конце того же года был переведен в Крым. Здесь Лев Николаевич принимал участие в легендарной обороне Севастополя, находясь на самых опасных участках, проявил большую храбрость и бесстрашие. В конце 1856 года он выходит в отставку.

Наблюдения Льва Николаевича за общественной жизнью России, участие в Крымской кампании, повседневное общение с крепостными крестьянами — все это выдвигает перед ним ряд сложных вопросов. Он стремится найти пути сближения с народом, обдумывает проекты освобождения крестьян от крепостного права, увлекается педагогической деятельностью и отдает много сил и энергии обучению крестьянских детей.

В 1857 и 1860 годах Лев Николаевич совершает поездки во Францию, Швейцарию, Италию, Германию и другие страны. Он испытывает глубокую неудовлетворенность характером буржуазной культуры и нравственности и становится непримиримым обличителем капитализма и всех его коренных пороков.

Начало литературной деятельности Л. Н. Толстого относится к 50-м годам, когда на страницах прогрессивного, демократического журнала «Современник» одна за другой появляются его повести «Детство», «Отрочество», рассказы «Набег», «Рубка леса», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года», а затем повесть «Юность», рассказы «Два гусара» и «Люцерн». В 1861 году Лев Николаевич заканчивает повесть «Казак».

Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский сразу же разглядел новый выдающийся литературный талант. Уже тогда он глубоко и точно охарактеризовал особенности этого большого таланта: «глубокое знание тайных движений психической жизни», умение улавливать и изображать «психический процесс, его формы, его законы». Великий критик отметил также «непосредственную чистоту нравственного чувства» Толстого.

Мастерство психологического анализа характеризует все произведения гениального писателя.

В рассказах, связанных с пребыванием Толстого на Кавказе и в Севастополе, раскрылось мастерство писателя в изображении человеческих типов, поставленных в сложные условия военных действий. Истинными героями выступи-

ют у Толстого простые люди, солдаты. Он пишет о них: «В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желанья отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротив: скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

В «Севастопольских рассказах» Толстой показал войну «не в правильном, красивом, блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами», а «в настоящем со выражением — в крови, страданиях, в смерти». И если настоящим героем в «Севастопольских рассказах» является русский солдат с его простотой и душевным величием, то носителями отрицательных качеств — эгоизма, карьеризма, тупости — выступают офицеры из аристократической среды.

В одном из писем Л. Н. Толстому П. А. Некрасов писал: «Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, правда, которой со смерти Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы праны, дорожа всего более этой сторопою в Вашем даровании. Это правда в том виде, в каком шисите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое».

Непревзойденный мастер в изображении природы, художник, умеющий рисовать ее в связи с внутренним миром своих персонажей, — таким предстает перед нами Толстой в произведениях 50-х годов.

Пребывание в швейцарском городе Люцерн дало писателю материал для одноименного рассказа, в котором изображена судьба бродячего певца и порочность самих основ буржуазной цивилизации.

«Седьмого июля 1857 года, — писал Толстой, — в Люцерне перед отелем «Швейцаргоф», в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжении получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним. Вот событие, которое историки нашего времени должны записать огненными, неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет более глубокий смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях... Паршивая паня республика!.. Вот оно, равенство!»

Так называемую «крестьянскую реформу» 1861 года Толстой встретил резко критически. Он считал, что эта реформа не способна облегчить жизнь крестьянства, а царский манифест он называл «совершенно напрасной болтов-

ней». Основное средство разрешения социальных противоречий Толстой видел в упразднении частной собственности на землю.

В 1863 году Толстой начал работу над романом «Война и мир». Он был закончен в 1869 году. Роман из эпохи Отечественной войны 1812 года, по мысли автора, должен был показать героические страницы истории русского народа, вскрыть его высокие нравственные силы и показать всему миру, что Россия поднимется, возродится вновь.

В одной из своих статей Лев Николаевич заметил по поводу «Войны и мира»: «Я старался писать историю народа». И действительно, в романе с огромной художественной убедительностью показано, что народ является главной движущей силой истории. Именно он принес спасение России от вражеского нашествия в 1812 году.

«Дубина народной войны,— писал автор,— поднялась со своей грозною и величественной силой и, не спрашивая ни чьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погбило все нашествие».

Нет во всей мировой литературе такого произведения, как эпопея Толстого, в котором бы так всесторонне, так всеобъемлюще раскрывалась борьба народа с врагом-захватчиком.

«Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так... в «Войне и мире» я любил мысль народную»,— говорил Толстой.

Со страниц эпопеи встают десятки живых героев, представляющих самые различные социальные слои и группы, от высшей аристократии до крестьянских низов. Людьми из плоти и крови являются перед читателем капитан Тушин, партизан Тихон Щербатов, Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова, Кутузов.

По словам М. Горького, «Война и мир» — это «...широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, глубоко взятые, изумительно просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания...»

В своей эпопее Толстой возвеличивал силу народной стихии, нравственную чистоту и благородство народа и в то же время вскрыл во всей глубине моральное ничтожество представителей высших кругов — подхалимов, выскочек, карьеристов, лишенных чувства долга и патриотизма.

Десять лет отделяют «Войну и мир» от пового романа Толстого «Анна Каренина». Явления, связанные с развитием капитализма в России, пропихновение буржуазных порядков в дворянские семьи, типические черты пореформенного помещичьего и крестьянского быта — все это находит глубокое отражение на страницах «Анны Карениной». Много жгучих вопросов общественной жизни 70-х годов поставил в своем новом романе великий писатель.

В центре повествования судьба молодой женщины, стремящейся к большому и настоящему счастью и раздавленной лицемерием и лживой моралью светского общества. В раскрытии внутреннего мира, самых тонких чувств и скрытых переживаний Анны Карениной, как и других героев романа, Толстой подымается на высшую ступень реализма. Писатель создает незабываемые по своей жизненной правдивости и глубине образы Каренина, Вронского, Левина, Стивы Облонского, его жены Долли и многих других героев романа.

Как справедливо заметил советский литературовед Н. К. Гудзий, «ущербность всего тона романа станет нам понятна, если мы будем ее рассматривать как реакцию Толстого на стремительное развитие в России капиталистических отношений, когда у нас, по мысли героя романа Левина, «все перевернулось и только укладывается», капитализм разрушал старые, устоявшиеся формы жизни как в дворянском, так и в крестьянском быту и насаждал в России новые формы буржуазного уклада, органически чуждые Толстому».

Резко критическое неприятие зарождавшегося в России капитализма, осуждение паразитирующего дворянства, сближение с «рабочим народом», как он называл крестьянство, привело Толстого в 80-е годы к разрыву со своим классом. Он переходит на позиции патриархального крестьянства. В знаменитой «Исповеди» Толстой очень ясно объяснил мотивы своего решения: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать язык народа и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа — того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».

Характеризуя перелом в мировоззрении Толстого, В. И. Ленин указывал: «По рождению и воспитанию Тол-

стой принадлежал к высшей помещичьей знати России, — он порвал со всякими привычными взглядами, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь».

В соответствии с новыми взглядами Толстой обращается к новой литературной форме: пишет маленькие правдоучительные рассказы для народа. В 1882 году он принимает участие в московской трехдневной переписи населения, выбрав для себя участок, населенный беднотой. Картины городской нищеты, а позднее — в 1891, 1893 и 1898 годах — картины голодающей деревни, которые он наблюдал, оказывая помощь умирающим от голода крестьянам, еще больше обострили в писателя чувство протеста против самодержавия и господствующих классов.

В 1908 году он выступает со статьей «Не могу молчать!», вызванной многочисленными казнями царским правительством революционеров.

В 80—90 годы Лев Николаевич создает такие произведения, как «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцеров соната», «Хозяин и работник» и другие. Особое место среди произведений этого периода занимает роман «Воскресение».

В романе с эпической широтой изображается общественная жизнь России 80—90 годов, жизнь, полная противоречий, вопиющей несправедливости и грубого насилия. Толстой критикует современный ему общественный строй с позиций многочисленной крестьянской массы, подавленной экономически и политически, лишенной возможности пользоваться достижениями культуры и техники. В романе, проникнутом «самым грезным реализмом», писатель знакомит нас с представителями различных социальных слоев — дворянской верхушки русского общества, столичного духовенства и бюрократии, крестьянства, купечества, создает яркие образы мастеровых, рабочих, революционеров-народников. Он переносит читателя в Москву и Петербург, помещичью усадьбу и разоренную деревню, он вводит нас в судебные присутствия, тюрьму, в аристократические гостиные, кабинеты царских сановников, в трактиры, полицейские участки и т. д.

Трагическая судьба Катюши Масловой изображается

в романе как следствие порочной и преступной государственной и общественной системы, господствовавшей в царской России. Всей логикой описываемых событий автор приводит Нехлюдова к выводу, что общество, в котором эти события происходят, — антигуманное, подлое общество, что действительными ворами являются фабриканты, а не мальчик, похитивший с голоду полovice стоимостью в 3 рубля 67 копеек. Вор — это царское правительство, которое «со всеми своими чиновниками» в виде податей обкрадывает — не переставая; это — землевладельцы, обокрашившие народ, отняв у него землю». Судьи и прокуроры, осуждая невинных, идут на обман ради карьеры. Церковь служит этому государству-вору, освящая именем Христа насилье, творящееся в суде и тюремных застенках.

Прием контрастных сопоставлений помогает Толстому увеличить силу своего разоблачительного романа. Эти сопоставления или, даже точнее, противопоставления, как отмечает Н. К. Гудзий — один из крупнейших исследователей творчества Л. Н. Толстого, — пронизывают собой все произведение: «Отправление измученной Масловой — жертвы животной страсти Нехлюдова — из тюрьмы в суд и — пробуждение в богатой квартире избалованного жизнью Нехлюдова, думающего о том, что он должен жениться на дочери богатого и знатного Корчагина; судебное заседание, окончившееся каторжным приговором для Масловой — изысканный обед Корчагина, на котором присутствует Нехлюдов после суда над Катюшей, надругательство над душой Катюши, над ее святыми — и бездушный ритуал церковной службы; шествие арестантов по городу и встреча их с коляской богача; вагон с решетками, за которыми сидят арестанты, — и тут же поблизости вокзальный зал, уставленный бутылками, вазами, канделябрами; те же арестанты, замученные, забытые рабочие, а рядом с ними праздное, сытое, самодовольное семейство Корчагиных; ужасы тюремной обстановки в Сибири и на фоне их — изобилие, довольство и семейная идиллия в доме начальника края и т. д.»

Страстный, сокрушительный, гневный протест против помещичьей и капиталистической действительности, против всех ее установлений пронизывает роман «Воскресение».

В 1901 году синоп, прокляв «еретика и вероотступника» Льва Толстого, автора романа «Воскресение», отлучил его от церкви.

Большой интерес и огромную ценность представляют для нас и эстетические воззрения Толстого.

Как известно, Лев Николаевич выступал с резкой критикой декадентского и натуралистического искусства и литературы господствующих классов. В трактате «Что такое искусство» (1898), в письмах и дневниковых записях он обрушивается на тех западноевропейских и русских художников и писателей, которые превращают искусство в бессмысленную игру фантазии или заставляют его служить эротике, половому разврату. Толстой убедительно показал, что сторонники теории искусства для искусства, чистого искусства — декаденты создавали произведения для паразитических элементов общества и целиком зависели от них.

Насмешку писателя-реалиста вызывали и натуралисты, слепо копировавшие явления жизни, занимавшиеся «рабским подражанием природе». Толстой говорил о таких: «Идет мужик — опишут мужика, лежат свинья — ее опишут и т. д. Но разве это искусство? А где же одухотворяющая мысль, делающая бессмертными истинно великие произведения человеческого ума и сердца... И как легко дается это описание «с натуры»! Набил себе руку и вали!»

Допуская ряд ошибочных утверждений о содержании искусства, Толстой вместе с тем дал уничтожающую критику декадентства, натурализма и всяческого формализма. Глубоко справедливые, не потерявшие своего значения и для наших дней положения Толстого мы находим в его высказываниях об искусстве будущего общества. «Техника искусства, — говорил Толстой, — усовершенствуется потому, что все гениальные художники, теперь скрытые в народе, сделаются участниками искусства и дадут образцы совершенства».

Аристократическому, антинародному искусству Лев Николаевич противопоставлял красоту и выразительность народной песни, сказки, былины. «Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может сказать поэт, мне мил».

Толстой любил и всегда восторгался творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского. Его высокой оценкой были отмечены произведения Герцена, Тургенева, Гончарова, Щедрина, Чехова, Короленко, Горького, которого он назвал «настоящим человеком из народа».

В истории русской классической литературы XIX века творчество Толстого — сияющая вершина, по определе-

вью В. И. Ленина, «шаг вперед в художественном развитии всего человечества»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла произведениям Толстого широкий доступ к освобожденному народу. На семьдесят языках, более чем в сорока миллионах экземпляров изданы его книги. Нет такого уголка в сегодняшнем мире, где бы не было известно имя Толстого. За годы Советской власти основные произведения Толстого переведены на языки всех народов нашей Родины.

Благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии, братской помощи великого русского народа получил возможность читать Толстого на своем родном языке и узбекский читатель. В числе переводчиков произведений Толстого на узбекский язык такой мастер художественного слова, как Абдулла Какхар. На узбекский язык переведены и вышли уже огромными тиражами 1-й том «Войны и мира», «Воскресение», «Севастопольские рассказы», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат», отдельные рассказы, много произведений Толстого для детей.

Каждому ясно, какое важное значение имеют эти переводы для узбекского читателя. Они не только обогатили сокровищницу нашей культуры, но и способствовали укреплению нашей дружбы с великим русским народом. По произведениям Льва Николаевича Толстого узбекский народ научился еще глубже понимать прекрасную душу нашего старшего брата, уважать его великую культуру и тех, кто ее создавал.

Литература великого русского народа уже в течение многих десятилетий оказывает глубокое и благотворное влияние на развитие узбекской литературы. Можно утверждать, что именно русская классическая литература явилась источником творческого вдохновения для таких передовых, демократических писателей прошлого, как Фуркаг, Муками, Хамза Хаким-заде Ниязи. На классических образцах русской литературы узбекские писатели учились и учатся реалистическому изображению жизни, глубокой правде, высокой идейности, совершенству художественной формы.

Советский народ свято чтит память великого художника и правдоискателя. После Великой Отечественной войны решением партии и правительства полностью вос-

¹ В. И. Ленин. ПСС, изд. 5, т. 20, стр. 19.

етаповлена усадьба писателя, подвергшаяся варварскому нашествию фашистских захватчиков, музейные фонды писателя. Прделана огромная работа по собиpанию и изучению рукописей Толстого. Созданы сотни исследовательских и популяризаторских работ о нем и его творчестве. Произведения Толстого прочно вошли в круг обязательного литературного чтения и изучения учащейся молодежи.

Толстой один из самых читаемых и почитаемых русских писателей в странах народной демократии. Его мысли не сходят с репертуара театров всего мира. По его книгам поставлены художественные фильмы и телеспектакли.

Лучшие произведения гениального писателя-реалиста, раскрывшего всепобеждающую силу народа в битве с захватчиками, разоблачившего антигуманный характер помещичьего и капиталистического общества, порочность и лицемерие дворянской и буржуазной морали, являются грозным обвинением всему современному нам капиталистическому миру.

Этим сторонами своего бессмертного творчества Лев Николаевич Толстой дорог и близок всем, кто строит новое, справедливое социалистическое общество, кто борется за мир и демократию, против организаторов войны и угнетателей народов.

Толстой-художник навсегда останется с нами!

1953

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МУХАММЕДА АМИНА МУКИМИ

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин указывал: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»¹. И несколько выше: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую».²

Этот глубокий ленинский вывод в равной мере справедлив и по отношению к узбекской литературе второй половины XIX века, где наряду с течением реакционным, феодально-клерикальным все более властно заявляет о себе направление демократическое, прогрессивное. И если первое выражало и отстаивало интересы эксплуататорских классов — баев, феодалов, торговцев, высшего духовенства, то второе — надежды, стремления и чаяния трудового народа. Весь литературный процесс того времени являл собой борьбу между этими двумя направлениями.

Прогрессивное, демократическое направление в узбекской литературе второй половины XIX века представлено такими именами, как Мухаммед Амин Муками, Закирджан Фуркат, Убайдулла Завки и другие. Творчество этих больших художников связано с тем историческим периодом, когда Средняя Азия, в том числе Узбекистан, уже была присоединена к России.

Мухаммед Амин Муками родился в 1850 году в Коканде в семье бедного хлебопсека. Первые познания Муками получил в одной из старых начальных школ родного города. Позднее, в годы отрочества, он учился и

¹ В. И. Ленин. ПСС, изд. 5, т. 24, стр. 129.

² Там же, стр. 120—121.

медресе Ташкента и Бухары. По окончании медресе Мукими возвращается в Коканд, где и остается до самой смерти.

Жизнь Мукими прошла в глубокой нужде и бедности, Ютись в тесной худжре медресе, он, будучи искусным каллиграфом, занимается перепиской писем и чужих стихотворных диванов, существуя на скудные доходы от этой профессии. Благодаря помощи друзей ему удалось совершить путешествие по городам и кишлакам Ферганской долины.

В письмах к приятелям и к проживавшему в Москве племяннику Рuzимухаммеду Мукими неоднократно сетует на жизненные трудности. «Я бедный, несчастный человек», — пишет он племяннику. В другом личном письме поэт жалуется, что из-за отсутствия собственного дома лишен права выступать свидетелем в суде, что его выселяют из худжры.

Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, Мукими никогда не соглашался пойти в услужение к баям, богатым чиновникам и духовенству. До конца своих дней, до последнего слова и вздоха он защищал интересы народа.

Мукими скончался весной 1903 года в Коканде.

Условия жизни трудового народа Узбекистана во второй половине XIX века были крайне тяжелыми. Жесточайшая эксплуатация баев, царской администрации, духовенства вконец разоряла маломощные дехканские хозяйства. Пользуясь примитивными, устаревшими орудиями производства, полунищие дехканы из года в год получали урожай, дохода с которого зачастую не хватало на то, чтоб уплатить всевозможные налоги. Участились случаи ухода разоренных безземельных дехкан в города.росло количество мелких бедных ремесленников, жизнь которых мало чем отличалась от жизни тех, кто остался в кишлаке.

Но жизнь не стояла на месте. В недрах народных масс вызревали могучие силы, которым предстояло уже в самое ближайшее время выйти на арену истории, чтобы подорвать и разрушить старый, эксплуататорский мир, на веки веков покоячить с паразитизмом и своеволием одних, нищетой и несправедливостью других. Этот исторический час для народов бывшего Туркестанского края был многократно приближен присоединением Средней Азии к России. Этот факт имел для узбеков, так же как и для всех других народов Туркестанского края, огром-

пое прогрессивное значение. В результате присоединения народы Средней Азии получили возможность сблизиться с русским народом и навсегда избавились от угрозы попасть под иго наиболее хищных англо-американских империалистов, приобщились к революционной России, в лице русского пролетариата, русского народа нашли великого и сильного союзника, друга и старшего брата. Несмотря на все препятствия и попытки эксплуататоров посеять между ними раздор, трудящиеся массы России и бывшего Туркестанского края все более сближались.

В результате установления и развития экономических связей между Россией и Туркестаном постепенно формировались капиталистические отношения и в Средней Азии. По сравнению с феодальным способом производства предшествовавшего периода это было явлением прогрессивным.

В известном произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» сказано: «Русский капитализм вытягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — *создавал себе рынок* для своих фабрик... Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири, и т. д.»¹.

Развитие в крае — пусть медленное и слабое — буржуазных отношений ускорило классовое расслоение в городе и кишлаке. Средневековые формы хозяйствования стали руниться, начал появляться рабочий класс. В таких очагах туркестанского производства, как хлопкоочистительные и кожевенные заводы, перерабатывавшие сырье и поставляющие его русской промышленности, на маслобойнях, мукомольнях, предприятиях, изготовлявших панетки, в механических мастерских, на шахтах складывался союз русских и местных рабочих.

Номимо воли и вопреки желанию русских империалистов и царского правительства в Среднюю Азию стали проникать наиболее передовые культурные и революционные традиции русского народа.

К тому же периоду относятся факты первого проникновения в среду узбекских читателей отдельных произведений русской демократической литературы. Так, в конце XIX — начале XX веков были переведены и опубликованы на узбекском языке «Бахчисарайский фонтан»

¹ В. И. Ленин, ПСС, изд. 5, т. 3, стр. 594—595.

я «Сказка о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, некоторые произведения М. Н. Толстого, басни И. Крылова и др.

Впрочем, русская демократическая культура проникла в Среднюю Азию не только прямым, но и как бы окольным путем, опосредствованно, через другие национальные культуры. Этому процессу во многом содействовала литературная деятельность таких прогрессивных, демократических писателей из национальных областей бывшей Российской империи, как Абай (Казахстан), Мирза Фаталп Ахундов, Саид Азим Ширвани (Азербайджан), Абдулла Тукай (Татария), произведения которых имели широкое распространение в Средней Азии. Благодаря этим социально-историческим и культурным изменениям происходят заметные сдвиги и в узбекской демократической литературе, реалистически отображавшей положение народных масс. Так же, как и в прогрессивной русской литературе второй половины XIX века, в узбекской демократической литературе на первый план выдвигаются идеи гуманизма, свободолюбия, борьбы против самодержавия и его колониальной политики. Самыми яркими и талантливыми представителями этого направления в узбекской литературе конца прошлого века стали Мукими, Фуркат, Доиш, Завки, чье вдохновенное творчество знаменовало собой новый этап в истории узбекской национальной культуры. Их творческим методом стал критический реализм.

Всей жизнью своей связанный с трудовыми массами, Мукими хорошо понимал и нужду простого дехканначайрикера, и заботы городского ремесленника. Эта духовная общность с народом еще больше окрепла после поездки поэта по Ферганской долине. Именно тогда, суммируя свои впечатления, он сказал от лица всех угнетенных узбекских трудящихся: «Мир, в котором я живу, — это огромная виселица».

Критика социального строя, обличение жестокого гнета особенно сильно звучат в произведениях Мукими восьмидесятых — девятидесятых годов — в зрелый период его творчества. В своих сатирах поэт беспощадно обличал баев, чиновников, ростовщиков, духовенство, безжалостно обиравших и тиранивших человека труда. С наибольшей критической силой и сатирической зрелостью позиция Мукими выражается в стихах «Землемеры», «Путевые зарисовки», «Сатира на Виктор-бая», «Ицитте», «Новоявленный бай» («Заводчик»), «Вексель», и юморесках «Грязь», «Твой арба», «Арба»,

Именно эти стихи, наряду со многими другими, дают нам право считать Мукими одним из зачинателей критического реализма в узбекской литературе. Создавая образы местных чиновников, баев, купцов, фабрикаптов, представителей торговой буржуазии и мусульманского духовенства, поэт клеймит их со всей беспощадностью как конкретных носителей социального зла и несправедливости. Этим отрицательным образом Мукими противопоставляет образы дехкан, чайриков, ремесленников — представителей угнетенных трудящихся масс, которые пользуются его неизменной симпатией. Устами дехкана говорит поэт о бесчинстве и жульничестве, махинациях власти имущих во многих своих сагирах. Этим приемом пользуется он и в своем знаменитом стихотворении «Землемеры».

Творятся дивные дела у нас,
О них я начинаю свой рассказ.
Пусть он до слуха вашего дойдет.
Кто сердцем справедлив, меня поймет.
Моя беда — пачальнику доход,
Обмер полей бывает каждый год.

«Чужими» называет поэт чиновников-землемеров Хакимджави и Султанаали. Они действуют по указке крупных баев-землевладельцев, которые выжидают, пока дехканин, не будучи в состоянии внести налог, за беспспек продает свою землю. Один из этих чиновников, как пишет поэт, получил от баев немалую взятку, другой сам прибрал к уже грязным рукам заложенную дехканами землю.

Весь гнев своей сатиры, всю свою несправедливость вкладывает Мукими в обрисовку этих гнусных грабителей — типичных представителей паразитирующих классов того времени.

Те же мотивы звучат и в ряде других стихов Мукими, где, обличая эксплуататоров, поэт с глубоким состраданием говорит о бедственном положении и нищенской жизни дехкан и ремесленников. Особенно характерно в этом отношении стихотворение «О кышлаке Хафалак», написанное как «мухаммас» на одноименное произведение поэта-демократа Махмура, жившего в первой половине XIX века. В живых человеческих образах и конкретных картинах Мукими показывает, что за несколько истекших десятилетий положение дехкан, и в пору Махмура бывшее очень тяжелым, стало отчаянно бедственным, трагически безвыходным.

Узнав об установлении нового палого, жители кишлака Хафалак оставляют свои очаги и отправляются странствовать. Их проклятья и стоны, пишет в своих стихах Мукими, поднимаются выше небес. Ту же картину наблюдает поэт в кишлаках Бурбалык и Рафкан, описанных в его «Путевом дневнике».

Глубоко вскрывая чудовищную несправедливость, антигуманность средневековых феодальных порядков, Мукими в то же время остро клеймил и складывавшиеся в ту пору новые, капиталистические отношения в Узбекистане. Он показывает, что эти отношения еще больше усилили эксплуатацию трудового народа, создали благоприятную почву для деятельности фабрикантов, купцов, ловких предпринимателей, ростовщиков. Эта мысль поэта находит яркое выражение в его сатирах «Вексель», написанной в соавторстве с Завки, «Новоявленный бай», «Чаеоторговец», в «Сатире на Виктор-бая». Наряду с рабской жизнью дехкан в кишлаках Мукими изображает горестное положение и растущее недовольство городских ремесленников и нарождающегося рабочего класса.

Умело используя оружие сатиры там, где речь идет об угнетателях простого народа, Мукими сменяет ее на беззлобный, искристый юмор, когда касается отживших свой век предрассудков, консервативных традиций и нравов. Искусно используя приемы устного народного творчества, он остроумно высмеивает невежество и отсталость их пелёных посетителей, утверждает преимущества новых обычаев. Таковы его лучшие юмористические произведения: «Жалоба на лихорадку», «Грязь», «Конь», «Я — безбородый», «Мой ахун», «Описание коня телеграфиста Таджи» и другие. В своих юмористических стихах, так же как и в сатире, Мукими очень близок к народу, говорит его языком.

Особенно ярко и полнозвучно раскрылась народная сущность поэзии Мукими в лирике. Как очень немногие его современники, он умел в глубоко задушевных, проникновенных стихах выразить думы и чувства народа. Прядельно искренняя, психологически тонкая, его лирика созвучна устной народной поэзии. Подаром многие лирические стихи Мукими, такие как «Меся найдете вы», «Моя судьба», «Ранняя весна», «Я далеко», «Твои глаза», «Пусть тюльпан не увянет», «Я позабыл», «Моя красавица», настолько прочно, органично вошли в мир духовной культуры узбека, что вот уже несколько десятилетий передаются и распеваются как народные песни.

Лирика Мукими глубоко эмоциональна. В его газелях и строфических стихотворениях с большим художественным мастерством изображаются душевные переживания людей, вся сложность их отношений. Поэт воспевает верность в дружбе и высокую самоотверженность в любви, преданность родине, стремление к высоким идеалам добра, красоты и справедливости. Лирический герой Мукими глубоко человечен. Ему доступна вся гамма человеческих чувств. Он способен предаваться сожалениям и грусти, испытывать светлую радость, восторгаться весеннему обновлению природы. Лирический герой Мукими жизнелюбив и потому отрицает все мрачное, злобное, несправедливое в человеке и в обществе. Он осуждает социальное неравенство, которое разделяет людей, утверждает человеческое достоинство и права бедняка.

До конца своих дней, до самых последних стихов остался верен поэт трудовому народу, остался непримиримым врагом его угнетателей. Афористически емко он выразил свое жизненное и творческое кредо в стихотворной строке: «Пусть хоть меч опустится на мою голову, я все равно буду говорить правду!»

Вот уже несколько поколений узбекского народа свято хранят память о замечательном художнике-демократе. Его творческое наследие стало достоянием самых широких масс, школой высокой идейности и мастерства для узбекских советских писателей. Правдивый и честный, привязанный и проникновенный стих Мукими — наша национальная гордость, наше бессмертное духовное богатство.

АВАЗ ОТАР-ОГЛЫ

К 70-летию со дня рождения

Я верю, потомки покроют мою могилу цветами
И станет моя могила местом паломничества.

Аваз

Семьдесят лет прошло со дня рождения Аваза Отар-оглы. Он прожил всего тридцать пять лет. Короткая жизнь замечательного поэта была полна страданий и постоянных преследований. Однако ничто не могло сломить Аваза, заглушить его пламенный голос. Всю силу своего таланта посвятил Аваз служению народу. Его волнующие стихи, проникнутые пафосом свободолюбия, беспощадно разоблачавшие мерзости феодального строя, явились большим вкладом в демократическую узбекскую литературу. Аваз присоединил свой голос к голосу таких выдающихся узбекских поэтов, как Мукимп, Фуркат, Завки, занял в их ряду почетное место.

* * *

Во второй половине XIX века в общественно-политической и культурной жизни народов Средней Азии произошли большие перемены: Туркестан был присоединен к России. Это имело огромное прогрессивное значение для исторического развития, для будущего среднеазиатских народов. С этого времени начинается новая эпоха в их истории. В Среднюю Азию стала проникать самая передовая, самая революционная теория — учение марксизма-ленинизма. Народы Средней Азии получили такого друга и союзника в борьбе против всякого, в частности национально-колониального угнетения, как передовой, революционный русский пролетариат. Присоединение Средней Азии к России стало преградой для посягательства англо-американских империалистов и турецких националистов. Был положен конец феодальным усобицам и застою. Установление тесных связей с превосходившей Среднюю Азию в экономическом и культурном отношении Россией ускорило развитие производственных сил края, способствовало возникновению здесь капиталистических отношений.

Присоединение Туркестана к России оказало положи-

тельное влияние также и на культурное развитие средноазиатских народов, стимулировало появление в их литературе и искусстве новых, передовых, прогрессивных идей. Под влиянием русской науки и культуры в Узбекистане выросли такие представители прогрессивной интеллигенции, как Фуркат, Муким, Ахмад Дониш, Сабир, Камил, Аваз, Хамза Хаким-заде Ниязи.

В 1873 году Хивинское ханство стало вассалом Российской империи. В ханстве сохранился феодально-клерикальный строй, вследствие чего здесь, как и в Бухарском эмирате, социально-экономический и культурный рост происходил гораздо медленней, чем в других областях Узбекистана. Правившие в Хивинском ханстве во второй половине XIX — начале XX века Сейдмухаммедхан, Мухаммедрахимхан II, Исфандиярхан были типичными феодальными деспотами. Применяя средневековые методы угнетения и эксплуатации трудящихся, они душили культурное развитие народа.

Однако присоединение Узбекистана к России не могло не отразиться и на развитии экономики и культуры Хорезма. Оно активизировало освободительное движение трудящихся ханства. Значительно оживилась внутренняя и внешняя торговля. В городах появились хлопкоочистительные и маслобойные заводы, открылись русско-туземные школы, почтово-телеграфные отделения, аптеки, больницы. Зарождавшийся хивинский пролетариат начал сотрудничать с передовым русским пролетариатом.

Феодальный деспотизм в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате удержался вплоть до 1920 года, до времени революционного восстания, которое смело хана, эмира и их приспешников и установило в этих краях Советскую власть. В феврале 1920 года 800 тысяч узбеков, таджиков, туркмен, казахов и каракалпаков при братской помощи великого русского народа завоевали свободу. В том же году был создан Всехорезмский Народный курултай, объявивший Хорезм Народной республикой.

В этих исторических условиях жил и творил Аваз.

Аваз Отар-оглы родился в Хиве в 1884 году. Его отец Отарбобо был простым цирюльником, но принадлежал к передовым для своего времени людям, знал и любил литературу. Именно отец пробудил в Авазе живой интерес к науке и поэзии, внушил ему первые представления о правде, добре, справедливости.

Первые систематические знания Аваз получил в медресе. Мальчик прекрасно успевал и, закончив медресе, по-

решил в медресе. Большую часть свободного времени Аваз посвящал самостоятельному образованию, прилежно изучал арабский и персидский языки, произведения классиков восточной литературы. Любимыми его писателями стали Навои и Физули, Фирдоуси и Джами. Уже к этому времени относятся первые опыты Аваза в поэзии. Однако ранние стихи его носят еще подражательный характер.

Популярность молодого поэта растет очень быстро и достигает ханского дворца. Вскоре Мухаммедрахимхан II решает привлечь молодого поэта в кружок придворных стихотворцев и превратить его в своего панегириста. Аваз получил приглашение явиться ко двору и был отдан в ученики к главному придворному поэту Табиби. Неискушенный в жизни, не ведавший еще о грязи и подлости дворцовой жизни, молодой поэт принял предложение хана. Однако заблуждения Аваза продолжались недолго. Вскоре юноша здраво и объективно разобрался в окружающей его обстановке и понял, что вино в царственных чашах пахнет кровью народа, что под парчовыми халатами хана и его прислешников бьются черные сердца насильников, что величественные минареты — это виселицы и темницы. За пределами дворца поэт видел разрушенные кибитки, бедность, нужду и голод, слышал жалобные стоны и возмущенные возгласы угнетенных дехкан и ремесленников. Все это вызвало резкую перемену во взглядах и настроении Аваза. Он посвящает свои стихи обличению социальной несправедливости, критике правящих феодальных кругов. Порвав со двором, избавившись от его влияния, поэт повел решительную борьбу и с феодально-придворной литературой.

В творчестве Аваза наступил новый период — период, когда поэт твердо встал в ряды представителей передовой, демократической узбекской литературы. Меняется характер его творчества, оно наполняется новым социальным содержанием.

Придворные были разъярены этой крутой переменой Аваза. Довосчики передавали хану каждое новое его стихотворение, клеветали на него. Аваз почувствовал, что ему грозит опасность, но и это не остановило его.

Летом 1909 года Аваз был обвинен в безбожии. Его призвали во дворец Мухаммедрахимхана и подвергли допросу. Разгневанный хан крикнул: «Палача!» Но вокруг дворца собралась большая толпа народа, и напуганные придворные сообщили хану о грозящей опасности. Мухам-

медрахимхан вынужден был отменить казнь. Аваз получил двести палочных ударов, после чего его объявили умалишенным, заковали в цепи и отправили на кладбище Бабаишан, что под Хивой. Закованный в цепи, поэт провел там несколько месяцев. Но и пытки не сломили Аваза. Он говорил: «Они могут объявить меня сумасшедшим, издеваться надо мной и наслаждаться, видя мои мучения, они могут даже убить меня, но пока я жив, я не выпущу из рук своего пламенно звучащего саза».

Вернувшись в город, поэт открыл цирюльню. Однако он не отказался от творчества и продолжал слагать правдивые, гневные стихи, призывавшие народ к борьбе за свои права и свободу. Он внимательно следил за событиями, происходившими в Хорезме, Туркестане, России. Ряды его друзей пополнились в эти годы живыми в Хорезме прогрессивно настроенными русскими поселенцами.

Творчество Аваза обогащается новой тематикой, новым содержанием. Обличение существовавших порядков, светлая вера в будущее, ненависть к эксплуататорам и искренняя любовь к трудовому народу, борьба против невежества и призыв к просвещению, неприятие мистики и прославление жизни стали ведущими мотивами его поэзии. Поэт не мог равнодушно взирать на бедствие трудового народа и решительно восставал против гнета и деспотизма феодального строя. Он заявлял устами своего лирического героя: «Не осталось в сердце у меня покоя, терпенья и выносливости».

Исфандияр — сын Мухаммедрахимхана, вступивший на престол после смерти родителя, своим невежеством и жестокостью превзошел даже отца. Угнетение и ограбление народа, зверские средневековые истязания невинных людей, оргии и распутство достигли при нем апогея. Число разоренных и обездоленных росло с каждым днем. Поэт глубоко скорбел, видя страдания народа.

О Аваз, как могу я не плакать от горя:

Ведь на голову бедняков обрушились тысячи зол и бед.

Но Аваз не ограничивался лишь скорбью и сочувствием. Он клеймил поработителей острой сатирой. Так появился цикл его замечательных стихотворений, объединенных общим заглавием «Такой-то». В этом цикле более десяти стихотворений, посвященных конкретным историческим лицам. В эпоху жестокой реакции он не мог назвать их имен, но и без того читатель узнавал, кто стоит за каж-

По имеющимся сведениям, Авазу принадлежит также острая сатира «Об ишанах». Несмотря на то, что эта сатира не нашла места в «диване» Аваза, она получила широкое распространение в народе. Старьики, с которыми мне приходилось встречаться, еще сохранили в памяти отдельные стихи из этого цикла. Вот они, эти строки:

У ишана желтый халат,
Он — товарищ вора, плут и мошенник.
Поглядите, какого цвета душа этого злого ханжы.
Этого ревущего господня осла!

Чтобы в условиях господства религиозной идеологии, когда духовенство являлось грозной политической силой, писать такие стихи, нужно было иметь огромное мужество. Это мужество придавали Авазу любовь к простому народу, мечты о свободной и счастливой жизни.

Поэт понимал, что современный ему общественный строй зиждется на присвоении эксплуататорами результатов чужого труда. Он писал: «Одни трудятся и сеют пальмы — другие пользуются ее плодами». Однако Аваз не был еще в состоянии найти правильный путь к изменению существовавшего строя.

Рост освободительного движения народов России и Туркестана способствовал усилению недовольства трудящихся Хорезма феодально-ханскими порядками. Эти сдвиги в настроениях масс не прошли мимо чуткого слуха поэта. Демократические мотивы звучат в его творчестве все ярче, отчетливей, громче.

Первая мировая война еще больше усугубила условия жизни трудящихся Хивинского ханства. В городах и кишлаках росла дороговизна, начался голод. Аваз понимал причину империалистической бойни и вместе со всем народом был настроен против войны. Эти настроения вызвали к жизни такое остросатирическое произведение поэта, как «Варвары». Со следующими огненными строками обращается Аваз к империалистическим хищникам:

Есть ли среди вас люди, издающие законы?
Вечю ли вы будете сосать кровь, о кровопийцы?
Разве вправе один человек решать судьбу миллионов?!

В 1915—1917 годах Аваз создает такие злободневные политические стихи, как «Народ», «Чиновникам», «Улемам», «Свобода», «Язык», «Школа». Эти произведения

родился под непосредственным влиянием народного освободительного движения, под совершенно очевидным воздействием передовой русской культуры. Теперь Аваз уже не довольствуется только критикой феодальных властителей и духовенства. От имени народа он предъявляет им обвинительный акт, предсказывает скорое крушение деспотизма. Он призывает народ к активному действию, к сопротивлению ханским властям.

Так, в стихотворении «Чиновникам» поэт объявляет феодальных властителей виновниками всех несчастий, невежества и темноты народа. Он продолжает и развивает эту мысль в стихотворении «Улемам». Обращаясь к улемам — представителям высшего мусульманского духовенства, поэт восклицает:

Какой жестокий фавитизм вы проявляете!
Вы отравляете жизнь угнетенного народа.
Один из вас стал казнем, другой — агламом или муфтием,
Но что за обычай вы насаждаете?..
Вы превратили нас в животных, несведущих в науку и знаниях,
Не указывая нам верного, истинного пути,
Вы превратили нас в узников, пребывающих в темноте
и невежестве.
Когда-нибудь люди проснутся и спросят, как Аваз:
Почему вы сравнивали народ с землей?

Теперь уже Аваз не ждет благоденствия от чиновников и улемов. Он хорошо понял, что их классовые интересы не совместимы с интересами трудового люда. Окрепла вера поэта в народ — движущую силу истории. Он ждет спасения не от угнетателей, а от самого народа.

Аваз Отар-оглы твердо верит в будущее. Стихотворение «Чиновникам», написанное в 1916 году, заканчивается следующими, полными пафоса, строками:

Я убежден, скоро наступит день свободы.
О Аваз, не останется навсегда солнце за тучами!

Однако, как я сказал уже выше, Аваз не знал истинного, революционного пути к освобождению народа. Аваз — поэт-просветитель. Под влиянием русской культуры его просветительские взгляды обогатились новым содержанием. Он создает ряд стихотворений, таких, как «Школа», «Язык», в которых горячо пропагандирует идеи просветительства, говорит о необходимости открывать школы, учить детей.

кам (по имеющимся сведениям, перед взбешенным полком поэта долго топтали ногами).

От этой пытки Аваз уже не оправился. Прикованный к постели, он продолжал внимательно следить за происходящими событиями, не порывал связей с друзьями.

Гром побед Октябрьской революции нашел живой отклик в Хорезме. Борьба трудившихся Хивинского ханства за свободу и переустройство всей общественной жизни приобрела революционный характер. Сердце большого поэта забило с новой силой. Он писал:

Стивуло пасилне, ди адраяствует в мире свобода!
Пусть объединятся люди и превратит землю в раб!
Рассеялся мрак гнета и притеснения, в мире стало светло,
Славце справедливости показало моему народу свои

лучезарный лик.

Ди адраяствуют братья-герои, любившие свободу!
Вы послужили освобождению угнетенного народа!

: С радостью приветствовал поэт Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Друзья, благоустройте теперь свое отечество,
Пусть явью светлой станет мечта людей сокровенная!
Аваз, благослови же год девятьсот семнадцатый.
В нем — песня будущего и радость в нем вдохновенная!

Однако Авазу не посчастливилось дожить до освобождения своих соотечественников, увидеть, как пад Хорезмом изовьется знамя революции. Летом 1919 года, всего за несколько месяцев до установления в Хорезме Советской власти, поэт умер.

Он умер, уверенный в победе, в том, что стихи его будут жить в сердце народа. «Жаль, что я уйду, не увидев хороших дней. Но придет время, когда мой дух, как живой, предстанет перед глазами народа. И народ почтительно скажет ему уваженье. Прощайте...»

Смерть Аваза была тяжелой утратой для народа, для всех просвещенных людей.

В феврале 1920 года Красная Армия навсегда освободила народ Хорезма от гнета и эксплуатации. Аваз не увидел счастливых дней своей родины, но их увидели его современники, его потомки. Народ Хорезма воссоединился с великой семьей советских народов.

Ныне Хорезм — одна из передовых областей Совет-

ского Узбекистана — маяка социализма на Востоке. Там создано социалистическое сельское хозяйство, мощная индустрия, передовая культура. Узбекский народ, рука об руку со всеми советскими народами, прошел славный путь борьбы и великих побед. Как и все советские люди, жители Хорезма трудятся и творят, внося свой вклад в дело построения коммунизма, в дело упрочения мира и дружбы народов.

Демократ, просветитель Аваз Отар-оглы цепен и дорог нам и поныне. Его пламенные стихи живут в наших сердцах, в наших книгах, в нашей жизни. Они помогают нам лучше представить себе темное прошлое, с еще большей силой полюбить наше прекрасное настоящее.

1954

ШИРЕ ДОРОГУ МОЛОДЫМ

В дни работы Второго всесоюзного съезда советских писателей мы с гордостью и радостью оглядываемся назад. Время летит: писателю, которому на Первом съезде было каких-нибудь тридцать, сегодня уже перевалило за пятьдесят. А иной мальчуган, в ту пору учившийся во втором классе, — ныне полный творческих сил тридцатилетний писатель.

За нашими плечами — целая эпоха: годы мирной довоенной жизни, Великая Отечественная война, дни и вочи пятой пятилетки — все, что отображено в самых разнообразных по жанру произведениях, которые, являясь как бы исторической летописью, вошли в золотой фонд советской литературы.

Ряды советских писателей растут день ото дня. В литературу пришло новое молодое пополнение, беззаветно преданное Коммунистической партии, народу, социалистической Родине.

Большая часть писателей моего возраста, вступив на литературное поприще, не имела высшего образования. В те годы наше Советское государство только распрямляло свои могучие плечи, наша страна только выходила из голода и разрухи, вызванных первой мировой войной, гражданской войной, басмачеством. Во всех областях общественной и административно-хозяйственной жизни испытывался острый недостаток в кадрах. Мало было у нас и писателей.

Сейчас, тридцать лет спустя, перечитывая созданное вами в те годы, мы улыбаемся сами: насколько низок был тогда уровень нашего мастерства! Но так как и уровень образованности читателей был не выше, наши писания назывались произведениями. Их читали да еще и похваливали: «Гляди, а ведь здорово написано!» Потому что даже в такой форме они по сути и духу своему отвечали насущным требованиям народа.

К настоящей зрелости писатели моего поколения прии-

ли через упорный труд, многолетнюю учебу, неустанное изучение жизни.

Время вступления на творческий путь нашей литературной молодежи совершенно иное: иная эпоха, иные люди. Теперь писателем может быть только человек высокой культуры, широко образованный, всесторонне грамотный. Если писатель пишет о рабочем классе, он должен обладать знаниями инженеров или мастеров, если темой его произведения является жизнь колхозного села — он должен иметь опыт и знания агронома, если он пишет об интеллигенции — знания кандидатов и докторов наук.

Все это не означает, конечно, что только человек, обладающий высшим образованием, может сегодня стать писателем. Есть у нас, к сожалению, и такие писатели, которые в свое время закончили высшее учебное заведение, но затем отстали от жизни, удалились на покой, запылись сочинением «произведений», способных взволновать и порадовать лишь самого литератора да его жену. Однако в наше время трудно представить себе, как можно стать писателем, не усвоив определенного круга званий, высших достижений современной науки, не изучив до самых глубин марксистско-ленинской теории.

Знания писателя должны быть тесно связаны с повседневной жизнью. Он обязан быть осведомленным обо всем. Он должен пристально всматриваться в людей и изучать их, потому что, не изучив людские характеры, писать о них невозможно.

В те времена, когда мы брались за перо, еще только-только начиналась земельно-водная реформа, предпринимались первые атаки на паранджу, открывались курсы ликбеза.

Теперь, когда на творческий путь вступает литературная молодежь, Узбекистан превратился в мощную индустриально-аграрную республику, в край изобилия, в страну «белого золота».

Прошло время произведений, направленных против вертепа, чигирика и паранджи, написанных при чиряке или керосиновой лампе. Новые произведения, посвященные передовикам текстильного комбината, металлургам Бекабада или шахтерам Анграна, создаются при свете Фархадской ГЭС, они отражают все самое передовое, чего достиг Узбекистан, идут в ногу с узбекским народом, который в единой шеренге всех братских народов, населяющих Советский Союз, уверенно приближается к коммунизму.

За востекшие тридцать лет ряды узбекских советских

писателей пополнились десятками талантливых, трудолюбивых молодых прозаиков, поэтов, драматургов, своими произведениями обогативших нашу литературу, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Образцами для их творческого роста были и будут лучшие произведения русской классической и советской литературы, произведения писателей братских республик, высшие достижения узбекской классической литературы и фольклора.

Узбекской советской литературой достигнуты немалые успехи. Они наглядно были продемонстрированы во время Декады узбекской литературы и искусства, проходившей зимой 1951 года в столице нашей любимой Родины — краснойзвездной Москве. Были представлены на декаде и молодые писатели.

Все это хорошо, и если судить только по внешней стороне явлений, то, пожалуй, можно бы быть спокойным. В действительности же, если подходить к этому вопросу серьезно, поводов для успокоенности весьма немного.

Жизнь течет, писатели стареют, но в наше время никто не имеет права в пятьдесят пять лет заявить: мол, я уже стар, устал — и устранился от дел. Для творческого работника это возраст самый производительный. Это годы богатого жизненного опыта и зрелого мастерства. Обратиться ли к западной, великой русской литературе или к литературам Востока, всюду можно заметить: большинство писателей создавали свои лучшие, ставшие известными всему миру произведения именно в этом возрасте — и сорок — пятьдесят, пятьдесят — шестьдесят лет. Иными словами, от литераторов, которых теперь называют писателями старшего поколения, мы вправе ждать совершенных, достойных нашего народа, нашей Родины зрелых произведений. Часть узбекских писателей, такие, как Лйбек, Уйгуц, Сабир Абдулла, Назир Сафаров, Камиль Яшиц, Абдулла Каххар и другие, не сегодня-завтра достигнут пятидесятилетнего возраста. Они создавали и будут создавать крупные полнокровные произведения, отмеченные печатью высокого мастерства.

Все это так, но что же будет через десять-пятнадцать лет? Хочешь не хочешь, а все мы стареем. Есть ли у нас молодежь, которая шла бы за ними, по их следам? Есть ли у них ученики, которые по уровню своего творчества, по своим знаниям смогли бы удовлетворить растущие день ото дня требования народа?

Таких людей у нас есть, но их очень мало. Кроме того, помощь, которую мы им оказываем в творческом росте, в овладении секретами художественного мастерства, папу воспитательную и направляющую работу признать удовлетворительной никак невозможно. Ни Союз писателей Узбекистана, ни наши редакции, ни отдельные писатели старшего поколения не проявляют о молодых должной заботы. Союз писателей ограничивается совы-вом раз или два раза в год совещаний, передоверяя всю работу литконсультантам. Прежде в Союзе было три консультанта, которые консультировали, не выходя за стены своего кабинета. В результате их консультационной деятельности, довольно продолжительной по времени, у нас не появилось ни одного произведения молодых, заслуживающего серьезного внимания. Сейчас штат консультантов вырос до шести человек. Хочется верить, что новые консультанты не будут следовать опыту своих предшественников. Кстати сказать: если до сих пор Союз и оказывал какую-то помощь, то лишь молодым писателям Ташкента, да и то только тем, кто сам добивался этого. Молодых же писателей, живущих в областях, а тем более в районах знают очень мало. Что они делают, над чем работают — консультанты и не догадываются. Никто как следует не знает, какие молодые писатели группируются, например, вокруг Узбекского государственного университета в Самарканде, вокруг учительского института в газете в Андижане, вокруг пединститута и газеты в Фергане, кто есть в Хорезме и других местах, что они пишут, выйдут ли этих молодых людей настоящие писатели или нет. Не ведут воспитательной работы с молодыми писателями и те печатные органы, которые непосредственно призваны этим заниматься. — «Еш ленинчи», «Комсомолец Узбекистана», «Ленин учқупи». Нельзя же серьезно принимать в расчет полукритические, полухвалебные, полубоаборные статьи, время от времени появляющиеся на их страницах.

Известно, что молодые писатели в первую очередь посылают свои произведения именно в газеты и журналы. Они с нетерпением ждут, когда их первый труд появится в печати. Все мы прошли через это и по себе знаем, как гордится, как радуется автор, увидев напечатанным свое произведение. Конечно, не все, присланное в редакции, это произведения законченные, полнокрпные, художественные. И не все, конечно, что присылают, печатается. Однако со всеми авторами, даже с теми, про-

извещения которых не были напечатаны, надо работать. Надо подробно сообщить причины, по которым их произведения не были использованы, приводить убедительные доводы. На деле же сплошь и рядом литературные сотрудники редакций, приванные давать обстоятельные ответы, отделяются однообразными трафаретными справками-отписками. Отчего это происходит: оттого ли, что произведений в редакции приходит много, оттого ли, что для обстоятельного разговора требуется много времени, оттого ли, что иногда отвечающий по уровню своего развития стоит ниже спрашивающего — сказать трудно. Да это и не важно. Важно другое: подобный стиль работы не способствует выращиванию и воспитанию молодых писателей. Бывает и так, по пословице: один котел на сорок сороков — собирается за какое-то время два-три десятка произведений и пишется общая обзорная статья. Надо ли говорить о том, что авторы большинства таких статей ограничиваются лишь перечислением имен молодых литераторов и названий их произведений? В подобных статьях, как правило, отсутствует разбор мастерства, обстоятельные и конкретные творческие советы. К сожалению, почти такое же отношение к молодым существует не только в молодежных редакциях, но и в редакциях областных и республиканских партийных газет.

Совсем непрочно и непостоянны у нас связи опытных писателей старшего поколения с молодыми литераторами. Слаба воспитательная работа, нет передачи творческого опыта. Мне ни разу не приходилось слышать от своих соратников по перу такого радостного сообщения: «Я воспитываю такого-то молодого прозаика» или «Такой-то молодой поэт — мой ученик». Если в этом упреке я несправедлив к своим товарищам и соратникам, пусть они опровергнут меня и перечислят свои заслуги.

В большинстве случаев мы даже не отвечаем на письма молодых. Правда, особенно часто пишут нам юные поклонники литературы — ученики пятых — восьмых классов, и не всегда следует отвечать на все такие письма, давать консультации по всем «произведениям», потому что какой-нибудь корреспондент может и возгордиться: «Я, мол, переписываюсь с таким-то писателем, да и сам я стал уже порядным художником», — и, забросив учебу, всеми своими помыслами обратиться к стихотворству. Но может случиться и так, что среди подобных авторов попадается по-настоящему способный и

талантливый человек, который в будущем принесет несомненную пользу нашей литературе. Замечать и поддерживать его — наша прямая задача.

Короче: писатели старшего поколения мало занимаются творчеством молодых, их воспитанием и профессиональным обучением. А значит, мы должны серьезней подумать над своей ролью учителей и воспитателей. Было бы хорошо, если бы в дальнейшем связи с молодыми писателями осуществлялись не только в форме совещаний, но и, к примеру, семинаров, личных, индивидуальных консультаций, совместных чтот и диспутов. Следовало бы почаще организовывать обсуждения, посвященные творчеству того или иного писателя, выступления писателей старшего поколения с рассказами об их творческом пути, лекции и собеседования литературоведов и критиков по различным вопросам литературы. Союз писателей должен уже в самое ближайшее время разработать совместно с редакциями газет и журналов план и формы воспитательной работы с молодыми писателями. Было бы хорошо, если бы такого рода воспитательные мероприятия были осуществлены не только в Ташкенте, но и во всех областях и во многих районах республики. Ведущие писатели должны чаще ездить туда, читать лекции, организовывать литературные вечера, делиться своим опытом.

Неустанное внимание к молодым, повседневная горьковская забота о литературных кадрах, отеческое выращивание литературной смены — наша почетная задача, задача, выполнение которой доверили нам, писателям старшего поколения, Коммунистическая партия, Народ, Родина.

1954

НЕРАЗРЫВНАЯ ДРУЖБА

В нашем могучем Союзе Советских Социалистических Республик все советские народы живут в нерушимой братской семье.

Белорусский народ благодаря неустанным заботам Коммунистической партии и Советского правительства, братской помощи великого русского народа за годы Советской власти добился небывалых успехов во всех областях экономического и культурного строительства.

Счастливному узбекскому народу, как и всем народам Советского Союза, близки и дороги исторические победы братского белорусского народа. Несмотря на тысячи километров, лежащих между Советской Белоруссией и Советским Узбекистаном, сердца этих двух братских народов бьются в одном ритме.

Беспрерывно растут и крепнут экономические и культурные связи между Белоруссией и Узбекистаном, как и между другими братскими советскими республиками. Из хлопка и шелка, которые дает узбекский народ, сотканы добротные ткани для одежды белорусских друзей.

Мы радуемся тому, что белорусский народ успешно ликвидирует последствия фашистского нашествия. Мы сердечно радуемся тому, что белорусская столица — город Минск стал после восстановления еще больше, еще чудесней, таким же прекрасным, как столицы союзных республик — Киев, Баку, Ташкент.

Тракторы и автомобили огромной грузоподъемности, которые изготавливаются на минских заводах, идут в Узбекистан и служат делу строительства коммунизма в нашей республике.

В годы Великой Отечественной войны особенно окрепла дружба и братство белорусского и узбекского народов. Узбекские воины вместе с бойцами русского и других народов нашей страны обороняли и освобождали от прага белорусскую землю. Эвакуированным белорусам узбекский народ дал братский приют. В эти грозные

годы, как у себя на родине, жили в Узбекистане белорусские писатели, и среди них один из старейших советской литературы Якуб Колас.

Произведения белорусских писателей переведены и многократно издавались на узбекском языке.

Выполняя задачи, поставленные партией и правительством перед советской литературой, узбекские писатели стремятся как можно больше и лучше переводить произведения художественной литературы братских народов, в том числе и белорусского народа.

Пусть крепнет и расцветает нерушимая братская дружба между белорусским и узбекским народами, их культурами, национальными по форме, социалистическими по содержанию! Пусть растет и крепнет братское сотрудничество писателей Советской Белоруссии и Советского Узбекистана!

1954

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Вышел в свет капитальный труд — монография действительного члена Академии наук Узбекской ССР профессора Т. Н. Кары-Ниязова «Очерки истории культуры Советского Узбекистана», издаваемая Академией наук Союза ССР и Академией наук Узбекской ССР.

В своей монографии Т. Н. Кары-Ниязов с марксистских позиций глубоко проанализировал исторический путь, пройденный узбекским народом под руководством Коммунистической партии, при братской помощи великого русского народа, рассказал об огромных всемирно-исторических успехах Советского Узбекистана во всех сферах политической, экономической и культурной жизни.

Замечательный сын узбекского народа, коммунист Т. Н. Кары-Ниязов на своем личном жизненном опыте познал все величие этого исторического подвига, давшего ему, как и многим другим ученым Узбекистана, путевку в жизнь, подвигавшего его до вершин современной науки.

Характерная особенность монографии — партийность авторской позиции, зиждущаяся на прочном фундаменте марксистской методологии, патриотическая гордость за огромные достижения узбекского народа, добытые в упорной, кровавой борьбе с буржуазными националистами, пантюркистами, панисламистами и другими прагами народа.

В монографии ярко показаны успехи трудящихся Советского Узбекистана, их вклад в решение общегосударственных, общесоюзных задач. Шаг за шагом автор проследил могучий подъем народного хозяйства и бурный расцвет социалистической культуры Узбекистана, историю борьбы за укрепление дружбы народов советской страны, за торжество пролетарского интернационализма, за становление могущества нашего государства — оплота мира и международного сотрудничества.

В первой части своего труда автор на широком исто-

рическом фоне отображал, как в человеческой ожесточенной борьбе против иноземных и местных угнетателей зарождалась дружба народов Средней Азии. Ярко, четко, рельефно Т. Н. Кары-Ниязов освещает смену нескольких общественно-экономических формаций, показывает величие и самобытность узбекской культуры, давшей миру таких выдающихся ученых и художников, как Беруши, Улугбек, Навои и других, внесших неоценимый вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Особый интерес представляет глава II — «Прогрессивное значение присоединения Туркестана к России», в которой автор рисует яркую картину зарождения исторических связей между русским народом и народами Средней Азии. На основе огромного фактического материала ученый всесторонне освещает, что значило для народов отсталого края присоединение к передовой, прогрессивной России. Вместе с тем автор показывает борьбу феодально-клерикальной реакции за сохранение патриархально-феодальных отношений в Туркестане, за незыблемость догматов ислама — этого символа мракобесия, помогавшего правящей клике держать народ в повиновении. Здесь исследователь исключительно удачно использует литературные произведения выдающихся узбекских писателей-демократов Муками, Фурката и других, что значительно повышает читательский интерес к книге.

Вторая часть монографии посвящена рассмотрению истории строительства социалистической культуры в Узбекистане. Теоретические положения, четко и емко сформулированные автором, подкрепляются живыми картинами прошлого, документами и фактами, почерпнутыми из архивов, из личных воспоминаний исследователя. Эти непосредственные, личные свидетельства очевидца и участника культурной революции в Узбекистане придают монографии особую достоверность и убедительность. Через всю книгу красной нитью проходит мысль о решающем значении партийного руководства в строительстве национальной по форме, социалистической по содержанию узбекской культуры.

С глубоким волнением читаешь строки о совместной работе автора монографии с замечательным сыном узбекского народа, основоположником узбекской советской литературы в театре Хамзой Хаким-заде Ниязи. Перед мысленным взором открывается картина огромной впечатляющей силы — картина пробуждения задавленных

феодализмом народных талантов, раскрытия творческих сил трудящихся масс.

В главе «Высшая школа» особо подчеркнута роль Среднеазиатского государственного университета — этой кузницы национальных научных кадров. Знаменитый Декрет В. И. Ленина об организации Туркестанского государственного университета, посылка группы видных русских ученых и оборудования для университета в Ташкенте, организация Узбекского филиала Академии наук, а затем Академии наук Узбекской ССР навсегда останутся в истории Узбекистана памятниками торжества национальной политики нашей партии, несущей народам Востока немеркнущий свет ленинизма.

С глубокой научной основательностью и душевной теплотой повествует Т. Н. Кары-Ниязов о расцвете литературы и искусства Советского Узбекистана, о том, как складывались и развивались здесь творческие принципы социалистического реализма. Как мне представляется, этот раздел монографии, будучи расширенным и дополненным новыми материалами, мог бы составить отдельный, весьма полезный и необходимый научный труд. Что же касается монографии в целом, монографии, посвященной изучению истории культуры Советского Узбекистана, то она и сама, по моему убеждению, представляет собой ценный вклад в эту культуру. Так же как и ранее опубликованная и удостоенная Государственной премии СССР работа Т. Н. Кары-Ниязова о Самаркандской астрономической школе Улугбека.

Нет сомнения в том, что новый труд академика будет с большим интересом встречен и советским читателем, и за рубежом, что он явится еще одним ярким свидетельством мудрости и величия национальной политики нашей партии.

1956

АЙБЕК КАК УЧЕНЫЙ-ЛИТЕРАТУРОВЕД

Заслуги Мусы Ташмухамедовича Айбека в развитии узбекского советского литературоведения настолько велики и значительны, что уже сегодня должны стать предметом особого рассмотрения. В то же время, говори о нем как о широко эрудированном, творчески мыслящем ученом, нельзя абстрагироваться от того огромного вклада, который он внес в развитие самой литературы — ее идейного возмужания, расширения ее жанровых форм, развития и обогащения выразительных средств.

Муса Ташмухамедович Айбек занимает видное место среди поэтов Узбекистана. Им успешно и плодотворно разрабатываются не только малые формы, но уже в течение нескольких десятилетий создаются крупные поэтические полотна, в которых художественно исследуются важнейшие проблемы жизни республики, изменения, происходящие в сознании человека. Поэмы Айбека строго сюжетны, отмечены глубоким реализмом в изображении фактов и процессов действительности, глубоким и тонким психологизмом.

Еще более велико значение Айбека в становлении узбекской прозы. С его именем и творческой деятельностью самым непосредственным образом связано развитие такого важного прозаического жанра, как роман.

Тематика романов Айбека необычайно широка и разнообразна. В них нашли отражение и события пяти-сотлетней давности, и период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революцией, и современная жизнь Советского Узбекистана.

Второй всесоюзный съезд писателей подчеркнул значение национальной формы для литературы и искусства социалистического реализма. Романы Айбека, социалистические по содержанию, глубоко и органически национальны по своей форме. Автор раскрывает специфику узбекского национального характера, ярко обрисовывает эпоху, в которой она появляется. Более того, он пока-

зывает, как в процессе исторического развития национальный характер изменяется, обогащается новыми чертами и свойствами, и в этом, безусловно, одна из больших заслуг Айбека-художника.

Романы Айбека вскрывают философский смысл и социальную сущность изображаемой эпохи. Им присуща подлинная историчность, писатель рассматривает события современной жизни не обособленно от прошлого и будущего, но в широкой временной перспективе, в их генезисе, что придает объекту изображения особую глубину и смысловую объемность.

Айбеку принадлежит заслуга введения в узбекскую литературу нового для нее жанра исторического романа. Созданный им роман «Навои», роман, удостоенный Государственной премии СССР, раскрывает одну из ярких страниц истории узбекского народа. Используя богатый творческий опыт советской исторической романистики, таких мастеров этого жанра, как А. Н. Толстой и других, Айбек рисует образ Навои на широком фоне общественной жизни того времени. В полном соответствии с марксистско-ленинским пониманием роли личности в истории показана деятельность Навои в эпоху ожесточенных феодальных раздоров и острой классовой борьбы.

Талант большого художника и ученого-исследователя тесно переплелись в работе над этим романом. Реалистически изобразив эпоху, создав яркие художественные образы, Айбек рисует эпическое полотно, имеющее и эстетическое, и философское, и познавательное значение. Он верно и многосторонне раскрыл образ Навои не только как поэта и человека, но и как общественного деятеля, большого мыслителя, сумел дать верную оценку общественным силам, действовавшим в ту эпоху. Все это стало возможным только в результате тщательного изучения документов, исторических источников, относящихся к XV веку. По крупицам, по отдельным деталям и фактам, почерпнутым из архивов, писатель сумел во всей достоверности воссоздать ряд исторических личностей, во всей полноте восстановить картины быта как придворных кругов, так и простого народа.

Но деятельность Айбека, как уже было отмечено, не ограничивается созданием художественных произведений. Много сил и времени он отдает развитию узбекской литературоведческой науки.

Как и в области художественного творчества, деятельность Айбека-исследователя отличается большой

многогранностью. Он прекрасный эпаток истории узбекской и таджикской классических литератур, советской литературы Узбекистана. Его перу принадлежит около тридцати ценных статей и трудов по различным разделам литературоведения.

Историческое Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» оказало огромное влияние на развитие советской литературы. Советские писатели, сплотившись вокруг знамени социалистического реализма, еще последовательней повели борьбу против враждебных течений в литературе. Одним из самых активных проводников политики партии в узбекской советской литературе стал Айбек.

В 1933 году была опубликована статья Айбека «За социалистическую лирику», которая наряду со статьями Хамида Алимджана и Уйгуна «На пути к овладению социалистическим реализмом», Хамида Алимджана «Меньшевики под маской марксизма» и другими сыграла важную роль в борьбе против буржуазных теорий в литературе. В своей статье, опираясь на марксистско-ленинское учение, Айбек определяет многие идейно-художественные особенности новой, социалистической лирики. Борясь за высокую идейность лирики, не забывая о ее художественных качествах, автор призывает узбекских советских поэтов идти в ногу с жизнью, идти по пути выдающегося советского поэта Владимира Маяковского, а не следовать за символистами, декадентами, служащими интересам буржуазии. Айбек беспощадно разоблачает идеалистическую сущность враждебных нам взглядов на лирику. Он справедливо подчеркивает громадную роль ее в жизни нашего общества. Вот что писал об этом Айбек больше двадцати лет назад:

«В изменении психики и чувств человека лирика может сыграть большую роль. Велика сила художественного воздействия лирики на людей. Она способна своими средствами и своим языком воспеть величие и красоту нашей эпохи, проникновенно и задушевно выразить самые глубокие мысли, чувства и настроения современника. Ее эмоциональное воздействие на читателя или слушателя необычайно сильно — иногда какое-нибудь коротенькое стихотворение может подействовать на человека куда более остро, чем даже длинный роман или многостраничная повесть.

Лирические произведения близки пародным массам,

они доходчивы. Четкий ритм, музыкальность и мелодичность лирических стихов позволяют сотням, тысячам людей распевать их как песни... Характерно, что и в фольклоре лирика занимает большое и важное место. Вот почему мы вправе сказать: тонкая задушевная лирика может, нет, не может — должна стать мощным оружием в нашей борьбе против пламенных чувств и инстинктов, доставшихся нам в наследство от прошлого. Но для выполнения этой высокой миссии необходимо, чтобы лирический поэт встал вровень с эпохой, овладел пролетарским мировоззрением, чтобы как самые сокровенные личные чувства его волновали события нашей общественной жизни».

Айбек верно и глубоко оценил поэтическое творчество Хамида Алимджана, Уйгуна, Хасана Пулата, Айдыл, которые прочно стояли на советских позициях и плодотворно трудились над повышением идейно-художественного уровня своих произведений.

Статья Айбека, написанная на высоком теоретическом уровне, сыграла большую положительную роль в развитии узбекской советской поэзии.

Не менее важное значение имела обзорная статья Айбека «Узбекская поэзия последних лет», напечатанная в 1935 году в газете «Кызыл Узбекистан». В этой статье Айбек тщательно проанализировал успехи и недостатки узбекской поэзии того периода, сделал существенные замечания в адрес ряда поэтов, обратил особое внимание на необходимость повышения их поэтического мастерства.

Статьи Айбека отличались глубиной мысли, точностью формулировок, ясной партийной целенаправленностью. Они неизменно решали вопросы актуальные, животрепещущие. Еще одним ярким подтверждением этого может служить статья «Откроем огонь против безграмотности и террора в области критики», напечатанная в 1933 году в журнале «Китоб ва инқилоб». В этой статье Айбек дает решительный отпор вульгарно-социологическим нападениям профессора А. Саади на честных советских поэтов, таких, как Хамид Алимджан, пламенные патристические стихи которого уже в то время пользовались огромной любовью читателей. Айбек критикует не только ошибки А. Саади, но принципиально рассматривает некоторые грубые заблуждения литературной критики того времени. Тем самым он помог оградить от враждебных нападок ряд талантливых уз-

бекских советских поэтов. Со временем эти поэты стали признанными мастерами нашей литературы.

В статье «Язык узбекской поэзии», напечатанной в газете «Кызыл Узбекистан» в июне 1934 года, Айбек одним из первых затрагивает вопросы языка. Опираясь на известные высказывания М. Горького о языке художественной литературы, он смело выступает против вульгаризаторских тенденций в оценке узбекской советской поэзии — с одной стороны, резко критикует недостатки языка поэтических произведений и молодых, и опытных уже в то время поэтов, с другой стороны.

В названной статье Айбек совершенно справедливо указывает на роль писателей в развитии языка вообще, литературного языка в особенности. Если язык художественного произведения недостаточно отшлифован, страдает искусственностью, неточен и невыразителен, то это произведение — считает исследователь — ни в коей мере не может удовлетворить запросов общества, не будет пользоваться любовью читателей.

Айбек борется за чистоту узбекского литературного языка, за обогащение его словарного фонда теми словами и понятиями, которые широко употребляются в народе и освоены им. Он тесно связывает понятие художественности произведения с вопросами языка.

В своей статье Айбек подвергает резкой критике также и тех, кто пытается объявить формалистами писателей, требовательно относящихся к языку своих произведений. Время полностью подтвердило справедливость этих высказываний Айбека. Ибо произведения, написанные серым, стертым, невыразительным языком, давно уже забыты народом, и напротив: сочный, емкий, точный язык гарантировал лучшим книгам тех лет долгую жизнь и неизменный читательский интерес.

Статья Айбека «Язык узбекской поэзии», напечатанная свыше 20 лет назад, во многих главных положениях не утратила своего значения и сегодня. Потому что и сегодня кое-кто из наших писателей еще не проник сознанием важности и значительности языка, этой основопоисковой художественной литературы.

Весьма актуальной была и статья Айбека «Несколько слов о философских терминах», написанная в 1937 году. Автор ставит вопрос о развитии терминологии не только в философии, но и в других областях науки и резко критикует недостатки и ошибки, существовавшие здесь в тот период. Он считает необходимым при уста-

новлении терминов прежде всего опираться на богатства живой речи народа и не прибегать к искусственному конструированию слов, к арабизмам, чуждым духу узбекского языка.

Много внимания уделял и уделяет Айбек разработке проблем классического наследия.

В статье «Социальные типы в произведениях Мукими» Айбек вскрывает значение творчества великого сатирика для истории узбекской литературы. Стремление Мукими отображать явления реальной жизни, их социальную сущность расценивается критиком как одна из наиболее важных сторон его поэзии. По справедливому наблюдению Айбека, главная заслуга Мукими — создание реалистической галереи социальных типов той эпохи.

Айбек подчеркивал, что Мукими в своем поэтическом творчестве выражал интересы трудового народа, хотя историческая ограниченность взглядов не давала ему возможности постигнуть истинные пути избавления трудящихся масс от гнета и тирании баев, чиповников, духовенства.

Для Айбека характерен исторический подход к явлениям литературы. Ему чужда позиция идеализации тех или иных периодов или отдельных представителей истории и литературы прошлого. В своих статьях он последовательно борется против такой идеализации, встречающейся порой у некоторых историков и литературоведов (см., например, статью Айбека «Узбекская литература на подъеме» — «Звезда Востока», 1947 г., № 8).

Яснее и полнее всего особенности Айбека как исследователя проявились в изучении наследия величайшего узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Навои, его эпохе, его философским и эстетическим взглядам, его творчеству посвящено несколько статей и трудов Айбека: «Литературное наследие Навои» («Звезда Востока», 1948 г., № 4), «Улуг мутафаккирининг ҳаёти ва вжод йўли» («Кзыл Узбекистон», 1948 г., апрель) и др. Наиболее значительная из них — статья «Мир идей Навои», написанная в соавторстве с профессором А. И. Дейчем и помещенная в юбилейном сборнике «Великий узбекский поэт», вышедшем под редакцией Айбека.

Как отмечают авторы этой интересной статьи, бессмертие творений Алишера Навои объясняется прежде всего тем гуманизмом, глубокой демократичностью, которыми пронизаны все его стихи и поэмы, философские и

политические трактаты. Но, конечно, не только это. Другая столь же принципиальная причина всеобщего признания художественного творчества Навои по справедливому заключению Айбека в Дейча заключается в том, что великий поэт и мыслитель плодотворно и творчески использовал все то истинно ценное, что было создано восточной поэзией до него. Бессмертные шедевры Навои не могли родиться на пустом месте. Они стали логическим продолжением и творческим развитием лучших традиций таких поэтов-предшественников, как Хорезми, Дурбек, Атаи, Лютфи. Вывод, с которым нельзя не согласиться.

Методологически верный подход к изучаемому явлению позволил авторам статьи глубоко вскрыть значение просветительских идей Навои, подчеркнуть их прогрессивность для своей эпохи. Так, например, политический идеал Навои — просвещенная монархия рассматривается как идеал для своего времени прогрессивный, хотя в основе своей и утопичный.

Особо отмечают авторы значение женских образов в творчестве Навои. Для эпохи, когда весь мир женщины ограничивался тесными стенами дома, было необычайной смелостью показать женщину не рабой мужа-господина, а самостоятельной личностью, не уступающей мужчине ни в силе разума, ни в обширности знаний, ни в способности к высоким человеческим чувствованиям. Такое раскрытие женских образов стоит в единой цепи стройной системы гуманистических воззрений Навои.

В работе содержится научный анализ художественных образов поэм Навои, вскрывается вся глубина мысли и красота формы, в которой она выражена.

Говоря о том, что Навои представляет собой целый этап в развитии узбекской литературы, что он на много веков определил тенденции этого развития, авторы ни в какой мере не затупевают тех идей Навои, которые свидетельствуют об исторической ограниченности его мировоззрения. Так, в работе отмечается наличие в философских взглядах великого мыслителя религиозно-мистического элемента, некоторой доли пессимизма.

Почти во всех работах Айбека о Навои подчеркивается, что вопрос об отношении к народу являлся для великого мыслителя и художника центральным, определяющим. Все остальные вопросы решались им в зависимости

от этого главного, краеугольного. Даже литература и искусство рассматривались Навои как средство пропаганды в пареде передовых идей своего века.

Глубокое раскрытие миропонимания Навои в цикле трудов и статей Айбека особенно ценно, так как эта проблема до настоящего времени в нашей науке еще не была освещена с достаточной полнотой.

Несомненно, работы Айбека по исследованию творчества и изучению научной и политической деятельности Навои явились добрым подспорьем для реалистического изображения исторических событий в одном из лучших его романов — «Навои».

Большой научный интерес и популяризаторскую ценность представляет предисловие, написанное Айбеком к «Антологии узбекской поэзии». Здесь в кратком, сжатом виде дана целостная картина развития узбекской литературы и устного народного творчества с древнейших времен до сегодняшних дней. Конечно, не все в этом предисловии бесспорно. Нельзя, например, согласиться с той оценкой, которую автор дает творчеству Ахмада Яссави и других поэтов прошлого. Исследователь непроизвольно делает уступку ошибочной и ложной теории единого потока, о чем уже много говорилось в нашей печати. Но в целом и главным предисловие Айбека дает читателю верные ориентиры, раскрывает перед ним основные тенденции и направления развития узбекской литературы.

Большое внимание уделяет Айбек разработке проблем современной узбекской литературы. В своих статьях и исследованиях он призывает узбекских писателей создавать произведения на современные темы, быть ближе к жизни народа, неустанно овладевать методом социалистического реализма, совершенствовать свое художественное мастерство. На конкретных примерах он доказывает, что для полноценного и правдивого изображения современности необходимо отказаться от устаревших форм и методов восточной поэтики, от приемов декларативности, лозуговости, абстрактности. Неоценимую помощь в преодолении этих недостатков может оказать узбекским писателям русская классическая и советская литература, к изучению творческого опыта которой Айбек призывает в каждой своей статье.

Какой бы эстетической проблемы ни касался исследователь, он неизменно приходит к общему выводу: писателю надо глубже и всесторонне изучать действитель-

пость и ее героев — тружеников социалистического хозяйства, создавать развернуто художественные образы. Об этом он пишет и в статьях «Шепсетаемый источник» «Узбекская литература на подъеме», опубликованных в 1947 году в посвященных произведением узбекских литераторов на колхозную тему. Айбек указывает на быстрый рост сельского хозяйства советской страны, на изменение в облике наших сел в вместе с тем на досадное отставание пашей литературы в изображении колхозной действительности. Автор подвергает критическому анализу произведения Ш. Сагдуллы, Тураба Тулы, С. Абдуллы, М. Мухамедова, в которых жизнь и борьба тружеников социалистического кишлака изображены переалистично, слащаво, бесконфликтно. Он призывает соратников по перу повышать свое мастерство, не отставать от жизни, которая находится в постоянном движении, призывает их создавать произведения о колхозной деревне, подобные «Поднятой целине» М. Шолохова, рассказам и очеркам В. Овечкина.

Айбек видит перспективу развития узбекской литературы в расширении ее тематического диапазона. Откликнувшись на призыв Коммунистической партии о необходимости обогащения многонациональной советской литературы произведениями, самыми разнообразными по своей тематике, показывающими специфику и достижения каждой советской республики, Айбек указывает на необходимость создания широким полотнам, раскрывающих небывалый рост Советского Узбекистана как основной хлопководческой базы нашей страны, на необходимость создания высокохудожественных образов мастеров хлопковых полей. Однако, по мысли Айбека, тематика должна расширяться отнюдь не в ущерб глубине ее разработки. Только те произведения, в которых важными современными проблемами освещены с большой художественной выразительностью, могут претендовать на внимание и долговременную любовь народа.

Именно поэтому с такой остротой Айбек ставит вопрос о соответствии формы художественного произведения его содержанию, идейной направленности. Он разъясняет, что невозможно сегодня создавать произведения, написанные в традиционном, каноническом духе восточной поэтики. Появляется новое содержание, не может оставаться прежней и форма. Только в единстве формы и содержания таится ключ к созданию подлинно художественных произведений.

Тонкий знаток узбекского языка, Айбек придает огромное значение языку художественного произведения, этому, по меткому определению М. Горького, первоэлементу литературы, важнейшему компоненту национальной формы. Он требует от писателей внимательного изучения народного языка, неустанныго обогащения словарного состава.

Языковедческая наука Узбекистана, как подчеркивает Айбек в целом ряде своих статей и выступлений, должна заниматься не схоластическими измышлениями, а вопросами, непосредственно связанными с практическими нуждами народа. Только при этом условии языковедение сумеет оказать действительную помощь и нашей литературе.

Особое внимание обращает Айбек на улучшение качества литературной критики. Он отмечает наличие в нашей критике поверхностных статей, неконкретность в анализе художественных произведений, отставание критики не только от современной действительности Узбекистана, но и от развития художественной литературы республики. Критика должна быть высоко принципиальной, не ограничиваться рецензированием отдельных изданий, но глубоко разрабатывать коренные вопросы литературы.

Айбек принимает деятельное участие в пропаганде достижений узбекской советской литературы, в популяризации богатств узбекской классической литературы, в этом смысле весьма характерны его статьи, публиковавшиеся на страницах центральных газет и журналов, в периодических изданиях Украины, Азербайджана, Таджикистана и других республик.

Столь же активен Айбек и в пропаганде лучших достижений братских литератур среди узбекских читателей. Это подтверждается целым рядом его статей, докладов и выступлений о жизни и творчестве Пушкина, Чехова, Горького и других.

Следует также отметить активное участие Айбека в составлении учебников и хрестоматий по литературе для вузов и школ республики, его организаторскую и редакторскую деятельность.

Ценным вкладом в развитие литературоведческой мысли в республике явился осуществленный Айбеком перевод на узбекский язык ряда критических работ русских революционеров-демократов. Так, например, благодаря Айбеку узбекский читатель получил возможность на сво-

ем родном языке познакомиться и с работой В. Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды».

Научная деятельность Айбека не исчерпывается перечисленным. Он активно участвует в работе Института языка и литературы Академии наук Узбекистана, оказывает непосредственную помощь в подготовке литературоведческих кадров, столь необходимых нашей республике.

В Узбекистане и далеко за его пределами знают и любят Айбека. Знают и любят не только как большого писателя и поэта, но и как видного ученого, деятельность которого направлена на развитие узбекской литературы и литературоведения.

1953

ВИДНЫЙ УЗБЕКСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К 50-летию со дня рождения Сабира Абдуллы

Сегодня общественность нашей республики отмечает пятидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие творческой деятельности Сабира Абдуллы — видного представителя узбекской советской литературы, поэта, драматурга, сатирика.

Сабир Абдулла родился в 1905 году в Коканде. Его отец любил литературу, хорошо знал произведения Навои, Бедиа, Мукими, Фурката. Коканд в это время был своего рода центром демократического течения в узбекской литературе. Здесь укоренились традиции представителей узбекской реалистической литературы — Мукими, Фурката, Завки, было много литературных молодежных кружков — школы Мукими, Фурката и других. В этих кружках Сабир Абдулла и начал свою литературную деятельность.

После Великой Октябрьской социалистической революции он учится в советской школе. В 1925 году в газете «Йнги Фаргона» было напечатано его первое стихотворение. С тех пор на страницах «Кызыл Узбекистана», «Муштума», «Еш ленинчи» и других изданий одно за другим появляются его лирические и сатирические произведения.

Особую роль в творческом развитии Сабира Абдуллы сыграл зачинатель узбекской советской литературы Хамза Хаким-заде Ниязи, который заметил яркий талант молодого поэта, направил его внимание на изучение жизни и литературы, на совершенствование профессионального мастерства.

Произведения Сабира Абдуллы этого времени рассказывают о крупных событиях, происходивших в стране. Индустриализация, новый, свободный труд, смелая реформа, коллективизация, ликвидация неграмотности, освобождение женщин — эти важные темы зазвучали в его стихах. «Все наши достижения — результат Октябрьской революции», — утверждает поэт. Он прославляет

революцию в стихах «Мировой Октябрь», написанных в 1931 году, воспевают новую жизнь, пришедшую в долины и степи Узбекистана. В стихах «Сильные руки... Горячие желания» он рассказывает о стропельстве колхоза.

Первый сборник произведений Сабира Абдуллы «Вдохновение свободы» вышел в 1931 году. В него вошли стихи о пятилетке, о высоких урожаях хлопка, о победах на фронте социалистической культуры. В одном из стихотворений сборника — «Черная весть» — поэт гневно клеймит убийцу жены, сбросившей паранджу. Произведения Сабира Абдуллы были сильны боевым, агитационным характером, разоблачением пережитков старого быта, утверждением нового. Отличительной чертой его творчества уже тогда являлась типичность, конкретность изображаемого, его стихи — отражение реальных фактов.

Однако в области формы Сабиру Абдулле предстояла еще огромная работа. Это было время ломки старого традиционного стиха, поисков новых поэтических средств, способных выразить новое содержание. Молодая узбекская реалистическая литература пошла по этому пути вслед за русской литературой, используя великий опыт Маяковского. Но на первых порах, восприняв революционность, агитационную конкретность, актуальность, простоту Маяковского, узбекские поэты не успели в полной мере освоить его поэтического мастерства, его достижения в развитии художественной формы. Поэтому узбекская поэзия, в частности поэзия Сабира Абдуллы, обладая агитационным, боевым характером, в большинстве произведений страдала слабостью художественной формы.

В последующие годы, изучая русскую литературу, стремясь полнее отражать явления действительности, обращаясь к фольклору, поэт повышает мастерство, переходит от небольших лирических стихов к поэмам. В области формы на этом этапе он ставит перед собой задачу — соответственно новому содержанию применить формы классической поэзии, используя черты, близкие к устному народному творчеству, развить их дальше.

О большом сдвиге в творчестве, о зрелости поэта свидетельствует сборник стихов, вышедший в 1939 году. В него вошли произведения 1932—1937 годов. В лучшем из них, посвященном названию «От нищеты — к зажиточной жизни», — Сабир Абдулла в ярких художественных образах рассказывает о коллективизации, об изменениях в созна-

нищ людей, воспевает красоту Родины, счастливую жизнь советского народа.

В эти же годы Сабир Абдулла создает много сатирических стихов, остро высмеивающих лодырей, пьяниц, подхалимов.

К этому же периоду относятся песни, написанные в размерах фольклорной поэзии. Многие из них были положены на музыку и ныне распеваются народом («Алла» — «Колыбельная», «Совет Ватаним» — «Советская Родина»).

Не был обойден Сабиром Абдуллою и жанр драматургии: в 1938 году он на основе узбекских народных сказок создал музыкальную драму «Тахир и Зухра». В ряде произведений — «Большой Ферганский канал», «Строителям Ташкентского канала» и других — он освещает борьбу узбекского народа под руководством Коммунистической партии за освоение и обводнение новых земель.

Много ярких, призывных стихов написал Сабир Абдулла во время Великой Отечественной войны. Лучший из них, пожалуй, «Моря, волнуйтесь». Вдохновенно утверждая идеи патриотизма, поэт призывает советских солдат быть стойкими, мужественными в борьбе с врагом.

В послевоенные годы Сабир Абдулла с еще большей настойчивостью стремится овладеть методом социалистического реализма. Он создает реалистические произведения, свободные от образов старой классической поэзии, высокопарной риторики. Таковы его стихи «Мать», «Строки хлопковых полей» и другие.

Источником творчества является жизнь народа. Всякое истинно поэтическое произведение зиждется на богатстве народного языка. Это хорошо понял поэт.

Большинство его произведений последних лет жизненно правдиво, свидетельствует о постоянной работе над формой и содержанием, над мастерством.

Не оставляет Сабир Абдулла и сатирического жанра: он создал ряд песен, разоблачающих феодально-байские пережитки, взяточничество, бюрократизм, неверное отношение к труду, — «Ленивый зять, работающая невестка», «Пришли бы раньше...», «Сухая ложка рот дерет» и другие. Сатира Сабир Абдуллы быстро распространяется в народе, пользуется его любовью. Причина успеха сатирических произведений поэта в том, что в них точно подмечены недостатки, имеющиеся в нашей действительности, мастерски использован народный язык, пословицы, поговорки.

Известны также сатирические рассказы Сабира Абдуллы, написанные в разное время: «Таракан», «Вора обокрали разбойники...», «Отец и сын», «Беседа за дувалом», «Женихи, невесты...», «Ульмасхон», «Товарищ Халназаров». Характерной чертой прозы Сабира Абдуллы является то, что темы его рассказов обычно взяты из повседневной жизни, язык их прост.

Использование богатств народного языка, его устного творчества вообще является одной из отличительных черт творчества Сабира Абдуллы. Своими произведениями писатель неоднократно подтверждал связь своего творчества с жизнью народа.

В последние годы Сабир Абдулла вновь обратился к жанру музыкальной драмы. В 1953 году он закончил пьесу о великом узбекском поэте-демократе Мукими. Всего Сабир Абдулла написал пятнадцать произведений для сцены. Недавно он закончил новую музыкальную драму о текстильщиках; сейчас работает над комедией из жизни освоителей новых земель.

За заслуги в развитии узбекского искусства и литературы Сабир Абдулла дважды награжден орденом «Знак Почета», ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств УзССР. Сабир Абдулла — член Коммунистической партии.

Общественность республики приветствует юбиляра, желает ему, представителю большого отряда узбекских литераторов, отдающих свое искусство народу, новых успехов.

1955

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКУЮ НАУКУ

XX съезд Коммунистической партии вооружил советский народ и его интеллигенцию величественной программой строительства коммунистического общества в СССР. В свете исторических решений съезда полнее и глубже осознаешь задачи, встающие ныне перед деятелями советской науки, литературоведческой науки в частности.

Центром и средоточием литературоведческой мысли в нашей республике является Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекистана. За последние годы коллектив Института добился определенных успехов. Издачу пятитомный русско-узбекский словарь. Многие сделано по разработке научной грамматики узбекского языка и новых правил его орфографии, по записи, обработке и изданию ряда ценных памятников устного народного творчества и составлению очерков истории узбекской советской литературы.

Важным событием в научной деятельности Института явилось проведенное недавно региональное совещание по проблемам изучения эпоса «Алпамыш», в котором приняли активное участие виднейшие специалисты Советского Союза.

Определенные сдвиги произошли и в деле подготовки научных кадров. Так, из числа сотрудников Института за самое последнее время двое защитили докторские диссертации, несколько аспирантов — кандидатские.

Однако, сколь бы отрады ни были эти сдвиги, приходится констатировать, что Институт пока еще во многом отстает от требований сегодняшнего дня.

Как известно, пренебрежительное отношение со стороны некоторых лиц к литературному наследию узбекского народа причинило в недавнем прошлом значительный ущерб нашей литературе и науке о ней. В борьбе против этих ошибочных взглядов Институт не всегда оказывался на высоте положения. Он и сегодня еще не сделал всего от него зависящего, чтобы разоблачить и до конца иско-

ренишь эти взгляды. Не этим ли объясняется, например, тот факт, что решение вопроса об истинно народной сущности эпоса «Алпамыш» затянулось до сего времени. Так же обстоят дела с рассмотрением идейно-художественной ценности творчества Захриддина Бибура, Машраба, жещин-поэтесс Увайси, Падиры и других. Кому же еще, как не нашему Институту, сказать здесь свое веское слово!

Назрела острая нужда в создании серьезных обобщающих трудов по истории узбекского языка и литературы.

Одним из досадных недостатков в деятельности Института является то, что очень слабо, очень пассивно ведется работа по сбору материалов богатейшего устного поэтического творчества нашего народа. Необходимо в ближайшее же время, закатав рукава, взяться за это дело, ибо в противном случае мы рискуем потерять какие-то ценности безвозвратно. Само собой разумеется, что эта работа должна идти параллельно с разрешением ряда теоретических и методических вопросов, связанных с принципами сбора и подготовки произведений фольклора для массовых изданий.

Одним из крупных недостатков в нашей работе является отсутствие толкового словаря узбекского языка.

В перечисленных и других неперечисленных здесь упущениях повинны не только руководство Института, но во многих и многих случаях и руководство самой Академии, ее Президиум. Можно смело сказать, что руководство Академии в своем прежнем составе не понимало, не желало понимать характера и специфики работы нашего Института.

Необходимо расширить состав научных сотрудников Института за счет привлечения новых сил. Ведь, в самом деле, о какой серьезной работе в области истории узбекского языка может идти речь, если занимается в Институте этим вопросом всего один человек? По диалектологии и некоторым другим разделам науки дело обстоит примерно так же.

На современном уровне науки трудно себе представить дальнейшее развитие филологии и языкознания без применения необходимых технических средств. Между тем Институт до сего времени не имеет даже магнитофона. Необходимо в кратчайшие сроки оборудовать наш фольклорный кабинет, приобрести для него современную звукозаписывающую аппаратуру.

По не зависящим от нас причинам немало уникаль-

ных, ценнейших памятников узбекской литературы и искусства находится в музеях и книгохранилищах западноевропейских стран. Следует принять все меры, чтобы по возможности приобрести оригиналы или по крайней мере их микрофотокопии. Некоторые подлинники произведений наших классиков — Сайфи Сарай, Амири, Навои, Фурката и других — до сих пор сохраняются в частных и государственных коллекциях сопредельных стран Востока. Необходимо приложить максимум усилий, чтобы и эти произведения в оригинале или фотокопии возвратились на родину их творцов, стали всеобщим достоянием узбекского народа.

Наконец несколько слов о нашем беспризорном Литературном музее. Не буду описывать его состояние. Укажу только на то, что без такого музея трудно представить себе литературную жизнь на современном уровне ее развития.

В нашей республике, как и в других братских республиках советской страны, благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии идет бурный процесс развития и расцвета подлинно народной социалистической культуры. Успешное выполнение решений XX съезда поднимет ее на высоту еще большую. Для нас, работников литературы и науки Узбекистана, нет большей чести, чем все свои силы, весь талант отдать этому благородному и прекрасному делу.

1956

ЭСТАФЕТА СЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Сегодня комсомол отмечает свое славное сорокалетие. Это праздник для миллионов советских юношей и девушек, для миллионов людей старшего поколения, тех, кто провел свою боевую юность в рядах славного Ленинского Союза молодежи. И для меня лично это величайшее событие.

В 1919 году стал я комсомольцем и до сих пор считаю себя бойцом ВЛКСМ. Один из первых комсомольских билетов, выданных в Узбекистане, — это мой комсомольский билет. И вся моя жизнь, все воспоминания моей молодости и самые последние мои творческие дела неразрывно связаны с историей боевого отряда передовых советских юношей и девушек.

Великие, светлые, неодолимые идеи Коммунистической партии, которые вели за собой комсомол сорок лет назад, в дни его основания, которые были душой героических подвигов комсомольцев и молодежи в годы гражданской войны, пятилеток, в тяжелую годину Великой Отечественной войны, в пятидесятые годы, эти идеи претворяются в жизнь, благодаря своей великой правде, благодаря тому, что они смогли сплотить вокруг себя весь советский народ, в том числе и всех наших юношей и девушек. Комсомолу принадлежит великая заслуга приобщения нашей молодежи к марксистско-ленинским идеям, к коммунистическому строительству. И он с гордостью называет себя помощником партии.

Всякий, кто знаком с историей комсомола, знает: огромную роль сыграл он в грандиозных преобразованиях, которые произошли в нашей республике за годы Советской власти. Но не всякий смог быть свидетелем этой героической юности комсомола. И мне хочется напомнить моим молодым современникам о том, что дела, продолжателями которых они являются, это замечательные, славные, героические дела.

Что делали мои ровесники, комсомольцы двадцатых

годов? Вместе с партией боролись за установление Советской власти на территории Туркестана, с оружием в руках защищали завоевания революции от басмачей и белогвардейцев, отдавали свои жизни за то, чтобы женщина стала свободной, а человеческий труд — благодарным. Они боролись с кулаками, помогали партии проводить земельную реформу, активно участвовали в создании колхозов — да можно ли назвать такое событие в жизни республики, в котором комсомол не сыграл бы большую и полезную роль? Нет такого кирпичика в величественном здании коммунизма, который был бы уложен без участия комсомольцев.

Мне часто приходится перебирать старые, пожелтевшие документы времен моей комсомольской молодости. В каждом из них прощупывается пульс бурной созидательной работы, которую вел комсомол в те годы. Вот документ об организации детского дома, куда было принято 150 ребят с улицы, вот путевка райкома комсомола, направившего меня пропагандистом в ячейку пекарей, вот направление в Аккурганский район — там надо было организовать райком комсомола, помочь молодежи кишлака в борьбе с кулачеством. Все эти бумаги, на первый взгляд, обычные, деловые. Но существу же они отмечают собою вехи того пути, которым шли комсомольцы республики, помогая партии строить новое общество.

Много сил, юношеского задора, всю душу свою вкладывали в комсомольскую работу мои друзья, отважные и принципиальные люди — Рахматулла Алимов, Артык Юлдашев, писательница Айдын Сабирова и тысячи других, те, кто сейчас приносит огромную пользу республике на высоких партийных постах, в литературе и искусстве, на заводах и хлопковых полях.

Бок о бок с ними трудятся и создают, борются и побеждают комсомольцы пятидесятых годов. На их счету великое множество славных свершений: Фархад и Ангрен, Янгнер и Язъяванская степь — вот только некоторые из тех фронтов, где комсомольцы плечом к плечу со своими старшими товарищами, коммунистами, покрывают себя неувядающей трудовой славой. А передовые хлопкоборщики и новаторы социалистических предприятий, молодые ученые-первооткрыватели и артисты-комсомольцы, отдающие весь свой талант народу, — разве они не достойные продолжатели традиций, у истоков которых стояли первые комсомольцы республики! И для меня нет сомнений в том, что эти традиции сейчас в крепких, надеж-

ных руках, в руках людей, которые все отдадут для того.
чтобы вместе с партией, вместе со всем советским наро-
дом построить на нашей прекрасной земле коммунизм!

С праздником, друзья!
И со всех дорог,
И со всех садов
Молодежь спешит.
На груди ее
Комсомольский значок,
Алоцветный оп,
Как заря, горит.
Много новых дел
Впереди вас ждет,
Целпну взрпхлять,
Открывать пути...
Молодежь моя!
Выходи в полет,
Окрылеввая,
Высоко лети!

1958

ТОМУ, КТО СЛУЖИЛ НАРОДУ,— ЗАБВЕНЬЯ НЕТ

К середине XIX века территория, которую ныне занимает Узбекистан, была разделена на три части: Коканд, Бухару и Хиву. Правители их называли себя беками, ханами, эмирами, амиралмуслиманами и прочими пышными титулами. В действительности же народ именовал их по-своему: грабителями и паразитами, бесчестными, безбожными, бесстыдными дармоедами и тиранами. Народ искал от них спасителя, но еще не знал его имени. И только наиболее дальновидные умы, такие, как Ахмад Дониш, Муками, Закирджап Фуркат, столетие со дня рождения которого исполняется в эти дни, знали это имя. Указывая на север, они говорили: русский.

Вместе с русским к нам пришла первая железная дорога, в городах и кишлаках задымили первые заводские трубы, вышла первая русско-узбекская газета, появились новые русско-узбекские школы, где обучались грамоте многие писатели старшего поколения, в том числе Хамза Хаким-заде Ниязи. Я тоже учился в такой школе.

Теперь, когда так крепко вошла в сознание, сцементировалась и выдержала не одно испытание нерушимая дружба русского и узбекского народов, как не вспомнить добрым словом ее первых пропагандистов. Одним из них был кокандский поэт Закирджап Фуркат.

Фуркат искренне любил русский народ, русскую книгу, русскую культуру. Он выучил русский язык, был хорошо знаком с творчеством Пушкина и Лермонтова.

Среди произведений Фурката выделяется поэма «Суворов», в которой с большой симпатией нарисован образ великого русского полководца, скромного воина, близкого к солдатским массам.

Однако чиновники царской администрации, с которыми сталкивался Фуркат в жизни, были далеки от тех рус-

ских, кого любил и уважал поэт. На них Фуркат обрушился едкой сатирой. Так появились его стихи, высмеивающие адъютанта туркестанского генерал-губернатора и др.

Просветитель Фуркат чутко реагировал на новое в жизни. Он писал стихи о достижениях науки, техники, промышленности. Таковы его «лирические репортажи», как сказали бы мы сейчас, «О выставке в городе Ташкенте» или стихотворения «Гимназия», «О науке».

О юности! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке, волшебство,
Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек...
Ученые умы воздвигли телеграф.
И славлю я его, удел певца избрав.
О юности! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неодолимый свет.
Изобретениям науки нет числа,—
Нам их великая Россия принесла.

Фуркат был разносторонне образованным человеком с широким кругом научных интересов — он обращался к истории, астрономии, естественным наукам.

Демократические настроения Фурката, естественно, не могли нравиться властям и местным реакционным кругам. Наиболее разумным выходом Фуркат считал отъезд из Ташкента за границу. Фуркат хорошо понимал, что по русский народ, а царские чиновники повинны в том, что он вынужден был покинуть родину. В этой связи характерен такой эпизод. В 1905 году в газете «Песан ахбор», издававшейся в Лахоре (на территории нынешнего Пакистана), после поражения царского правительства в русско-японской войне, была напечатана статья, порочащая честь русского солдата. Это возмутило Фурката — автора поэмы «Суворов» — и он выступил в «Туркестон вилоятининг газети» с резкой отповедью клеветникам, певшим на британско-имперский манер.

Поэт побывал в Турции, Болгарии, на Аравийском полуострове, в Индии, а затем поселился в городе Яркенде, что в провинции Синьцзян. До конца своей жизни он сохранял русское подданство.

Фуркат был страстным поборником дружбы между народами всего мира.

Умер Фуркат в 1909 году в Яркенде.

Мы помним Фурката. Мы слушаем по радио и телевидению его прекрасные песни. Школьники и студенты изучают его творчество. Его именем названы улицы и библиотека в Ташкенте, парк — в Цоканде. Людям, подобно Фуркату, посвятившим себя служению родному народу, — забвенья нет.

1959

СОЛДАТЫ СТРОЧЕЧНОГО ФРОНТА

Бывало о писателях говорили: «Он вышел из газеты». Вот-де сумел же человек переступить Рубикон, возвыситься до литературы. В наши дни такое противопоставление просто немыслимо, ибо печать — наше общее дело. Каждый писатель в какой-то мере журналист, каждый журналист — писатель.

Советская печать верно служит интересам нашего народа. Не будет преувеличением, если мы назовем ее зеркалом социалистической действительности, орудием больших преобразований. Для писателя, особенно для начинающего, сотрудничество в печати является одной из лучших форм общения с жизнью страны. Это подтверждается опытом всей советской литературы. Для примера можно указать на деятельность зачинателей узбекской советской литературы — Хамзы Хаким-заде Ниязи и Садриддина Айни.

Деятельность Хамзы как журналиста особенно характерна. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции Хамза боролся за создание прогрессивного журнала, который отвечал бы требованиям узбекского трудового народа. Только после Великой Октябрьской революции стали осуществляться его мечты. Хамза активно сотрудничал в газетах «Кызыл Узбекистон», «Янги Фаргона», «Зарафшан», в сатирическом журнале «Муштум», регулярно печатал в них революционные песни, статьи в корреспонденции. Он был инициатором создания отдела «Чигирик» в газете «Янги Фаргона».

«Народ, лишенный газеты, — лишен языка», — писал Садриддин Айни в первом номере газеты «Овози тожик» — «Голос таджика», одним из организаторов которой он был. Он активно участвовал в узбекской и таджикской периодической печати.

Видный узбекский прозаик Абдулла Каххар начал свою писательскую деятельность как литсотрудник. С большим удовлетворением вспоминают поэт Сабир Абдул-

ла, драматург Камилль Яшеп годы своего сотрудничества в газете «Янги Фаргона».

Я отношусь к старшему поколению поэтов и писателей узбекского народа. Сотрудничаю в периодической печати, начиная с первых лет революции. Первая моя корреспонденция об обеспечении зимовки скота была послана в газету из кишлака Беш-Арык под Кокандом.

Прошло сорок лет — время, равное сроку, необходимому для становления джигита. Из тех друзей, с которыми я начинал свою деятельность в печати, за этот период одни отдали жизнь за Родину на фронтах Великой Отечественной войны, другие переменили специальность, а некоторые вышли на пенсию. Но я, несмотря на старость, продолжаю любимую работу журналиста. В свое время я был корреспондентом, затем очеркистом, фельетонистом, руководил отделом. Был секретарем и редактором газеты. Несмотря на трудности работы в редакции, она никогда не мешала моей основной деятельности писателя. Наоборот, журналистика сыграла роль большой школы в росте и обогащении моего творчества. И по сей день я участвую в периодической печати. Пишу ли я о колхозных полях весенней поры, когда кипит работа, или о богатом урожае, об обильных, щедрых садах моей земли летом и осенью, свидетельствующих о самоотверженном труде, или о зиме, вдохновляющей поэта своим тихим, величественным пейзажем, — везде и всюду я имею в виду жизнь человека — нового человека, строящего коммунизм, человека, полного энергии, человека труда, науки, творчества и любви. Это источник моего вдохновения. Я не могу представить себя ни на одну минуту вне народа, вне прекрасной Родины, вне партии и государства, то есть вне жизни.

Газета для писателя — университет, первая ступень творческой деятельности. Газета — сильное оружие нашей партии в деле постоянной, ежечасной связи с народом, средство, организующее общественные силы, мобилизующее народ на новые подвиги в строительстве коммунизма. Газета, издающаяся тысячными, миллионными тиражами, есть живые листы, доносящие до нас самые последние новости. Работая в газете, каждый день имеешь связь со всеми уголками нашей необъятной Родины, получаешь сотни писем из разных концов. Корреспондент, где только ни приходится тебе бывать! И на заводах, и на стройках, и на колхозных полях, и на пастбищах. Ты встретишься со сталеварами и чабанами, с

академикам и трактористам. Везде тебя припшмают радушно, как своего. Газета — первая весна, первая ласточка всякого большого творчества.

Поэтому очень удивляет поведение отдельных начинающих писателей, которые отстраняются от работы в печати, с некоторым пренебрежением относятся к труду журналиста. Много ли можно назвать имен литераторов, выступающих на страницах республиканских и областных газет? Бывают периоды полного писательского молчания. А уж районным газетам для многотиражкам писатели почти совсем не уделяют внимания. Неужто они боятся унизить свое творческое достоинство?! Могут сослаться на пример Айбека, который, уже будучи писателем, не стеснялся активно участвовать в степной газете «Маориф», выходявшей в 20-е годы в Ташкенте, в Старом городе.

Еще один упрек писателям. Мало пишут они о рабочем классе республики. Если и берутся за очерки, то обязательно на колхозные темы...

Кажется, однако, я слишком увлекся в этот журналистский день разговором о писателях. Хочется сказать несколько теплых слов и о самих журналистах. Сколько замечательных газетчиков выросло у нас в Узбекистане! Вспоминается фельетонист Камил Алпев, смело и принципиально громивший в своих материалах многоженцев и зазнаек, бюрократов и рвачей. Заслуженным успехом пользуются сейчас выступления А. Юнусова, Ю. Шамшарова, Н. Сафарова.

Хочется от души поблагодарить от своего имени и от имени многих других журналистов хорошего иллюстратора М. Воробейчикова, отличных мастеров фоторепортажа Макса Пепсона и И. Глауберзона. Эти люди помогают газетам в яркой, доходчивой форме отражать многообразную жизнь республики.

В заключение — два предложения. Во-первых, по моему, назрела необходимость шире использовать многообразные формы рабкорского движения. Почему бы, например, крупнейшим нашим писателям, журналистам не принять участие в организации семинаров для рабочих и крестьянских корреспондентов?

Второе. Думается, что подготовку журналистских кадров в университете следовало бы поднять на более высокий уровень. Пока, к сожалению, выпускники отделения журналистики САГУ не знакомы ни с машинописью, ни со стенографией, слабо знают фотодело и, конечно, уже

в большинстве своем не умеют водить автомашину. А разве журналисту не вредно быть белоручкой, постоянно нуждающемуся в пяльках?! Кстати, это относится не только к вчерашним студентам, но и к давнишним работникам прессы. А прежде всего пора добиться, чтобы все журналисты республики хорошо знали и русский и узбекский языки.

Я не случайно заканчиваю свою статью предложением. Участники съезда журналистов, бесспорно, будут обсуждать не только положение нашей печати, но и пути ее улучшения. Съезд заглянет и в завтрашний день журналистики Узбекистана. А ведь думая о будущем урожае, нельзя забывать о семенах — их нужно готовить сегодня.

1949

ЛЮБОВЬ МОЯ — УЗБЕКИСТАН

Велик, неогляден мой край. На востоке и юго-востоке границы его простираются до крыши мира — высокогорного Памира и зеленых предгорий Киргизии. На юге, где его окаймляют горы Тяньшаня, он граничит с Советским Таджикистаном, с Афганистаном и Ираном. Наш западный брат и сосед — Советский Туркменистан. нас разделяет и объединяет с ним широкая, полноводная Аму. На севере, вобрав в себя чудосный Хорезмский оазис, наш край простирается до самого Аральского моря. За ним на тысячи километров — земля нашего давнего друга — казах. Весь этот край, раскинувшийся на площади более 400 тысяч квадратных километров, называется Узбекской Советской Социалистической Республикой.

Я — узбекский поэт, и эта земля — моя родина.

Климат у нас и умеренно континентальный, и жаркий. Край мой богат водой. Земля его плодородна. Солнце щедрое и горячее. Наши горы, ущелья, возвышенности и долины богаты диким зверем и птицей. В водах Аральского моря и двух великих, питающих его рек, — Амударьи и Сырдарьи — много ценной и вкусной рыбы. Вот почему именно в этих местах еще в давние, незапамятные времена складывалась и развивалась человеческая цивилизация. Об этом свидетельствуют находки археологов и историков — орудия шельской и ашельской культур, скелеты неандертальцев, следы первобытных поселений. Многие тайны далекого прошлого могут открыть стены пещер Тешик-Таш и Аманкутан под Самаркандом, наскальные изображения в горах Байсуна. Стоянки человека эпохи верхнего палеолита были обнаружены в 1939 году при раскопках в Самарканде.

Наскальные рисунки, относящиеся к каменному веку, найдены и на юге нашей республики, в Зараутсае. На этих рисунках изображаются сцены охоты.

Четыре-пять тысяч лет назад в низовьях Амударьи жили племена так называемых келтемпарцев. Ученые-

ми обнаружены их жилища из дерева и камыша, предметы домашнего обихода, украшения и охотничье оружие, сделанные из камня и костей животных.

В Хорезме, близ села Тазабагыяб и в других местах вскрыты захоронения, в которых находили предметы домашнего обихода, украшения, боевое и охотничье оружие, сделанные из бронзы и относящиеся, по всей вероятности, ко II тысячелетию до нашей эры. В ту же эпоху появились здесь и гончарные изделия, орнаментированные штампами и раскраской.

Примерно четыре-три с половиной тысяч лет назад на территории Узбекистана получило развитие земледелие. Об этом убедительно свидетельствуют многие археологические исследования. Первоначальное примитивное орошение на протяжении тысячелетий постепенно сменялось более совершенными системами — капалами и арыками.

В начале первого тысячелетия на территории нынешнего Узбекистана образовались первые рабовладельческие государства — Бактрия, Хорезм, Согд и другие.

К середине I тысячелетия до н. э. эти места подверглись нашествию с юга и были захвачены персидской династией Ахеменидов. Бесперывные восстания свободолюбивого населения Средней Азии подрывали могущество Ахеменидов, что облегчило Александру Македонскому (329—327 гг. до н. э.) свержение этой династии. Теперь на всей этой обширной территории, перешедшей в его владение, были образованы греко-бактрийское и другие, более мелкие, государства.

Эти несколько абзацев истории минувших тысячелетий я привел не для того, чтобы ознакомить читателей с нашей большой родословной. Я хотел этим сказать только, что узбеки, как и другие народы Земли, имеют свою богатую и очень древнюю историю. Об этом также свидетельствуют труды Геродота, китайских путешественников и летописцев, многие памятники былого.

Народы, жившие на этих землях, на протяжении веков многократно подвергались захватническим нашествиям. Одним из самых истребительных было нашествие арабов в VIII веке. Оно сопровождалось разграблением материальных богатств, уничтожением своеобразной культуры местных народов. В результате длительной и жестокой борьбы против тиранов арабов народы Средней Азии основали свое собственное феодальное государство с правящей династией Саманидов. Эта эпоха характеризу-

ется развитием научной мысли и культуры, укреплением связей с соседними народами.

Немаловажную роль в экономическом и культурном подъеме народов, населявших в ту пору наш край, сыграл большой караванный путь, получивший в истории название «Шелкового пути». Этот путь, связывавший Китай с Западом, проходил через такие крупные центры Средней Азии, как Андижан, Маргилан, Ходжент, Чач, Самарканд, Бухара и далее через Иран, Ближний Восток, завершался в Европе — в Риме и даже Мадриде.

Народы, населявшие территорию современного Узбекистана, с древних времен поддерживали тесные связи со многими народами Азии и Европы, испытывали на себе воздействие их культур и в свою очередь оказывали на них глубокое влияние.

В новую эпоху высокого уровня развития достигли наука и культура в таких городах Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Хорезм. С именами местных ученых связаны крупнейшие открытия того времени в области медицины, математики, философии, агрономии, архитектуры. Труды великих среднеазиатских ученых Абу-Али Ибн Сины, Абу Райхана Беруни, Аль-Хорезми, Замахшари, Рашидадина Ватвота, Аль-Фараби мировая наука и культура были подняты на новый, более высокий уровень. Они, эти titаны научной мысли, во многом способствовали духовному прогрессу человечества.

К той же эпохе относятся и сооружения выдающихся памятников зодчества. Таковы гробница Саманидов, мечеть Маган, Минар-калян — в Бухаре, мавзолей Паджмиддина Кубро, Текеша, Фахриддина Розы — в Хорезме, древние сооружения Самарканда.

Славились также изделия местных ремесленников. В довольно широких масштабах велась добыча меди, серебра, свинца, железа и других металлов.

Развитию ремесел способствовали торговые связи с Русью и скандинавскими государствами.

В начале XIII века произошло варварское нашествие орд Чингис-хана. Этот свирепый ураган, ворвавшийся в города и поселения Средней Азии, сметал на своем пути все. Были преданы огню и разграблены Чач (нынешний Ташкент), Самарканд, Бухара, Ургенч.

Важным этапом в истории народов Средней Азии стала эпоха царствования Тимура (1370—1405 гг.). Избран своей столицей Самарканд, Тимур совершал отсюда за-

воевательные походы. Огромные богатства и бесценные сокровища из запоеванных стран потекли в Самарканд. По пыльным дорогам направлялись сюда плененные Тимуром ученые, ремесленники, мастера-ювелиры и резчики, замечательные строители. Благодаря труду жестоко эксплуатируемых масс и искусству этих невольников-мастеров в Самарканде создаются замечательные образцы архитектуры — ансамбль Шах-п-зида, мавзолей Гур-Эмир, соборная мечеть Бяби Ханым, гробница Ахмада Яссави в Туркестане, мост через реку Зарафшан, дворец Ак-Сарай в Шахрисабзе, многочисленные медресе, мечети, башни, караван-сарай в Бухаре и других городах.

В годы правления Улугбека (1409—1449), внука Тимура, научная мысль достигает новых высот. Особенно бурно развиваются математика и астрономия. При содействии крупных, прогрессивных ученых своего времени — Али Кошчи, Казизаде Руми, Джамшида аль Кашпи — Улугбек сооружает вблизи Самарканда хорошо оборудованную обсерваторию, где составляются астрономические таблицы и каталог звезд, получивший название «Зидж-и джедид-и Гурагонии».

Выдающимися памятниками архитектуры этого времени являются медресе Улугбека в Бухаре и Самарканде.

Пышным расцветом литературы и искусства отмечена эпоха царствования Хусейна Байкары, одного из потомков Тимура. К этой эпохе относится творчество Лютфи, Сайкоки, Атаи и прежде всего — основоположника узбекской классической литературы, гениального поэта и ученого Алишера Навои, а также выдающегося каллиграфа и художника Бехзада.

Из-за острой междоусобицы между потомками Тимура созданная им империя начала распадаться. Результатом истребительных братоубийственных войн были потоки крови многострадального узбекского народа.

После завоевания среднеазиатских земель Шейбанидами (XVI в.), а затем перехода власти к Аштарханидам (XVII—XVIII вв.) страна распалась на отдельные ханства. Восточная часть Ферганской долины и область Ташкента образовали Кокандское ханство. В состав Бухарского ханства вошли Самарканд, Чарджоу, Шахрисабз и ряд других городов. Хивинское ханство вобрало в себя Ургенч, Каракалпакцию и восточную часть туркменских земель.

Желающие узнать об этом подробнее, могут обратиться к первоисточникам — к трудам путешественников и

историков Марко Поло, Клавихо, Вамбери, Наршахи, Табари и многих других.

С момента образования этих ханств наша древняя и высокоразвитая культура, создававшаяся в течение тысячелетий, пришла в упадок. Народ подвергался беспощадной эксплуатации со стороны духовенства и крупных земледельцев — ханов, эмиров и беков. 98 процентов народа было безграмотно, влачило нищенское, бесправное существование.

Вторая половина XIX века ознаменовалась присоединением Средней Азии к России. В 1865 году к России был присоединен крупный торгово-экономический и культурный центр — Ташкент, а затем и остальная территория Туркестанского края.

Присоединение Средней Азии к России усугубило положение трудового народа: к жестокой эксплуатации со стороны «своих» феодалов, баев, местного духовенства прибавился не менее жестокий национально-колонизаторский гнет со стороны царизма, российских буржуев и помещиков.

Однако в конечном итоге присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение для исторических судеб среднеазиатских народов: в лице самого революционного в мире русского рабочего класса, возглавляемого ленинской партией коммунистов, они нашли надежного, бескорыстного друга и союзника в общей борьбе против царизма, буржуазии и помещиков, против ханов, беков, баев, против всех и всяческих эксплуататоров. Трудящиеся Средней Азии были привлечены к революционной борьбе русского народа, к передовой русской культуре.

* * *

Новая история народов, населяющих Среднюю Азию, — узбеков, киргизов, таджиков, туркмен, каракалпачков — началась с Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной под руководством Коммунистической партии русским рабочим классом и беднейшим крестьянством в союзе с угнетенными, эксплуатируемыми массами национальных окраин.

Благодаря бескорыстной братской помощи и поддержке великого русского народа, в результате победы Великого Октября и торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии народы Средней Азии обрели свою социалистическую государственность.

Заводы и фабрики были переданы рабочим, земля — трудящимся дехканам. В краю темноты и невежества произошла подлинная культурная революция.

Отстаивая завоевания Советской власти, в интересах народа мы вели беспощадную борьбу с националистами, басмачами, вели наступление на разруху и голод. Это была жестокая схватка, и победил в ней мы. Но бой надо было продолжать. Мы боролись за благоустройство своей земли и за просвещение народа. Сражались с остатками и пережитками феодализма. Совершали нелегкий поход за раскрепощение женщины. Мы бросали свои лучшие силы, самых сознательных бойцов партии на ликвидацию неграмотности, проведение земельно-водной реформы, на коллективизацию сельского хозяйства.

В 1920 году по Декрету В. И. Ленина в Узбекистане было создано первое высшее учебное заведение — Среднеазиатский университет. Русские ученые, прибывшие в Ташкент по путевке Ленина, стали нашими учителями и лучшими наставниками в школе жизни.

Так, благодаря мудрой ленинской национальной политике, помощи нашего старшего брата — великого русского народа начали формироваться у нас свои национальные кадры ученых.

В настоящее время в Узбекистане функционирует 31 высшее учебное заведение, в которых обучается 91 тысяча студентов. Мы имеем свою Академию наук, 147 научно-исследовательских институтов с 9 тысячами работников высокой научной квалификации. У нас выросли сотни докторов и тысячи кандидатов наук, целая армия ученых-специалистов, которая движет науку и просвещение, принимает активное и самое непосредственное участие в развитии материальных и духовных сил родного народа.

А как красноречивы эти две цифры, как много за ними стоят: в Узбекистане сейчас 6311 общеобразовательных школ и занимается в них 1 миллион 430 тысяч детей!

За годы Советской власти Узбекистан вырос в крупную индустриальную республику с высокомеханизированным сельским хозяйством. Он превратился в основную хлопковую базу нашей великой страны.

Профессию хлопкороба мы подняли на невиданную высоту. Работая на полях передовых колхозных хозяйств и гигантских совхозов, применяя самую прогрессивную агротехнику, наши хлопкоробы добываются небывалых

урожаев «белого золота». Каждый знает у нас имена хлопкоробов, которые получают по 40—50 и даже 60 центнеров с гектара. В нынешнем, 1960 году мы боремся за получение 3 миллионов 170 тысяч тонн «белого золота». Хочу сказать и о том, что весь процесс возделывания хлопчатника — от сева до сбора — у нас механизирован, все работы выполняются машинами. А производим эти машины мы сами — своими руками, на своих заводах.

Точно так же и переработку хлопка осуществляем мы здесь же, на месте. В цехах одного из самых крупных в стране Ташкентского текстилькомбината и других текстильных предприятий республики этот хлопок превращается в добротные, нарядные, прочные ткани.

Мы сами производим минеральные удобрения, необходимые для хлопковых полей. Для этого нами построены химические гиганты в Чирчике, Навои и других городах республики.

Одна из важных отраслей сельского хозяйства Узбекистана — шелководство. Шелка мы производим больше, чем все другие республики. На комбинатах Маргилана, Самарканда и других городов она превращается в драгоценный атлас, крепдешии и другие прекрасные ткани.

Наша республика поставляет на внутренний и мировой рынки также лучшие сорта каракули.

Впрочем, обо всем не расскажешь. Приезжайте в Узбекистан, и вы своими глазами увидите, как вырос, поднялся, расцвел наш в прошлом отсталый край. Вы побываете в десятках театров, музеев, парков, познакомьтесь с нашими прекрасными юношами, трудолюбивыми и образованными девушками.

Мы вам расскажем о наших природных богатствах — о залежах угля, нефти, цветных и редких металлов, о несметных сокровищах газа, в самые последние годы обнаруженных под Бухарой. Уже в этом году наши заводы и фабрики, мастерские и домашние кухни получат новое топливо. Газовая магистраль, начавшаяся под Бухарой, пройдет через Ташкент и протянется дальше — в братские республики — Казахстан и Киргизию. Другая нитка газопровода соединит Бухару с промышленными центрами Урала. Но самая дальняя, трансконтинентальная, будет проложена из Бухары до центра нашей страны.

Приезжайте в нашу республику, и вы увидите обремененные памятью многих столетий, такие древние города, как Бухара, Хива, Самарканд, Коканд, Андижан.

Они заметно помолодели, выросли за последние десятилетия. Вы познакомитесь с новыми городами, рожденными уже в наше, советское время, — с Чирчиком, Алмалыком, Бекабадом, Янгиром, Навои, Ахангараном. Каждый из них занят своим, нужным народу делом: Бекабад дает республике сталь и прокат, Чирчик и Алмалык — изделия химической и горнорудной промышленности, Ахангаран — строительные материалы, Навои — электроэнергию, Янгир — организует обводнение и освоение новых земель в Голодной степи.

Не меньше впечатлений даст вам поездка по кишлакам нашей республики. Вы увидите здесь ряды современных домов со всеми удобствами, клубы, театры, больницы, школы, фермы, традиционную чайхану на берегу многоводного сая. По асфальтированным дорогам, с обеих сторон обсаженных фруктовыми и декоративными деревьями, вы будете ехать вдоль бетонированных на многие километры русел каналов, вдоль берегов искусственных морей, по дамбам гигантских гидротехнических сооружений.

Вы побываєте на наших курортах, у целебных источников, в садах, раскинувшихся на многие километры, попробуете вкус плодов нашей земли — арбузов и дынь, яблок и винограда, абрикосов и персиков, грават и пшжира.

Приезжайте, и вы своими глазами увидите, как вместе с другими народами-братьями под руководством Коммунистической партии мы строим на своей земле коммунизм, творим новую историю древнего края.

1960

ТОГОЛОК МОЛДО

Недавно общественность нашей страны отметила 100-летие со дня рождения классика киргизской литературы Тоголока Молдо. Богатство и содержательность литературного наследия Тоголока Молдо (Бойымбета Абдурахманова) ставят его на видное место в истории киргизской литературы.

Тоголок Молдо родился в 1860 году в бедной дехканской семье в кишлаке Курыка Тяньшанской области. Оставшись в четырнадцать лет без отца, он долгие годы работает по найму, тем зарабатывая себе на жизнь. В те же годы он берет уроки у муллы, занимается самостоятельно. К этому же периоду относятся его первые поэтические опыты, которые, к сожалению, до нас не дошли.

Народ прозвал Бойымбета — «Молдо» — знаящий грамоту и «Тоголок» за его небольшой рост. Эти прозвища и стали псевдонимом на всю жизнь.

Тоголок Молдо занимался как устным, так и письменным творчеством. Его талант формировался под непосредственным влиянием деда — известного в народе музыканта и акына.

Человек, с самого раннего детства познавший все тяготы дехканского бытия, жестокую несправедливость существовавшего порядка, Тоголок Молдо становится известным в народе как автор многочисленных песен, гневно изобличающих эксплуатацию и эксплуататоров, направленных против жестокого своеволия баев и чиновников. С глубоким пониманием и любовью поэт создает образ дехкавина, подавленного подневольным трудом, нищетой, тиранией богатых. Впрочем, sympathy автора распространяются не только на дехкан — столь же уважительно и прощательно пишет он о бедных ремесленниках, обо всех, кто зарабатывает хлеб свой насущный собственными руками, собственным честным трудом. В «Песне ремесленницы», как и во многих других своих стихах, он возвеличивает тех, кто

Молотком своим золото нашел,
Рукой своей добро нашел.

Недовольство конкретным чиновником, эксплуататором-басм постепенно перерастает в творчестве Тоголока Молдо в открытый протест против всего несправедливого социального уклада. Так, устамп жены молодого дехкана, замученного эксплуататорами, он восклицает:

Казни и муфтия на моем пути
Пусть не попадают!

Ряд произведений Тоголока Молдо посвящен тяжелой участи киргизской женщины. Написанные в стиле народных песен-плачей («армон»), они пелись в среде наиболее бедной и угнетенной части киргизского общества того времени. В «Песне девушки, выданной за старика», «Песне девушки, выданной за совсем молодого», «Песне девушки, выданной даром» и многих других звучит резкий протест против обычаев, по которым вся жизнь киргизской женщины — это рабство и гнет, против социальных условий, порождающих это рабство.

Прогрессивные стремления передовой части киргизского общества второй половины XIX века нашли свое отражение в обращенных к дехканам призывах Тоголока Молдо переходить на оседлую жизнь и освободить труд земледельца. О том, насколько это улучшило бы жизнь киргизских дехкан, Тоголок Молдо мог судить, наблюдая за жизнью и хозяйствованием русских крестьян-переселенцев. Именно об этом он пишет и в «Песне охотницы», «Гул ойрон» (так называет киргизка своего умершего мужа), «Белом баране и его хозяйце».

Большое влияние на рост национально-освободительного движения народов Российской империи, в том числе и киргизского народа, на развитие политического сознания масс оказали революционные события 1905 года. Эта революция открыла новую страницу и в творчестве Тоголока Молдо. Еще сильнее и откровенней звучат в его песнях обличительные мотивы, еще громче призывы к борьбе против социального зла и его почителей. Участвуя в поэтических соревнованиях — атишма, — Тоголок Молдо открыто и смело бросает вызов власти придерживающим, предвещает наступление дня, когда народ по заслугам воздаст своим угнетателям. Гулом набата звучит его песня:

Отомстишь ты в копце ковцов,
Придет этот день,
И дети твои найдут дорогу мести!

Понятно, что за такие стихи поэт не мог не подвергаться преследованиям. Он вынужден скрываться, переезжать с места на место. Ему приходится прибегать в своих песнях к языку аллегорий, иносказаний. Но и теперь он создает произведения, исполненные гнева к кровопийцам и деспотам, произведения, каждый намек в которых хорошо понятен простому народу. Примером может служить замечательная поэма Тоголока Молдо «Степные птицы и водоплавающие птицы».

Важное место в творчестве Тоголока Молдо занимают произведения просветительного характера, сыгравшие большую роль в истории культуры киргизского народа.

Истинного расцвета достигло творчество Тоголока Молдо после победы Великого Октября. С открытой душой, как самую великую и светлую радость встречает он торжество революции. В поэмах «Перемелы», «Советы», «Освобождение женщины», «Свобода» он воспеваает Советскую власть, давшую народу свободу и счастье. С глубоким восхищением и любовью он пишет о Ленине — творце новой жизни:

Да здравствует Ленин,
Показавший светлый путь!

В годы Великой Отечественной войны Тоголок Молдо горячо воспеваает патриотизм советских людей, дружбу и братство социалистических наций, призывает на битву с врагом.

Вся жизнь, все творчество Тоголока Молдо неразрывно связаны с жизнью родного народа. Как поэт он вырос на богатых традициях устного народного творчества. Большое влияние на формирование его таланта и мировоззрения оказали также письменные литературы народов Средней Азии, Поволжья, а позднее — великая русская литература. Он был хорошо знаком с поэзией Навои (и даже сделал прозаический пересказ его поэмы «Лейли и Меджнун»), Низами, Хафиза, читал произведения Абая и Тукая.

Замечательный акын-демократ, Тоголок Молдо оставил своему народу большое и прекрасное наследие. Его имя, его чудесные песни, в которых так полно и ярко выразилась душа киргизского народа, будут жить вечно.

1969

ПУТЬ К ВЫСОКОМУ ИСКУССТВУ

Это были годы тяжелой борьбы... В степях Казахстана, в песках Туркмении, в долинах и горах Узбекистана и Киргизии молодая Красная Армия громила басмачей, этих наемников англо-американских империалистов и их турецких пособников. Остатки басмаческих банд скрывались в горах и ущельях, по почам нападали на села, убивали детей и стариков.

Много зла и страданий принесло басмачество трудовому народу. Тысячи людей остались без крова. По дорогам Ферганской долины скитались голодные, оборванные дети — сироты жертв гражданской войны.

В трудные дни разрухи Коммунистическая партия и Советское правительство проявили великую заботу о восстановлении народного хозяйства, обеспечении мирной жизни трудящихся Туркестанского края. Особое внимание уделила партия нашим детям. По инициативе Феликса Эдмундовича Дзержинского были организованы детские дома. Среди воспитанников этих домов была и Сара Пшантураева — дочь крестьянина из Наманганской области.

Я ее помню еще очень молодой. Она была как горная газель с пугливыми глазами, в которых как бы запечатлелись ужасы народной трагедии в годы нашествия басмачей.

Помню, как она, видя вокруг себя новую, свободную жизнь, и сама постепенно оживала, как в ней пробуждалось сознание нового человека, хозяина земли. В семье советских детей она почувствовала дыхание большого счастья. У юной узбечки обнаружилось дарование, в драмкружке детского дома она исполняла главные роли.

Я вспоминаю первые костры на площади, в которых пылали мрачные покрывала — паранджи. Женщины Узбекистана по зову женотделов партийных комитетов освобождались от ярма, оставшегося от феодализма.

Вместе с паранджой горело и горе, веками терзавшее женщину Востока. Этот акт наш народ справедливо назвал «Худжум»; то было паступление света на мрак.

Сара любовалась этими пылающими кострами, их пламя отражалось в ее глазах.

Первые ласточки узбекской советской сцены, впоследствии известные деятели драматического искусства Мария Кузнецова, Абрар Хидоятов, Манлоп Уйгур — заметили талантливую девушку. Они привели ее на сцену первого узбекского драматического театра — театра имени Хамзы Хаким-заде Шилзи.

Будущая актриса внимательно следила за игрой старших товарищей на сцене, изучала их опыт, начала готовить роли. С настоящей теплотой, правдиво и задушевно передавала она на сцене мысли, переживания узбекской женщины. Зрители видели в ее глазах то пламя костров свободы, в котором сгорел мрак прошлого.

Недоставало, однако, знаний. В составе группы талантливой молодежи Сару направили учиться в Москву. Здесь она прошла большую школу мастерства. Она училась у Симопова, Толчанова, Свердлина и других крупных русских актеров и режиссеров, читала записки современников о великих мастерах русской сцены — Вере Федоровне Комиссаржевской и др. Она покорила своих педагогов искренним и проникновенным исполнением ролей из произведений классиков и современных советских драматургов.

Я помню Сару в начале тридцатых годов, когда она возвратилась из Москвы и начала создавать первые образы классической и советской драматургии на сцене театра имени Хамзы.

Я помню ее в ролях Офелии, Любови Яровой, Джамили, Дездемоны, Катерины. С каким блеском мастерства и с какой задушевностью и простотой исполняла она эти незабываемые роли!

Вот идет пьеса Хамзы «Бай и батрак». Зрительный зал взволнован тем, с какой жизненной убедительностью передаст актриса переживания Джамили, ее трагедию в байском доме, ее неволю и бесправие — все, что было характерно и типично для судьбы женщины в дореволюционном Узбекистане. Уже более четверти века исполняет Сара эту роль и каждый раз чарует зрителей сжестостью и правдой своего искусства.

Сарой Ишантураевой созданы десятки ярких образов женщин. Каждое ее выступление является событием в те-

атральной жизни республик и примером для молодого поколения драматических артистов Узбекистана.

Сара Ишантураева отлично знает жизнь своего народа, учится у него и служит ему. Своим живым словом она пропагандирует среди народа животворные идеи Коммунистической партии и призывает людей к самоотверженному труду во имя светлого коммунистического будущего. Наш народ любит свою талантливую дочь и гордится ею. Лауреата Государственной премии, народную артистку Советского Союза Сару Ишантураеву трудящиеся уже дважды избирали депутатом Верховного Совета СССР. Активная общественница, Сара Ишантураева является членом Советского Комитета защиты мира.

Таких талантливых женщин, как Сара Ишантураева, много у нас, в цветущем Узбекистане. Их воспитала и воспитывает великая Коммунистическая партия Советского Союза. О них радостно поет наш народ:

В стране у нас есть книга золотая,
Ее мы Конституцией зовем,
Там золотыми буквами, родная,
О счастье написано твоим.

1961

ИТОГ

Кем был и кем ты стал,
Что накопил в душе своей?
О сердце, дай отчет
И подведи итог.

Время от времени с садовыми пожницами в руках прохаживаюсь я по своему двору и подрезаю длинные бесплодные ветки роз, лишние плети виноградной лозы, высохшие отростки саженцев. Глаза и руки заняты нехитрым делом, а в голову сменяются одна за другой совсем иные картины.

Время от времени то же самое происходит со мной и за рабочим столом. Чернильница моя наполнена отличным чернилами. На стопочке белейшей бумаги блестит стальным пером новенькая ручка. Что-то хочется написать, много написать, написать интересно. Беру ручку, провожу какие-то линии, вычерчиваю фигурки, и сами собой возникают портреты людей, которых я знаю всю жизнь, изображения животных, доселе зоологам не известных. Цифры, какие-то формулы... Потом этот лист будет скомкан и выброшен в корзину. Глаза и руки как будто что-то делают, но сознание мое занято совсем другим.

Сегодня я именно в таком состоянии. Огромные события, гигантские новшества, непрерывно гудящая у моего уха симфония стройки, шквал двух тысяч детских голосов из-за забора соседней школы, шелест колес тысяч машин по асфальту, крики и смех молодежи — словом, в голове у меня звучит дорогая мне музыка солидного миллионного города — авторитетнейшего центра Востока в XX столетии.

Что-то хочу написать. Подвести итог...

Сорок пять лет! Переход от молодости к зрелости. Попробую подвести итог пройденного моим народом пути с первых дней Великого Октября.

Вот эти махалли тогда назывались «Толокняная», «Зарезавшая вола», «Колочес кладбище», «Черный камень», «Босой старик». Улочки эти имели и еще одно общее название — «Нищий-не-отыщет».

Можете ли вы себе представить женские волосы, не знавшие гребня? Могли бы вы их распутать? Если это

вам под силу, то сможете, паверпо, и по этим махаллям пройтись от начала до конца.

От казахстанского города Туркестана до самого Ташкента со всеми его кишлаками, на всю огромную территорию Сырдарьинской области был только один осноприпьяльщик — узбек, получивший официальное свидетельство от русских властей. Это был Юсуфджап-кары. Ему приходилось перхом на лошади, на осле, на верблюде или в вагоне третьего класса добираться от разъезда к разъезду, чтобы делать прививки от оспы детям бедняков. Человек этот не брал платы за свой труд. Сын его — наш крупный лирический поэт Шукрулло. Подобно Ахмаду Доппшу, Мукпми, Фуркату, такие люди, как Юсуфджап-кары, в былые времена пытались хотя бы одной свечой осветить мир простому человеку.

Примерно в середине первой мировой войны с фронта стали вагонами привозить опорки. Опорки — это что-то вроде сапог, только без голенищ. Их снимали или срезали с погибших солдат. Ишние ремесленники из махалли «Ключее кладбище» — Джамил-ака, его сын Кабир, Юлдаш-бегям и другие что-то приделывали к этим опоркам и продавали их как кавуши. Дешево и сердито.

Чтобы работать до позднего вечера, пужеп был какой-нибудь свет. Старьевщики продавали подобранную на вокзале, на заводских задворках промасленную ветошь. Из нее мы мастерили фитилл для коптилок.

Старьевщяку Шакариму каким-то образом перспал старый граммофон. Было к нему и несколько поломанных пластинок. Это были записи песен Хамракула-кары, Туйчи Хафиза, Садирхана, Нетайхана. По вечерам он заводил этот граммофон. Пусть мне поверят сегодняшние читатели, а не поверят — пусть разузнают у старожилов махалли Кургап-теги, как молоденькая мпловидная жепшипа по имени Санталатхон влюбилась в этот граммофон и пришла к Шакариму, оставив мужа-мельника.

На десять расположенных вокруг городских кварталов было всего три школы — две для мальчиков и одна для девочек. Учитель мужской школы в махалле Кургап-теги Хасаябай-домла, обучивший меня азбуке, был достаточно просвещенным человеком. Второй учитель, Шамши-домла, был озлобленный, полуграмотный неудачник. Наставница женской школы, старуха Хайрипи-со, была моей родной бабкой — матерью отца. Приветливая и терпеливая, она кротко и мужественно прпялла смерть восемнадцати сыновей в единственной дочери.

Успокоенно она находила в заботах о нас, осиротевших внуках, и в занятиях с ученицами.

В трех этих школах было около ста учеников...

Я вспоминаю обо всем этом, чтобы сравнить с настоящим.

Я вспоминаю об этом, чтобы законная гордость нашим настоящим не превратилась в зазнайство и самодовольство.

Сегодня канун годовщины Великой Октябрьской революции. Моя республика — неотрывная часть великой страны, именуемой Советским Союзом, — по справедливости получила название маяка социализма на Востоке. Среди восьмимиллионного населения республики все, кто старше семи лет, — грамотны. У нас имеется своя Академия наук, два университета, тридцать два высших учебных заведения, больше десяти тысяч начальных и средних школ, более тысячи техникумов и различного рода училищ, великое множество учебно-просветительных учреждений.

В издательствах Узбекистана ежегодно выходит в свет более тысячи наименований книг общим тиражом в несколько миллионов экземпляров. В их числе и книги нашего покорного слуги, каждая из которых издается тиражом самое малое тридцать тысяч экземпляров. Огромными тиражами выходят наши республиканские и областные газеты, многочисленные журналы и бюллетени. Значит, если прикинуть, наши издания читают миллионы людей. Впрочем, об этом свидетельствуют не только тиражи, но и общий высокий культурный уровень населения Узбекской республики.

Узбекистан — край передового земледелия. В этом году мы сдадим государству 3 миллиона 350 тысяч тонн хлопка (почти два миллиона тонн мы уже собрали и сдали). А кроме того — 15 тысяч 311 тонн шелковичных коконов, несколько миллионов штук каракульских шкур, много миллионов тонн свежих и сушеных фруктов, овощей, табака и т. д. и т. д. Здесь ведь речь не о том, какие именно богатства родит наша плодородная земля, а о людях, которые работают на этой земле и выращивают эти богатства. Все они — и простой колхозник-дехкан, и агроном, тракторист, прицепщик, и водитель хлопкоуборочной машины, зоотехник и ученый-селекционер — все они выросли и сформировались в нашу социалистическую эпоху, в эти сорок пять лет революционного творчества.

Значительная часть выращенного в Узбекистане хлопка здесь же и перерабатывается. Ташкентский текстильный комбинат — один из крупнейших в Советском Союзе. Высококвалифицированные рабочие комбината вырабатывают миллиарды метров тканей и одевают миллионы людей.

Узбекистан — крупная, высокоразвитая индустриальная республика. Большая часть необходимых в хозяйстве машин изготавливается здесь же. Завод «Ташсельмаш» удовлетворяет не только внутренние нужды нашей республики и страны, но и обеспечивает сельскохозяйственными машинами несколько соседних азиатских стран.

Электроэнергия, приводящая в движение тысячи станков и механизмов на наших заводах, комбинатах и фабриках, вырабатывается тоже в самой республике. Каждый год переходят с бумаги в бетон и стальные конструкции проекты новых гидро- и теплоэлектростанций. Мы сами вырабатываем теперь цемент, пркат (пу, а не хватит, так и Темиртау недалеко — подкипнет, что нужно!), добываем уголь, нефть, газ, медь и золото.

На месте, где лет десять назад в беспорядке были разбросаны крохотные сады и огородики, вырос многоэтажный жилой массив Чилаузар. Его можно сравнить с московскими Черемушками. Город в городе.

Что бы мне еще сравнить, о чем вспомнить?

Написать ли мне о появившихся за сорок пять лет индустриальных городах химиков, металлургов, ученых — Чирчике, Бекабаде, Алмалыке, Ахангаране, Ленинке, Навои, Беруши, Улугбеке, Янгире, Гулпестане?.. Если задаться целью написать обо всем, то, как сказал бы восточный поэт, все листья на кустах и деревьях пужно бы превратить в бумагу, воду во всех арыках и реках — в чернила, весь тростник — в каламы, а звезды на небе — в костяшки для счетов. Но и тогда всего не опишешь — жизни не хватит.

Таков главный итог сорока пяти лет. Но трудно считать, когда все в движении, в динамике, на подъеме.

Прошел год после XXII съезда нашей славной ленинской партии, начертавшего величественную программу строительства коммунизма в нашей стране. Вместе с другими братскими республиками осуществляет эту программу и наш солнечный край. Алмалыкский медно-обогатительный комбинат, Ахангаранский цементный завод, Ферганский нефтеперерабатывающий завод, Ферганский азотно-туковый завод — все они одного — прошлого года

рождения. За один этот год только в Ташкенте завершено строительство зданий двадцати пяти средних школ...

Я еще продолжал подводить итоги, когда зазвонил телефон: просили кого-нибудь из нашей семьи приехать в аэропорт для участия в торжественной встрече высокогo зарубежного гостя. Что же делать? Ни одного из пятерых сыновей дома нет. Старший — философ, директор Института философии и права Академии наук Узбекистана. Он на работе. Второй сын — физик. Он тоже на работе в своем институте. Две невестки и третий сын — аспиранты. Они на занятиях. Четвертый сын учится в одиннадцатом классе. Сегодня у них практика на заводе. Пятый сын тоже на заводе... Как же быть? Бросить статью и самому в аэропорт ехать? Но статью ждут в редакции. Я обещал. К тому же вечером мне выступать по телевидению, а это вам не граммофон Шакарима — подготовиться пужно. Позвоню-ка я в редакцию «Ташкентской правды» — там моя дочь Алмасхон работает. Она журналист, пусть и идет встречать зарубежного гостя. А я буду заканчивать статью. Я буду заканчивать ее словами любви и глубокой, искренней благодарности Владимиру Ильичу Ленину и созданной им Коммунистической партии. Потому что всем, что мы имеем сегодня, всем достатком и счастьем своим, своей свободой и процветанием мы обязаны Ленину и ленинской партии!

1962

ПОЭТ УЗБЕКСКОЙ СЦЕНЫ¹

Шукур Бурханов — поэт театра! О том, как и где родилось это определение, нам рассказали актеры театра Хамзы.

Летом прошлого года театр выезжал на длительные гастроли в Бухарскую область. В спектакле «Мирза Улугбек», который шел под открытым небом на колхозном стане, Бурханов читал известный монолог Улугбека. Глубокая тишина. И вдруг один из зрителей, старик-хлопкороб, прославленный в тех краях мастер своего дела, воскликнул: «Поэт! Истинный поэт!»

Он сказал это с той особой любовью и благоговением, с какими произносят на Востоке великое слово «поэт». И может быть, сам того не подозревая, дал наиболее точное и полное определение сценического дара Шукура Бурханова.

Да, Шукур Бурханов — поэт театра!

Вот одно из последних театральных впечатлений: «Мирза Улугбек». В мрачном здании — подземной тюрьме — беседует Улугбек — Бурханов с восьмидесятилетним стариком, заключенным сюда Тимуром за предводительство народным восстанием. Улугбек готов помиловать старика, он уверяет заключенного в том, что в стране многое изменилось. Но человек из народа не верит в разум правителя, в добрые деяния Тимуридов. Наступает пауза. Как много благодаря превосходной игре Бурханова говорит зрителю это молчание! Без слов рассказывает нам актер о печальных раздумьях и горестных выводах своего героя. Истинное крушение Улугбека совершается на наших глазах. Он постигает трагические противоречия мира, но он не в силах одной своей волей преодолеть их.

А Брут, который стал главным героем спектакля

¹ Статья написана в соавторстве с кандидатом искусствоведения Я. Фельдманом.

«Юлий Цезарь»! Актер создает образ человека могучего интеллекта и редкой воли, все силы которого направлены на то, чтобы освободить народ из-под власти деспота.

Какой горячий отклик вызывают эти образы у наших современников! «Тайна» неотразимого обаяния и доступности искусства Бурханова — в истинной народности и глубокой современности его творчества. «Сценический язык», которым так искусно владеет актер, основан на прогрессивных художественных традициях узбекского народа, развитых и обогащенных системой К. Станиславского, на глубоком внимании к действительности, к внутреннему миру человека.

Этим доступным «сценическим языком» он пользуется для передачи идей и проблем, важных его современникам, и одна из них, поднятая в «Улугбеке» и «Юлий Цезаре», — проблема «героя в народ».

Создатель образов гуманистов разных эпох и народов — пламенных мечтателей, протестантов, энергичных преобразователей жизни, Бурханов в образах Ленина (он исполнил роль вождя в четырех спектаклях) и верных сынов Коммунистической партии (он играл Фрунзе, Юлнуса Фучика, генерала Рахимова и многих героев революционной эпохи) нашел совершенное, гармоничное единство пламенной мечты с героическим действием. Эта пламенная мечта выражала революционные идеалы народа. Героическое единство действий опиралось на сознательную волю и творческую мощь масс. Вот почему Бурханова можно назвать актером ленинской темы. «К Ленину» ведет весь предшествующий опыт актера. Высочайший критерий самого великого в человеческом из людей диктовал актеру оценку, определенный подход к любой из ролей и ее решение.

Темперамент мысли, напряженность страстей, мощная эмоциональность характерны для многих образов, созданных Бурхановым. Его путь — это постоянные искания. Вдохновенное творчество, подчас высокое высоким гражданским идеалам.

ЗАЛОГ НОВЫХ УСПЕХОВ

Сколько перевидал я, старый узбекский поэт, на своем веку всяких абстракционистов, кубистов, имажинистов и прочих формалистов! Видал я их и в нашей стране, и во время своих зарубежных поездок. Не припомню, однако, такого случая, чтобы простые трудящиеся, чьими мозолистыми руками создаются все блага земли, признавали их «творения».

Те из абстракционистов, вокруг произведений которых в свое время поднималась сенсационная шумиха, давно забыты народом. Казалось, уже одно это обстоятельство должно бы заставить задуматься поклонников всяких формалистических вывертов. Но нет: даже в наше время нашлись люди — благо их мало, — пытавшиеся сбить искусство с большой и широкой дороги народности и социалистического реализма.

А ведь абстракционизм, формализм — одна из форм буржуазной идеологии. Вот почему рассуждения некоторых свободолюбивых эстетов о том, что, мол, в области литературы и искусства могут мирно уживаться буржуазный «модерн» и социалистический реализм, являются вредными. Они льют воду на мельницу паших идейных противников.

Я с глубоким волением и с большим внутренним удовлетворением встретил страстную, принципиальную критику в адрес сторонников абстрактного искусства, в адрес тех, кто прикрывает свою оторванность от народа громким и пустым фразерством.

Лучшие произведения советской литературы убедительно показали, что произведение искусства может стать по-настоящему народным только тогда, когда оно воспекает героизм и красоту человека, славит величие его дел и зовет к светлым далям.

Наши праги нередко клеветают на нас, будто мы не можем писать суровую правду. Какая чушь! Вот один из тысяч возможных примеров, опровергающих эту злобную выдумку. Недавно я смотрел новый художественный

фильм, снятый на студии «Узбекфильм», «Ты не сирота». Этот фильм, несмотря на трагичность своего содержания, оставляет светлое впечатление в сердцах зрителей. Потому что он рассказывает не столько о тяжести страданий наших детей в годы войны, сколько о благородстве простых советских людей, согретых заботой материнской заботой и лаской. Фильм зовет к добру, учит бороться и побеждать трудности.

Творчество — сложный процесс. Подчас иной писатель удивляется — как это так? Взял хорошую тему, трудился в поте лица, а критика, читатели не принимают вышедшее в свет произведение. Один литератор в такой ситуации на всех обижается, другой тешит себя сладким обманом: не досрели, мол, читатели до понимания его опусов. Вот лет через сто, через двести...

И скучно и грустно слушать подобные рассуждения. Истинное произведение искусства всегда находит дорогу к сердцу читателя. А писатели, которых, как они считают, обидели, особенно молодые, нередко забывают о том, что художественное произведение должно быть... художественным, волнующим не только своим содержанием, но и мастерством его воплощения. Чем ответственней тема, тем с большей требовательностью должен писатель относиться к образной форме ее решения.

Мы, деятели литературы, должны постоянно работать над совершенствованием своего писательского, профессионального мастерства, вникать в волшебную тайну слова. Очень важно также положить конец либеральному отношению к произведениям, лишенным художественных достоинств. Надо смелее и шире развивать нелицеприятную критику недостатков в творчестве товарищей по перу, самокритичней относиться к своему собственному творчеству. К этому призывает в этом учит нас партия. В этом залог наших новых успехов.

1963

ОН — В СЕРДЦЕ КАЖДОГО

Думаю, что среди моих ровесников — советских писателей старшего поколения — нет ни одного, кто бы так или иначе не обращался к дорогому образу Владимира Ильича Ленина, кто не мечтал бы и не попытался запечатлеть в своем творчестве незабываемые черты великого вождя великой революции.

Помню, с каким неизъяснимым волнением и радостью читали мы, только что научившаяся грамоте молодежь, исторический Декрет Владимира Ильича о создании Среднеазиатского государственного университета, как ездил на старый ташкентский вокзал встречать первых русских ученых, приехавших сюда из Москвы в Петрограда, помню, как затем собирались в холодных аудиториях бывшей гимназии слушать их первые лекции.

А с каким напряженным вниманием слушали мы страстные революционные выступления М. В. Фрунзе, других посланцев партии на площадях старого города!

В их голосах мы опять-таки слышали голос Ленина, в их улыбках видели улыбку Ленина. И может быть, поэтому многие из нас прямо с этих площадей уходили на фронт, на борьбу с басмачами.

Пожалуй, самое удивительное ощущение того времени, даже в тяжелые дни болезни Владимира Ильича, было такое: Ленин жив — значит, все будет в порядке, Ленин жив — значит, ничто в мире не в силах сломить нас!

Но смерть пришла. Телеграф передал короткое жестокое сообщение: Ленин умер...

Никогда не забуду этот тяжелый, трагический день. Эти толпы людей в чалмах и рваных ватных халатах, стихийно собравшихся на площади перед зданием правительства. Не забуду, как плакали, не стыдясь своих слез, эти люди, — дехкане, ремесленники, рабочие, красноармейцы — безграмотные, но всем сердцем постигшие значение ленинской революции.

Молча, почти без слов готовили мы траурные помера газет. Один за другим приходили в редакцию поэты. Среди них, помню, Айбек, Гайрат, молодой Уйгун. Они молча клали на стол свои стихи. Это были стихи о горе народном, о непобедимости дела Ленина, о торжестве революции.

Свое первое стихотворение о Ленине, о том, что испытывал, узнав о его кончине, написал в этот день и я.

За годы творчества, обращаясь к дорогому, немеркнущему образу Ильича, я написал о нем, об идеях его и о том, как эти идеи осуществляются в жизни, десятки стихотворений. Ему посвятил я и главы своих поэм. Особенно часто обращаюсь я к образу Ленина в последние годы. Не так давно я завершил новую книгу «Ленин и Восток», в которой пытался рассказать о значении ленинской мысли и дела Ленина для народов Востока.

И все же, уже закончив и выпустив книгу, я понял, что не смог передать и десятой доли тех чувств, раздумий и сиповней любви, которые я испытываю каждый раз, когда думаю об Ильиче, читаю его бессмертные творения. Так происходит — я чувствую это, когда читаю книги о Ленине моих ровесников, — и со многими другими поэтами моего поколения.

Вот почему, будучи сам уже старым поэтом, я мечтаю о поэме, которую, может быть, напишет будущий поэт и в которой я увижу живой, близкий сердцу каждого из нас образ Ильича во всем его величии, благородстве и красоте.

МЫ ВСЕ ПОЕМ ЭТОТ ГИМН

Ответное письмо казахскому поэту Куандыку Шингитбаеву¹

Дорогой брат!

Отвечая на братское приветствие, говорю тебе: валайкум ассалом!

...Рассветает. Сажу и снова перечитываю взволновавшее меня письмо. Из окон комнаты виднеются на небе яркие звезды. Вижу созвездие Большой медведицы, а чуть подальше — Малую. Вон сияет Полярная звезда. На сколько световых лет далека она от нашей Земли — не могу сказать, я не астроном. Но знаю одно: как бы ни была далека, она, эта звезда, всегда близка моему сердцу. Ибо советские люди Кремлевские звезды считают символом северной Полярной звезды.

На стенах кабинета — портреты и фотографии учителей и друзей моих. И кажется мне, что они также склонились над этим письмом.

Вот Алексей Максимович Горький — наш великий учитель. Сфотографирован в 1934 году, в дни работы первого съезда писателей страны. Вижу у себя в доме за столом усто Садриддина Айни. Рядом с ним — мой наставник Владимир Маяковский. На столе клуба санатория железнодорожников в Сочи читает он свою поэму «Во весь голос». А Лахути заспят на даче в Душанбе за беседой с Айни. Сидящий за роялем человек — это Хамза Хаким-заде Ниязи, классик узбекской советской литературы. С лопатой в руке я вижу моего друга Хамида Алимджана — он среди строителей Большого Ферганского канала на участке Кюйган-яр. А вот Самед Вургун, Мухтар Ауэзов. Они живут вместе с нами. Это — мои братья, близкие друзья, крупные представители многонациональной советской литературы. Вот на этом фото ты видишь Берды-ага Кербабаева, выступающего в Невит-

¹ Письмо К. Шингитбаева «Я пою братство», адресованное Гафуру Гуляму, было опубликовано в газете «Правда Востока» 6 февраля 1963 г.

Даге. А этот снимок относится к 1937 году — в Чимгане у входа в юрту Айбек читает мне «Евгения Онегина» в своем переводе. Рядом с ним Микола Бажан. На Всемирном конгрессе в защиту мира он слушает речь Николая Тихонова. Здесь же сфотографированный на приеме у Джапахарлала Неру поэт Мирзо Турсун-заде. За редакторским столом сидит Сулейман Рустам. На другом снимке ты видишь Алексея Суркова. По пути домой из Индии он был моим гостем. Познакомься: это Камиль Янец, председательствующий на первом вечере Декады узбекского искусства и литературы в Армении. А это всемирно уважаемый старейшина советской литературы Павло Тычина. Александр Твардовский же сидит за работой над новым вариантом своей поэмы «За далью — даль». Этот человек с дипломом лауреата Ленинской премии — Петрусь Бровка, другой — Лалы Токомбаев, третий — Георгий Ломидзе.

Одним словом, на меня смотрят с этих стен многие мои друзья, люди, которые вот уже сорок — сорок пять лет борются и вдохновенно трудятся во имя счастья великого советского народа. И поэтому кажется мне, что это письмо я пишу вместе с ними.

Дорогой брат!

В начале своего письма ты упоминаешь о моей встрече с Сабитом Мукановым, о его разговоре двумя часами раньше с Берды-ага и охватившей тебя глубокой зачарованности такой прекрасной, искренней и неповторимой дружбой между представителями старшего поколения советской литературы.

Да, дружбе этих писателей, деятелей культуры, которые принадлежат к первому поколению советских литераторов, можно позавидовать. Это та самая священная дружба, которую основал и выпестовал Владимир Ильич Ленин. Им принадлежат первые революционные стихи и песни, рассказы и романы, созданные в первые годы Советской власти, в годы гражданской войны, пэпа, ликвидации басмачества, преодоления несознательности, безграмотности и темноты.

В проведении земельной реформы, в строительстве Харьковского тракторного завода, в выполнении грандиозного плана ГОЭЛРО, в создании первых земельных кооперативов, артелей и колхозов, в борьбе с религией, национализмом и троцкизмом они, эти литераторы, были рядом и активно помогали партии великого Ленина. Они же боролись за доведение до масс всех указаний партии,

направленных на превращение отсталой страны в государство крупной и могучей индустрии. Это они пели гимн пятилеткам. Наконец, это те люди, которые рядовыми бойцами смело шли в бой, и многие пали в битвах против вторгшихся на нашу священную землю кровавых, зверных фашистских полчищ. Это они воспевали мощь, славу и единство советского народа, под знаменем великого командующего — ленинской партии — победившего в этой битве. Это они воодушевляли людей на новые победы и создавали летопись нашего героического времени.

Годы восстановления после Великой Отечественной войны, великий путь перехода от социализма к коммунизму, красота нашей Родины, мощь партии, мир и труд, дружба народов, счастье и благоденствие — чьи устами прославлены они? Устами моих ровесников, моих друзей, победоносно шагающих в своем полупековом боевом строю. Да, нашему братству, закаленному в борьбе и труде, стоит позавидовать.

Дорогой брат!

Молодое поколение многонациональной советской литературы, представителем которого ты являешься, приходится учеником моим братьям. Вам в наследство мы передаем все те лучшие качества, которые воспитаны в старшем поколении партией коммунистов.

Мы — многонациональный монолитный народ. У нас общая для всех наций священная ленинская идея — строительство коммунизма в нашей стране. Мы имеем могучую индустрию. Наше сельское хозяйство ведется на основе современной агротехники.

Мы обеспечены всем необходимым в жизни. Наша молодежь, наши юноши и девушки, учатся в начальных, средних и высших школах. Все братские нации у нас пользуются одинаковыми правами. У нас общие цели и интересы.

Многие тысячи лет на соседних землях живут рядом узбеки и казахи. История одного из них — это история и другого. Когда в Копланбеке зажигаются огни, в Ташкенте виден их свет. Когда в Чимкенте заиграют свадьбы, ташкентцы — в гостях. Хлопкороб-узбек посвящает казахского хлопкороба в тайны получения высоких урожаев, а животновод-казах передает свой богатый опыт узбекскому чабану. Во многих ташкентских вузах, особенно в Государственном университете, обучается много казахских юношей и девушек. Покойный Мухтар Ауэзов учился там же.

Щедроты, гостеприимство казахского народа похожи на его необъятную землю, раскинувшуюся от границ Китая до Каспия, от Оренбургских степей до Ташкента.

В прошлом году в Казахстане состоялась Декада узбекского искусства и литературы. Нам еще раз посчастливилось увидеть часть этой обширной территории. Мы были в Алма-Ате и Кокчетаве. Ездил в Темиртау, Караганду, Целиноград, на Балхаш, были в гостях у чабанов крупнейших совхозов. На многочисленных встречах мы познакомились с рабочими, колхозниками, животноводами, учеными, партийными и советскими работниками, с людьми, которые дают стране сотни миллионов пудов хлеба, миллионы голов скота, миллионы тонн стали и угля. Богатство, экономика, культура, возможности казахской земли можно исчислять только астрономическими цифрами. Как и во всех уголках нашей великой Родины, на этой земле строится могучая экономическая база коммунизма. И хозяин этой земли — щедрый, трудолюбивый, талантливый казахский народ.

Дорогой брат!

Точно не знаю, ездил ли ты в последние годы по Узбекистану. Если нет, я охотно тебе расскажу о нем. Как и другие союзные республики, наш Узбекистан расцветает с каждым днем. В Ташкенте проживает сейчас более одного миллиона человек. Здесь находится один из крупнейших текстильных комбинатов Советского Союза. Из выращенного своими же руками хлопка мы вырабатываем различные ткани и одеваем миллионы людей. У нас имеется целый ряд заводов машиностроения. Ташкент — кузница десятков тысяч высококвалифицированных рабочих. Одновременно он является и храмом науки. Здесь Узбекская Академия наук, десятки высших учебных заведений.

В этом году узбекские хлопкоробы должны дать Родине 3 миллиона 566 тысяч тонн «белого золота». Механизированное от сева до сбора наше хлопководство получает нужные машины из родного Ташкента. Необходимый заводам металл предоставляет Бекабад — город стали. У нас уголь идет из Ангрена, нефть и газ — из Бухары, Сурхандарьи и Андижана. Ты, конечно, знаешь об открытии крупного месторождения газа — о Газли и Бухаре. От Газли до Урала сейчас прокладывается трасса «голубого огня». В скором будущем уральская кузница будет работать на узбекском газе. Этот газ получил и Чимкент,

один из промышленных центров братского казахского народа.

У нас появились такие новые города, как Ангрен, Алмалык, Янгийер, Чирчик, Навои, Улугбек. Их мы построили за последние пятнадцать-двадцать лет. В Ангрене вступила в строй самая мощная в Средней Азии ГРЭС. В Ахангаране — крупнейший цементный завод. Запрудил в нескольких местах Сырдарью, эту живительную артерию, мы построили мощные электростанции. Наш Мирзачуль берет воду из новых каналов, проложенных нами от Сырдарьи. Построив Каракумский канал, наши братья-туркмены превратят сотни тысяч гектаров пустыющих земель в цветущий оазис. Каракумский канал сейчас проложен до Ашхабада. У Чарджоу, на правом берегу Амударьи, мы также прокладываем канал до Бухары. Десятки тысяч новых земель будут давать драгоценный хлопок.

В письме мне, конечно, трудно подробно рассказывать об экономике моей республики, о всех ее стройках, о возможностях и перспективах. Для примера скажу только о Голодной степи.

Претворяя в жизнь подписанный великим Лениным Декрет, шаг за шагом подчинял себе узбекский народ Голодную степь, превратил ее в цветущий сад. Здесь появились десятки новых совхозов, проложены новые железные дороги, построены новые города. Совместным самоотверженным трудом казахский и узбекский народы превратят Голодную степь в еще более прекрасный цветник коммунизма. Поручкой тому — наше нерасторжимое братство, наша крепкая дружба. Мы с тобой являемся свободными гражданами великого Советского Союза, и поэтому наша дружба не имеет границ. Великий русский народ — наш старший брат. Настоящему братству мы учились у него. «Я пою гимн братству» — пишешь ты. Этот гимн — наш общий гимн, его поем мы все.

Будь здоров, мой дорогой брат, передай привет всем друзьям. Пусть скорее наступит наше заветное великое будущее — коммунизм!

1963

САЛОМ, НАШИ СТАРШНИЕ БРАТЬЯ!

Речь на открытии Декады русской литературы и искусства в Узбекистане

Дорогие братья — деятели великой русской литературы и искусства!

Прежде всего, приветствуя вас и поздравляя на узбекской земле с открытием Декады, я хочу обратиться к великому русскому народу, культуру которого вы здесь представляете, со словами величайшей благодарности.

Русский народ — духовный наследник лепинских идей, показавший пример борьбы за свержение царизма и капитализма, беззаветно служивший делу всенародной борьбы за социализм, именно он — наш старший брат — посеял в узбекском народе благодатное зерно социалистического сознания, и его посевы ваошли в миллионах душ наших простых людей.

Большую роль в этом сыграли великая русская литература и искусство. Обращая свой взор на главные рубежи социалистического строительства, на главные магистралей нашей жизни, литература и искусство русского народа воспитывали узбекский народ, как и другие народы Советского Союза, в сознании полного единства личных, общественных и народных интересов, воспитывали в людях чувство семьи единой, связывая их неразрывными узами братства.

Как верный друг, русская литература и искусство всегда были с народом, пристально следили за жизнью, с восторгом и страстностью искали, по-боевому поддерживали все новое, несли народу голос партии.

Нам, литераторам Узбекистана, литература и искусство русского народа были добрым другом, учившим быть ближе к жизни, улавливать новое и прокладывать ему дорогу, помогали осознать и глубоко освоить творческий метод социалистического реализма, накопить мастерство.

Сердечное спасибо и земной поклон нашему старшему брату — русскому народу — и вам, его представителям, за братскую помощь, за верность великим заветам выдающихся русских творцов и мастеров слова, кисти, музыки и театра, за боевитость в борьбе, за претворение великих задач, поставленных Программой нашей родной партии.

Пусть крепнут изо дня в день творческие связи русских и узбекских деятелей литературы и искусства!

1963

ПАМЯТИ Е. Э. БЕРТЕЛЬСА

Постоянство и правдивость ледь не каждому даны!

Хафиз

Шесть лет тому назад ушел от нас один из лучших представителей русского советского востоковедения, выдающийся ученый-ориенталист, знаток персидско-таджикской, туркменской, азербайджанской, турецкой литературы, староузбекского языка и узбекской классической поэзии Евгений Эдуардович Бертельс.

Мне, как восточному поэту, был истинно дорог Евгений Эдуардович Бертельс — неутомимый ученый, глубокий знаток более двадцати языков и культур народов мира. Он был одним из тех ученых, которые душой преданы богатой и своеобразной культуре народов Востока.

Разве я, поэт узбек, могу прочесть хладнокровно следующие строки из его замечательной монографии «Навои»:

«Ленинградские востоковеды оказались в кольце блокады. Но и в этих тяжелых условиях работа продолжалась. Пишущему эти строки пришлось выступать в декабре 1941 года на заседании, посвященном творчеству Навои и протекавшем под жестокой бомбежкой и артиллерийским обстрелом. И хотя заседание шло в верхнем этаже здания, качавшегося под тяжелыми ударами с воздуха, никто из участников не покинул залы, и заседание было доведено до конца!»

Фашистские варвары разрушали города, грабили мирные селения, уничтожали культурное наследие народов, созданное в течение тысячелетий, а русский ученый под гром артиллерийских залпов в окруженном и осажденном городе, невзирая ни на смерть, ни на голод, читал доклад, посвященный творчеству узбекского поэта Алишера Навои!

Евгений Эдуардович Бертельс горячо отстаивал самобытность и оригинальность великих творений замечательных сынов Востока. Еще в 1928 году на примере глубокого сравнительного анализа поэм Фарид ад-Дина Аттара «Мантик ат-тайр» и Алишера Навои «Лисан ат-

тайр» он убедительно доказал, что творения Навои не являются лишь подражанием персоязычной поэзии, как считали некоторые ученые. Еще тогда Е. Э. Бертельс заявил — большой художник, неповторимый мастер слова, он «человек с широким образованием, разнообразными интересами, огромным жизненным опытом и, что для нас еще ценнее, большим сердцем, полным любви к окружающим его людям и во имя этой любви способным забыть и простить все их недостатки». Евгений Эдуардович еще тогда писал о Навои: «Есть художники, заставляющие нас преклоняться перед ними, но иногда человек заслоняет собой художника и, помимо преклонения перед своим дарованием, требует от нас любви к себе как к человеку. Таким человеком был Мир-Али-Шир Навои».

Большое внимание уделял Евгений Эдуардович Бертельс бережному хранению рукописей произведений классиков Востока, нередко сам участвовал в их спасении. Так в 1930 году он нашел и сохранил одну из древнейших рукописей Алишера Навои, переписанную еще при жизни поэта. Эта рукопись хранится сейчас в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН УзССР. Она стала основой многих изданий «Пятерницы» Навои.

Есть люди, имена которых занимают почетное место в истории человечества. Их жизнь и духовный облик, как небесные светила, никогда не померкнут и вечно будут звать человеческое общество к прогрессу и просвещению. Все лучшие годы жизни Евгения Эдуардовича Бертельса, вся деятельность его были посвящены изучению и пропагандированию их бессмертных творений. Именно поэтому всегда будут читаться и труды Евгения Эдуардовича, посвященные исследованию их классического наследия.

...Написав эти строки, я вспомнил следующие стихи великого Хафиза, которые часто произносил наш общий друг, дорогой Садриддин Айни, когда думал о своих близких, но уже ушедших из жизни друзьях:

Да сохранится в нашей памяти день встречи с любимыми
друзьями,

Да сохранится в нашей памяти, да сохранится в памяти та
счастливая пора!..

Тайны Хафиза остались отныне несказанными.

О горе, да сохранится в нашей памяти все те, кто бережно
хранит его тайну!

СЛОВО О ДВУХ СВЕТИЛАХ

Я — поэт Востока, и потому все классики восточной поэзии являются мне родней — и Адам персидской поэзии Абу Абдаллах Рудаки, и Абулькасим Фирдоуси, и Омар Хайям, и Муслихаддин Абу Мухаммед Саади, и Шамседдин Мухаммед Хафиз, и Низами Гянджеви, и Абдурахман ибн Ахмад Джами, и Алишер Навои, и Мухаммед Физули. Я воспитан на их традициях. Моя мать пела мне их стихи, когда я еще лежал в колыбели. Красоту и великую мудрость их гениальных творений я впитал в себя, можно сказать, с материнским молоком. А то, что вошло в кровь с материнским молоком, как говорил сладкозвучный Хафиз, никогда не забудется.

Один из моих праотцов — выдающийся поэт и мыслитель Востока Абдурахман ибн Ахмад Джами. Я всегда с затаенным восторгом читал и перечитывал его сочинения. Я учился у него понимать поэзию. И, может быть, именно потому мне трудно бывает говорить об этом гиганте мысли и слова, давать ему какую-то оценку. И еще потому, наверное, испытываю я эту трудность, что нельзя, невозможно каким-то одним или несколькими словами охарактеризовать его личность, его бессмертное творчество. Он слишком велик и слишком многогранен. Творчество Джами — это невиданное до него разнообразие жанров, удивительная идейно-художественная глубина.

Вот почему я не ставлю перед собой задачу дать всеохватывающий анализ его произведений. Неуместны и общие восхваления в его адрес, ибо, как справедливо заметил Бабур, солнце не нуждается в свете лампад.

Я позволю себе остановиться лишь на одном вопросе — на вопросе о взаимоотношениях Абдурахмана Джами с узбекской литературой, особенно же на взаимоотношениях Абдурахмана Джами и Алишера Навои, поскольку в литературной жизни XV века имена этих двух

великих поэтов возпышаются рядом, как две вершины одной скалы.

Но прежде — несколько слов о литературной жизни Хорасана в XV веке.

В ту далекую пору Хорасан населяло великое множество различных народов: правоязычье, народы тюркского происхождения, афганцы, монголы. Здесь можно было встретить также персидцев, арабов, азербайджанцев. В связи с переходом власти к тимуридам влившие тюркских народов в общественной и политической жизни страны стало крепнуть и возрастать. Однако в области художественного творчества, особенно в области поэзии, персидский язык и в эту эпоху продолжал доминировать. Даже некоторые поэты тюркского происхождения, такие, к примеру, как Бадриддин Хилоли, свои стихи продолжали писать на персидском языке. Но в целом к этому времени в поэзии намечаются существенные изменения. Появился ряд талантливых поэтов, которые, ориентируясь в первую очередь на художественно-эстетические вкусы своего народа, пишут на тюркском языке. Населенность Хорасана персоязычными и тюркоязычными народами усилила в литературе черты двуязычности. Многие поэты, живущие в Хорасане в этот период, пишут и на персидском, и на тюркском языках. Таковы Мавлоно Лютфи, Амир Шайхия Сухайли, Ходжа, Асафия, Мавлоно Бийон и многие другие. Среди них, современников, особенно выделяется Алишер Навои. Большинство своих произведений он создал на тюркском языке, но оставил потомкам и прекрасный диван, написанный на персидском — «Девони Фолли». Будучи по рождению тюрком, он, как иемпогне, знал и умел оценить персидскую литературу.

Двуязычие многих представителей персидской и тюркской литературы того времени закономерно привело к взаимному сближению и взаимному обогащению этих культур.

Имя Абдурахмана Джами, великого ученого и поэта, связано с самыми значительными явлениями истории узбекской литературы, с самыми трогательными страницами летописи персидско-узбекских литературных связей. Многие узбекские поэты, отдавая должное его гению, признавали Джами своим учителем и наставником. С Абдурахманом Джами многие годы дружил мудрый старец Герата, великий лирик Мавлоно Лютфи. Большая разница в возрасте не стала помехой для этой высокой дружбы, и, как

повествует о том в своем тазкире «Маджалисун — изфаис» Алишер Навои, именно к Джамии, почувствовав приближение смерти, обратился Лютфи с просьбой на персидском языке завершить начатую им газель, с тем чтобы она была включена в диван тогда еще молодого поэта. Завещание Лютфи было выполнено: в диване Джамии есть газель, первые строки которой написаны рукой Маглоно Лютфи.

Но особенно глубокая и сердечная дружба связывала Джамии с Алишером Навои. Конечно, Джамии на 27 лет был старше Навои. Навои всегда отзывался о нем как об учителе. Но это не мешало им дружить очень искренне, помогать друг другу, учиться друг у друга.

Тесные отношения Навои с Джамии начали складываться после того, как Султан Хусейн в 1469 году занял гератский престол тимуридов и назначил Навои на ответственную должность мухрара. Эта дружба была подкреплена и официальным вхождением Навои в 1476—1477 годах в орден «Сулук накшбанди», которым руководил Джамии. Это как бы символизировало единодушие Навои и Джамии по многим важнейшим вопросам религии, политической деятельности, науки, литературы и искусства.

Джамии очень скоро почувствовал редкий поэтический талант Навои, оценил его тонкий эстетический вкус и стал считать его самым искусным ценителем поэзии, способным дать верный совет.

Джамии на год или два раньше, чем Навои, приступил к созданию своей «Хафт авранг» — своеобразного «ответа» на «Хамсу» Низами. Навои хоть и чуть позже начал свою «Хамсу», но раньше ее закончил. Работа Джамии над «Субхатул — аброр», «Юсуф и Зулайхо», «Лейли и Меджнун», «Хирадноман Искандарий» проходила почти одновременно с работой Навои над соответствующими частями его «Хамсы». В процессе создания «Хамсы» и «Хафт авранг» поэты очень часто общались, советовались, искренне радовались творческому успеху друг друга.

Джамии высоко ценил и дружески поддерживал Навои как государственного деятеля и мецената. Об этом свидетельствуют и письма Джамии, хранящиеся ныне в музейных архивах, и теплые слова одобрения, содержащиеся в заключительной части поэмы Джамии «Юсуф и Зулайхо». Очень сердечно и поэтично пишет Джамии о чувствах дружбы и любви к Навои в предисловии к своей поэме «Лейли и Меджиун», где особо подчеркивает гуманистический ха-

рактор деятельности поэта и государственного мужа. Но самую высокую оценку поэтического творчества Навои содержит в себе заключительная глава поэмы Джами, посвященная Навои и его «Хамсе».

Столь же высокой, а порой и восторженной была оценка, которую давал Навои творчеству Абдурахмана Джами. Достаточно сказать, что каждая поэма «Хамсы» Навои содержит специальную главу, посвященную восхвалению Джами. Навои считал Абдурахмана Джами одним из самых великих поэтов, равным Низами и Хосрову Дехлеви в области эпического творчества, не уступающим Мухаммеду Хафизу Шерази в области лирики. В поэме «Фархад и Ширин» Навои называет Джами самым совершенным человеком своего времени, а его проваведенил — самыми драгоценными жемчужинами поэзии и науки.

Имя Джами с большим уважением и любовью упоминается не только в поэмах Навои, но и в «Маджалису — пафайс», «Мухакаматуллугайтан», «Махбул — кулуб» и многих его лирических стихах на тюркском и персидском языках.

С некоторыми дополнениями Навои перевел на тюркский язык «Нафахатул — унс» и «Чихл хадис» Джами, а после смерти поэта в 1494 — 1495 годах написал «Хамсатул — мутахайрир» — книгу, посвященную жизни и творчеству Джами.

«Хамсатул — мутахайрир» со всей очевидностью доказывает, что Навои был первым, кто глубоко понял и по достоинству оценил значение Джами и его творчества в истории литературы народов Востока. В своей книге Навои собрал ценнейшие факты, связанные с жизнью и творчеством Джами, охарактеризовал его как поэта и человека, рассказал о своих личных отношениях с ним. Книга Навои и до нашего времени остается самым важным источником в изучении творческого наследия Джами. «Хамсатул — мутахайрир» — это замечательный памятник Джами, сооруженный руками Навои.

Произведения Джами были целой школой для многих узбекских поэтов, в том числе и таких, как Захириддин Мухаммед Бабур, Мухаммед Салих, Мунис, Огахи, Муки и др.

Джами родился и умер в Хорасане. Но часть своей жизни он провел в Самарканде. Я и сегодня еще отчетливо помню надпись на второй спране худжре в медресе Улутбека: «Ин хужра хуждаи Жомий буда аст...» (Это худжра Джамии).

Имя Джами, его гениальные творения, так же, как имена и творения Гомера, Фирдоуси, Низами, Навои, принадлежат всему человечеству. Его прекрасное и мудрое слово изучается в школах и вузах нашей страны. Его имя носят школы и улицы. Волшебные стихи Джами, переведенные на десятки языков, миллионными тиражами издаются во всех наших республиках, пробуждая в душах читателей чувства добра, справедливости, любви и дружбы.

1964

МУДРЕЦ ИЗ БАЛАСАГУНА

Поэма Юсуфа Хас-хаджиба Баласагунского «Наука быть счастливым» имеет для тюркоязычных народов такое же значение, как «Слово о полку Игореве» для народов славянских.

«Наука быть счастливым», написанная в XI веке, — первое тюркское литературное произведение, целиком дошедшее до нас. Это произведение написано на языке древних тюрков, который имел огромное влияние на формирование многих современных тюркских языков.

Об авторе поэмы — мудреце Юсуфе из города Баласагуна известно только то, что сам он сказал о себе в поэме:

Ученый муж, создатель этих строк
Немало виходил путей-дорог.
Он жил, людским сочувствием дельцем,
Владея впитьем, был он богачем.
Понянув род слов, чтоб бродить по свету,
Мир повидав, он печал книгу эту.
Труд завершил он на земле Кашгарской,
За что отмечен был наградой царской.
Мудрец, раскрывший книгу пред владыкой,
Был удостоен милости великой.
Дил аз усердный труд ему и звание
Хли милосердный Хас-хаджиб вавье.
И анализ с той поры и до конца
Юсуфом Хас-хаджибом мудреца.

Поэма носит дидактический характер. Она в прямой и аллегорической форме поучает правителя, как управлять государством, как обращаться с различными сословиями и группами своих подданных. В поэме даются советы людям, какую следует выбирать жену, как воспитывать детей, как приглашать в гости и т. д.

Немало места уделено сетованиям автора на несправедливость мира, в котором он живет, на несовершенство об-

щественного строя. Автор мечтает об идеальном правителе,
справедливом и образованном, на земле которого

...Люди, позабыв пазек печали,
На бедра пояс счастья повязали.

Давно уже ничего не осталось от некогда могущественного
Караханидского государства, где жил мурдесц Юсуф. Но с тех
времен жива и нетленна истинная поэзия великого поэта Юсуфа
Хас-хаджиба Баласагунского.

1964

НАША ВЕЛИКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Узбекская советская литература зачастую представляется мне живым разветвленным деревом. Оно цветет и плодоносит, это могучее дерево, под солнцем мудрой политики Ленинской партии. Его питает своими живительными соками наша героическая действительность. Братская общность с литературами других народов нашей страны дает ему силы выстоять против любого натиска враждебных сил, расти ввысь и вширь. Корневая система этого древа — вековые традиции узбекского народного творчества, наследие классической литературы десяти минувших столетий.

Да, литература узбекского народа имеет древнейшую и очень богатую историю. Она формировалась и развивалась в теснейшей связи с культурами других народов, населявших Среднюю Азию.

Еще во времена походов Александра Македонского на территории нынешнего Узбекистана существовали крупные культурные центры — Мараканд, Варахша, Балх, Термез и другие. К началу нашей эры сложились согдийские и тюркские государственные образования со своей оригинальной и самобытной культурой.

В VII—VIII веках нашей эры Средняя Азия подверглась арабскому владычеству. Началось насильственное насаждение ислама, сопровождавшееся варварским уничтожением существовавших культурных традиций и цепостей.

Во второй половине IX века образовалось Саманидское царство, столицей которого стала Бухара. Этим был положен конец арабскому владычеству в Средней Азии.

До нас дошло много великолепных памятников научной мысли той эпохи, в том числе бессмертные творения великих ученых-энциклопедистов аль-Хорезми, Ибн Сина, аль-Фараби и других. Их гениальные труды, созданные на арабском языке — литературном языке той эпохи, явились результатом развития научной мысли народов, населявших

Среднюю Азию, в частности и предков нынешних узбеков.

Еще в незапамятные времена, когда не существовало письменной литературы, тюркские народы Средней Азии создавали богатую и своеобразную устную литературу. Народные поэты-бахши складывали песни, безвестные творцы сочиняли сказки и дастаны, в которых воспевалась трудовая доблесть простого дехканина или ремесленника, героический подвиг богатыря. Тысячелетиями накапливались сокровищницы народного творчества, неисчерпаемые богатства фантазии и мудрости народа. Монументальностью образов, мощью и благородством страстей своих героев, величием совершаемых ими подвигов поражают героические поэмы-дастаны.

Прекрасным творением народного гения является героический эпос «Алпамыш», который своими корнями уходит в глубь веков. В нем нашли свое отражение обычаи, нравы, воззрения, существовавшие у предков узбекского народа еще задолго до арабского нашествия. Стремления и мечты народа, его талант и эстетический вкус нашли свое отражение и в таких дастанах, как «Ядгар», «Райхон Араб», «Кунтугмуш», в состоящем из сорока поэм эпическом цикле «Гороглы» и многих других.

В те далекие времена было создано также немало лирических песен. Великий писатель и ученый XI века Махмуд Кашгари в своем монументальном труде «Собрание тюркских слов» приводит замечательные образы древнейшей тюркской поэзии. К XI же веку относится и поэма «Кудатку-Белик» («Мудрость, приносящая счастье»), созданная на тюркском языке. Дидактические взгляды автора этой книги очень близки философским воззрениям Ибн Сины и Фирдоуси. До нас дошли произведения, созданные в XII веке жителем Мавераппахра Ахмедом ибн Махмудом Юнпаки «Хябатуль Хакоик», родственные по духу «Кудатку-Белик».

К XII веку относятся первые памятники уже собственно узбекской поэзии.

В XIII веке Средняя Азия подверглась нападению монгольских орд. Огромные разрушения стали причиной застоя научной и культурной жизни. Лежали в руинах замечательные памятники культуры. Были истреблены или изгнаны деятели литературы и искусства, мастера-ремесленники... Полтора столетия продолжался этот страшный застой. Однако мысль народа, гений его не погибла. В обшивших глинобитных кибитках продолжали создаваться дастаны и песни, звавшие народ на битву с жестокими

защитателями, выражавшие мысли и чаяния трудового люда.

В XIV веке на основе народной лирической поэзии было создано собрание рассказов дидактического и религиозного характера «Кисас-ул Анбийё». Почти в это же время появилась «Мухаббат намэ» Хорезми, состоящая из 11 любовных посланий, — книга любовных страданий, тоска и надежд. Так же, как и «Кисас-ул Анбийё», «Мухаббат намэ» отличается высоким художественным совершенством, афристичной емкостью и образностью языка.

Наступил знаменательный в истории Средней Азии XV век. Начался бурный расцвет литературы и искусства. Появились такие крупные культурные центры, как Самарканд и Герат. Знаменитый ученый-астроном Улугбек создает свою карту звездного неба — великий вклад в мировую науку. Воздвигаются великолепные архитектурные ансамбли, которые украшают Самарканд и по сегодняшний день. Рождаются бессмертные произведения живописи Бехзада, чудесные образцы каллиграфии Абду Джамиля, Султонали и других. Одним из крупных литературных произведений этой эпохи явилась поэма Дурбека «Юсуф и Зулейха», написанная в 1409 году в Балхе.

В XV веке жили и творили такие большие мастера слова, как Саккоки, Атои, Лютфи, чья реалистическая поэзия, столь искренне и задушевно передающая любовные переживания, дорога читателю и сегодня. Лютфи, самого талантливого из всех его современников, Алишер Навои назвал «владыкой слова». Эти поэты сыграли важную роль в формировании узбекского литературного языка, в совершенствовании поэтических форм, в обогащении поэзии новым содержанием — утверждением земных радостей, воспеванием красоты природы, возвышающей силы любви, которые они противопоставили религиозной мистике и цесмизму.

На основе этой поэзии, подготовленной многими поколениями художественного развития народа, на огромном опыте, накопленном литературой, возникли богатейшие, неповторимые поэтические творения величайшего мастера слова, талантливейшего узбекского поэта и гениального ученого Алишера Навои.

Алишер Навои жил и творил в одном из крупнейших культурных центров XV века — столице Хорасана городе Герате. Он создал высочайшее по содержанию и по художественной форме произведение — знаменитую «Пятеричу», первая из входящих в нее пинги поэм — «Хайрагул-

аброр» («Изумление праведных») — сборник дидактических рассказов, в которых автор излагает свои философские воззрения, проникнутые глубокой любовью к человеку. Со страстью бессмертных поэм «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь странников», «Вал Искандера» во весь рост встает величественный образ поэта-гуманиста, страстного борца против тирании и деспотизма, несправедливости и насилия, мракобесия и схоластики. Навои воспевает подлинно человеческую любовь, верность и преданность, уважение к людям труда. Стремление к совершенству и свободе человеческой личности, гармонии физической и духовной, к освобождению человека от власти средневековой схоластики выражено у Алишера Навои с исключительной силой. Герои его поэм — Меджнун, Фархад, Лейли, Ширин — носители передовых идей своего времени.

Лирика Навои, насчитывающая приблизительно пятьдесят тысяч строк, является выдающимся образцом узбекской поэзии.

Хочется воспользоваться той удивительно глубокой и справедливой характеристикой, которую дал творческому подвигу Навои замечательный исследователь его творчества, русский востоковед Евгений Эдуардович Бертельс: «Для истории узбекской литературы деятельность Навои имеет решающее значение. Он доказал два крайне важных факта: что староузбекский язык является таким же совершенным средством выражения человеческой мысли, как и господствовавший до него язык персидский; что литература не умерла, что, поставив ее на служение массам, в нее можно вдохнуть жизнь. После Навои уже не могло быть споров о том, имеет ли ценность художественное произведение на узбекском языке. Перелом произошел, и узбекский народ получил широкую возможность создавать свою культуру на родном языке. Правда, исторические условия не сразу позволили полностью использовать эту возможность — понадобились еще долгие годы борьбы, но в этой борьбе творчество Навои было всегда знаменем наиболее прогрессивной части узбекского народа. Правящие круги, феодальная аристократия, байство пытались поставить его творения себе на службу, но это было невозможно. Народ всегда чувствовал в нем своего друга и защитника, он повторял его мудрые афоризмы, он пел его нежные газели, он создавал все новые сказания о его героях, бесстрашном Фархаде и несчастном Меджнуне, о преданной и чистой любви Ширин и Лейли.

В творчестве Навои мы должны различать два элемента. Один — это традиция, которую он унаследовал от всего предшествующего литературного развития. Это одна сторона, которая делала его сыном своего века. Второй — это то новое, что он, как подлинный герой, внес в историю узбекской литературы. И здесь можно сказать, что нет такой области мысли, в которой он не сказал бы нового слова. Тяжелые условия средневекового Востока мешали развитию философской мысли. Навои содействовал освобождению философской мысли от мертвой схоластики и догматики. В то время, как схоластика требовала беспрекословного подчинения духовному авторитету, отрицала свободную науку и философию, он поднял знамя критической мысли, всюду и всегда призывал народ к овладению знаниями. В то время как идеология аристократии требовала праздности, звать гордиться тем, что отдаст свое время только забавам и развлечениям, он звал к труду, страстному труду на благо человечества. В его время широкие массы трудящихся были лишены каких бы то ни было прав, являлись объектом эксплуатации, и он со всей страстностью гения выступил на их защиту, сказав, что права человека нельзя безнаказанно погнать. В то время, как кровавые преступления были чем-то обыденным, носители власти, не дрогнув, предавали казни и пыткам сотни и тысячи людей, он громко провозгласил лозунги подлинного гуманизма*.

После Навои его знамя в узбекской литературе высоко поднимал писатель, историк и поэт Захриддин Мухаммад Бабур. Его мемуары, насыщенные многочисленными фактическими данными по истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии, повествующие о жизни, творчестве и странствованиях их талантливого автора, являются ценным памятником узбекской историографии и художественной прозы. Лирические стихи Бабура как по содержанию, так и по своей выразительной форме — достойное продолжение славных традиций Алишера Навои. Вершиной поэтического творчества Бабура — его прекрасные четверостишия, где поэт с лирической проникновенностью говорит о своей любви к родине, о тоске и страданиях вдали от нее, где он тонко описывает глубину и душевную силу своих любовных переживаний.

После смерти Бабура (1526 г.) в развитии узбекской литературы наступает период длительного застоя. Бесконечные феодальные междоусобицы, которые приводят к резкому экономическому спаду, к разорению множества мелких крестьянских хозяйств, к обнищанию трудового на-

рода, в конечном счете влекут за собой угасание культурной жизни, беспросветный застой. Все это приводит к усилению в литературе указанного периода настроений упадочнических, пессимистических, к преобладанию в ней идей религиозного мистицизма.

Реаким диссонансом этому заунывному хору звучит протестующий голос Турды — страстного обличителя зла и пороков феодальных властителей. «Все вы, беки, что собаки, грызете тело подданных! — восклицает он, обращаясь к грабившей народ правящей верхушке. — Довольно, беки, сеять рознь, довольно слабых обирать! Объединится ваш народ — мы станем грозны и сильны».

Обличительные стихи Турды навлекли на него гнев правителей. Он умер изгнанником в глубокой нищете.

Духовным наследником Турды выступил замечательный поэт из Намалгана, вольнодумец и еретик Бабарахим Машраб. В эпоху безраздельного господства феодализма, религиозного мракобесия, на рубеже XVII и XVIII веков он мужественно возвысил свой поэтический голос против жестоких злодеяний власть придержащих, против деспотизма правителей, в защиту простого народа. Машраб противопоставляет благородство и нравственную чистоту простого дехканаина-труженика развращенности и паразитизму богатых. Проникнутые разящим сарказмом, его стихи находят широкое распространение в народе, вызывают бешеную ненависть у тех, против кого направлено их разящее жало. В 1711 году Машраб был казнен балхским правителем.

В XVIII веке на территории Мавераннахра образовалось три ханства: Хивинское, Бухарское, Кокандское. В литературной жизни того периода явно различимы два антагонистических направления: феодально-клерикальное — с одной стороны, и прогрессивно-демократическое — с другой.

Усиление феодальной эксплуатации, палоговый гнет, бескровные походы ханов друг против друга, тяжелым бременем ложившиеся на плечи трудового народа, вызывают резкий протест со стороны поэтов и мыслителей-демократов. Их творчество — отражение настроений самой толпы масс.

Видное место среди литераторов прогрессивного направления принадлежит кокандскому поэту Мухаммеду Гази, жившему в конце XVIII — начале XIX века. В своих вдохновенных стихах он смело восставал против социальной несправедливости, обличал деспотизм, клеймил темноту и невежество, которые насаждались в стране ре-

акционным духовенством — верным пособником эксплуататорских классов.

К тому же передовому направлению в узбекской литературе XIX века принадлежал и Махмур. Его творчество — это обвинительный акт феодальным порядкам, духовникам, паразитирующим на народном труде чиновникам ханства. В этом отношении весьма характерно его стихотворение «Хафалак», в котором дается реалистическая картина бедственного положения безземельного крестьянина, его ищевского, бесправного существования. И автор не только констатирует объективные факты действительности, но и призывает к их устранению, возбуждает чувства протеста.

К той же славной когорте поэтов-демократов принадлежит и Джунайдулла Хазик из Герата, творчество которого связано с Бухарой и Кокандом. Представитель узбекской и таджикской литератур, он открыто выступал против тирании бухарского эмира Насруллы, выражая презрение к нему двух угнетенных народов. Обращаясь к эмиру, он заявлял громогласно: «Ты сшил себе одежду из народных проклятий и надел ее на себя. Ты останешься в ней навсегда — до дня страшного суда».

Как многие его современники, Хазик верит еще в возможность появления справедливого и гуманного властителя, призывает эмира отказаться от тирании и жестокого произвола, встать на путь справедливости и добра, гуманизма и разума. В ответ на этот призыв эмир Насрулла подсылает к Хазику наемных убийц. В 1843 году поэта не стало.

Яркой страницей в истории узбекской демократической литературы XIX века явилось творчество талантливых поэтесс Надиры, Махзуны и Увайси. При всем индивидуальном своеобразии каждой из них, в их стихах много общего. Это и исключительная эмоциональность их лирических строк, стремление к свободе и равноправию, это и неутолимая жажда с головой окунуться в море больших общественных дел, это и ожидание счастья и яркой взаимной любви. В темном царстве феодализма и религиозных предрассудков их мечтам не суждено было осуществиться. Надира, которая сострадала в стихах жертвам эмира, была уличена палачами того же тирана. Тяжелой и горькой была участь и другой поэтессы — обреченной на одиночество Увайси.

Колоритной фигурой на литературном горизонте XIX века был славный баснописец, песельчак и остроумец Гульхани. В метких сатирических образах он едко высмеивал

представителей феодальной верхушки, вскрывал их духовное ничтожество и нравственную развращенность. Именно он, напыщенный бездельник и моральных уродцев, видит Гульхани во всех бедах трудового народа, в разрухе и нищете, так зримо изображенных им в хлесткой сатире «Зарбулмасал» — одной из лучших и самых ярких его сатир.

Во второй половине XIX века крупный литературный центр образовался в Хиве — столице Хорезма. Здесь еще в начале прошлого века творил свои прекрасные лирические стихи поэт и историк Мунис Хоразми. Проникнутая чувством горечи и разочарования, его поэзия была направлена против прогнивших феодальных порядков. В обстановке застоя и преследования всякой прогрессивной мысли, царившей в ханском дворце, Мунис находил пути для выражения подлинно гуманистических идей.

После Муниса центральной фигурой в литературе Хорезма становится Мухаммад Ризқ Огахи — талантливый поэт и переводчик, высокоэрудированный историк. В его сборник стихотворений — диван «Тавизул-ошикин» входит около пятидесяти тысяч стихотворных строк, написанных на высоком художественном уровне. Им переведены на узбекский язык «Гулистан» Саади и многие другие классические произведения, ряд исторических трудов. Он продолжил начатый Мунисом капитальный труд по истории Средней Азии «Фирдавсул-икбол», создал целую серию трактатов по новой истории Хорезма.

Узбекская литература рассматриваемого периода — арена жестокой и непримиримой схватки двух сил, двух диаметрально противоположных направлений, схватки между деспотизмом и человеколюбием, между фанатизмом и свободомыслием, между мракобесием и прогрессом. Жертвами этой схватки стали многие борцы против насилия, прогрессивные мыслители своего времени.

Однако вера в победу разума и справедливости никогда не угасала в сердце народа, в песнях его лучших сынов. Об этом свидетельствует и наш национальный фольклор, и вся история узбекской классической литературы.

Во второй половине XIX века Средняя Азия стала составной частью России. С этого времени исторические судьбы узбеков, таджиков, туркмен, киргизов и каракалпачков были навечно связаны с судьбой великого русского народа. Это событие имело большое прогрессивное значение, сыграло положительную роль в жизни народов Туркестанского края.

Присоединение к России привело к сближению культу-

ры народов Средней Азии с передовой русской культурой. Под влиянием русской прогрессивной культуры, прогрессивной общественной мысли в узбекской литературе крепнет и развивается демократическое направление, новым содержанием наполняется традиционное просветительство. Об этом свидетельствует идейная и творческая эволюция многих представителей узбекской художественной интеллигенции того периода, в частности жизнеутверждающая поэзия талавтливого хорезмийца Камила — страстного проповедника просветительства, которое, как наиболее ему представлялось, — верный путь к спасению от экономической и культурной отсталости.

С громким призывом к просвещению выступал и его современник, также хорезмиец Аваз Отар-оглы. Он резко обличал фанатичное духовенство, ханскую власть — охранительные силы темноты и невежества, бросал им в лицо гневные строки:

Власть суеверия в мире святыней сделали вы,
Народ угнетенным и нищим ныне сделали вы.
Когда-нибудь, пробудившись, как я, вас спросит народ,
За что его жизнь и душу пустыней сделали вы?!

В 1912 году за свои разоблачительные стихи Аваз был подвергнут телесному наказанию, а затем по велению хана Исфандияра объявлен сумасшедшим.

Конец XIX — начало XX века ознаменованы в истории узбекской культуры выходом на литературную арену таких крупнейших поэтов-демократов, как Мукими и Фуркат.

Мировоззрение и талант Мукими формировались под благотворным влиянием тех коренных преобразований в экономической и духовной жизни Туркестанского края, которые были вызваны к жизни присоединением Средней Азии к России. Как и многие его предшественники в узбекской поэзии, он остро разоблачает угнетателей-баев, алчных купцов, бюрократов-чиновников, бездушных блюстителей шариата, но в критике его чуткое ухо улавливает уже отголоски тех построений, идей и теорий, которые вырабатывались и распространялись лучшими, передовыми умами русской революционной интеллигенции. Выразителем народных стремлений и дум оставался Мукими и в своей вдохновенной лирике. Тонкая мелодия стихов Мукими созвучна с голосом сердца простого народа. Именно по этой причине они прочно вошли в репертуар народных певцов и с любовью поются по сей день.

По своей философской и гражданской позиции, по своему месту в истории родной литературы очень близок и родственен Мукими тонкий лирик и пламенный публицист Фуркат. Его поэзия, отмеченная высоким художественным совершенством, подчинена одной общей мысли, проникнута одним всеобъемлющим стремлением — видеть узбекский народ свободным, счастливым и просвещенным. Путь к достижению этой высокой цели он находил в сближении с русским народом. Вот почему так горячо, так последовательно пронагандировал поэт в своем творчестве русскую культуру, призывал к овладению наукой и техникой.

Фуркату не суждено было увидеть осуществления своих идеалов. Изгнанный царскими колонизаторами, он умер на чужбине.

Демократические традиции Мукими и Фурката были продолжены поэтами-просветителями XX века, в числе которых прежде всего должны быть названы Завки и молодой Хамаз Хаким-заде Ниязи.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории нашего народа, как и в общей истории народов России. Веками угнетенный, задавленный нищетой и бесправием, узбекский народ расправил плечи, вздохнул полной грудью. При братской помощи великого русского народа и других народов страны Советов он навсегда сбросил с себя иго эксплуататоров и колонизаторов. И радость новой жизни зазвучала в стихах зачинателя и основоположника новой узбекской литературы, пламенного трибуна и проникновенного лирика, замечательного поэта и выдающегося драматурга Хамзы. Он слепил революцию, звал народ на битву с врагами, прокладывал путь к нашим счастливым сегодняшним дням.

Ныне узбекская советская литература, заботливо выращенная Коммунистической партией, — вдохновенный певец исторических побед узбекского народа. Она верно служит своему народу, который в единой, дружной интернациональной семье всех народов нашей страны твердой поступью идет к коммунизму.

1961

ПОЭТ ОТКРЫТОЙ ДУШИ И ЧУТКОГО СЕРДЦА

В этом году большому русскому поэту Сергею Александровичу Есенину, доживи он до наших дней, было бы семьдесят. А он мог бы дожить, если б не трагическая гибель. Ведь Есенин ровесник многих ныне здравствующих писателей. И мы бы сейчас всей страной чествовали его и горячо поздравляли — ведь это действительно очень большой поэт открытой души и чуткого сердца. Но сегодня его уже нет среди нас. И я могу говорить лишь о своем знакомстве, о своих встречах — с его поэзией, с огромным миром, который Сергей Есенин щедро оставил нам в наследство.

История этого знакомства неотделима от моего знакомства вообще с русской литературой — нашим великим учителем.

Как яркие зарницы, осветившие всю мою жизнь, помнятся мне: мой первый приезд в Москву в 1923 году, встреча с Максимом Горьким, так любяще, заботливо относившимся к молодым писателям братских республик. Он и ко мне проявил трогательное внимание...

«Первое свидание» с поэзией Владимира Маяковского. Могу утверждать, что оно решило мою поэтическую судьбу: я увлекся его творчеством, исполненным высокой гражданственностью, стал переводить его стихи, начав с поэмы «Во весь голос», и с тех пор сам стремился по мере сил своих говорить с читателем во весь голос.

Помнится мне общение, творческое и личное, и с другим аксакалом русской советской литературы: шумные рассказы Повикова-Прибоя, влюбленного в море, скупые, но содержательные беседы с Серафимовичем...

Как жалелась сейчас, что в то время не записывал для себя всех этих бесед: ведь это — живая история литературы! Но тогда это была для нас сама живая жизнь, та «буча, боевая, кипучая», в которой и мы варились.

Все эти знакомства и встречи памяты мне еще и потому, что через русских писателей я узнал замечатель-

ных представителей братских литератур, благодаря дружбе с русскими писателями подружился и с Павлом Тычпой, и с Миколой Бажапом, и со многими другими.

Мои русские товарищи, из Москвы и из Ташкента, много рассказывали мне о Сергее Есенине. От своих друзей из «Правды Востока» я услышал о его гибели...

По мере того, как я изучал русский язык, передо мной открывались богатства русской литературы. Я перелел Маяковского. А в 30-е годы встретился со стихами Сергея Есенина.

Встреча с Есениным как поэтом началась для меня с «Персидских мотивов». И, поверю, не случайно. Стихи эти для нас, среднеазиатских поэтов, оказались особенно близкими и понятными. Русский поэт, обратившись к восточной тематике, сумел тонко уловить дух восточной поэзии. Он вошел этим циклом в наши темы, в наш стиль, в наши души.

Порой, когда говорят о влиянии национальных литератур на русскую, оговариваются демонстрацией примеров, свидетельствующих лишь о том, что тот или иной русский писатель правдиво передал национальный колорит, так сказать, самого жизненного материала. Это по сути разговор о правдивом отображении действительности, и плох тот писатель, слеп тот писатель, который не может, описывая новый для себя участок жизни, воссоздать всю специфику этой жизни. И если я пишу, например, о других республиках, я стараюсь правдиво и бережно передать их колорит. Но это еще не значит, будто я пишу под влиянием поэзии этих республик.

А вот Есенин в «Персидских мотивах» шел не только от национального жизненного материала, но и от особенностей национальной поэтики. Мы знаем, что в Ирано ему не удалось побывать. Жизненные краски для «Персидских мотивов» дал поэту Азербайджан. А вот краски поэтические взяты им из восточной поэзии. В этих стихах — характер, любовь и тоска русского человека. Но как по-восточному грациозно они звучат, какая «томность» в ритмике, как шафранно-тонкие оттенки образного строя! А строфика?!

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
И готов рассказать тебе, пове,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Говорят, что, когда Сергей Есенин в Баку читал свои стихи азербайджанским ашугам, не знавшим русского языка, — те его понимали! До них доходила сама мелодия его строк. Я готов этому поверить.

В этом внимании русского поэта к инонациональному творческому опыту сказалась пирота поэтической души Сергея Есенина. Без такой широкой души вообще нет поэта.

Но по-настоящему Сергея Есенина мы, узбекские поэты, узнали позднее...

Я смотрю на горы вдаль. Вчера они виднелись смутно, но вот ветер разогнал туман, ушли с неба облака, и горы словно приблизились ко мне — во всей своей четкой и чистой красе.

Ветер премени сдул все наносное с поэтического облика Сергея Есенина. Время высветлило все лучшее в его творчестве, сделало его для нас величавей, яснее, рельефней.

Надо сказать, что узбекские писатели, узбекская молодежь никогда не увлекались тем Есениным, которого придумали его недруги или мнимые его друзья. Время сказало о нем всю правду. Полную и настоящую. И к нам он пришел как большой русский поэт.

Меня с юности захватила в плен поэзия публицистическая, гражданская. Потому так близок мне Владимир Маяковский. Но сейчас я и в Есенине, сквозь все метания его предельно искренней души, вижу не только задумчивого лирика, но и поэта-гражданина, пылкого патриота своей Родины, человека, которого до боли волновало все, что совершалось вокруг.

Прежде было модно противопоставлять этих двух больших поэтов, Маяковского и Есенина. А время сблизило их. Оба они страстно любили свою страну, свой народ. И оба — каждый своим путем — шли к единой цели: понять и воспеть «Русь советскую». В Маяковском подчеркивали публицистическое начало (хотя он и глубочайший лирик), в Есенине — лирическое (хотя он и гражданин в лучшем смысле этого слова). Но без гражданственности, как и без подлинного лиризма, — вообще нет поэта. Ну как бы мог Сергей Есенин, будь он только узким лириком, так написать о Ленине и ленинцах:

Его уж нет, а то, кто живье,
А те, кого оставил он,

Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них все скажете:

Ленин умер.

Их смерть к тоске не привела.

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела...

А как задушевно патриотична (лирично-гражданственная) есенинская клятва:

Но и тогда,
Когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

У нас говорят, что человек без родины — как соловей без песни. О, какой беспредельно искренней, чистой соловьиной трелью звенел голос Есенина-патриота! Мне глубоко близки эти чувства Есенина. А как старому комсомольцу мне понятно его желание «бежать за комсомолом».

Мне близок и Есенин-интернационалист. Он ведь одним из первых провозгласил в своей поэзии дружбу разплеменных литератур. Со словами любви обращался он к поэтам Грузии — «товарищам по чувству, по перу». Он просил Кавказ:

Ты научи мой русский стих
Кизилowym струиться соком.

В Баку он почувствовал «сильней простое слово: друг». И какая боль в его прощании с Баку:

Прощай, Баку! Силь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волпы Каспия и балаханский май...

Я вспоминаю и его «Балладу о двадцати шести». Какие резкие и жаркие «восточные» краски, какой пыл революционной романтики, какой сплав проликовенной лирики и раскаленной публицистики в этом рассказе о расстреле бакинских комиссаров!

Коммунизм —
Знамя всех свобод.
Урагом вскипел
Народ.

И тут же:

Пой, поэт, песню, пой.
Пой.
Сядет веба такой
Голубой...
Море тоже рокочет
Песнь —
26 их было,
26.

Таким вот сквозь время пришел ко мне Сергей Есенин.

Но не только время подарило нам Есенина. Может быть, мы, узбекские писатели и читатели, долго не знали бы о нем, если бы в Узбекистане не утвердилась Советская власть, которая принесла нашему народу не только освобождение от царского и местного гнета, но и грамотность, знания, высокую культуру. Да, это Советская власть распахнула перед нами окно в мир большой многонациональной поэзии. И, возможно, Есенин не пришел бы к нам таким, каким мы знаем и видим его сегодня, если бы не сплотивла узбекский и русский народы, узбекскую и русскую литературы великая братская дружба. Лишь в результате этой дружбы, щедрого творческого взаимообмена, взаимодействия очень национальный, очень русский поэт Сергей Есенин стал родным и для нас, узбеков.

Есенинская лирика, его стихи о Ленине, о России, его баллады, стихотворные письма, «Песнь о великом походе», замечательная его поэма «Аяна Снегина» — это все русская классика. Но это и наше общее достояние. И если Есенин тянулся к Востоку, то сейчас и поэты Со-

ветского Востока все больше тянутся к Есенину, черпают в его поэзии то, что им органично близко.

Думается, говорить о прямом влиянии Есенина на творчество кого-либо из узбекских поэтов дело бессмысленное. «Прямое влияние» — это, по сути, подражание. Но бесспорно, что знакомство с творчеством Сергея Есенина обогатило поэзию и Рамза Бабаджана, и Шукрулло, и многих молодых узбекских лириков. С тонким пониманием особенностей есенинского стиля, с проникновением в душу его поэзии перевел сборник стихов Есенина на узбекский язык Эркин Вахидов. Этот сборник выходит в издательство «Ташкент», и скоро Сергей Есенин придет в самые дальние наши кишлаки.

Нам же, поэтам, нужно учиться у Сергея Есенина беспредельной его любви к Родине, широте и искренности, нежной любви к живой природе, его способности всем сердцем откликаться на происходящее вокруг.

Есенин — большой русский поэт. Наш, советский поэт.

ВЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Мне выпала счастливая возможность приехать в Казань в связи с восьмидесятилетием Габдуллы Тукая и передать привет великому татарскому народу — народу, вскормившему Тукая, — от братской республики узбеков, ее интеллигенции, от населения Ташкента, которое переживает сейчас нелегкие дни.

Я повторяю, что привез вам братский привет от населения города Ташкента, которое постигло бедствие. Землетрясение, начавшееся 26 апреля, продолжается еще и сейчас.

Хорошо, что мы живем в эпоху Ленина, в эпоху, когда ленинская партия выпела нас в мир счастья и свободы. Все соотечественники наши — будь это многомиллионный русский народ, Москва или Ленинград, Минск или Киев, будь это столица Азербайджана или столица Татарии — пришли на помощь моему родному Ташкенту, переживающему сегодня драму.

За вашу долю в этой помощи я приношу искреннюю благодарность от имени ташкентцев.

Тесные взаимосвязи татарского и узбекского народов идут из глубины истории. Мы издревле живем как дети одной семьи. Где-то на последних рубежах XIX века узбекские книги начали печататься в Казани. Татарский же народ явился в том проподнике, который принес узбекскому народу национальный шрифт. Первые учителя новой эпохи к нему пришли также из среды сынов Татарстана. Первые буквари на языке нового времени создавались в Казани.

Вместе с великой русской культурой вы принесли свою культуру в Туркестан. И не иссякает наша благодарность за эту открытую нам культуру, за тех, кто дал первый узбекский шрифт, за первых наборщиков.

Правда, история узбекской литературы исчисляется тысячелетиями. Алишер Навои жил 500 лет тому назад. Но в XVIII—XIX веках, особенно со второй половины XIX столетия к нам усиленно начали проникать образцы

татарской поэзии. Мы считаем ваших поэтов прекрасными учителями. И первый среди них — великий и свободолюбивый Габдулла эфенди Тукаев. Хотя он жил чуть позже таких больших узбекских поэтов и мастеров слова, как Фуркат и Мукими, Тукай по праву считается нашим учителем.

В день его восьмидесятилетия низкий поклон вам, его наследникам, и всем нашим общим друзьям — представителям русского, татарского, казахского и других народов, навечно сплоченных благодаря ленинской национальной политике.

1966

.

ЗЕМЛЯ НАВОИ

Герат. Родина Алишера Навои, один из древнейших городов Азии, столица древнего Хорасана. «...Политическое значение Герата,— читаем мы у Ф. Энгельса,— обусловлено тем, что он является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере, рекой Индом на востоке... В этом городе скрещиваются все дороги, ведущие от Каспийского моря к Инду и от Персидского залива к Оксуду...»¹.

Эти дороги нередко приводили в Герат завоевателей: в VII—VIII веках — арабов, позднее — монголов. В 1222 году на город напали орды Чингизхана... Красавец Герат лежал в развалинах. Жители его почти полностью были истреблены. Через 160 лет отстроившийся, утопавший в садах город пережил новую трагедию — наместник много-тысячных полчищ Тимура. Опять лилась рекой кровь гератцев. Мечети, сады, жилища — от всего этого не осталось и следа.

Но многострадальный Герат, точно легендарная птица Феникс, всякий раз восставал из пепла, чтобы снова жить, работать, строить. Уже при сыне Тимура Шахрухе и в особенности в период правления Хусейна Байкары (1468—1507) столица Хорасана вернула себе славу одного из красивейших городов Востока. Здесь процветали художественные ремесла, шла оживленная торговля. Через город, вливаясь в шум его базаров, тянулись один за другим караванские караваны из Ирана, Китая, Индии. Площадь Мусалло с величественной мечетью, построенной женой Шахруха — Гавхаршад, более десятка медресе, одна из самых больших в те времена библиотек, в стенах которой был составлен сводный текст «Шахнаме» Фирдоуси,— таким был Герат, когда в нем жила и творил великий Навои.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, стр. 126—127.

Многим обязана Навои столица Хорасана. Один из просвещеннейших людей своего времени, гуманист и просветитель, он воспользовался назначением на высокий государственный пост везира, чтобы в меру своих сил содействовать повышению благосостояния сограждан, процветанию культуры, науки и ремесел.

Он строил дороги, мосты, постоянные дворы на крупных караванных путях. В подаренном ему султаном Хусейном районе Герата поэт выстроил целый комплекс зданий: жилые дома, мечеть, медресе Дорил-Хуффоз. В благодатнейшем живописном месте Хяябана, на берегу канала, он приказал соорудить свой всемирно известный Дорш-Шифо — оздоровительный дом. Здесь самые апаменитые табибы Герата по его указанию лечили бедных и обездоленных.

Навои был богатейшим землевладельцем, но большую часть своих средств он тратил не на себя, а на нужды благоустройства города и просветительства. Более четырехсот сооружений — мечетей, ховака (странноприимный дом для ученых и поэтов), медресе, больниц, бань, каравансараяв, каналов, торговых рядов построил Навои в Герате.

О его щедрости и благородстве можно судить по пакуфной грамоте, составленной им в пользу города. Ежегодно из личной казны поэта отчислялись большие суммы на пищу, одежду и кров для бедных и обездоленных.

Немало бед предстояло испытать родине Алишера. В XVIII веке Герат стал афганским городом. В середине XIX века неудачную попытку завоевать его предприняли тогдашние правители Персии. Неоднократно покупалась на Герат английская корона, видевшая в нем прекрасный плацдарм для своей экспансии на Восток, и только заступничество соседней России не дало сбыться захватническим планам британского колониализма.

1887 год Он черной страницей пошел в историю родного города Алишера Навои. В Герате идет ожесточенная кровопролитная борьба за престол между причесами Дустмухаммедом и Шахнавазханом. Во время боя один из лазутчиков доложил Шахнавазхану: «Сардар! Твой враг находится сейчас на одном из минаретов на площади Мусалло. Оттуда ему все хорошо видно. Поэтому он так легко в разгадывает все наши планы...»

Эти слова решил участь величайшего из архитектурных ансамблей Герата. 25-летний цевежда и турани Шахнавазхан, не зная, в каком именно из минаретов укрылся соперник, приказал открыть огонь из тяжелых пу-

шек «Зилзилла» («Землетрясение») по всем минаретам Мусалло сразу. Величайшие памятники архитектуры, многие из которых были построены при личном деятельном участии Алишера Навои, оказались разрушенными. Как дорогая чаша, упавшая на гранит, разбилась вдребезги жемчужина Герата.¹

Сегодняшний Герат один из самых крупных и благоустроенных центров дружественного нам Афганистана. В нем проживает более 150 тысяч человек. Город непрерывно растет. С каждым годом появляется все больше красивых современных зданий.

В разных направлениях пересекают Герат широкие асфальтированные дороги. Одна из них особенно дорога сердцам афганских и советских людей. Это построенная недавно с помощью Советского Союза знаменитая дорога Кушка — Герат, соединившая два города двух соседних народов.

Эта дорога кажется мне глубоко символической. Она, как протянутая рука друга, олицетворяет собой искренние добрососедские отношения между нашей страной и Афганистаном, те отношения, о которых великий гератец, родоначальник узбекской литературы Алишер Навои говорил: «Прочен дом, в котором прочный камень в основании лег».

* * *

Дорогой читатель! Эта коротенькая биография Герата, родины Алишера Навои, не претендует на безукоризненную точность. Возможно, ты найдешь в этих строках кое-какие погрешности. Я не историк. Я лишь поэт, вспомнивший вместе с тобой о городе, слава которого переживет еще не один век. Потому что город этот дал Земле великого сына, которого чтут и почитают своим все города нашей планеты — Алишера Навои.

1966

¹ Существует, правда, и другая версия: будто приказ открыть огонь по Мусалло отдал сам эмир афганский, отец Шахнавазхана — Абдурахман. Но, как бы там ни было, изумительный комплекс зданий Мусалло, свидетельствующий о водческом гении народа, погиб безвозвратно.

СОДЕРЖАНИЕ

Р а с с к а з ы

«Запоздалая свадьба». Перевод Г. Марьяновского	3
Часы. Перевод Г. Марьяновского :	9
Чудак, не узнающий словх. Перевод Я. Ильясова	16
Точный доход. Перевод Я. Ильясова	19
Уловки шаржита. Перевод Н. Владимировой	22
Благословенное дитя. Перевод Я. Ильясова	26
Лекарь. Перевод Г. Марьяновского	29
Дорога в рай. Перевод Г. Марьяновского	35
Срочная телеграмма. Перевод Н. Владимировой	49
Бадал-длиппый — герой легенды. Перевод Г. Марьяновского	52
Кто выповат. Перевод Н. Владимировой	57
Счастье рябой женщины. Перевод Л. Соцердотовой	63
Клад. Перевод Я. Ильясова	68
Похороны у границы. Перевод Н. Ивашева	73
Встреча Нового года. Перевод Н. Ивашева	76
Храните деньги в сберегательной кассе. Перевод В. Привалова	79
Авторитет. Перевод Г. Марьяновского.	85
Голос с крыши. Перевод М. Салиева	88
Алякулов долг. Перевод Я. Ильясова	93

О ч е р к и

Последняя жертва мировой войны. Перевод Г. Марьяновского	97
ЗАГС. Перевод Я. Ильясова	100
Наш президент. Перевод Г. Марьяновского	102
Друг на Макая. Перевод Г. Марьяновского	108
Письмо. Перевод Я. Ильясова	113
Лодман. Перевод Г. Марьяновского	115

Ф е д ь е т о н ы

Бык-свидетель. Перевод Я. Ильясова	125
Слякоть в посу. Перевод Я. Ильясова	128

Скапдал учинио! <i>Перевод Я. Ильясова</i>	131
Племянник вашолся. <i>Перевод Я. Ильясова</i>	136
Суконные брюки. <i>Перевод Я. Ильясова</i>	140
Гезиновая рука. <i>Перевод Я. Ильясова</i>	143

Из народного юмора

Хасан Кайфи. <i>Перевод Б. Привалова</i>	145
Скряга. <i>Перевод Б. Привалова</i>	159
Рассказы об уразе. <i>Перевод Я. Ильясова</i>	161
Казап и свекла. <i>Перевод Б. Привалова</i>	166
Мадамминбек хотел повесолиться. <i>Перевод Б. Привалова</i>	167
Бессмертный Афанди. <i>Перевод Б. Николаеви и К. Громотович</i>	169
Афанди, шайтан и землетрясение. <i>Перевод Я. Ильясова</i>	176
Анекдоты про поэта и про стихи. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	180

Где ово—счастье? Пьеса. <i>Перевод И. Пвашева</i>	183

Статьи

Усилить творческую учебу	207
Я принадлежу партии	208
Узбекский народный эпос	209
Певец дружбы народов	229
Наш учитель	230
Под солнцем Москвы	233
Гигант мысли и слова. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	235
Гениальный русский писатель-реалист. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	237
Жизнь и творчество Мухаммеда Амина Мухими. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	247
Аваз Отар-оглы	254
Шире дорогу молодым	254
Неразрывная дружба. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	270
Цениый труд по истории культуры Советского Узбекистана. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	272
Айбек как ученый-литературовед. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	275
Видный узбекский писатель	281
Критический взгляд на литературоведческую науку. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	290
Эстафета славных традиций	291
Тому, кто служил народу,—забвенья нет	296
Солдаты строчечного фронта	299
Любовь моя — Узбекистан. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	303

Тоголок Молдо. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	311
Путь к высокому искусству	314
Итог. <i>Перевод Д. Машариповой</i>	317
Поэт узбекской сцены (<i>в соавторстве с Я. Фельдманом</i>)	322
Залог новых успехов	324
Он — в сердце каждого	326
Мы все поем этот гимн	328
Салом, наши старшие братья!	333
Памяти Е. Э. Бертельса	335
Слово о двух светилах. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	337
Мудрец из Баласагуна	342
Наша великая родословная. <i>Перевод Г. Марьяновского</i>	344
Поэт открытой души и чуткого сердца. <i>Перевод Ю. Карасева</i>	354
Вечная благодарность	360
Земля Навои	362

Гафур Гулям

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

Рассказы, очерки, фельетоны, из народного юмора, пьеса, статьи

Перевод с узбекского

Редактор В. Кива

Художник Ш. Булгаков

Художественный редактор М. Карпузас

Технический редактор Е. Потапова

Корректор Э. Байгильдина

ИБ № 2788

Связно в набор 06.05.85. Подписано в печать 12.11.85. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Обыкновенно-новая гарнитура. Высокая печать. Усл.-печ. л. 19,32+0, 42 вкл. Усл. кр.-оттисков 19,74. Уч.-изд. л. 18,78+0,27 вкл. Тираж 200 000. Заказ № 235. Цена 1 р. 70 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография № 1 ТНПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Хамзы, 21.

Гулям Гафур.

Избранные произведения: В 3-х т. Т. 3. Рассказы, очерки, фельетоны, из народного юмора, пьеса, статьи / [Сост.: А. Ахмедова; Редкол.: Зульфия и др.] — Т., Изд-во лит. и искусства, 1985. — 368 с.

Третий том избранных произведений Гафура Гуляма включает рассказы, очерки, фельетоны разных лет, публицистические и литературоведческие статьи, выступления, рецензии.